

Annotation

Сюжет романа лихо закручен: торговля детьми, донорскими органами — жуткая фабрика смерти.

Но на пути зла встает прекрасная девушка Лиза Королькова, богиня спецназа.

- [Анатолий АФАНАСЬЕВ](#)

- [Часть первая](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)

- [Часть вторая](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)

- [Часть третья](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)

- [ЭПИЛОГ](#)

Анатолий АФАНАСЬЕВ
МОНСТР СДОХ

Часть первая

Глава 1

КАХА ЭКВАДОР — СНАЙПЕР ВЕКА

Разум Кахе заменяла ненависть. Для жизни абрека — это нормально, для отдыха — плохо. Могучее сердце не знало покоя. Мир для него, как ущелье на закате, делился на два цвета — черный и белый. Черный заметно преобладал.

Каха не умел заглядывать в завтрашний день, а прошлое его не занимало. В прошлом не было ничего такого, что хотелось бы вернуть.

Убивать он начал рано, первого русича приколол, когда ему едва исполнилось двенадцать лет. Теплым майским вечером на окраине Аргуна подстерег русоволосого юношу в нарядной рубаше, вышел на тропу из темноты, попросил:

— Дяденька, дай закурить!

Юноша полез в карман, глупо ухмыляясь, а Каха снизу, с небольшого разбега воткнул ему в брюхо тонкий турецкий нож. Русская собака, насаженная на сталь, забулькала, заклохотала, нелепо замахала руками и опустилась перед Кахой на колени. Каха выдернул нож из брюха и, вглядываясь в мутнеющие, полные недоумения глаза, нанес второй укол точно в сердце.

Так он исполнил завет и стал мужчиной.

Когда Каха Эквадор, знаменитый, неустрашимый, непобедимый воин, попадал в Москву, чернота в его сердце сгущалась. Здесь воздух был пропитан отравой, а люди походили на людей лишь тем, что умели говорить.

Когда-то отец учил его: их много, нас мало, сынок, никогда не забывай об этом и никого не жалея. В Москве он часто вспоминал эти слова: у них здесь был главный улей. Копошащаяся, зловещая масса ублюдков, растекающаяся по бесконечным улицам и прячущаяся в бесчисленных ячейках каменных коробок, так невыносимо смердела, что хотелось заткнуть ноздри еще в ста километрах от столицы. В Москве приходилось дышать вполсилы, чтобы не допустить заразу в легкие. В этом царстве шайтана, в зловонной клоаке он не выдерживал больше недели, но и это было великим испытанием для чистого сердцем абрека. Соки жизни неумолимо вытекали под черную, липкую пленку асфальта.

Он не доверял сородичам, которые приспособились к здешнему климату, осели в Москве, сколачивали капиталы, обзаводились потомством

и заглядывали на родину лишь когда припекало пятки. Особенно презирал тех, кто для пущей важности брал себе в жены жирных белых продажных самок из проклятого племени, и вдобавок кичился этим так, будто ухватил удачу за бороду. Пример огненноликого Джохара не в счет: что позволено Юпитеру, не позволено быку. Все земляки-толстосумы и были такими быками, утратившими веру, оскотинившимися от чрезмерно сытной и легкой жизни. Тем не менее Каха не держал на них зла, даже сочувствовал им, несчастным выродкам, потому что они приносили большую пользу как лазутчики во вражеском стане.

Уважаемые люди, главари кланов на Москве, разумеется, знали о Кахиных взглядах, за спиной посмеивались над его пещерной наивностью, но ни одному из них и в голову не могло прийти вступить с ним в пререкания.

От Кавказа до Сахалина и поперек сибирской тайги его имя гремело наравне с грозным кличем: "Аллах акбар!" — наводя ужас на неверных. У кого поднимется рука на легенду, разве что у дурака или пропойцы, а их на кавказском подворье отродясь не водилось. Воин, чей личный счет поверженных врагов зашкаливал за тысячу, автоматически поднимался выше людского, не праведного суда. Забавно, но именно в Москве, столь презираемой им, Каха Эквадор был в большей безопасности, чем где бы то ни было, включая родной аул и Саудовскую Аравию. Его встречали как героя, берегли пуще глаза и угождали во всем, о чем он только успевал подумать.

Причем почести оказывали ему не только братья по крови, но и многие инородцы, банкиры и предприниматели, и особенно сверчки с телевидения, если успевали пронюхать о его приезде. Он много размышлял над этой непостижимой загадкой, потом успокоился на простой мысли: ублюдки! Чего ожидать от людей, которые сами на весь мир объявляют себя холопами. Но такая и есть рабья доля — торжествовать над слабыми и лизать ноги сильному, умеющему постоять за себя. Тем более, что право сильного было единственным законом, который признавал Каха Эквадор.

В этот раз он отказался от всех лестных предложений и остановился в обыкновенном номере-люкс "Паласотеля", по соседству с тем, который недавно занимал знаменитый американский уродец Майкл Джексон. Не выходя из номера, сделав три-четыре звонка по "горячей линии", Каха быстро и умело организовал розыск человека, за чьими ушами прибыл в Москву. Ему был нужен некто Сергей Лихоманов, Чулок, директор фирмы "Русский транзит", судя по наводке, человек предприимчивый, бойкий, задиристый, ушлый и способный к сопротивлению. Но все это мало

волновало Каху.

Когда речь шла об иноверце, ему было абсолютно безразлично, кого, за что и по какой цене мочить. Наемное убийство было для него всего лишь способом поддержать спортивную форму в предверии других, более важных и серьезных дел. Если бы кто-то посмел назвать его киллером, то скорее всего, это было бы последнее слово, произнесенное невежей. Он полагал, что всех этих киллеров, то есть людей, превративших благородный, священный акт убийства в доходный промысел, следует публично сжигать на площади, наравне с похитителями детей, проститутками и осквернителями праха.

С Лихомановым вышла заминка: его след затерялся. Все его адреса были пусты. Это могло быть случайностью, но скорее всего бывалый зек почувствовал, что за ним началась охота. Двое суток Каха бесился в номере, сжигаемый неутоленной жаждой действия. Дошел до того, что оскоромился, заказал в номер водку и девку, но когда увидел в дверях раскрашенную, радостно улыбающуюся кобылку в полосатых чулках, его чуть не стошнило. "Пошла вон!" — только и нашелся сказать, уставясь в пол. Водки, правда, усадил в охотку бутылку, но легче на душе не стало. Телефон звонил беспрерывно, но все сообщения были одинаковы: нет, ищем, нет, ищем! Не волнуйся, бек, скоро найдем. Круги поисков уже вытянулись за кольцевую дорогу, к розыску подключились братские группировки Подмосковья, но хитрый Чулок как в воду канул.

Наконец позвонил сам Ибрагим Шалвович, которого Каха считал давно усопшим или, во всяком случае, отошедшим от дел. Всемогущий старец дребезжащим, будто из могилы, голосом долго расспрашивал молодого героя о здоровье, о благополучии его близких и дальних родичей, перечисляя всех по именам, поинтересовался почему-то, давно ли он видел Руслана, и постепенно довел Каху до такого состояния, что терпение того лопнуло. Хрупкое самолюбие абрека было уязвлено бессмысленным старческим зудением. Наплевав на этикет, он прервал сладкоуста:

— Зачем много говорить, отец? Можешь помочь, помоги. Извини, я очень спешу.

Ибрагим Шалвович воспринял его грубость сочувственно:

— Куда спешишь, сынок? Зачем спешишь? Приезжай ко мне, дорогим гостем будешь. Отдыхать будешь.

Каха знал, как отдыхать со стариками: ни водки, ни шлюхи — одни умные речи, в которых он не понимал ни черта. А главное, все речи с подковыркой, с намеком на его, Кахину, не праведную жизнь. Да простит его Аллах, неужто водка и шлюха, — что он изредка себе позволял, — не

уравновешивают на весах судьбы все его остальные деяния, совершенные во славу пророка? Тот, кто денно и ночью занят прополкой сорняков и очисткой гнилых колодцев, не может всегда оставаться трезвым. Никто на трезвую голову не выдержит той мерзости, какой довелось наглотаться Кахе. Смешно на это рассчитывать.

Он вежливо отклонил приглашение и уже собирался повесить трубку, когда старец вдруг вспомнил, зачем звонил. Предложение было очень лестное и уврачевало томящуюся Кахину душу. Старик пообещал объявить всесоюзный розыск по схеме "Молния", что дозволялось лишь в случае, если на кону стояли миллионы, либо речь шла о личных интересах сановников высшего звена. Предполагалось, что эти интересы и благополучие родины — одно и то же. Каха втайне сомневался в этом постулате, хотя во всем мире, и в исламском, и в христианском — такое положение рассматривалось как догма, не подлежащая обсуждению.

Церемонно поблагодарив за оказанную честь, Каха твердо отказался. Он давным давно не клевал на золотые приманки. За честь иногда приходилось платить дороже, чем за предательство. Он предпочитал оставаться свободным в выборе, одиноким и неумолимым, как звезда в ночи.

Старый мудрец его понял и уважительно попрощался:

— Мы все гордимся тобой, сынок. Удачи тебе на трудной дороге.

— Удачи и вам, отец. Благослови Аллах ваши дни.

На третьи сутки, когда Каха уже погибал от нетерпения, явился незваный гость — пожилой, седовласый русский пенек, с глазами обьевшего сметаной кота.

Постучал в дверь и вошел без спроса. По паучьей повадке, по вкрадчивым движениям Каха сразу угадал в нем ищeyку.

Назвавшись Иннокентием Павловичем, поулыбавшись и не получив ни словечка в ответ, гость самочинно присел на краешек кресла. Казалось, он ничуть не смущен прохладной встречей и готов тоже молчать хоть до второго пришествия. Каха лениво почесал себя за ухом, красноречиво поглядел в сторону открытого окна, процедил сквозь зубы:

— Куда хочешь, обратно в дверь или туда?

Гость с некоторым испугом проследил за его взглядом, потом вдруг шумно хлопнул себя по ляжкам.

— В окно? Да ты что, абрек?! Пятнадцатый этаж!

Я же разобьюсь.

— Остряк? Зачем пришел, когда не звали?

Гость, видимо, решил, что знакомство состоялось, раскинулся в кресле

вольготнее, потянулся к карману пиджака.

— Руки! — прикрикнул Каха.

— Закурить хотел...

— Тут не кабак.

— Я не враг тебе, Каха, поверь, услышал, у тебя затруднения, хочу помочь.

Каха поднялся с места, пересек комнату. Полковник Козырьков съезжился в кресле, ожидая удара, но абрек всего лишь приподнял его за шкурку и сноровисто обшарил. Швырнул обратно в кресло, при этом у Иннокентия Павловича клацнули зубы, как защелкнувшаяся мышеловка.

— Да, брат, — произнес он с восхищением, — правду говорят, силища медвежья.

— Минута, — сказал Каха. — Дела не будет, пеняй на себя.

В минуту гость уложился, но засиделись они дольше.

В конце разговора Каха даже начал испытывать к наглецу нечто вроде симпатии. Он хорошо знал эту породу служивых русачков, которые действовали не по своему разумению, а всегда выполняли чье-то поручение. Хворост для разжигания войны, сами по себе они безобидны и услужливы. Смерть они, как правило, встречали безропотно и словно с облегчением, поэтому давил их Каха без особого азарта и лишь в силу крайней необходимости. Сейчас такой необходимости не было.

Пришелец сообщил, что человек, по чью голову Каха приехал, в Москве отсутствует, вернется не ранее, чем через неделю, но вопрос не в этом, а в том, что заказчик, подрядивший Каху, сам за это время дал дуба и вряд ли с того света сумеет оплатить работу.

— Откуда знаешь? — поинтересовался Каха.

— Позвони в Пицунду, вот телефон. Твои кунаки подтвердят.

Звонить Каха никуда не стал: когда человек врет, сразу видно. Этот не врал.

— Ну и что? — спросил Каха.

— Как — ну и что? Заказчика нету, значит, контракт анулируется. Так я понимаю. Или как?

— Твое какое дело, мент? Чего лезешь?

— А-а, — спохватился Иннокентий Павлович. — Я же не объяснил. Сережа — корешок мой. От его имени хлопочу.

— О чем хлопочешь? — придурковатость русского служаки забавляла Каху. Седой уже, помирать пора, а петляет, как девица. Тьфу, нечисть! Все они на одну колодку сбиты. Но много их, ох много по сравнению с вольными людьми — тьма! Чтобы всех их выбить, Кахиной жизни,

пожалуй, не хватит. Одно утешение, он трудов своих не жалел. Прополка есть прополка, уперся — и паши.

Гость позволил себе хмурую гримасу.

— Вот что, Каха. Я к тебе пришел со всем уважением. Знаю, ты человек чести. Так давай поговорим, как бизнесмен с бизнесменом. Заказчика нету, но я готов заплатить неустойку. Сколько тебе Мосол обещал?

— Я не бизнесмен, я воин. Минута давно прошла, а ты все здесь. Что будем делать, мент?

— Почему решил, что я мент?

— Воняет, как от мусорной кучи... Ступай к своим, скажи: Каха не торгуется. Каху нельзя купить. Каха сказал, значит сделал. Корешка твоего никто не спасет.

Пусть не бегают зря, только пятки собьет. Но ты смелый, мент. Тебе дам уступку. Отпущу живого. Передай корешку, пусть сам придет.

— Понимаю, — полковник с почтением склонил голову. — Сам придет, а ты ему пулю в лоб. Замечательно!

Каха ослабился, обнажив ровные, белые зубы со сверкающими золотыми коронками на резцах.

— Не надо лоб подставлять, зачем? Пусть пушку возьмет, даже две. Пусть тоже постреляет. Каха не против.

Другой бы на месте Козырькова откланялся, но не он. Ему было любопытно разговаривать с непобедимым горцем.

— Пять тысяч наличными, — сказал он. — Или товаром. Как пожелаешь. Неплохая цена, верно?

— Пошел вон, собака! — Каха начал подниматься, глаза полыхнули черной мутью. Полковник мигом, как молоденький, отскочил к дверям. С последней робкой надеждой вякнул:

— Твоя взяла, джигит. Десять тысяч плюс накладные расходы.

Каха швырнул в него мраморной пепельницей, пролетевшей, как камень из пращи, но Козырьков поймал ее в горсть и аккуратно поставил на пол.

— Не совсем ты прав, герой, — произнес укоризненно. — Деньги есть деньги, а корешка еще поймать надо. Он очень верткий. Уйдет за кордон, ищи ветра в поле... Извини за беспокойство, дорогой!

С этими словами, пятясь задом, исчез из номера.

Чулок не ушел за кордон. Тем же вечером позвонил некто от Ибрагима и передал нужную информацию. Директор "Русского транзита" действительно мотался на Кавказ, там его поставили на пистон, но не

добили, и теперь он лечится в закрытой спецклинике на Марьином подворье. На втором этаже, палата номер пятнадцать, окно на лесопарк.

Каха поблагодарил незнакомого осведомителя и повесил трубку. Слава Аллаху, тягостное ожидание закончилось, пора было действовать. К больнице он подгадал за полночь, до этого днем провел необходимую разведку, экипировался, побывал в парикмахерской и съел легкий ужин в ресторане "Палас-отеля". Метрдотель сделал ему подарок, учтя прокол с перезрелой путаной, подослал к столу хрупкую трепетную малютку лет тринадцати, в школьном платьице, с косичками и без капли грима на узкоглазой мордашке. Девочка боялась поднять глаза и, приняв из его рук рюмку водки, малиново зарделась. Каха расслабился, разомлел, отвлекся мыслями от предстоящей работы. Да и что за работа: больница без охраны и объект с простреленной тушей. Сгонять туда-обратно — вот и вся забота.

Не отрывал горящего взора от еле обрисовывающейся под платьем, худенькой грудки девочки.

— Как зовут, дорогая?

— Нина.

— Все умеешь делать, да?

— Постараюсь, господин, — пискнул ребенок, по-прежнему не поднимая глаз. Чтобы немного ее подбодрить, Каха повел галантный разговор.

— Папа, мама есть, да?

Девочка смущенно хихикнула.

— О да, господин.

— Зови меня Кахой. Меня все так зовут.

Подняла благодарный взгляд, полный такого неподдельного восторга и такой недетской сумрачной похоти, что проняло Каху до печенок. Чокнулся с ней бокалом.

— За любовь, красавица! За хороший большой дружба, да?!

— За твою удачу, господин.

Каха взглянул на часы: для настоящей любви времени мало. Молча поднялся, подошел к столику метрдотеля. Столичная льстивая тварь вскочила на ноги, склонилась в изящном поклоне.

— Что-нибудь не так?

Каха бросил на стол стодолларовую купюру.

— Все так, не суетись. Кто такая?

— Самых лучших кровей, не сомневайтесь. Чистенькая, как из баньки. Генеральская дочка. Только для вас Каха!

— Попаси ее часика три-четыре. Отлучиться надо.

— Не извольте беспокоиться.

Вернулся к столу, налил водки себе и девушке, тяжело дышал, будто после бега. Он был влюбчив и знал за собой эту слабость.

— Слушай, Нина. Я уеду, потом вернусь. Дождись меня, ладно, да? Не пожалеешь. Будет хорошо, папе, маме купишь подарки. Не убежишь, нет?

— Ты не тот, Каха, от кого бегают, — смело сказала она. Безумие в детских очах, журчащий покорный голосок — о, Аллах!

В прекрасном расположении духа на такси подкатил к больнице. Отпустил машину за квартал, дальше пошел пешком.

Летняя ночь в Москве на Марьином подворье напоминает старый чулан, где ветром сорвало крышу и высокие спокойные звезды с изумлением взирают на кучи подгнившего мусора. Но когда Каха перемахнул больничный забор, то словно очутился в другом мире.

Голубые сосны призрачно покачивали густыми кронами, под ногами шуршала чуть влажная трава, от чистого свежего воздуха сладко заныло в груди.

С трудом стряхнув наваждение, Каха заспешил к пятиэтажному больничному корпусу в глубине парка.

В темноте он видел не хуже, чем днем, редкие освещенные окна лишь сбивали зрение. Он подошел к дому с тыла, благо на эту сторону выходило окно пятнадцатой палаты. Приблизясь на нужное расстояние — метров десять от стены — достал из сумки брусок нейлонового альпинистского троса с металлическим трезубцем на конце. Размотал сколько надо, приладился и уверенной рукой швырнул крюк на крышу, точно уложив его в промежуток между водосточной трубой и выступающей сантиметров на тридцать опорной балкой. Подергал — выдержит троих Ках.

Прислушался — не нашумел ли? Тихо вокруг, но в здании полно людей, и их ночные телодвижения и стоны проникли в его уши саднящим звуком. Он прикинул, что поднявшись по тросу, окажется от нужного окна на расстоянии вытянутой руки. Похвалил себя за то, что так верно днем все рассчитал. Более того, створка окна, как он и надеялся, чуть приоткрыта — жертва словно приглашала его войти. Поразительная беспечность русских, признак вырождения нации, поэтому с ними легко воевать. Нет такого капкана, куда русский придурок не сунется несколько раз подряд.

Каха попрыгал на месте, спецназовская привычка — нет, ничего не звенит. Приладил сумку на боку, поправил нож у пояса, проверил, легко ли ложится пистолет в руку — механические манипуляции. Натянул тонкие, из особого материала перчатки, замедляющие скольжение, ухватился полочнее за трос и в мгновение ока, отталкиваясь подошвами о стену,

взлетел на второй этаж. Откинулся назад, заглянул в окно, замер.

Ждал, пока отступит темень за стеклом. Неясные очертания — шкаф, спинка кровати, фосфоресцирующий куб телевизора. Постепенно под простыней на кровати обрисовалось тело. Два бугра и темный абрис головы на подушке. Каха весь превратился в сгусток нервов и мышц, напряженно впитывающий информацию.

Можно было пальнуть прямо отсюда, через окно, как на его месте поступили бы девять снайперов из десяти, но это не для Кахи. Он любил поймать в прицел затухающую жизнь в глазах жертвы, попрощаться с ней милостивым кивком. Может быть, и жил ради этих волшебных мгновений.

Откачнулся вправо, подтянулся, левой ногой толкнул раму — и мощным рывком вбросил послушное тело в комнату. В падении осадил спину о подоконник, но даже не почувствовал боли. Бросок к выключателю, щелчок света — и ствол черным оком уже уперся в подушку.

Свою ошибку Каха осознал одновременно с тем, как получил удар по затылку и полетел на кровать, на муляж под простыней. На лету вывернулся, давя курок, но пистолет вдруг выпорхнул из руки и взмыл к потолку, как ласточка из-под стрехи. Падая, приложился боком о железный каркас кровати, да так сильно, что перехватило дыхание. По инерции перевалился через кровать и рухнул на пол. Если его оглушило, то только на миг, но за этот роковой миг ситуация неузнаваемо изменилась. Только что он был рысью, крадущейся по охотничьей тропе, а теперь в жалком виде сидел на полу затылком к стене, сжимая в правой руке бесполезный в таком положении нож.

Перед ним стоял поджарый блондин лет тридцати пяти в полосатых пижамных штанах, по пояс голый, с перетянутым бинтами туловом. Бычок что надо, но главное — в левой руке пушка, а вторую, Кахину, он отгрел ногой себе за спину. Лыбился русачок дружелюбно.

— Знаешь анекдот, Каха?

— Чего?

— Один ханыга забрел в Эрмитаж за девочкой.

Смотрит, кругом одни мужики. Сунулся к одному, к другому: братцы, где, дескать, телушку снять? Ну ему накостыляли. Отлежался, спрашивает: за что, братцы?

Ему отвечают: ты в наш садик не ходи! Смешно, да?

Каха, отдышавшись, незаметно приладил нож для броска.

— Не стоит, — предупредил Сергей Петрович. — Пулька быстрее долетит.

Каха не поверил, метнул нож. Целил в точку под бинтами, а попал в

"молоко". Русачок не соврал: пуля на взмахе ожгла кисть. Каха пошевелил пальцами: ничего, действуют, нервы не перебиты. Слизнул, высосал горькую кровь жадным ртом. Сердце окатила такая тоска, как на похоронах любимого родича. Смерил взглядом расстояние: нет, не достать. Пока начнешь подниматься... Прощедил сквозь зубы:

— Что ж, добивай Каху Эквадора. Повезло тебе, гаденыш.

— Зачем? — удивился тот. — Зачем добивать? Ты мне зла не сделал. Убить хотел, работа у тебя такая. Всяк по-своему деньгу гребет.

— И что дальше?

— Ничего. Лезь обратно в окно. Считай, первая попытка сорвалась.

Каха понял, везунчик решил с ним поиграться, погонять как мышку. Ничего предосудительного в такой забаве Каха не находил: сам любил иной раз оттянуться, наблюдая за смешными потугами приговоренной жертвы. Одного не учла перебинтованная, лыбящаяся сволочь: для воина-пророка собственная жизнь сущий пустяк, о котором не стоит говорить всерьез.

— Правда отпустишь, парень? — деланно обрадовался Каха.

— Здесь что ли тебя держать? Кровать-то одна.

Каха осторожно поднялся на ноги, бочком двинулся к окну, изображая крайний испуг и недоверие. Русачок подбодрил:

— Смелее, Каха. Никто тебя не тронет.

Повернувшись спиной, предполагая, что русский ослабил внимание, Каха исполнил коронный акробатический номер. Падая на спину, сильно оттолкнулся пятками и в изящном сальто перемахнул комнату. Надеялся, что русский не успеет выстрелить больше одного раза, но тот вообще не стал стрелять, рубанул рукояткой по голове. В последний момент Каха дернулся в сторону, и вся мощь удара обрушилась на плечо. Хрустнула ключица, но левой рукой Каха успел зацепить врага за шею. Оба повалились на пол в судорожном клинче. Каха не сомневался, что придушит мерзавца.

Обман кончился, справедливость восторжествовала. В каждой руке у него было заложено по кузнечному прессу. Не торопясь, с наслаждением он усиливал нажим, готовясь свернуть собаке позвонки. Чувствовал, как оседает, мякнет под его весом крупное тело врага.

Выдавливал из него жизнь по капле. Знакомая, обыденная работа.

Майор вовсе не собирался помирать. Расслабься, внимательно следил за сокращением охватившей шею руки-удавки. Мешала сосредоточиться открывшаяся рана в боку, пославшая в мозг жгучий импульс боли. Но это было преодолимо. Бывало, нарывался и похуже.

Главное, не пропустить тот пробел между светом и тьмой, когда

уверенный в себе победитель рванет его шею по спирали, выворачивая центральный хрящ.

"Укус тарантула" — так называется этот прием в древнем трактате "Янцзы". У Гурко он получался из десяти раз десять, а у Сергея Петровича — из пяти ровно два. Суть его в том, чтобы на точке пересечения жизни и смерти перекинуть всю энергию в атакующую длань.

Это как коверная подсечка или как вспышка солнца на острие платиновой иглы. Олег стыдил его за лень и беспечность, но арифметика часто пасует, когда наступает момент истины.

Каха не понял, что произошло. Он сделал последнее усилие, приподнявшись на коленях, и кажется услышал чмокание ломающихся позвонков, но в следующую секунду обнаружил себя скорчившимся на полу, прижимающим обе руки к солнечному сплетению, с нелепым, страшным ощущением, что туда вонзился китовый гарпун. Он видел, как увертливая русская крыса поползла к пистолету, но не мог его догнать. Дыхание застряло в глотке.

Майор покопошился и сел, подняв пистолет на уровень Кахиных глаз. У него было такое лицо, как у утопленника после нескольких дней пребывания под водой. Но заговорил он внятно, хотя с видимым трудом:

— Горячишься, Каха, нехорошо. Солидный абрек, а кидаешься как щенок. Не дай Бог, повредишь себе чего-нибудь. Без тебя Кавказ осиротеет.

— Добивай, чего ждешь? — выдохнул Каха вместе с гарпуном.

— Да брось ты свои бандитские штучки. Видно же, интеллигентный парень. Ступай домой, отлежись. Считаю, вторая попытка сорвалась.

Каха уже мало что понимал в происходящем, но догадался, что упрямство гаденьша не уступает его собственному. Даже немного растерялся.

— Чем ударил, а?

Лихоманов поднял три сомкнутых пальца.

— Хочешь, научу? Приемчик отвальный. Я ведь, можно сказать, вполсилы бил. Из неудобного положения. Если грамотно провести, быка уложишь. Хочешь, покажу?

Каху прошиб пот от слишком долго длящегося унижения.

— Стреляй! — сказал почти просительно.

— Нет.

— Почему?

— Смысла нету. Настрелялись уже. И тебе советую, охолопись. Я с тобой не воюю.

Каха поднялся на подламывающих ногах. Русский следил за ним с

доброй улыбкой. Палец на собачке. Каха обошел его по дуге. От окна оглянулся.

— Давай, пали! Другого раза не будет.

— Это уж как карта ляжет.

Скользнув до середины троса, Каха сунул руку в сумку, которая во время всех немислимых кульбитов так и висела на боку, как приклеенная. Там, среди всякого добра, итальянская граната-черепашка с латунным колечком.

Сверху свесилась лохматая башка полоумного русича.

— Не надо, Каха. Несolidно. Ступай домой.

Каха молча прыгнул на землю. Жалко оставлять добротный трос, но ничего не поделаешь. Лунный сад сверкал перед глазами. Сердце непривычно ныло, будто там оторвался мышинный хвостик. Размахнулся и швырнул гранату в сторону гаражей. Взрыв, огненная вспышка, вроде бы пустяк, а чуть-чуть оттянуло с души.

Долго, не таясь, шагал по ночным переулкам, пока не выбрался на трассу. Повезло: поймал запоздалого частника на дребезжащем "москвиче". Тот рискнул, посадил. Даже вякнул: сколько дашь? Занюханый шибздик в кожаном кепаре, лет пятидесяти, видно, с голодухи промышлял по ночам.

— Дам много, — буркнул Каха. — Сразу не сосчитаешь.

Пока ехал, в голове сквозило, как в дыре. Водитель, почуяв, что если уцелеет, то только дуриком, заискивающе попросил разрешения закурить.

— Потерпишь, сука, — ответил Каха.

В холле на этаже ждала радость: девочка Нина свернулась в кожаном кресле пестрым калачиком. Он забыл про нее совсем. Подошел, тронул за плечо. Испуганно порхнули девочкины ресницы.

— Просыпайся, — Каха попытался изобразить улыбку, но скулы заклинило.

В номере достал из холодильника бутылку водки, Нине велел:

— Быстро в ванную — прыг!

Выпил стакан, второй. Не закусывал, закурил. Слил остаток из бутылки на правую кисть, где кровь запеклась ржавыми ошметками.

Попытался сообразить, где допустил промах, как получилось, что не учуял, не унюхал подставы. Не привыкшие к раздумьям мозги проворачивались со скрипом. Одно было ясно: позор. Завтра пойдут чесать языки от вонючей Москвы до благословенного Кавказа. Но не это главное, с этим легко разобраться. Какое-то странное, неведомое чувство томило грудь. Вроде симпатии к тому перебинтованному ползунку с улыбчивой рожей, посмевавшему давать советы. Глупо, дико, но по всему выходило, что

русский совершил поступок, вызывающий изумление, а может быть, и уважение. Он подарил Кахе волю, понимая, что тем самым обрекает себя на верную гибель. Горец может простить поражение, но не способен забыть насмешку.

Нина выпорхнула из ванной, закутанная в огромное банное полотенце. В растерянности остановилась посреди комнаты, ожидая команды. Глазенки горят, как у кошки, волосики растрепались. — — В постель — нырк! — сказал Каха. Девочка плюхнулась на покрывало, следя за ним светящимся, остолбенелым взглядом. Каха поднял руку.

— Сними, да!

Девочка послушно выпуталась из полотенца. О, чудеса! Чистое, худенькое тельце с золотистым загаром, со стройными бедрами, с пухлыми, как два апельсина, грудками. словно мощным ветром выдуло из Кахиной груди всю хмарь неудачной ночи. Чуть слышно рыча, облизав пересохшие губы, он приблизился к кровати, ухватил девочку за хрупкие лодыжки, рванул вверх, ломая ее пополам...

Глава 2

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ В КАБИНЕТЕ ГЕНЕРАЛА САМУИЛОВА

Больше месяца в больнице, третью неделю дома, а все никак не могла привыкнуть, что живая. Подошла к окну и отворила форточку. По Москве летали злые ветры распада, но Лиза их не боялась. Запах тлена — тот же хмель в вине. Кружит голову — и больше ничего. Даже из окна видно, как Москва разбогатела: сколько хватает взгляда — палатки, ларьки, магазины, ярмарки, и чего только в них нет. Город подавился хлынувшим на него богатством, не в силах его переварить. Нищие пенсионеры по утрам железными крючьями выуживали из помоек полугнилые сочные куски заморской жратвы и яркие пакеты с недопитой разноцветной, сладкой и пряной химией. Как аборигенам южных островов, москвичам теперь нечего беспокоиться о завтрашнем дне, и разве уж совсем оголтелый обыватель (совести-то нет) требовал, чтобы ему вдобавок к манне небесной еще платили зарплату. В основном это были пожилые люди, умственно задержавшиеся где-то в 70-х годах. У молодых, свободных, рыночных поколений они не вызывали ничего, кроме презрительной жалости.

Сначала Лиза Королькова была с теми, потом с этими, а после страшной рубки в "Тихом омуте", после великих мучений и прозрений оказалась в межеумочном пространстве, где обитали не люди, а маленькие ушастые зверушки, являвшиеся ей исключительно во сне. Лиза с ними подолгу беседовала, давала ласкательные имена забавным остроглазым хлопотунам, но не знала, что это за существа, хотя догадывалась, что их порода хорошо известна специалистам из клиники Кащенко.

Тягу к смерти и склонность к полному погружению в ирреальный мир она преодолела лишь благодаря Сереже Лихоманову ("Чулку" — или как уж его звали на самом деле?), чье присутствие в своей жизни воспринимала со смутной сердечной негой.

Пожалуй, можно считать чудом из чудес, что на краю обрыва, откуда уже не возвращаются назад, она встретила именно такого мужчину — грозного, как обнаженный клинок, вкрадчивого, как шершень, и с забавными повадками прищельца из прошлого. Близость с ним она сперва оценила как физиологическую блажь, каких у нее и прежде случалось немало, в постели давала ему не меньше, чем он ей, но постепенно поняла, что новый избранник неторопливой рукой уверенно тянет ее из омута, где

смердит небытием, на солнечный свет, где по-прежнему поют птицы, улыбаются цветы и слышны веселые человеческие голоса, как бы не ведающие, что мир вокруг погрузился в кошмарный сон. Лиза боялась произнести вслух единственное слово, которым можно было определить охватившее ее спасительное чувство, но никуда не денешься, отныне все ее помыслы, устремления и желания были сосредоточены только на Сереже, как взгляд утопающего с мучительной надеждой цепляется за проблеск далекого берега.

Ничто не говорило о том, что Сергей Петрович отвечал ей взаимностью, и ее самолюбие было задето. За все дни после больницы он навестил ее пять раз, однажды остался ночевать, но эти наезды и ночь любви были скорее похожи на кусочки лакомства, которые сытый барин в припадке умиления бросает со стола комнатной собачке. В конце концов Лиза пришла к грустной мысли, что может удержать его возле себя лишь в том случае, если будет ему полезна. Она не подозревала, что к такому выводу рано или поздно обязательно приходит женщина, встретившая своего повелителя.

Лиза не была обескуражена. Польза — понятие относительное, а в отношениях мужчины и женщины запутанное вдвойне. Их пользы часто не совпадают, и это создает множество проблем, но умная женщина, к коим Лиза себя относилась, должна дать себе труд и распутать этот узелок. Она была отлично вооружена для той тайной схватки, которая затеялась меж ними, потому что у нее был богатый опыт. Пока что Сергея привязывали к ней два чувства, которые, сойдясь в одно, обыкновенно превращают мужчину в тельца, — жалость и похоть. Приносила ли она ему пользу, потрафляя и тому и другому? Безусловно. Но увы, оба эти чувства краткосрочны, их скоро вытеснят скука и пресыщение. Чтобы удержать мужчину надолго, следовало проникнуть в его душу, овладеть знанием, которым он обладает.

Это знание всегда связано с индивидуальным ощущением окружающего мира, то есть с тем самым важным в человеке, что дает ему силы, преодолевая множество препятствий, двигаться к какой-то одной намеченной цели. Разумеется, это справедливо, если речь идет о человеке, обладающем независимым умом и сильной волей, и еще неким неуловимым свойством, возвышающим его над повседневностью и позволяющим слышать звуки иных, сакральных сфер. Сергей Лихоманов был именно таким человеком, иначе зачем бы она к нему так тянулась.

Но о цели его жизни она не догадывалась даже отдаленно.

Во всяком случае он не стремился, как большинство ее прежних

знакомых, к материальному преуспеянию и к рыночному раю относился с великолепным презрением, как, должно быть, загнанный в клетку волк брезгливо косится на подsunутую к морде бадейку с жирной халявной жратвой.

Сергей Петрович замечал, как она мается, и был с ней терпелив и великодушен. В женскую депрессию он не верил, потому что вслед за приверженцами ислама отрицал у женщин наличие души. Лизин упадок настроения объяснял чисто химическими причинами.

"Сильный испуг плюс ранение и пытки, — перечислял он с неподражаемой серьезностью, словно бухгалтер. — Плюс курение, плюс нервные стрессы, плюс сверхкалорийное питание — все вместе и дало такой результат.

Куксишься, свет не мил, тоска, а все дело в сбое химических процессов в организме. Напрасно думаешь, что можно вылечиться одной случкой. Вот погоди, познакомлю тебя кое с кем, пристрою к хорошей работе, хандру как рукой снимет".

У нее таяло сердце, когда слушала бредовые речи и глядела в блудливые суровые глаза уголовника (или кого уж там?).

— Ну, — говорила она, подавляя желание вцепиться ногтями в невозмутимое родное лицо. — Пристрой.

К какой работе? Трупы за тобой вывозить?

Из больницы он вышел на неделю раньше нее, страшная рана у него на боку затянулась, как на собаке, что еще раз подтверждало его инопланетное происхождение...

Вчера вечером вдруг сообщил по телефону, что утром, дескать, отвезет ее, куда надо.

Она и ждала как дурочка, даже в магазин боялась спуститься.

Явился в половине двенадцатого, сосредоточенный и хмурый. Лиза кинулась обниматься, он отстранил ее властным мановением руки.

— Погоди, Лизавета. Что же у тебя только одно-то на уме? Готова ехать?

— О да! — Она была несколько удивлена тем, что на сей раз он не соврал.

В машине, в его старой "шестехе", когда уже вынырнули на Профсоюзную, Лиза спросила:

— Ну и куда же это мы?

Важно объяснил, что едут к человеку, с которым Лиза должна быть откровенна, как со священником. Ни о чем не спрашивать, не кривляться, а только молча отвечать на вопросы. От того, какое впечатление она

произведет, возможно, зависит ее будущее. Лизе стало смешно.

— Будущее? Неужто решил сбыть меня какому-то старичку? Признайся, любимый?

— Вспомни, какой ты была до "Тихого омута", — ответил он. — Постарайся держаться в рамках приличия.

— Он любит приличных девочек?

— Любит он всяких, но за тебя я поручился, учти.

Не успела она осмыслить новую информацию, как уже подъехали к девятиэтажному кирпичному дому на улице Гарибальди.

Дверь квартиры открыл пожилой, лет шестидесяти пяти, мужчина, облаченный в элегантный, стального цвета костюм английского покроя. Джентльмен, сразу видно. Всевидящий и всезнающий. Против чужой цены готовый выставить свою собственную. Таких Лиза после того, как вписалась в рынок, опасалась пуще всего. Но первое впечатление смягчилось, когда хозяин заговорил.

— Прощу! — сказал добродушно, будто дождался желанных гостей. Глядел на Лизу восхищенным взором, в котором не было грязи. — Вот вы какая — Лиза Королькова!

И сделал неуловимое движение, словно помогая переступить порог.

— Какая есть, — грубовато пробормотала она, почему-то догадавшись, что с этой самой минуты жизнь ее действительно изменится, но неизвестно в какую сторону.

Он провел их в комнату, где жилым духом и не пахло. Казенная обстановка: запыленные книжные стеллажи, компьютер на столе, несколько офисных стульев с прямыми спинками и зеленой обивкой, кожаный черный диван, хрусткий палас на полу... Помещение, предназначенное для деловых свиданий, для сделок, но не для душевного расслабления. Бывала Лиза прежде в таких квартирах, да, бывала. Конспиративное гнездышко, а чего еще можно было ожидать после всех красноречивых намеков любимого человека.

— Располагайтесь, Лиза, располагайтесь, — хозяин продолжал ее разглядывать. — Вот здесь на диване вам будет удобно. Да не смотрите такой букой. Никаких неприятных сюрпризов не будет.

Лиза вспомнила инструкцию Сергея и добродетельно молчала.

— — Пожалуй, — сказал Сергей Петрович, — вы побеседуйте, а я на кухне чаек приготовлю. Так, Иван Романович?

— Если не затруднит, голубчик. Найдешь там все на полках.

— Найду, — бросил на Лизу ободряющий взгляд и удалился. Впервые она видела, чтобы Сергей с кем-то держался почтительно и даже как бы с

робостью. Это ее озадачило. В человеке, который опустился рядом с ней на диван, не было ничего угрожающего. Напротив, она почувствовала себя в безопасности, а это случалось с ней в последнее время чрезвычайно редко.

— Кто вы? — спросила она. — Зачем я вам понадобилась?

— Сережа вам ничего не сказал?

— Нет. Он очень скрытный.

Мужчина кивнул с пониманием: мол, все мы скрытные до поры до времени.

— Как вы слышали, меня зовут Иван Романович.

Я знаю, что вам довелось пережить... И что вы намерены делать дальше?

— Вы хотите мне что-то предложить, Иван Романович?

— Возможно... Но прежде хотелось бы познакомиться поближе. Ради Бога, не думайте ни о чем плохом.

Лиза достала сигареты, Иван Романович подал ей пепельницу со стола. Движения у него были грациозны, — это Лиза умела ценить.

— Пожалуйста, — улыбнулась она. — Знакомьтесь.

Что вас интересует?

— Представьте, многое. К примеру, как вы относитесь к своим родителям?

— Я их люблю.

— Почему же не живете с ними?

Лиза вспыхнула, но не от самого вопроса, а оттого, что почувствовала, как ее вода ослабевает, растворяется во властном мерцании его черных глаз. О, это были опасные глаза, они выдавали натуру неукротимую, не умеющую останавливаться на полпути. От таких глаз женщины теряют голову мгновенно и навсегда.

— Почему я должна перед вами исповедаться?

— Ни в коем случае не должны. Как можно! Хотя с другой стороны... Скажите, Лиза, вы верите в Бога?

— Не знаю.

— Вот видите, — Иван Романович щелкнул зажигалкой, и Лиза жадно затянулась. — Скажу по секрету, я тоже не знаю толком, в кого верю. Более того, даже не знаю, зачем живу. Я ведь на этом свете мыкаюсь гораздо дольше вас.

Лиза не отрывала от него глаз.

— Но в чем я твердо уверен, исповедь никогда никому не была во вред. Будь у меня возможность, я бы сам с удовольствием исповедался, да некому. Примут за сумасшедшего.

— Сергей вам сказал, что я дурочка?

— Зачем вы так, Лиза? Сергей дал вам отменные рекомендации.

— Тогда не лучше ли перейти прямо к делу?

— Сдаюсь... Однако поверьте, Лиза, то, о чем мы говорим, очень важно. Для вас в первую очередь.

— В последнее время, — Лиза зло сощурилась, — я разгадывала слишком много загадок. Очень утомительное занятие. Как правило, каждая отгадка оборачивалась чьей-то кровью.

— И ваша душа в смятении. Это так понятно.

— Вы — ловец душ? Или просто крупный босс?

— Ни то, ни другое. Я государственный служащий.

— Ах вот оно что. Но для меня это слишком туманно. Что-то вроде кометы Галлея.

Иван Романович в затруднении почесал затылок и попросил у Лизы сигарету.

— Мне нравится, как вы обороняетесь. Это особенно впечатляет, если учесть, что никто на вас не нападает.

Лиза оценила тонкость его замечания и против воли, чисто по-девчоночьи, хихикнула. С этого момента беседа между ними потянулась откровенно и дружески. Она перестала дичиться, и через полчаса он вызнал про нее много такого, о чем Лиза давно ни с кем не говорила.

И про родителей, и про друзей, и где училась, и какими видами спорта занималась, сова она или жаворонок, почему увлеклась бизнесом, какую музыку любит, предпочитает спать на спине или на боку, кто ее любимый поэт, зачем она носит короткие юбки, собирается ли в ближайшем будущем обзаводиться детьми, за кого голосовала на последних выборах, — и еще много всякой всячины. И если все это нельзя было назвать исповедью, то вполне можно было сравнить с беседой у психиатра, который пытается установить стадию шизофрении пациента. Позже, анализируя, Лиза пришла к выводу, что Иван Романович попросту ее загипнотизировал, и впоследствии долго не могла простить ему ненавязчивого насилия над своей психикой. Но что греха таить, к концу беседы, когда Иван Романович мельком взглянул на часы, она ощущала такой душевный подъем и такое парение в мыслях, будто напилась вина на голодный желудок, и когда собеседник вдруг лукаво спросил, как она относится к Сергею Петровичу, безмятежно выпалила:

— Я бы вышла за него замуж, да он вряд ли возьмет.

Кому я нужна такая бывалая, не правда ли?

— Вот это ты зря, — с неподражаемым глубокомыслием возразил

гипнотизер. — Ты нужна многим и, в первую очередь, своей стране.

От этих слов ее чуть было не хватил родимчик, но рассмеяться она не успела. Иван Романович дружески положил руку на ее плечо и слегка сжал. Черные глаза проглотили ее целиком. Даже шевельнуться не осталось сил.

— Работать вместе будем, девочка?

— Будем!

— Спасибо... Но сперва придется поучиться. Все подробности у Сергея. Мне, к сожалению, пора.

Он поднялся, и тотчас в комнату вернулся Сергей Петрович в каком-то забавном переднике. Вроде все у них было оговорено по минутам. Иван Романович сказал:

— Проводи меня, Сережа, — а ей холодно кивнул на прощание, как посторонней.

— Вот и все, Лизавета, — самодовольно заметил Сергей Петрович, когда уселись на кухне чаевничать. — Начинается у тебя новый, светлый путь в будущее.

— Какой еще путь? Ты о чем? Я ведь ничего так и не поняла. Куда ты меня пристроил? У тебя такой вид, будто сплавил нечистому.

— Не прикидывайся глупее, чем есть.

Ей стало неуютно от его насмешливого тона. Прежде он так с ней не разговаривал.

— Ты не находишь, милый, что слишком зазнался?

— В каком смысле?

— Все-таки я не кукла, живая. Нельзя мной вертеть, как матрешкой. Кто такой Иван Романович? Чем вы занимаетесь?

Тут он открыл ей горькую правду. Оказывается, ей придется покинуть Москву и уехать на полгода в какую-то загадочную спецшколу, где ее научат всему, чему до сих пор жизнь не научила. Она слушала его с таким чувством, будто проваливалась в яму.

— И кем же я буду после этой школы?

— Сотрудником спецслужб. Агентом ноль-ноль семь.

Читала про Джеймса Бонда?

— Милиционером? — ужаснулась Лиза.

— На панели веселее, да?

— Я никогда не была на панели, негодяй!

— Была, Лиза, была. Не надо самой себе втирать очки. Панель большая, на ней не обязательно снимать клиента за полтинник. У тебя нет выбора. Или возвращаешься туда, или остаешься со мной.

— С тобой?!

Объяснение продолжалось на потертom черном диване в комнате. Она плакала, а Сергей Петрович утешал ее, как мог. Раздел, приласкал, слизывал слезки со щек.

Он был прав, разумеется. Выбора у нее нет. Все прежние наивные мечты о собственном доме, семье, добром рыцаре, богатстве, славе — заволокло кровавым туманом.

Она прозрела еще в "Тихом омуте", задолго до больничной койки. В том мире, где ей выпало жить, нет места сентиментальным байкам. Красивых пташек, щебечущих на Веточке о любви и счастье, угрюмый прохожий проходя снимает выстрелом из рогатки. Чуток зазеваешься, и ты уже в супе. Можно, конечно, пристроиться рядом с охотниками, прислуживать и угождать новым хозяевам жизни, получая от них щедрые подачки, но этого дерьма она уже нахлебалась. Это не по ней. Среди тех, кто пирувал среди чумы, не встретила ни одного достойного человека, да их там и не могло быть. Слишком поздно она это поняла. Или не слишком?

— Сережа, милый, — бормотала она, притихнув, положив голову на его литое плечо. — Но почему спецслужба? Почему опять вся эта грязь? Мы могли бы уехать.., далеко, далеко. Ну не обязательно за границу, в ту же деревню. Неужели не прокормимся? Тебе совсем не обязательно на мне жениться, я могу быть кем угодно.

Давай сбежим вместе из этого ада!

— Бежать некуда. Ты умная, красивая, отчаянная.

Пригодишься где родилась.

— Но я не хочу ни в какую спецшколу!

— А тебя никто и не спрашивает.

— Ты сейчас говоришь, как Мосол.

— Мосла больше нет. Забудь о нем.

Глава 3

ПРЕУСПЕВАЮЩИЙ БАРИН

День начался тускло. Саднила печень. Он ее долго щупал, когда проснулся. Вроде не распухла, но словно острый колышек забит под правое ребро. Прикинул, сколько перегнал через нее пищи накануне — и ужаснулся. Грех чревоугодия — вот беда. И главное — проклятая мешанина: коньяк, водка, шампанское, жратва без конца и края, соленья, копченья, икра, луковый супец с бараньими почками, расстегаи, шашлык на ребрах — с пяти вечера до полуночи бесперебойная, как на вахте, ритмичная работа челюстей, а ведь ему не двадцать годков, тридцать восемь.

И как результат, на тебе! — досадная ночная осечка. Эта пышная телочка из кордебалета, Фаина, кажется, уж как старалась, как заводила, изгрызла до костей, а похоже так ни разу ей и не воткнул. Стыд-то какой!

Кстати, где она?

Огляделся — слава Богу, дома. Лепные потолки, мебель, зеркала. Шторы плотно сомкнуты, малиновый отсвет на карнизах. Родная спальня на Сивцевом Вражке — и то хорошо.

Шумнул с хрипотцой:

— Фая! Фаечка! — ни звука в ответ. Кое-как слез с кровати (высокая, Людовик-ХШ — не хухры-мухры), накинул халат на жирные тела, почапал в ванную. А идти далеко, страшно — коридор метров двадцать, повороты, тупики, ловушки — темень, как у негритянки под мышкой. Квартирка просторная, ничего не скажешь, но мрачноватая, с привидениями по углам, с сырыми стенами — осколок сталинских времен. Он ее надыбал еще по первому переделу, при Гайдаре-батюшке, когда весь засидевшийся в подполье торговый люд стаей ринулся на захват городского центра, выселяя оттуда до сих пор не очухавшуюся чернь. Хапали без разбора, скупали по дешевке, спешно приватизировали, вкладывали "бабки" в недвижимость — лишь бы застолбить погуще да побольше. Кое-кто и прогорел на этом, но не он. С тех пор за пять-шесть лет много воды утекло, жизнь круто изменилась к лучшему, на шестой части суши, как и по всему миру, восторжествовал его величество доллар. Леонид Иванович Шахов неуклонно шел в гору, но уже не спешил как вначале. Спешить было больше некуда. Совков разогнали по норам, откуда они еле слышно попискивали что-то забавное о зарплате и пенсиях, НАТО надвинулся к

границам, скоро, слава Рынку, ни одна шавка в этой стране без разрешения не откроет свою поганую пасть.

Сын небогатых родителей (отец — учитель, мать — партийный работник), Леня Шахов сделал головокружительную карьеру: депутат, миллионер, звезда телеэкрана, — и наравне с лучшими людьми страны накупил себе много жилья, и здесь, в бывшей Совдепии, и, естественно, за бугром (комплекс бездомного скитальца); но эту, пятикомнатную хатенку, первую звездочку преуспевания, выделял на особицу, как-то ностальгически привязался к ней сердцем. В тревожные дни, когда в желудке сгущался беспричинный страх, или попросту надоедала безмозглая Катька-супружница (ничего не попишешь, дочь крупняка из правительства), бежал не на Канары, как прочие, оттягивался в тихом, тенистом переулке: накупал побольше пойла, отключал телефоны и замыкался в сумрачной каменной келье посреди буйнопомешанной Москвы, чувствуя почти мистическую защищенность ото всех житейских бурь. День, два, три не высовывал носа на волю, пока не спадало, не отпускало знобящее беспокойство.

Из ванной вышел посвежевший, вполне готовый к новому трудовому дню. Зашел в гостиную, чтобы пропустить натошак рюмашку, простимулировать притомленную печень, и тут наткнулся на энергичную безотказную Фаинку, дремавшую в кресле голяком с пустой бутылкой виски в обнимку. При его появлении девица встрепенулась, пролились синие лучи из припухших глаз. Стыдливо прикрылась ладошкой.

— Доброе утро, Леонид Иванович!

— Доброе, доброе, — пробурчал он. — Почему здесь? Чего домой не уехала?

— Сами не велели, Леонид Иванович. Обещали чем-то утром порадовать, — хихикнула, выжидая его реакцию.

Шахов молча прошагал к бару, нажал кнопку, открылось бездонное алкогольное мерцание. Выбрал наугад бутылку крепкой, анисовой, набулькал в хрустальную стопку, запрокинул голову, выпил, глубоко вздохнул. Острая жидкость будто нежным огнем прогладила пищевод. Первая сигарета и первый глоток зелья — ничего нет лучше на свете.

Обернулся подобревшим ликом к шелапутной девице.

— Говоришь, обрадовать обещал?

— О да, босс!

— Ну иди сюда, налью.

Подбежала собачонкой, грудь прикрыла косынкой, но рыжий лобок игриво топорщился, сиял, как молодое раннее деревце на рассвете. Нацедил настойки в фужер, приняла с реверансом. Близость сочной

розовато-золотистой плоти взбодрила Леонида Ивановича, но как-то слабо, без обычного зуда в чреслах. Пока пила, ухватил ее груди под косынку, крепко сжал, потискал.

Даже не поперхнулась, кобылка перезрелая.

— Может, в душ сбегать? — пролепетала блудливо.

— Никаких душей, — отрубил строго. — Одевайся — и вон. Нет, погоди, ступай кофе приготовь.

Вернулся в спальню, мгновенно забыв о Фаинке.

Развалился в халате на подушках, дымя черной карельской трубкой. Прикинул дневную программу. Дел сегодня немного, но есть важные: прямой эфир на пятом канале, встреча с банкиром Сумским и, главное, проплата в клинике Поюровского. Беспокоила не проплата, а сам Василий Оскарович, оборотень в белом халате.

Уже не раз и не два Шахов пожалел, что сошелся с ним в одной упряжке, поддавшись на льстивые уговоры и на то, что Поюровский вроде бы наткнулся на золотую жилу, которую никто до них не разрабатывал. Однако их монополия в довольно щекотливой сфере бизнеса продержалась ровно столько, сколько пробыл у правительственного корыта некто академик Чагин, осуществлявший надежное прикрытие каналов сбыта. С его неожиданным уходом в мир иной (на молоденькой медсестричке загнулся стервец!), оставленный без надлежащего присмотра рынок заполнился конкурирующими фирмами, как ухоженная грядка сорняками, — это во-первых. Во-вторых, сбыт "элексира жизни" и прочего в том же роде стал чересчур опасен, и эта опасность, учитывая ситуацию очередного передела собственности, вряд ли перевешивала пусть и значительные прибыли их совместного предприятия. Но поди втолкуй это Поюровскому. Обуреваемый первобытной жадностью, суперинтеллектуал готов был, кажется, на любом перекрестке вывесить рекламу: "Свежие младенцы и чистейшая кровь — только у нас! Цены ниже средних!"

Бомба могла взорваться в любой момент. Разумеется, общественное мнение и правоохранные структуры в рыхлеющем, разодранном на куски государстве ничего не значили, но новые хищники-беспредельщики, ворвавшиеся в бизнес буквально за последний год (на волне очередного пришествия рыжего Толяна), обладающие уже вовсе непомерным аппетитом, любую оплошность могли использовать для того, чтобы вышвырнуть их с ухоженной коммерческой нивы. Подобное вышвыривание, как подсказывал опыт реформ, обычно сопровождалось примитивной физической вырубкой предыдущих пайщиков-акционеров.

Заслуженный врач республики Василий Поюровский по многим

внешним характеристикам вроде бы принадлежал к тем хлипким интеллигенткам, толпой собравшимся у трона, для которых малейшее личное ущемление было равносильно мировой трагедии, именно поэтому они были столь пугливы и жидки на расправу и при соприкосновении с реальной действительностью ломались, как сухие стебельки на ветру. Не успеет такой нажраться досыта, а уже глядишь несут с почестями куда-нибудь на Ваганьково — то ли инфаркт, то ли крутой запор. Совсем не то — Поюровский.

Обладающий всеми признаками демократического творческого интеллектуала, он тем не менее был стоек, живуч и предприимчив, в чем Шахов многожды убеждался. В виду надвигающихся со всех сторон угроз знай твердил одно: нас не тронь и мы не тронем. Не пугайся, Шахов, ничего они с нами не сделают. И продолжал уверенно расширять дело, не далее как на днях прихватизировав еще одну небольшую, но престижную лечебницу в Кунцево, вдобавок к тем четырем, которые уже у него имелись.

Маниакальное стремление Поюровского заглотнуть больше, чем вмещает желудок, свойственное в общем-то всем натуральным рыночникам, естественно, вызывало у Шахова уважение, но он вовсе не хотел, чтобы его, образно говоря, вздернули на одной перекладине рядом с неутомимым добытчиком, а похоже, шло к тому.

Он верил в талант и ум Василия Оскаровича, но чувствовал в его начинаниях некую роковую обреченность, этакий кладбищенский отсвет. Может быть, сказывался возраст компаньона — пятьдесят девять лет не шутка. Получалось, что со всеми своими невинными слабостями — молоденькие девочки, рулетка, кокаин — он на чужом пиру справлял похмелье. Пока молод, было нельзя; подоспели светлые деньки, рухнул поганый режим, нормальные люди пришли к власти, а уже седина в бороду, силенки не те, вот и заспешил, точно ужаленный. Гнал по кочкам без тормозов. Наверстывал, что упущено — вопреки доводам рассудка.

Иногда в грустном раздумье Шахов приходил к мысли, что в судьбе Поюровского отразилась злая доля всего заполошного поколения так называемых шестидесятников, понюхавших чуток свободы при Хруще, а после прищемленных за языки на целый двадцатилетний пересменок. Что-то отморозилось в их сознании. Спеси, гордыни не убавилось, юные надежды их питали, но здравый смысл напрочь выдуло из башки, оттого и внешне они почти не менялись, какими были двадцать лет назад — розовощекими, настырными, с недержанием речи и блуждающими очами, такими в шестьдесят, семьдесят лет и в гроб ложились. Только ленивый не потешался над их карликовыми потугами изображать из себя влиятельных

господ и властителей дум. Но все же надо отдать им должное, хватательный рефлекс у них с годами не притупился, хапали наравне с молодыми, по-черному, но сильного применения капиталу, как правило, не находили. Благодаря прежним связям быстро сколачивали миллионы и тут же спускали в какие-то одним им ведомые черные дыры. Василий Оскарович уж на что умен, на что хваток, а кроме этих четырех-пяти лечебниц, да небольшого счета в Женеве, да приличной дачки в Барвихе, ему нечего предьявить.

С дачкой вообще разговор особый. Если бы не Шахов, не видать бы ему ее, как своих ушей. Когда в 91-ом году после известных событий освободилось много правительственных угодий и началась из-за них настоящая рубка, именно Шахов через папаню супружницы спроворил Поюровскому поместье Аксентия Трибы, псковского ублюдка, который как раз накануне, по тогдашней моде, при загадочных обстоятельствах выбросился из окна.

— Кофе стынет, Леонид Иванович, — сунулась в двери Фаинка. — Не подать ли сюда?

— Испарись, — отмахнулся Шахов. — Сейчас приду.

Прежде всего следовало выполнить неприятную обязанность, отзвонить Катьке-супружнице. По негласному уговору они оба были свободны, но всегда ставили друг друга в известность о собственном местопребывании. Даже если по вечерам просто где-то задерживались. Мало ли чего.

— Как дети? — заботливо спросил Шахов после обычных приветствий.

— Нормально. Как ты? — голос у супружницы глуховатый, будто стесанный ржавым напильником.

— Все в порядке... У Вики прошло горлышко?

— Почти. Денек еще подержим ее дома.

У Шахова с супружницей родились три дочери, старшей было одиннадцать, младшей, забияке Манечке, унаследовавшей сварливый характер тестя, пошел шестой годок. Леонид Иванович старательно играл роль чадолюбивого, заботливого отца, но на самом деле главным чувством, которое он испытывал перед тремя своими расцветающими на глазах пигалицами, было глухое изумление. Он так и не смог ответить себе на вопрос, зачем они появились возле него. Но обязанности строгого, доброго отца выполнял как положено: средняя Полюшка и старшая Вика учились в Англии, в престижном колледже (9 тысяч фунтов за семестр), за год превратились в настоящих маленьких леди, у обеих было двойное

гражданство; Манечку они с супружницей собирались отправить в Штаты, уж больно непоседливая и пронырливая, даром что читать и писать научилась в четыре годика. Если кого и ждет большое будущее, так это именно Манечку, в Штатах ей самое место. Супружница шутила: глазом не успею моргнуть, Маня подрастет, окрутит американского миллионера и вернется управлять какой-нибудь банановой уральской республикой. А что, думал Шахов, шутки шутками, а надо готовиться и к такому развороту событий. Пока же Манечку воспитывали два гувернера — одного выписали из Парижа, другого подобрали на Арбате, умный пожилой еврей со степенью доктора филологических наук, — и еще был к ней приставлен дядька-телохранитель Тарасюк, из бывших зеков. Отмотав в общей сумме четвертак, Гриша Тарасюк ко всем людям относился одинаково благоговейно, понимая, как они исстрадались на воле, предоставленные сами себе, но Манечку выделял особо. Он в ней души не чаял, угождал всем ее капризам и растерзать мог всякого, кто приближался к ней без спроса на непочтительное расстояние. Из оружия Тарасюк признавал только старый сапожный тесак, который всегда держал при себе, и иногда употреблял в качестве зубочистки. Кулачищи у старого зека были с голову теленка. Однако телохранителя Шахов завел отдавая дань моде, для куража, врагов у него, как он полагал, не было. По этой же причине (зачем напрасно спорить с веком) для большой квартиры в Столешниковом переулке приобрел ливрейного лакея, отменной выучки туповатого малого из кремлевской охраны, который, подавая гостю пальто, глубокомысленно бормотал: "Данке шен!", а дамам, если позволяли, церемонно целовал ручку. Надо заметить, многие позволяли, а некоторые сманивали и для дальнейших услуг: стати у лакея Данилы Осиповича были гвардейские.

Поговорив с супругой, Леонид Иванович отправился завтракать. Фаина, в синей, непонятного назначения распашонке, оставлявшей для обозрения стройные ляжки и ободок нейлоновых трусиков, при его появлении вскочила со стула и с деланным усердием метнулась к плите, где скворчала, распространяя аппетитный запах, яичница с ветчиной. Леонид Иванович намеревался ограничиться чашкой кофе, побережь печень, но увидя уставленный закусками стол, передумал. Ничего, плотный завтрак не повредит, ужин — другое дело. Налил из высокогорлой бутылки с какой-то иноземной наклейкой, но прежде чем выпить, брезгливо понюхал рюмку.

— Это что?

— Не сомневайтесь, Леонид Иванович, я пробу сняла. Вку-у-усно! Итальянский ликер.

— Ликер, говоришь? Что ж, пусть будет ликер.

Пережевывая яичницу, густо сдобренную кетчупом, не мигая разглядывал залетную кралю.

— Ну, докладывай.

— О чем докладывать, Леонид Иванович?

— Где тебя снял?

— Неужто не помните?

Он-то помнил, но интересно было, как соврет. Нет, не соврала. Ночной бар в Осташкове, куда залетели с Некой Гамаюновым, нахлестанные до бровей. Нехорошо, несолидно. В этом баре какое только отребье не сшивалось. За Некой это водилось: нырнуть в самое болото. Никак не отряхнется от плебейских привычек. Где погуще дерьма, там ему кайф.

— Сколько с меня слупила?

Невинно взмахнула ресницами.

— Что вы, Леонид Иванович! Как можно. Ни копейки не взяла, — лукаво добавила:

— Да и было бы за что.

— Бар чей? Гамаюна?

— Вестимо.

— Ты штатная или по вызову?

— С процента работаю, как обычно.

— Давно промышляешь?

Глазам своим не поверил — покраснела. Ну Фаинка, ну, артистка!

— Вы плохо обо мне думаете, Леонид Иванович.

Вот и вчера... Вообще-то я Гнесинское окончила, а это так..., по нужде.

От кофе с ликером, от крепкой сигареты Шахов разомлел. Ему нравился ее стылый, подмороженный взгляд. И речь осмысленная. Не знала, как загладить вину за ночной прокол, боялась, что нажалуется Пеке.

— Сними-ка хламиду.

Девушка послушно сбросила распашонку, осталась в бежевых трусиках. Шахов щелкнул кнопкой стерео.

Кухню заполнили щемящие звуки рапсодии Листа. Ничего не говорящие ни уму, ни сердцу, но все лучше, чем серийный модняк. Из нынешних, из патентованных он признавал одного Шуфутинского.

— Фая, потанцуй, покажи свой кордебалет.

Поплыла, изгибаясь, в медленном ритме, то закидывая руки за голову, то прижимая к трепещущим грудям. Хорошо, грамотно заводила. На Шахова накатила истома, защипало в паху. Улыбнулся девушке поощрительно.

— Ну-ка, пососи, малышка. Но медленно, не спеши.

И танцуй, танцуй...

Чертовка отлично справилась с ответственным заданием. Шахов положил ладони на гибкую спину, прикрыл глаза, раскачивался в такт с ее стонами и причмокиванием. Вот оно, вот! Истина в экстазе, в любви, в вине, а не там, где ее ищут высоколобые мудрецы.

Чтобы добраться к ее изножью, не надо семи пядей во лбу. Вот она под руками, под ногтями, от кожи к коже — квинтэссенция жизни, ее сокровенный смысл...

В точке кипения, на последнем толчке сбросил девку на пол, опрокинул, наступил босой ступней на влажно-упругую грудь, помял, утоляя сердечную вековую печаль. Понятливая Фаинка заверещала, завывала, перекрывая музыку, забилась белой, крупной, подыхающей рыбицей...

Банкир Сумской не любил, когда опаздывали, а Шахов задержался против оговоренного на целых тридцать минут. За этим не скрывалось неуважения, обычная безалаберность, Леонид позволял себе опаздывать уже не первый раз. Подождав, пока Шахов поудобнее устроится в кресле, Сумской холодно заметил:

— Значит так, Леонид. В общей сложности за этот год я прождал тебя около десяти часов, то есть полный рабочий день. Мне это надоело. Ты не девушка, я не твой кавалер. Давай договоримся: или ты ведешь себя по-человечески, или — разбегаемся.

Леонид Иванович поперхнулся сигаретным дымом.

— Ты что, Боренька, не похмелился нынче?

— Смени, пожалуйста, тон, Ленечка. Я говорю серьезно. Пунктуальность необходима в любом бизнесе.

Это не мелочь. Разгильдяйство в подобных мелочах приводит иногда к непоправимым потерям.

— Боренька, ну ты и зануда! — восхитился Шахов.

Как и банкир, он прекрасно понимал, что хотя свел их счастливый случай, развести могла разве что могила.

Или скамья подсудимых, но это лишь при условии, что вернутся к власти красножопые, — вариант все более призрачный, неуклонно отдаляющийся в историю.

Крепче братских уз их связывали коммерческие тайны.

Банкир Борис Исаакович Сумской, как и вся плеяда молодых блестящих новых русских предпринимателей, появился на небосклоне крутого бизнеса можно сказать ниоткуда. До овечьих легендами 90-х годов Борис Сумской пребывал в неизвестности на математической кафедре Московского университета, кропал докторскую, учил уму-разуму

студентов, и если мечтал о финансовом могуществе, то лишь в потемках рабочего кабинета. Время прогудело грозным набатом, и в 92 году, по пришествии Гайдара, он выскочил, как чертик из табакерки, на поверхность, зарегистрировав товарищество с ограниченной ответственностью с нежным именем "Кларисса". Чем занималось товарищество, вероятно, сам Борис Исаакович не сразу вспомнит, проще сказать, не брезговало ничем, если пахло хоть минимальной выгодой. Торговля, посреднические услуги, юридическая консультация, сделки с недвижимостью — и многое другое. Компьютерный ум Сумского, подпитываемый солнечной энергией, не делал сбоев, и однажды, года не прошло, из всего этого торгово-спекулятивно-посреднического хаоса на Ленинском проспекте, тоже словно из небытия, вынырнула фондовая биржа "Кларисса", давшая мгновенные метастазы во Владимир, Суздаль и другие подмосковные города. Но это было только начало. Борис Сумской, всегда действующий с небольшим опережением, уже почувствовал: пора делать главный замах. Как в сказке, выйдя одним прекрасным утром на улицу, москвичи не обнаружили больше ни одной забавной привычной собачьей рожицы с эмблемой "Клариссы", будто все раскиданные по городу конторы и филиалы за ночь корова языком слизнула. Зато на одном из двухэтажных представительных особняков на Зацепе, с забранными металлическими решетками окнами, засветилась нарядная гордая вывеска: "Банк Заречный". Подоспела знойная пора десятизначных цифр, открылась возможность рубить бабки из воздуха, и Борис Сумской, вчера еще никому не известный, затурканный молодой ученый, озаренный провидением, устремился к золотой раздаче раньше многих. О, светлые незабываемые дни, когда человек ложился спать с рублем в кошельке, а просыпался миллионером!

Леонид Иванович познакомился с Сумским на какой-то презентации, в период буйного расцвета "Клариссы", и они сразу приглянулись друг другу. Между ними было много общего: оба молодые, красивые, сильные, неразборчивые в средствах, но твердо знающие, чего хотят от жизни. Рыбак рыбака видит издалека. Условились назавтра же поужинать где-нибудь, после ужина поехали к Шахову на дачу — никаких девочек, никаких глупостей — проговорили подряд десять часов, как влюбленные, и утро встретили осовевшие, но бесконечно довольные друг другом.

Планов настроили столько, что хватило бы на иные десять жизней, но им все было мало. Короче, не повстречайся они на презентации, пожалуй, не возник бы в мгновение ока банк "Заречный" с первым фантастическим фондовым кредитом. Дальше — пошло как поехало. Тыква у Сумского варила, как урановый котел. Валютные сделки, колоссальная ваучерная

афера, нефтяные ручейки, зеленая улица в Европу, Чечня и Прибалтика, — виток за витком, как изящные шелковые узоры на белом холсте, безумные, на первый взгляд, операции, высасывание аграрных и промышленных регионов, — громада банковского капитала разбухала, как тесто на дрожжах. Оглянуться не успели, "Заречный" вошел в десятку несокрушимых, монументальных банков, перескочил прострельную цифровую зону, где его еще можно было достать, свалить, распотрошить... И здесь тоже Сумской пульнул в яблочко, ибо многочисленные мелкие коммерческие банки, выросшие на всем пространстве бывшего Союза подобно грибной плесени, вслед за биржами и фондами начали лопаться один за другим, гасли, как свечи, оставляя после себя толпы озверевших, осатаневших вкладчиков.

— Я не зануда, — Борис Исаакович говорил обычным ровным тоном бывшего лектора, — но смотрю на вещи трезво. Ты — политик, я банкир. В одной упряжке мы сила, но если одна из лошадок начала спотыкаться, имеет смысл ее поменять, пока не уволокла всю повозку в кювет. Я ведь понятно выражаюсь, да, Ленечка?

Улыбка его была холодна, и Шахов насторожился.

— Ты что, хочешь поссориться из-за того, что я опоздал на полчаса? Не верю! Выкладывай, какой там у тебя камень за пазухой?

— Никакого камня. Просто дружеское предостережение.

Не в первый раз Шахов подумал о том, что яйцеголовый поделщик намного опаснее и решительнее, чем кажется. Но тут как раз они могли потягаться на равных.

Неадекватный выпад нельзя было оставлять без ответа.

— Может, ты чего-нибудь не того поел? — осведомился он участливо. — Но это же не оправдывает хамства. Я тебя предупреждаю, если еще раз позволишь себе отчитывать меня как своего клерка, я выйду в эту дверь и больше сюда не вернусь. У тебя хорошая охрана, Боренька, но проживешь ты после этого не больше месяца. Вот тебе мое честное комсомольское слово.

— Что-о?! — не поверил своим ушам Сумской.

— Ничего. Дружеское предостережение. Шутка.

У Бориса Исааковича узенькое, в очечках личико сморщилось от глубокой незаслуженной обиды.

— Дурак ты, Ленька, и больше никто. Разве можно бросаться такими угрозами. Даже в шутку нельзя.

— Не я начал, — сухо ответил Шахов. — Я человек прямой, открытый, что думаю, то на языке. Твоим жидовским штучкам не обучен.

— Какой ты прямой, я знаю. Ну ладно, проехали...

Говори, зачем пришел?

Проклятый ублюдок, с уважением подумал Шахов.

Он никогда не отступает. Зачем пришел? В смысле, чего тебя принесла нелегкая? Так обращаются с шестеркой, но не придерешься, будешь смешон. Шахов сказал задумчиво:

— Удивляюсь тебе, Боренька. Такую громаду поднял, и хватает сил на мелкую грызню. Вот же дал Господь характер. Скорпион позавидует.

— Давай, что ли, ближе к сути, — поморщился Сумской, но в очах блеснула скользкая усмешка.

Суть у Шахова была такая. Кроме текущих незначительных вопросов, его интересовали финансовые дела Поюровского, его укрепления. Разумеется, доктор пользовался услугами банка "Заречный", причем на самых привилегированных условиях. Банк открыл ему два номерных счета в Женеве и в Мюнхене, помимо того, по специальному допуску вкладывал деньги в акции и ГКО. Нельзя исключить, что Поюровский подстраховывается еще где-то, но это вряд ли. Он доверял Борису Исааковичу, как маме родной, может быть, и напрасно.

— Зачем тебе? — спросил банкир. Шахов объяснил, что доктор практически вышел из-под контроля, расширяется по собственному усмотрению и скоро, судя по всему, крупно проколется. Исключительно из уважения к Поюровскому, как к своему лечащему врачу, Шахов намерен немного попридержать его бурную деятельность, сбить угар. Поэтому ему необходимо точно знать, какими средствами тот оперирует.

— На чем он проколется? — поинтересовался Сумской.

— На всем сразу. Какой-то он стал шепутной, неуправляемый. Надо его остудить. Хорошо бы на некоторое время вообще заблокировать все его деньги. Это возможно?

— Мне твой доктор никогда не нравился, — напомнил банкир. — Я тебе советовал, не связывайся с ним.

Есть много способов честно заработать, зачем обязательно лезть в уголовщину. Он же авантюрист, ты прекрасно знаешь.

— Кто из нас без греха, — улыбнулся Шахов.

— Хорошо, я приморожу счета, и что это даст?

— У него большие проплаты. Ему придется влезать в долги, брать ссуды. На этом я его прижму.

— Выйдет скандал.

— Это мои проблемы. Ты останешься в стороне.

— Не проще ли...

— Ты не понял, Борис. Я не хочу его уничтожить.

Надо, чтобы он умерил свои аппетиты и уразумел, кто хозяин. От него завоняло, но это поправимо.

— Завтра пошлю ему уведомление, что валютные счета взяты на контроль чрезвычайной комиссией. Этого достаточно?

— Не завтра. В субботу.

— Почему в субботу?

— Деньги понадобятся ему в понедельник.

Борис Исаакович прошел к рабочему столу, нажал клавишу селектора:

— Зина, кофе, и... — вопросительно посмотрел на Шахова. Тот кивнул, давай! — и чего-нибудь разогревающего, на твое усмотрение.

Зиночка Петерсон, давняя пассия Шахова, пожилая вакханка из Вышнего Волочка, решила, что для важного гостя вернее всего подойдет коньяк "Наполеон", лимон и соленые груздочки, поданные в хрустальной вазочке. Пока устанавливала угощение на столе, Леонид Иванович похозяйски огладил ее пышный круп. Дама кокетливо отшатнулась.

— Какой же вы, Ленечка, озорник! Ничуть не меняетесь.

— А чего нам меняться, Зинок? Это твой шеф день ото дня все мрачнее. Никак, видно, денежки не пересчитает. Он хоть тебя трахает иногда?

С просветленным лицом секретарша метнулась к дверям, а Сумской посмурнел еще больше. Очки влажно заблестели.

— Хоть бы ты избавил меня от своих солдафонских шуточек. Здесь все-таки приличное учреждение, не Дума твоя.

С большой неохотой чокнулся с соратником.

— Что касается Поюровского, — произнес наставительно, — не знаю и знать не хочу, чем вы занимаетесь, но полагаю, рано или поздно его все равно придется сдать. Так?

— Это невозможно, — сказал Шахов, разжевав груздок.

— Сам же сказал, воняет.

— Сдать невозможно, только вырубить. Но это преждевременно... Ладно, что мы все о делах. Как дома, Боренька? Все ли здоровы?

— Твоими молитвами.

— Может, соберемся куда-нибудь вместе, давно не собирались. Скатаем по-семейному — в Париж, на Гавайи. С женами, с детьми. Полезно их проветривать иногда. Я бы даже сказал, простирывать.

Удар был ниже пояса: у Сумского не было детей. Не водилось у него и любовниц. Он жил аскетом, как положено истинному финансисту, вложившему душу в капитал.

Очень редко исчезал на день, на два в неизвестном направлении, если бы узнать куда и с кем. Да разве узнаешь.

— Ступай, Ленечка, — устало попросил банкир. — У тебя игривое настроение, а у меня забот полон рот.

Честное слово, не помню, когда высыпался.

И на это у Шахова сыскалась дружеская шутка.

— На нарах, даст Бог, отоспимся.

— Да нет, — с непонятной грустью возразил банкир. — Не дожить: нам с тобой до нар, Ленечка.

...На телевидение прибыл за пятнадцать минут до эфира. Пропуск был заказан, знакомый милиционер на турникете предупредительно забежал вперед и вызвал лифт. Леонид Иванович поднялся на седьмой этаж в студию, где давно был своим человеком. Навстречу кинулась Инесса Ватутина, ведущая передачи "Желанная встреча".

— Леонид, я уже волновалась, где ты так долго?!

— Дела, Иночка, дела.

— Ох, не успеем порепетировать.

— Зачем репетировать. Стопку в зубы — и начнем.

Только тему дай.

В устремленных на него глубоководных, искушенных очах засверкали электрические разряды. Хороша, ничего не скажешь! Сколько раз собирался надкусить это полугнилое яблочко, да все не мог решить, надо ли?

Инесса увлекла его в захламленный закуток, где на низеньком столике все же нашлось место для кофейного прибора, тарелки с печеньем, придавленной газетами, и — початой бутылки водки "Столичная". Это уж его принцип: перед эфиром сто грамм беленькой — и больше ничего. Следом за ними в закуток протиснулась тетка-гримерша, наспех подправила ему лицо — кисточкой с чем-то подозрительно липким прошла по щекам, по вискам. Шахов смеясь, уклонялся:

— Хватит, хватит, Машута, и так сойдет!

До эфира оставалось пять минут, и Леонид Иванович почувствовал приятное возбуждение. Ему нравилось на телевидении, в этом призрачном мирке сверкающих иллюзий и сказок, и нравились люди, которые здесь работали. Он не был здесь чужим. Журналисты — публика прожженная, наглая, бессмысленная, самоуверенная, оставляющая при долгом общении привкус изжоги, но необходимая, как необходим послеоперационный дренаж для слива гноя. Куда без них. Мастера словесной интриги, чародеи лжи, продающиеся за чечевичную похлебку, мутанты, почему-то мнящие

себя суперинтеллектуалами, солью земли, с вечным бредом о своей неподкупности на устах, — без них общество закоснеет, задубеет. Бродильная муть в кипящем рыночном котле. С ними приходилось ладить, как с любой обслугой. Или давить, как вшей, — третьего не дано.

Шахов умел ладить. Держался с телевизионной братией покровительственно и одновременно как бы восхищенно, отдавая дань ее всепроникающей, как у древесного жучка, энергии. Он многому, честно говоря, у них научился. Особенно ему были по душе ведущие модных политических программ, важные, похожие на откормленных боровов, обученных человеческой речи.

Любую чушь они изрекали с таким видом, будто заново открывали мир, вбивая в размягченное сознание обывателя медные гвозди новых идеологических клише. Им крупно платили, и свои денежки они отработывали с лихвой. Единственное, как быстро уяснил Шахов, чего не терпело российское телевидение — это искренности и правды, которые иной раз по недосмотру начальства проникали на экран и оставляли после себя опустошения в виде закрытых программ и покалеченных журналистских судеб.

— Пора, Леонид, — позвала Инесса Вагутина, дождавшись, пока он сделает пару затяжек, забивая вкус "Столичной".

Они уселись в кожаные кресла за столиком с пышным букетом алых роз, на фоне жирного транспаранта на заднем плане: "Наш спонсор — фирма Стиморол!"

Оператор у пульта и молодой человек, управляющийся с камерой, дружески с ним раскланялись.

— Поехали, — кивнул Шахов, ощутив себя на секунду как бы в кресле космического корабля. Ау, Гагарин! Где же твои яблоки на Марсе?

— Сегодня у нас в гостях известный юрист, член фракции "Экономическая воля" Леонид Шахов... — голос у Инессы счастливо-поучительный и одновременно игриво-дружеский — смесь, проникающая прямо в сердце зрителя. Дальше беседа пошла как по маслу: телефонные звонки, большей частью согласованные заранее, "коварные" вопросы Инессы, перемежаемые документальными кадрами и рекламными паузами.

Леонид Иванович чувствовал себя превосходно, будто со стороны слушал свои ловкие ответы, как всегда по-детски умиляясь тому, что это он, Леня Шахов, сын московских предместий, бывший хулиган и пьяница, с блестящим апломбом вещает что-то несусветное на всю страну. Он не сомневался, что миллионы так называемых россиян внимают ему открыв рот, поражаясь его всезнанию и мягкому, ненавязчивому юмору. Он

элегантен, чуть печален, как актер Абдулов, на которого он внешне похож, и в меру ироничен. Разговор, как водится, прыгал с пятого на десятое, но в этой передаче, идущей подчеркнута вне политики, в основном вертелся вокруг бытовых тем: семья и брак, воспитание детей, мораль и право — все в таком роде. В их дуэте Инесса вела роль современной молодой женщины без всяких предрассудков, естественно, горячей поклонницы западных ценностей, а Леонид Иванович, напротив, изображал такого замшелого консерватора, брюзгу, приверженца натуральной жизни, и даже позволял себе злобные патриотические выпады, что с легкой руки Лужкова постепенно вошло в моду. К примеру, ведущая, всплеснув руками и восторженно округлив глаза, спрашивала:

— Но вы же не будете, надеюсь, возражать, Леонид Иванович, что женщина в браке имеет такое же право на личную жизнь, как и мужчина?

А он с просветленной, мудрой улыбкой отвечал:

— Разумеется, дорогая Инесса, разумеется, не буду.

Мы же не дикари. Но давайте поставим вопрос иначе.

Понравится ли мне, если я, вернувшись вечером домой, не обнаружу жену, ведущую, говоря вашими словами, какую-то свою личную жизнь? Увы, мне это не понравится, уж простите старого ретрограда. Для меня жена — прежде всего мать моих детей, хранительница домашнего очага...

Инесса вспыхивала, подпрыгивала, точно получив укол в ягодицу:

— Леонид Иванович, но как же так можно упрощать проблему!..

Между ними затевалась дискуссия, как правило, со смелыми пассажами с обеих сторон, и в конце концов прелестная Инесса, будто очнувшись после припадка, восклицала:

— Хорошо, Леонид Иванович, вижу, мне вас не убедить. Давайте узнаем мнение телезрителей.

Вспыхивал экран, на нем возникали потешные сценки: телерепортер подбегал на улице к прохожим, представлялся и в лоб спрашивал:

— Скажите, как вы относитесь к измене жены (мужа)?

Вне зависимости от ответа горожане, все как один, производили впечатление редкостных недоумков.

— Ну вот, наконец-то мы разобрались в этом сложном вопросе, — ворковала Инесса, подводя итог. Шахов глубокомысленно кивал, чувствуя, как вся эта немислимая пошлятина чудесным образом согревает ему душу. В конце "Желанной встречи", под занавес, чтобы добавить передаче перчику, сотрудник студии из соседней комнаты замогильным тоном поинтересовался по телефону, когда, по мнению уважаемого депутата, в Москве покончат с криминальным беспределом.

Мгновенно напустив на смазливое личико трагическое выражение, Инесса подхватила:

— О да, Леонид Иванович, этот вопрос сегодня волнует очень многих. Люди не могут забыть страшные убийства Влада Листьева и отца Меня. Однако прокуратура до сих пор отделяется неопределенными обещаниями. Сколько это может продолжаться?

Шахов не ударил в грязь лицом и заговорил с таким горьким сарказмом, словно кроме Листьева и Меня, у него накануне перебили всю родню.

— Причина в коррупции. Это не секрет. Это очевидно. И все в один голос твердят о том, что надо бороться с этим злом, но на самом деле никто и пальцем не шевельнул. Коррупция — это заказные убийства, взрывы, террор и заложники. Мы не можем считаться цивилизованным государством, пока нет настоящих законов против коррупции. Дело не в одном Листьеве или Мене, а в той злобещей атмосфере, которую порождает коррупция.

— Но почему, почему все так плохо?! — патетически воскликнула ведущая. — В конце концов, у нас демократия или что?

— Все очень просто на самом деле. Семьдесят лет советская власть подавляла в человеке личное достоинство. Мы привыкли верить: все, что сказано сверху, то и хорошо, то и есть истина. Привычка к рабскому подчинению укоренилась в генах. Не мной замечено: свобода рабу не впрок. Получив свободу, раб начинает беситься, ломать и крушить все вокруг.

Чтобы ситуация изменилась, должны уйти целые поколения. В каждом из нас закодирована психология совка, то есть человека, подчиняющегося темным инстинктам, а не разуму. Печально, но приходится с этим считаться.

— Вы сказали — поколения? Неужели так долго ждать?

— Не надо ждать, — усмехнулся Шахов. — Помните сказку о жестоком драконе? Дракон не приходит извне, он живет в каждом из нас. Убей собственного дракона — вот главная цель благородного человека.

— Спасибо, дорогой Леонид Иванович, — растроганно поблагодарила Инесса. — Надеюсь, зритель по достоинству оценил ваши советы... Убей дракона! Прекрасно сказано, прекрасно...

— Ну как? — спросил Шахов, когда вернулись в телевизионный закуток, чтобы по заведенной традиции выпить на посошок.

— Превосходно! — польстила Ватутина. — У тебя природный дар убеждения и масса обаяния. Я немного ревную.

В комнате они были одни, и Леонид Иванович, еще под властью эфирного напряжения, нежно погладил ее бедро.

— Сколько лет мы знакомы, Инуша?

— Больше года.

— И ни разу не поужинали. Получается какой-то нонсенс. Ты не находишь?

На очи теледивы внезапно опустился ночной мрак.

— Господи, Леонид! Да только позови.

— И позову, дай срок, — пробормотал Шахов, оказавшийся неготовым к столь энергичному согласию.

Что-то в нем все же протестовало против интимного контакта. Близость с экранной дамой, пропитанной ложью, как половая тряпка грязью, вероятно, сулила изысканное наслаждение, но он опасался, что у него попросту не хватит мужицкого напора. "Желанная встреча" чутко угадала его сомнения.

— О, Господи, Леня! Да такая же я баба как все. Ну и что тебя смущает, скажи?! Это же обидно, в конце концов. Что у меня не на месте?

Наркотик телепередачи, неосторожное прикосновение к бедру и рюмка водки что-то непоправимо сдвинули в хрупком девичьем организме. От неприятных объяснений Шахова спас режиссер Вован Жемчужный, с гоготом и прибаутками ворвавшийся в закуток.

— Ну, Леонид Иванович, ну, молоток! Поздравляю! Как ты ловко краснюков секанул. Повышение рейтинга обеспечено. Дай-ка тебя расцелую, дорогой ты наш депутат!

"И этот туда же", — с грустью подумал Шахов, утопая в мягких, влажных объятиях.

— Пора мне, — заторопился, стараясь не встречаться глазами с расстроенной Инессой. Но уйти удалось лишь после того, как осушили с Жемчужным по чарке.

Режиссер наговорил кучу комплиментов и вдобавок сообщил счастливую новость: вроде бы пятьдесят процентов канала закупил "Логоваз". Но и это не все: по достоверным сведениям их передача наконец-то заинтересовала американцев.

— А что это значит?

Взъерошенный шоумен остолбенело уставился на хмурую Инессу.

— Ну-ка догадайся с одного раза.

— Поедешь на стажировку?

— Готовь чемодан, малышка. Чтобы было куда зелень складывать.

— Ага, — строптивница капризно поджала губы. — А чистку не

хочешь?

— Нас не коснется, — уверил Жемчужный. — С "Желанной встречей" мы все мели проскочим. Передача гуттаперчевая, в том ее и сила.

— Вечерком позвоню, — посулил Шахов Инессе. — Надо кое-что обсудить.

Однако по удрученно-презрительному выражению ее лица было видно, что она ему не поверила.

Глава 4

НУЛЕВОЙ ЦИКЛ

Через неделю в этой Богом забытой дыре, именуемой Школа, Лиза почувствовала такое опустошение, как будто еще не родилась на свет. Не проходило минуты, чтобы не прокляла себя за то, что согласилась сюда приехать, а Сергея Петровича за то, что подбил ее на это.

По прибытию в школу попала в лапы трех врачей, больше похожих на палачей, которые мяли и крушили ее каждый в особинку; один хотел разбить молотком колено, другой лез в горло змеевидным резиновым шлангом, третий подключил к электрическому стулу, и все вместе, общими усилиями они добились того, что возмущение застряло у нее в горле, как рыбная кость. Ошарашенную, с выпученными глазами, с ощущением позорной голизны, пропущенную через хитрые приборы и пальцы трех громадных мужиков в белых халатах (приборы отнеслись к ней учтивее), ее втолкнули в казенный кабинет с зарешеченным окном, меблированный соответственно — железный стол с мощной лампой-прожектором и привинченный к полу железный стул с низкой спинкой. В кабинете ее ждал мосластый, стриженный под бобрик мужчина лет сорока, и если что-то могло в чистом виде выразить презрение, которое способно испытывать одно живое существо к другому, то это была зелень пылких глаз именно этого человека. На нем был черный костюм, как у могильщика, застегнутый на все пуговицы. Без подсказки Лиза догадалась, что попала к начальству, может быть, самому главному в здешних местах. Так и оказалось. Мужчина полистал какую-то папку, лежащую перед ним на столе, причем скривился в еще более отталкивающей гримасе, словно обнаружил там гадюку, потом поднял на нее глаза. От его ледяного взгляда у нее колени обмякли.

— Подполковник Евдокимов, — представился он, по всей видимости с трудом подавив желание немедля врезать ей в челюсть. "Господи, да что же я ему сделала?!" — ужаснулась Лиза.

— А ты — номер четырнадцатый, — добавил он после короткой паузы. — Повтори, пожалуйста, кто ты?

— Номер четырнадцатый, — отозвалась Лиза, скромно опуская глаза. Кстати припомнила, что сумасшедшие не любят, когда на них смотрят в упор.

— Правильно, — смягчился человеконенавистник. — Значит, так,

четырнадцатый. Не знаю и не хочу знать, зачем тебя сюда прислали, но человека из тебя сделаю. Ровно за шесть месяцев. Или закопаю на помойке. Только попробуй пикнуть. Первый и последний раз спрашиваю: хочется пикнуть, да?

— Хочется, — согласилась Лиза, глядя в пол. Ее поразило, что сильный, крупный мужчина, прямо-таки вопреки лесной, кажется, совершенно не видит женщину.

В стенах этого сумрачного заведения веял дух иного мира, доселе ей неведомого. Час назад врачи-палачи тоже обращались с ней как с подопытным кроликом.

— Ступай, четырнадцатый, — подполковник брезгливо махнул рукой, точно отгоняя муху, но вдогонку, когда она уже была у двери, ядовито добавил:

— Жопой поменьше верти, мой тебе совет. У нас эти штучки не проходят.

Тоска начинается с режима, а заканчивается полным выпадением из времени, и получается, что ты уже не живешь, но еще и не подохла; утратив ощущение времени, отмеряемое ударами сердца и полетом мысли, человек превращается в зомби.

Подъем в пять утра, минута на одевание (спортивный костюм, кроссовки) — и прямо с постели чудовищный бросок через лес, через поле, вдоль реки — сорок минут ровного, чистого бега, сопровождаемого единственным желанием — споткнуться, упасть и умереть. Но Лиза не упала ни в первый день, ни на второй, ни на третий. На четвертый впервые залюбовалась ромашковым склоном, серебряно мерцающим в росе и утренних лучах. Ее выгуливал молодой человек, сержант, чье имя она узнала лишь спустя неделю. Сержант был улыбочив, гибок, худощав и на бегу помахивал ивовым прутиком. Он сразу предупредил, свистнув прутиком перед носом: ох, жжется, девушка! Она не верила, что посмеет ударить — еще как посмел! Когда начала отставать, опоясал прутом по икрам, защищенным тонкой тканью, отчего она завизжала дурным голосом.

Боль была такая, словно прижгли раскаленным железом. Впоследствии во время изнурительных пробежек тешила себя мыслью, что когда-нибудь доберется, вопьется ногтями в смазливое ехидное личико, оставит на нем такие же кровавые бороздки, как у нее на ногах, но, разумеется, это была всего лишь девичья греза.

После забега полагалось полчаса на утренние процедуры, но поначалу Лиза не успевала даже умыться, отлеживаясь на кровати, смиряя наждачное, разрывающее грудь дыхание. Ровно в семь — завтрак, который

она получала из окошка раздачи в комнате-столовой, расположенной на том же этаже, что и ее спальня. Завтрак был обильный: каша, мясное блюдо (плов, гуляш, котлета — на выбор), овощной салат на подсолнечном масле, стакан сметаны, стакан сока, сдобная булочка, сливочное масло, плитка шоколада, крепкий чай, — уже на третий день сметала все без остатка, начисто забыв о вечном страхе расползнуться. Завтракала всегда в полном одиночестве, облюбовав угловой столик, накрытый, как и остальные пять столов, яркой цветастой скатертью.

После получасового отдыха режим входил в полную силу. Первые две недели ее учили следующим предметам: стрельба из пистолета и автомата, рукопашный бой (два совершенно безумных часа в спортзале), радиодело, психологическая обработка клиента, медицина (травматология), системы подслушивания и перехвата, слежка на местности, плавание, фехтование, выживание в экстремальных ситуациях, — как это все уместилось в раздувшихся до невероятных размеров сутках, оставалось для Лизы загадкой. Загадкой было и то, как она выдерживала. Она просто погрузилась в некую прострацию, терпеливо ожидая, что с минуты на минуту кошмар оборвется, и она проснется, как ни в чем не бывало, в своей уютной двухкомнатной квартирке в Бутово. В том, что с ней происходило, было не больше смысла, чем в похмелье. Инструкторы передавали ее с рук на руки, как эстафетную палочку, не давая передышки, гоняя по замкнутому кругу, по всей вероятности, тоже удивляясь ее непонятной живучести. Все реже у нее выпадала свободная минутка, чтобы послать очередное проклятие горячо любимому Сергею Петровичу.

На ночь была плохая надежда, потому что ровно в десять (час отбоя) она падала на кровать, смыкала тяжелые веки и проваливалась в сон до следующего утра. Но она не сдавалась. В ее комнате стояли напольные весы, по ним выходило, что за неделю Лиза сбросила девять килограмм. Куда они подевались — неизвестно.

Среди мужчин-инструкторов была одна женщина — Калерия Ивановна Щасная, обучающая психологии поведения и установлению контактов (в бане, на улице, в кино, в ресторане, при условии взаимной неприязни, при наличии интеллекта, при отсутствии интеллекта, с пьяным, с трезвым и т.д.). Пожилая безликая женщина, в очках, закрывающих половину лица, с каким-то странным утробным смешком, вспыхивающим совершенно некстати; но, увидя ее, Лиза понадеялась, что хотя бы с ней заведет нормальные человеческие отношения, — как же горько она ошиблась. Уроки Щасной выпадали на послеобеденный час, от трех до четырех, Лиза слушала ее вполуха, кемарила, туго переваривая огромное

количество наспех запиханной в брюхо жратвы, и на втором занятии крепко поплатилась за невнимание. Милая дама, не меняя спокойной позы, неожиданно ткнула ее сухоньким кулачком в солнечное сплетение, и по сравнению с улыбкой, мелькнувшей под стеклами очков, застывшая ухмылка-маска утреннего сержанта-бегуна показалась бедной Лизе дружелюбной и одухотворенной.

Первым человеком, выказавшим Лизе приязнь, был инструктор по рукопашному бою, некто Михаил Игнатьевич Севрюк, застенчивый богатырь лет сорока пяти, темноволосый, высеченный будто из цельного куска железной руды, со спрятавшимися глубоко под надбровными дугами пристальными серыми глазками, как у чирка, и с массивным носярой, переломанным в разных местах и в разные стороны. Впоследствии Лиза узнала, что Михаил Игнатьевич в прошлом чемпион Европы в неофициальном (между спецслужбами) первенстве по кун-фу.

На первом уроке он изрядно погонял ее на матах, выявляя скрытые физические возможности, ставил в шпагат и переворачивал на голову, раскручивал подобно волчку и швырял о стену, но не покалечил и даже ничего не вывихнул. Потом доходчиво растолковал ей философский смысл занятий. Оказывается, есть тысяча способов убить человека голыми руками, но для Лизы, по его мнению, чтобы продержаться какое-то время на плаву, достаточно будет овладеть хотя бы шестью-семью из них. "Даже и это, пожалуй, многовато", — искренне заметила Лиза, ощупывая свои помятые бока.

Инструктор Севрюк оценил ее непритязательность.

— Возможно, ты и права. Чтобы убивать, не надо большого ума. Гораздо труднее научиться защищать себя, приучить мышцы к мгновенному маневру. Держать их всегда наготове. У нас всего полгода, но кое-что успеем. Ты не такая уж хлипкая, как кажешься.

Лиза влюбилась в учтивого богатыря за то, что он отнесся к ней мягче, чем другие. Не обижал пренебрежением. Но поблажек тоже не давал. Поначалу учил дышать и двигаться, оказывается, и то и другое она всю предыдущую жизнь делала не правильно и поэтому к двадцати шести годам очутилась на грани полной физиологической деградации. Еще годик, другой, и ее вообще можно было бы списывать со счета разумно мыслящих существ.

Стихия воздуха, разлитого в природе, как кровь в человеческих жилах, заключала в себе все тайны метафизических перевоплощений. В воздухе таилась обманно неощутимая энергия, дающая возможность преодолеть мнимые барьеры пространства и времени. Кто научился дышать, тот уже

наполовину бессмертен. Слияние с природой происходит не только тогда, когда человек после смерти прорастает из могилы зеленым кустом, но значительно раньше, если воздушные потоки, как голубиные крылья, поднимут его над грешной землей.

Пусть отчасти в воображении, это неважно: никто еще не определил четкие границы яви и сна, как никому не дано уследить за переходом в вечность.

Упругим движением, как ласковым словом, богатырь вминал ее диафрагму в позвоночник, заставлял замирать в нелепых звериных позах, прикладывал ухо к ее груди, слушая, не донесется ли оттуда писк непорочно зачатого младенца; и в конце концов все эти особенные упражнения приводили Лизу в размягченное состояние, полное душевной неги, похожее на покачивание в теплой воде. Похвалы инструктора она удостоилась на пятом уроке. Сколько-то времени — минута? час? — простояла в неудобной боевой стойке, с поднятым на уровень груди коленом и с раскинутыми руками (взлетающая цапля), а потом, по знаку мастера, в развороте рассекла воздух ладонью под косым углом, стараясь сделать это как можно резче (перепады дыхательных ритмов — вот один из множества смыслов первобытной науки). В то же мгновение учитель поддел ее опорную ногу, и Лиза полетела на ковер, но впервые не шмякнулась оземь, как навозная лепешка, а сгруппировалась и — о чудо! — в немыслимом кувырке прочно опустилась на обе ступни. Сердце зашло в восторге: она не поняла, как это получилось.

Увидела светло-серые, внимательные глазки Севрюка, блеснувшие удивлением.

— Хорошо, девочка, — сказал он. — Ей-Богу, даже слишком хорошо. Не ожидал.

Она сама знала, что хорошо. В ту же секунду, как озарение, мелькнула мысль, что не покинет эту школу, пока ее не выгонят отсюда силой.

На обед в столовую сходились курсанты, иногда пять, шесть, иногда десять человек. Большею частью молодые парни, энергичные, разбитные, в таких же, как и на ней, тренировочных костюмах. Они все пялились на нее знакомыми красноречивыми взглядами, успевая по несколько раз, между борщами и котлетами, всем скопом и поодиночке ее поймать. Она не придавала этому значения, это было нормально. Во время обеда (от двух до половины третьего) в комнате, устроившись на стуле в углу, дежурил кто-нибудь из начальства (один раз капитан в милицейской форме, но обыкновенно пожилая дама в серой униформе без погон, похожая на подслеповатого коршуна); дежурные следили, чтобы едоки не слишком

чесали языками и не задерживались за столами сверх необходимого. Курсанты хохотали, отпускали в Лизин адрес ядреные шуточки, улыбались, кивали ей, одиноко сидящей за своим столиком, корчили умильные рожи, по-всякому выражали свое восхищение, но, как ни странно, ни один не подошел, чтобы попросту познакомиться. Возможно, какие-то, неизвестные ей, здешние правила запрещали им это сделать. Но она уже знала, что у курсантов бывают общие занятия, и в классах, и на природе; по вечерам со стадиона долетали звуки ударов по мячу, крики и смех, но пока ей ни разу не захотелось туда сходить. Любое общество было ей в тягость.

Ее рабочий (учебный) день заканчивался в девять, после этого никто ее не контролировал, то есть в течение часа она могла делать, что душе угодно, но ровно в десять в комнату заглядывал дневальный, убеждался, что она на месте, бурчал себе под нос:

— Четырнадцатый, отбой! — и нагло вырубал свет. По долетающим звукам — голосам, музыке, возне — Лиза догадывалась, что жизнь в этом доме (казарме? тюрьме?) продолжается и после отбоя, а может быть, только по-настоящему начинается, но ее это не касалось. Она не стремилась узнать больше, чем видели глаза.

На четвертый день в столовую впорхнула еще одна представительница слабого пола — светловолосая девушка с накрученной вокруг головы толстой косой, изящная, с вызывающе дерзкой, милой мордашкой — словно лучик солнца возник на пороге. Оглядевшись, девушка стремительно направилась к Лизину столу, отбивая со всех сторон потянувшиеся к ней руки, улыбкой отвечая на радостные приветствия. Видно было, что она здесь своя.

— Не возражаешь? — спросила у Лизы, уже, собственно, бухнувшись за стол. Встретясь глазами с ясным, открытым, сияющим взглядом, Лиза поняла, что ее одиночество кончилось.

— Конечно, пожалуйста.

Девушке не пришлось подходить к окошку раздачи; из двери, которая вела на кухню, выскочил дюжий детина в поварском фартуке, с белым колпаком на голове и с подносом в руках и установил перед ней тарелки с едой, действуя не менее ловко, чем вышколенный официант в дорогом ресторане.

— Спасибо, Гришенька, — поблагодарила девушка без всякого кокетства, по-дружески. — Супец с чем?

— С грибками, как ты любишь.

— Не забыл?

— Как можно, Анечка.

— Ладно, ступай. Вечером увидимся.

Лучась счастливой улыбкой, детина удалился.

Девушка проглотила пару ложек, подмигнула Лизе.

— Вкусно, да?

— Очень вкусно.

— Тебя зовут Лиза, я знаю. А меня Аня. Анна Иванова.

— Очень приятно.

Девушка засмеялась.

— Держись проще, Лиза, и люди к тебе потянутся.

Нас здесь мало. Остальные все бугаи. Сама видишь.

Лиза улыбнулась в ответ.

— Почему я тебя раньше не встречала? Ты давно тут?

— О-о, не спрашивай! В карцер запихнули; скоты.

Ну ничего, я им покажу карцер!

— Тут и карцер есть? — с деланным испугом спросила Лиза.

— Тут все есть, чего в других местах нету. Ешь, ешь, все равно здесь не поговоришь. Вон, гляди, зырит, ушастая стерва. Галка Дремина, старпер вонючий. Знаешь, кем она на воле была?

— Кем?

— Ни за что не поверишь. Содержала притон. Ну да, настоящий притон, с травкой, с девочками. На этом и свихнулась. Никогда с ней первая не заговаривай, она плюется.

Лиза и впрямь не знала, верить новой знакомой или нет, но предпочла не выяснять. Зато сразу уразумела, что Анечка крепкий орешек. Они молча жевали, улыбаясь друг другу. Лиза все-таки спросила:

— За что ты попала в карцер?

— Как раз из-за нее, из-за стервы. Зашухарила, когда я... — осеклась, не договорила. — Знаешь что, Лиза?

Вечером я к тебе загляну потрепаться. Не возражаешь?

— После отбоя?

— Конечно после отбоя, когда же еще.

Глава 5

ГУРКО В ЗАМЕШАТЕЛЬСТВЕ

Гурко слушал кассету, которую ему с нарочным прислали из Конторы. Перед тем позвонил Самуилов.

Разговор у них, как часто бывало, начался за здоровье (в буквальном смысле, генерал поздравил бывшего ученика с выздоровлением), а кончился за упокой.

После зоны, нашпигованный свинцом, как пирожок изюмом, побывавший в ослепительно-белом коридоре смерти и еле вернувшийся оттуда, Гурко приобрел черты характера, прежде ему несвойственные: стал вспыльчив, как прыщавый юноша, и сосредоточен, как гвоздь в сапоге. Он боролся, как мог, с накопившейся в душе тьмой, но пока не очень успешно. Даже Ирина Мещерская, любимая женщина, терпеливая и вдумчивая, едва ли не молившаяся на него, приходила в отчаяние от его нервных срывов. Ей казалось, он видит в ней врага. Она терялась, когда муж за завтраком, обжегшись кофе, вдруг выкатывал на нее налитые злобой глаза и тихо спрашивал: "Ну что, малышка, жалеешь, что не сдох?!" — а потом хватал в охапку, тащил в постель и занимался с ней любовью с таким пылом, словно на завтра ему предстояла тотальная ампутация.

Она чувствовала, как в нем кипят, подогреваемые полешками чудовищного самолюбия, неведомые, чуждые ей страсти, которые не смягчить, не утешить обыкновенной бабьей лаской. Он страдал так непоправимо, как седой ветеран, которого безусые мальчишки, посмеиваясь, вышвырнули из очереди за колбасой. Его уязвленность невозможно было утолить домашними средствами, и Ирина решила просто ждать, полагаясь на великого лекаря — время. Деваться все равно было некуда. На жизненном пути ей попадались разные партнеры, могучие, увертливые самцы и слабые, коварные мужчины-попрошайки; некоторых она любила, другими пренебрегала, но Олег был опаснее их всех вместе взятых. Она верила, что он непобедим, и полагала, что прибилась наконец к тому берегу, от которого некуда дальше плыть.

Однако генерал Самуилов знал Олега лучше, чем могла его узнать любая женщина, потому что сам был из тех людей, чья сущность пропитана отравой вечного противостояния с окружающим миром. Гурко покинул Контору, потому что не нуждался в ее опеке, и еще потому, что трудно дышать среди оборотней, но с Самуиловым они были связаны более

тесными узами, чем ведомственное подчинение, оба путешествовали налегке в том измерении, где все звания и чины — туфта, и от земных побед остается лишь видимость.

Самуилов попросил всего лишь ознакомиться с некоторыми материалами, которые наверняка его заинтересуют как психолога, на что Гурко посоветовал бывшему шефу отправить эти, а также другие подобные материалы прямо в преисподнюю, где их, тоже наверняка, ждут не дождутся, объяснив свою резкость тем, что уже нахлебался дерьма досыта и теперь собирается годик, другой пожить в свое удовольствие, как все нормальные люди.

— Нормальные люди на Руси повымерли, — мягко возразил генерал. — Реформа, брат. И потом, что ты имеешь в виду, когда говоришь "пожить в свое удовольствие"? Запьешь горькую, что ли?

Нормальная жизнь, обиделся Гурко, это когда человек днем работает, пишет книги или пашет землю, тут разницы нет, по ночам спит с женщиной, а в свободное время, если выпадет часок, любителю на звезды и размышляет о смысле жизни. И уж во всяком случае не гоняется за призраками, которых так ловка выдумывать Контора.

— Призраки! — обрадовался генерал. — Очень точное слово. Именно о призраках речь. Значит, договорились, да, Олег? Послушаешь кассету и сразу перезвони.

Призраки! О, да. Но, пожалуй, в единственном числе.

Что-то вроде Фредди Крюгера. Но не так забавно.

В сердцах Гурко повесил трубку, не прощаясь, что было неучтиво по отношению к учителю, но слушать кого-либо дольше пятнадцати минут подряд у него не хватало сил. Рекорд они установили накануне с Ириной, выясняя, следовало ли ему на ней жениться или проще было сразу утопить ее в колодце, — целых двадцать пять минут обсуждали этот вопрос.

На кассете, которую подослал с нарочным Самуилов, были записаны несколько интервью, рассказы очевидцев, данные некоторых экспертиз, скупые комментарии специалистов, — а все вместе это создавало картину некоего любопытного расследования, не доведенного до ума, либо было похоже на наброски жутковатого романа, которые автор смешал в неудобоваримую кучу. В монтаже, в состыковке фрагментов, в театральных паузах чувствовалась уверенная рука генерала, по какой-то причине поддавшегося мистическому настроению.

Михеев В. И., ночной сторож оптового склада в Люберцах, 48 лет: "...Ну что, под утречко пошел в котельную, на обход, там она лежит. Нога синяя, но одна. Грудьяка отрезанная, и головы нету. Я, конечно, растерялся,

думаю, может, мерещится со вчерашнего.

Потом вижу, голова все-таки есть, но сбоку, на клеенке, как на тарелке, и тоже с одним глазом, как нога. Я, конечно, в контору звонить, как положено по инструкции. Ничего не трогал, вызвал мен., милицию. Вас то есть, граждане начальники... Больше ничего не могу добавить, хоть что спроси..." — "Как же туда попал труп, если все двери заперты изнутри?" — "Чего не знаю, врать не буду. Может, в окошко впихнули, может, еще как. Способов много". — "Что значит — способов много? И до нее бывали убитые?" — "Бывали, как не бывать. Нынче повсюду трупаков полно. Сам, правда, не видел, врать не буду".

Комментарий сотрудника Конторы: "За последний квартал по данным МВД в Москве и области обнаружено 28 женщин, погибших при невыясненных обстоятельствах. Возраст: от 14-ти до 30-ти лет. Обращает на себя внимание идентичность способов умерщвления: отделение головы от туловища без обычного в таких случаях повреждения позвоночного столба. Ровный "бритвенный" срез. УВД отработаны версии под условным названием "Маньяк" и "Кавказский след", не получившие достаточных подтверждений. Дело взято на контроль особым отделом Главного управления.

Дата".

Люба К. 24 года, профессионалка с Тверской. Записано с помощью подслушивающей аппаратуры "ЗКЦ-618-Х".

Собеседник Любы К, не установлен.

"Люба К.:

— Пошел ты на хрен, придурок!

Собеседник:

— Три штуки мало, да? За одного выблядка?

Люба К.:

— Договаривались о пяти. За три рожай своего, понял?

С.:

— Не надо грубить, деточка. Я всего лишь посредник.

Л. К.:

— Да я лучше его в сортире утоплю, чем отдам за три штуки.

С.:

— Дело хозяйское. Гляди, как бы не пожалеть.

Л. К.:

— Обезьяна, кого пугаешь?! Да я тебе...

(Пауза, во время которой стороны выясняют отношения.)

Л. К.:

— *Передай своему боссу — четыре и ни долларом меньше. Халявщики вонючие! Да я с клиента за вечер стригу по пятьсот штук.*

С.:

— *Люба, мой тебе совет: не горячись. Там не торгуются. Передать могу, но толку все равно не будет.*

Л. К.:

— *Канай отсюда, гнилушка..."*

Голос комментатора: "Дополнительные сведения по Любе К. Двенадцатого апреля ее труп найден в лесопарке Свиблово. Способ убийства: отсечение головы от туловища. Дополнительные повреждения: отсутствуют внутренности — сердце, печень, матка. Выколоты глаза.

Ампутирована левая рука. По заключению экспертов операция по удалению внутренних органов, как и в подавляющем большинстве аналогичных случаев, производилась в условиях специального помещения (клиники, лаборатории), с использованием суперсовременной хирургической аппаратуры".

Из допроса Кацы Мухамедова, дело о контрабанде (анаша, маковая соломка). Курьер. 30 лет. При задержании ранил двоих сотрудников милиции, один из которых, капитан Шмаков, скончался по дороге в больницу. Связи не установлены. На допросах держится вызывающе, но явно чего-то боится. Требуется медицинского освидетельствования.

"Вопрос:

— *Назови хозяина, джигит, и пойдешь под залог.*

Ответ:

— *Нэ хочу!*

Вопрос:

— *Чего не хочешь?*

Ответ:

— *Залог не хочу. Хочу врача.*

Вопрос:

— *Зачем тебе врач? Ты вон какой здоровенный бык.*

Ответ:

— *Мозги болят. Твои люди отбили мозги.*

Вопрос:

— *Откуда у тебя мозги? Ты капитана убил.*

Так и так тебе хана. Под залог уйдешь в горы, погуляешь немного.

Ответ:

— *Не хочу в горы. Хочу врача.*

Вопрос:

— Боишься хозяина?

Ответ:

— Сам бойся, пес. Каца ничего не боится.

Вопрос:

— Хороший выкуп за тебя дают, сто миллионов. Кто дает, скажи?

Ответ:

— Возьми себе выкуп, сунь в жопу.

Вопрос:

— Зря хорохоришься, джигит. Куда вез анашу, мы знаем. И откуда вез, знаем. Это нам неинтересно. Нам интересно, что ты делал на Фабричной?

Ответ:

— Ничего не делал. Гулял, пиво пил.

Вопрос:

— В сороковую квартиру зачем звонил?

Ответ:

— У тебя свидетель есть, да?

Вопрос:

— Зачем нам свидетель, Каца? Ты же умный человек, верно? Торговый человек. Травка, кокаин — это хорошо, это понятно. Но зачем тебе сороковая квартира на Фабричной?

Ответ:

— Молчать буду. Дай врача?

Вопрос:

— Надо торговаться, Каца. Ты нам поможешь, мы тебе поможем. Выхода нет. На тебе капитан, это не шутка. Против капитана твоя голова — мало. Не хочешь хозяина назвать, расскажи про Фабричную. Колись, Каца. Я понимаю, чего ты боишься. Кавказ тебя бросил. Деньги дают, чтобы глотку заткнуть. Разве не так? А мы тебя спрячем, побережем. Это честный разговор. Ты сколько по Москве шатаешься, около года, правильно? И четвертый раз горишь. Это много, Каца, это — перебор. Больше тебя не простят.

Ответ:

— Очень хитрый думаешь? Гляди, себя не перехитри, собака!"

Комментарий: "Через два дня после допроса Каца Мухамедов в одиночной камере якобы перерезал себе шейную вену бутылочным осколком. Убийство совершено безупречно. Посторонних следов нет. Подозреваемый надзиратель Трофимов свое соучастие отрицает.

Задержан по статье на 30 суток. При обыске на квартире

Трофимова на антресолях найдена банковская упаковка: пять тысяч долларов новыми пятидесятидолларовыми купюрами. После освобождения за Трофимовым пущен "хвост", от которого он оторвался в районе метро "Текстильщики". К себе на квартиру не вернулся. Спустя двое суток труп Трофимова обнаружен в Битцевском парке. Диагноз медэксперта; обширный инфаркт. С диагнозом не увязывается характерная деталь: голова Трофимова отделена от туловища без повреждения позвонков..."

"Боже мой! — от изумления Гурко открыл рот. — Ну и работнички! С такими работничками хорошо ловить кошек на свалке".

Комментарий. "На Фабричной улице, дом восемнадцать, квартира сорок, проживает Леонидова Нинель Григорьевна, сотрудница акционерного общества "Лензолото". От Леонидовой поступило заявление об исчезновении ее дочери, семилетней Наташи. Обстоятельства исчезновения. По будням мать отвозила девочку в детский сад "Лолита", где по необходимости та оставалась на ночь. "Лолита" — привилегированное заведение, месячная плата триста долларов. В ночь с четверга на пятницу гражданка Леонидова не забирала девочку домой, приехала за ней в пятницу около шести. Заведующая "Лолитой" Давыдова Эсфирь Харитоновна удивилась появлению Леонидовой и сообщила, что накануне Наташу забрал по поручению матери молодой мужчина, представившийся сотрудником "Лензолота" и предъявивший служебное удостоверение. Никаких подозрений этот человек не вызвал по той причине, что это был не первый случай, когда Леонидова присылала за дочерью своих знакомых, чего Эсфирь Харитоновна в принципе не одобряла. Правда, все мужчины, которых присылала Леонидова, были словно бы на одно лицо и даже дарили заведующей словно одну и ту же коробку шоколадных конфет с огромным, зеленовато-голубым аистом. Выслушав заведующую, гражданка Леонидова в грубых выражениях заявила, что если с девочкой что-то, не дай Бог, случится, Эсфирь Харитоновна не только немедленно потеряет работу, но скорее всего лишится своей "безмозглой тыквы". По заявлению Леонидовой начат розыск, который никаких результатов не дал".

Из беседы с Леонидовой в следственном отделе:

"Вопрос:

— Нинель Петровна, в каких вы отношениях с бывшим мужем?

Ответ:

— В прекрасных. Он в Германии. Три года не видела его поганой морды.

Вопрос:

— У него никогда не было никаких претензий к вам по поводу дочери?

Ответ:

— Это не его дочь.

Вопрос:

— Бывает.

Ответ:

— Не смотрите на меня так, юноша. Вы не знаете, о ком спрашиваете. Скотина, голубая плесень!

Вопрос:

— Ах вот как. И он в курсе, что Наташа не его дочь?

Ответ:

— Если не совсем идиот, то в курсе.

Вопрос:

— Нинель Петровна, вы занимаете солидное положение в "Лензолоте", вероятно, у вас есть враги, завистники, недоброжелатели?

Ответ:

— Враги есть у всех. Не вижу никого, кто мог бы сделать такую подлянку.

Вопрос:

— За последнее время не припомните каких-нибудь странных происшествий, звонков?

Ответ:

— Пожалуй, нет. Хотя...

Вопрос:

— Будьте откровенны, Нинель Петровна.

Мы всего лишь хотим найти вашу дочь.

Ответ:

— Надеюсь, разговор не записывается?

Вопрос:

— Как можно. Это же не допрос.

Ответ:

— Видите ли, три месяца назад меня попросил об услуге один солидный человек. Ну знаете, как это бывает в бизнесе. Всем от тебя чего-то надо. Приходится быть предельно осмотрительной. Я отказала.

Вопрос:

— Какого рода услуга?

Ответ:

— Этого сказать не могу, но дело не в самой услуге, а в том человеке. Когда я отказалась сотрудничать, он воспринял это как-то неадекватно.

Не настаивал, не предлагал еще раз все обсудить, как это бывает при сделках. Сказал всего одну фразу, которую я запомнила. Еще бы! Он сказал: дорогая Нинель, как жаль, что вас не было с нами в прошлом году.

Вопрос:

— Вы знаете этого человека? Кто он?

Ответ:

— Всего один раз видела. Документы не показывал. Назвался Иваном Ивановичем, но это, конечно, прикол. Высокий, статный, лет пятидесяти. Модная стрижка, костюм от Версачи. Но взгляд такой, знаете, пронизывающий...

Вопрос:

— Мафия?

Ответ:

— Не смешите, юноша. Нет, не мафия, учитель музыки из провинции. Ну вы тут даете!.."

Примечание: версия о похищении с целью выкупа отпадает.

Заявление Зинаиды Вихровой, 20 лет, студентка педагогического института: "...Витя Тунцов начал за мной ухаживать, но я не думала, что все так обернется. Мы оба жили в общежитии на Стромынке, все знали, что Витя приторговывает барахлом, как большинство студентов.

Витю многие недолюбливали, но я не придавала значения. Его побаивались, потому что он не качок, а сильный от природы, запугать его ничем нельзя. У него водились деньжата, он их умел прокручивать, а когда это удастся таким, как мы с ним, деревенским, то это вообще многим подозрительно, с подобным я уже сталкивалась еще на первом курсе. Почему-то в Москве считается, (во всяком случае у нас на факультете), что деревенские туповатые, что ли, и всего добиваются в жизни только горбом. Это, конечно, заблуждение. Витя Тунец первый Тому пример. У нас некоторые москвичи хвостом за ним Ходили, и были рады-радешеньки, если он сбрасывал им ходовой товар. Кстати, мне тоже не все в нем нравилось с самого начала нашей дружбы. Во-первых, он чересчур отчаянный и какой-то легкомысленный, во-вторых, совершенно перестав заниматься. Когда я говорила, что надо бы подтянуться по такому-то и такому-то предметам, только смеялся. Шутил, что учеба это атавизм, тем более в таком институте, как наш. Все равно у нас в будущем не будет работы по профилю, потому что все школы закроют и оставят лишь несколько учебных заведений для богатых, но с нашим рылом туда не попасть. Он не сомневался, что добьется в жизни всего, что пожелает, и я ему верила. Мы даже собирались расписаться поближе к летним

каникулам, причем это была его инициатива, не моя. По многим признакам я замечала, что Витя меня любит. Каково же было мое удивление, когда он однажды сообщил по секрету, что у него есть крупный заказчик, который готов выложить четыре куска за крепенького, здорового младенца любого пола, хоть мальчика, хоть девочку. Вообще-то заказчик занимался другим бизнесом, но этим младенцем хотел оказать услугу какому-то важному клиенту за бугром.

Я сначала не поняла, потом испугалась. Дело в том, что Витя завел разговор не случайно, он знал, что я подзалетела и уже на втором месяце. Витя сказал, что вопрос в принципе не в младенце, а в том, что, совершив эту сделку, мы зацепим крутяка намертво и впоследствии поймеем с него много башлей. Между нами впервые произошел крупный скандал, вплоть до разрыва. Я твердо заявила, что готова забыть о его гнусном предложении, считать это неудачной шуткой, если он даст слово не возвращаться к этому вопросу. Потому что если он уже превратился окончательно в рыночника, то я еще не потеряла человеческий облик и не хочу торговать собственными нерожденными детьми. Сгоряча Витя обозвал меня очень плохими словами, но в конце концов, как мне показалось, образумился и понял, что я говорю серьезно. Но он отступил только на время, и вскоре начал убеждать меня, что я дура, что сейчас все так делают (даже назвал двух девочек с нашего курса), и что это такой же бизнес, как любой другой. Особенно упирал на то, что нам за это ничего не будет, потому что никакой статьи за это в уголовном кодексе не предусмотрено. Я пришла в такое отчаяние, что стала его избегать и мечтала лишь о том, как дотянуть семестр и уехать в деревню, чтобы посоветоваться с родителями, как быть дальше. Однако Витя не отставал, преследовал меня по пятам, вообще стал как сумасшедший и договорился до того, что если я не соглашусь, то нам обоим конец. Сказал, что люди, с которыми он связался, не любят, когда их обманывают. Тогда я пригрозила, что, если он не оставит меня в покое, обращусь в соответствующие органы, то есть к вам... Наверное, пугала зря, очень об этом жалею. Витя третий день не ходит в институт и из общежития съехал. Никто из его друзей не знает, где он. Мне так страшно и тревожно, что... Пишу это заявление, чтобы..."

Примечание. Заявление студентки Вихровой обнаружено при досмотре ее личных вещей. Ее тело (труп) найдено в бойлерной института пятого апреля сего года.

Труп обезглавлен, вскрыта брюшная полость, изъяты печень, селезенка и почки. Ампутированы глаза. Студент третьего курса В. И.

Тунцов объявлен в розыск, никаких сведений о его местонахождении нет...

Почти три часа крутилась пленка, но Гурко слушал ее с перерывом. Он сходил на кухню, где Ирина возилась с обедом и, судя по запаху, тушила его любимое мясо в горшочке. Они вместе выпили кофе и поболтали о том о сем. У Гурко не выходило из головы, что весь этот смрад, льющийся с кассеты, он прослушивает не в первый раз. Ничего нового он не узнал. Ничего такого, что сильно задело бы воображение. Привычный преступный фон повседневной жизни, обволакивающий сознание, как черная смола, но усилием воли можно отключиться, и тогда останется вот эта кухонька, ароматное мясо в духовке и темные, бездонные очи любимой. Этого вполне достаточно, чтобы сохранить интерес к жизни;

— Торгуют младенцами, — деловито сообщил он. — А также человеческими органами. Причем с размахом.

— Чем же еще торговать? — меланхолически отозвалась жена, тоже не выказав удивления. — Все остальное уже продано.

— Это верно, но как-то не по-людски.

Ирина подлила ему горячего кофе. Деликатно напомнила:

— Какие же мы люди, если все это терпим. Давно не люди.

— Тоже верно, — Гурко взбодрился. — Но вот ты, Ирэн, считаешь себя самой умной, тогда скажи, что будет дальше? Сначала выдоили нефть, ресурсы, энергию, теперь сливают кровь, а что потом?

— Ничего страшного, — Ирина ласково взлохматила его светлые волосы. — Волноваться совершенно не о чем.

На Западе не дураки живут. Деньжат в долг подкидывают, добавляют и кислорода. Со временем из нас сделают огромный инкубатор, где все оборудуют по последнему слову науки. Ну вот как на современных птицефермах. Не так уж это и плохо. Будем весь мир снабжать свежей кровью, живыми органами и всем, что им нужно.

— Хорошо бы, конечно, — Гурко с сомнением покачал головой. — Но конкуренция большая, сдюжим ли? Африка, развивающиеся страны...

— Ой, да что ты говоришь. Мы цены враз собьем.

У нас же все по дешевке. Потом — Африка того гляди взбунтуется, за ней глаз да глаз нужен, опять лишние траты. А с нами никаких хлопот, бунтовать некому.

Утешенный женой, Гурко вернулся в спальню и нехотя, вполуха дослушал кассету. Еще несколько схожих эпизодов, расчлененок, горя и слез. Все как обычно в этом лучшем из миров. Ничего новенького, никакого намека на просвет. И ситуация предельно ясная, тоже не новая. Хотя некоторые детали впечатляли. Очевидно, что кустарный промысел по

добыче человеческого сырца перерос в некое подобие производственного конвейера. Этого давно следовало ожидать. Ясен был и тайный смысл послания генерала. На пленке хватало оперативного материала, чтобы начать и закончить сразу несколько расследований, но об этом ни гу-гу. Синдикат действовал в открытую, с размахом и нагло, посадить его на крючок дня такого специалиста, как Самуилов, вообще не проблема, но вся пленка представляла собой длинный перечень жертв и обстоятельств их гибели — и больше ничего. Никаких выводов, чудовищные пробелы в комментариях. Конечно, это все не случайно. Красноречивыми умолчаниями генерал оповещал: видишь, Олег, мы опять бессильны.

Без сомнения, фигуранты по этим делам давным-давно сидели в сверхсекретном личном досье генерала, но они были неподсудны, ибо принадлежали к избранному кругу, где ни за какие преступления никто не отвечал. В нынешнем псевдогосударстве в ходу были всего лишь два идеологических клише: для власть имущих — обогащайтесь! — для быдла — надо немного потерпеть во имя светлого капиталистического будущего. Редко, но бывало, что из избранного круга вываливался какой-нибудь типчик вроде Якубовского или Ильюшенко — по оплошности либо по дурости, — и тогда уже не требовалось никакого дополнительного следствия, чтобы упрятать негодяя в каталажку. Самуилов терпеливо ждал, когда в страну вернется Закон, и весь его грозный список окажется в руках правосудия, но с годами надежды заметно слабели. Зато список все разбухал.

Гурко дозвонился до шефа по прямому номеру. С недавних пор аппараты Конторы прослушивались, как любые другие, с той лишь разницей, что сотрудники всегда знали, какой аппарат чист, а какой "на допинге".

Свои же ребята работали на прослушке.

Уяснив по интонациям генерала, что линия не занята, Гурко спросил:

— Ну и кто же он? Не черт же с рогами?

Самуилов озадаченно хмыкнул, это было непривычно.

— Может, и черт. Веришь ли, Олег, даже близко не можем подобраться.

Гурко не поверил. Ждал. Генерал пробурчал:

— Надеюсь, согласишься выпить со стариком по чашечке чая?

Слишком многое их связывало, чтобы Гурко мог уклониться.

— Как угодно, Иван Романович. Но честно предупреждаю, меня эта история не волнует. У меня совсем другие планы.

В трубке раздался довольный смешок.

— Завидую тебе. У меня, признаюсь, вообще никаких планов не осталось. Так уж, коротаю день до вечера.
Говорить больше было не о чем.

Глава 6

СИПЛОЕ ДЫХАНИЕ МОНСТРА

После короткого дневного отдыха Иссидор Гурович спустился в сад, чтобы подровнять любимый газон. Это приходилось делать каждый день: чуть-чуть зазевайся — и за шелковистым зеленым ковром не утонишься, но работа его не утомляла. Наоборот, упругое сопротивление пластиковой ручки травокосилки, вкрадчивое поскрипывание скошенной травы вызывало ответное приятное щекотание в области копчика. Через каждые пять минут, как положено по инструкции, он давал агрегату передышку, и сам присаживался в холодке, обтирал панамой припотевший загорелый лоб, с наслаждением впитывал взглядом яблоневоый сад, цветочные клумбы, пылающие разноцветными огнями, нарядный фасад летнего дома с высоким резным крыльцом, подъездную липовую аллею. День стоял неподвижный, как хрусталь, лишь стрекотание кузнечиков разбавляло его истомную благодать. Наконец-то, с умилением думал старик, я достиг того, к чему стремился великий поэт, — покоя и воли.

Ничто больше не смущало его свирепый ум. В иные времена, в иных перевоплощениях он носил много имен, некоторые забыл, другие помнил, но все последние годы, переселившись на дачу, оставался пенсионером Иссидором Гуровичем Самариним и надеялся, что глупая игра в прятки с судьбой завершилась со счетом один ноль в его пользу. Жить он собирался еще долго, пока не устанет, верил, что тысяча восемьсот калорий в день растянет срок его пребывания до ста лет, а больше, пожалуй, и не надо. Сейчас ему только семьдесят один, и оказалось, это именно тот возраст, который позволяет человеку ощутить себя полноценной частичкой бытия. Организм Иссидора Гуровича во всех отношениях функционировал превосходно.

В лето 62-е он купил эту дачу под Загорском, но не на свое имя, а на имя тогдашней жены, Лиляны Миладзе, своенравной, прелестной грузинской княжны, от которой нынче не осталось и помину. Он схоронил ее в глухом бору под вековой сосной, уложил на черное моховое ложе, но когда спустя несколько лет навел строптивую беглянку, не обнаружил ни сосны, ни тропы, ни следочка. Черный дол открылся перед ним, с сожженными останками пней. Природа вечна в своем философском стоянии, но любит менять обличья, давая урок понятливым людям. В его постели перебивали сотни женщин, некоторых он помнил по сию пору,

прекрасная Лиляна среди них. Неукротимая, дерзкая, дитя гордыни и страсти, ей бы жить и жить, да еще родить ему сына, но не захотела, взбунтовалась против его воли, однажды обронила: "Мне жаль тебя, любимый. Ты мнишь себя сверхчеловеком, а на самом деле ты всего лишь сухая ветка на дереве судьбы.

Бог лишил тебя души".

Злой смысл слов не тронул его, задело ледяное презрение, мелькнувшее в очах. Оставлять ее дальше возле себя было неразумно. Есть женщины, как волчицы, которым никакой корм не впрок. Он ошибся в княжне, и это было так больно, как если бы в сердце вогнали гвоздь.

После гордой грузинки ему уже не встретилась женщина, от которой он захотел бы иметь ребенка, но он не сожалел об этом. Строил свою империю на крови и костях, полагая, что тяжкие труды и великие прегрешения окупятся, когда настанет срок последней всемирной разборки. Ничего из добытого не собирался унести с собой и уж тем более отдать в чужие равнодушные руки. Все богатство останется там, где лежит, и воспользуются им далекие потомки, которые помянут его добрым, несуетным словом. Он явился на землю в период смуты, с энтузиазмом следил за крахом бездарной технократической цивилизации, за рождением дебильных поколений, будто выплеснутых из бутылки "пепси", и уже в зрелом возрасте пришел к поразительному открытию: миром правят не деньги, не капитал, как думает большинство, а некие посторонние идеи, скользящие по касательной к жизни, подобно невидимым, могучим подводным течениям. Были люди, которые знали эту правду задолго до него, но унесли ее в могилу, потому что родились преждевременно и не были услышаны.

После судьбоносного 87-го года Исидор Гурович, до того пребывавший в положении подпольного спрута, высунул щупальца на поверхность, чтобы произвести первоначальную разведку и прикинуть расклад сил.

Подобные ему тайные властители на ту же пору полезли изо всех щелей, но это его не обескуражило. Как и следовало ожидать, большей частью это были люди, поклонявшиеся золотому тельцу, нестигаемо стойкие в своих вековых заблуждениях, вдобавок в последующие два-три-четыре года их скудное сознание окончательно помрачилось от хлынувшей на головы, казавшейся неисчерпаемой долларовой благодати. Они ему не мешали, напротив, создавали благоприятный фон, этакий сытный, густой планктон, и если кто-то из них возникал на его дороге, то управиться с ним было проще простого. Примат денег уподоблял их глухарям, упоенным

лишь собственными песнями и совершенно беззащитным перед тихо крадущимся охотником. Одно слово, рыночники, которым одинаково заказан путь как в Царство Божье, так и в рай земной.

Исидор Гурович в первую очередь был государственным и мыслителем, а уж потом — финансистом.

Идеи о первородстве духовного начала, высказанные философом Федоровым, были ему намного ближе, чем экономические бредни Маркса, Сакса и всех прочих говнюков, верящих в чистоган, как в панацею от всех бед. Хотя на определенных стадиях общественного развития, или общественной деградации, что будет точнее, бытие действительно определяло сознание, и с этим приходилось считаться. Он знал, что никогда не согнется под бременем взваленной на себя ноши.

Словно древний витязь стоял один среди пустыни, прислушиваясь, как разворванное, раздробленное, раздираемое социальными противоречиями государство вопияло к нему младенческим голосом: помоги, собери заново, не оставь на погибель! Он не отказывался, собирал.

Поначалу, никуда не денешься, не брезговал ничем, что давало прибыль — сырье, банки, высокоорганизованные мозги, средства информации, — но как только личный капитал достаточно окреп, чтобы противостоять любому напору извне, передал хозяйство надежным, вскормленным с руки многочисленным помощникам, а сам занялся тем, к чему лежала душа и что считал самым главным, — подготовкой, накачкой, вербовкой фигур, которым предстояло в час "X" мгновенно перехватить инициативу управления и подтолкнуть кровоточащую державу, как подпиленное дерево, в нужном направлении. На дачу под Загорском, откуда он теперь почти не вылезал, сходились нити многих сговоров и немислимых сделок.

Покончив с газонем и полюбовавшись делом рук своих, Исидор Гурович отправился в загон для собак, чтобы покормить трех своих любимцев — здоровенных лохматых псов, — лютая помесь сенбернаров с кавказской овчаркой. При появлении обожаемого хозяина свирепые чудовища привычно поджали хвосты и жалобно завyli. Ему это было приятно. Служка подал фаянсовое блюдо с сочно-алыми ломтями сырого мяса.

— Эх, ребятки, — приговаривал Исидор Гурович, скармливая лакомые куски, успеваю потрепать бугристые холки. — Мне бы вашу житуху. Ах заморыши мои дорогие!

Чудовища отвечали чинным утробным урчанием.

Довольный, Исидор Гурович отступил на шаг, служка замешкался,

неловко подвернулся под бок. Старик взглянул на него, в который раз пытаясь вспомнить имя, но не вспомнил. Это его огорчило.

— Тебя как зовут? ;;

— Федором, ваше высокоблагородие.

— Не зевай, Федя, — ласково пожурил хозяин. — В другой раз оплошаешь, скормлю собачкам.

Служка от ужаса втянул голову в плечи и сделался вдруг таким неприметным, что теперь, пожалуй, и мать родная его бы не узнала.

В прохладном кабинете на втором этаже Иссидора Гуровича дожидался управляющий, его правая рука, некто Герасим Юдович Шерстобитов, приземистый мужчина лет шестидесяти с умным, страдальческим ликом скопца. Выходец из разночинной слюнявой интеллигенции 60-х годов, сын министра и прачки, он работал на Самарина больше двадцати лет, проявил себя незаурядно и со временем стал как бы его тенью. В добром расположении духа Иссидор Гурович называл его не иначе как Му-му либо Мумиком, памятуя Тургеневского крестьянина, а будучи в раздражении величал Иудушкой Головлевым. На любое имя Шерстобитов отзывался с одинаковой почтительностью. Он знал хозяина как облупленного, давно признал в нем великого человека, смиренно принимал все его причуды, но не боялся его. Хозяин это ценил. Ему надоели мелкие душонки, которые слишком быстро ломались и трепетали под его белесым, неподвижным, мертвым взглядом. Иудушка-Му-му был человеком отважным, а в некоторых вопросах, там, где требовался точный расчет вкупе со знанием психологии, математики и экономики ему вообще не было равных. Можно сказать, что когда они встретились, им повезло точно так же, как когда-то Станиславскому с Немировичем, и подобно знаменитым режиссерам, они тоже изо дня в день кропотливо и вдумчиво создавали собственный театр, в котором, правда, не было актеров, а действовали преимущественно статисты.

— Ну что, Мумик, — Иссидор Гурович с удобством расположился за письменным столом, положив ноги на кожаный пуфик; управляющий примостился рядом со своими бумагами. — Какие на сегодня проблемы?

Только быстро, через час приедут китайцы.

Проблем особых не было. Шерстобитов подал хозяину на подпись три документа, два тот подмахнул почти не глядя, над третьим помедлил. В бумаге шла речь о поставках сырой нефти через Новороссийск.

— Труба, — произнес Иссидор Гурович с такой нежностью, будто вспомнил дорогого покойника. — Чересчур много гавриков возле нее кормится. Того гляди опять свару затеют. Сейчас это ни к чему.

Америкашек подманивай, Мумик, америкашек. Пусть мощной-то потрясут как следует.

— Да они и так крепко увязли.

— Чем крепче, тем лучше. Чтобы обратного хода не было.

— Накладные расходы непомерные.

— Все окупится, Мумик, все окупится, не гунди.

С казанской плотиной то же самое. Где только можно, пусть раскошеляются. Их доить надо досуха. Впоследствии покажем им огромный кукиш, как батюшка Ленин учил... Ладно, что дальше? Нигде не сквозит?

Управляющий убрал бумаги в папку. Готовился что-то сказать, но не решался.

— Ну! — поторопил Самарин. — Есть плохие новости?

— Не настолько, плохие, чтобы беспокоиться. Так, мелочь, но все же...

— Да ты что, Мумик?! — изумился хозяин. — Никак оробел? Погорел на чем-нибудь?

— Медицинский проект... Там некоторые шероховатости... Слишком много примкнувших... Кажется, привлекли внимание, пошли толки...

— А-а! — радостно воскликнул Иссидор Гурович. — Что я тебе говорил? Поперек батьки в пекло не лезь... Ну дак и что с проектом? Дымит?

Так называемый медицинский проект под кодовым названием "Медиум интернешнл", со всеми его ответвлениями, был собственным детищем Шерстобитова. За все годы плодотворного сотрудничества это был первый случай, когда управляющий вдруг попросил, почти потребовал полной самостоятельности, и Самарин не возражал. Понимал, солидному человеку, да еще с таким самолюбием, как у Мумушки, негоже всю жизнь ощущать себя на вторых ролях, быть вечным подручным у мастера. Разумеется, амбиции Шерстобитова простирались куда дальше, и для этого у него имелись все основания. Медицинский проект пока не приносил больших доходов, но это и не требовалось. Его смысл был глубже, значительнее, чем рутинная откачка капитала.

Истинной целью, которую ставил перед собой "Медиум интернешнл" и к которой неуклонно двигался, был целевой контроль над системами медицинского страхования, а также над производством лекарств и медицинского оборудования. На это не жалко было никаких средств, потому что в сущности такой контроль давал абсолютную власть над здоровьем нации и возможность манипулировать им как угодно. Образно говоря, если представить сто пятьдесят миллионов россиян в виде одного

занедужившего человека (а так оно, в общем, и было), то медицинский проект (или медицинская реформа), будучи доведенным до логического конца, позволял тем, кто стоял за ним, самим решать, что дальше делать больному — выздоравливать, корячиться на инвалидности или околеть. Разумеется, в любом другом государстве, включая какой-нибудь пальмовый берег, каннибальский замысел был попросту немыслим, как реализация параноидального бреда, но в освобожденной России пришлось ко двору, и передовая общественность, подогреваемая умелыми долларовыми инъекциями, который год носилась с ним, как с писаной торбой. Сбой произошел лишь в одном звене, но, как с горечью прокомментировал Шерстобитов, в такой сложной конструкции этого достаточно, чтобы застопорить движение всего механизма. Он также признал, что его вина в том, что не принял вовремя никаких контрмер. Слишком увлекся возможностью с помощью расширенного экспорта человеческого сырца выявить Степень психологической готовности нации к дальнейшему биологическому расщеплению, определить границы видовой, общественной деградации.

Не дослушав управляющего, нахмурился, Самарин резко спросил:

— Кто вышел на след?

— Особый отдел, генерал Самуилов.

— Старый знакомый, — от зловещей ухмылки хозяина Герасим Юдович зябко поежился, как от сквозняка. Кто курирует сектор трансплантации?

— Ленька Шахов. Зятек Завальнюка.

— Ага... Думский хорек. Еще кто? Кто в подельщиках?

— Доктор Поюровский. Клиницист с мировым именем. Звезда, так сказать, сосудистой хирургии.

— Этот-то зачем полез?

— Извращенец, маньяк, холопые нутро, — холодно отрекомендовал Шерстобитов. — Фактически весь бизнес держится на нем. Четыре клиники, отлаженная система сбыта. Сам удивляюсь.

— Удивляться поздно. Еще кто?

— Все финансовые операции — банк "Заречный", Борьки Сумского. Его вы знаете.

— Его знаю. Крепкий паренек. Дальше?

— Остальные — шушера. Нечего считать. Эти три фигуры центровые. Информация у них.

— Врешь, Иудушка. Так не бывает. Вместе с шушерой — сколько?

Шерстобитов опустил глаза, набрякшие алым. Не спал, что ли, ночь?

— Человек сто наберется.

— Вот это похоже... К завтрашнему дню приготовишь полный список. Со всеми данными.

— Сделаю.

— Теперь следующее. Проект на консервацию. Все программы под колпак. Без моего ведома ни малейшего шевеления.

Шерстобитов молчал, сопел в две дырки, словно внезапно простудился, и Самарин взорвался. Бешено выкатил белесые зенки, но заговорил почти шепотом:

— Ты чем-то, похоже, недоволен, приятель? Ах ты цаца какая! Натворил дел — и морду воротит. Экспериментатор вшивый!.. Мы что здесь с тобой в бирюльки играем? стыдно, Иудушка! Из-за вонючих потрохов по миру пойдем. Видно, плохо тебя в институтах учили. Из-за меньших зол империи рушились.

Шестидесятилетний зубр Герасим Юдович принял выволочку понурясь, как нашкодивший школьник.

— Что молчишь? Возрази, коли сможешь.

— Все понимаю, — сказал Шерстобитов. — Но не вижу резона для консервации. Профилактическая чистка, пожалуй, не помешает, но...

— Профилактическая чистка? Нет, мой милый, стопроцентная вырубка. Только так и не иначе, — сокрушенно покачал головой, добавил по-отечески:

— Всем ты хорош, Иудушка, но мыслишь по старинке, осторожно. Времени не чуешь. Сейчас как: загнил пальчик, руби руку. Мало руку — сымай голову... Тебя слушать, знаешь где бы мы с тобой были?

— Где?

— Где-нибудь на оптовом складе залежалый товар сбывали. Эх, мути в тебе еще много, гнили интеллигентской. Все боишься кусок изо рта выпустить. Огорчил ты меня, Иудушка, сильно огорчил. Сколь тебя вразумлял, а ты все туда же — профилактика! Словечко-то какое придумал. Профилактика, сынок, это когда тебе перед свадьбой яйца оторвут — вот и вся профилактика.

Смешно, нет?

Шерстобитову не было смешно. Чем глуше звучал хозяйский шепоток, тем гуще скапливалась дрожь в утомленном сердце управляющего. Он лучше других знал, как начинался и чем заканчивался непредсказуемый гнев старика.

— Как велите, Иссидор Гурович, так и сделаю.

— А тебе больше делать ничего не надо. Ты свое уже сделал. Самуила

на хвост посадил. Спасибо, соратничек.

Можешь теперь отдохнуть. Дедушка Гурыч подчистит ваше говнецо... Не забудь только список. Чтобы ни одна курва из него не выпала. Ишь, наострились, младенчиками торговать. Профилактики вонючие... Еще одно: к девяти часам пришли Архангельского. Ступай!

Да, грустно подумал Шерстобитов, на всю катушку завелся барин. Просыпется, как листопад, много забубенных головушек. Лишь бы моя уцелела. С этим смутным чувством покинул кабинет. Гнев старика неумолим, как Божья гроза, и бьет наповал. От него спасенья нет. Иногда Шерстобитову удавалось перехватить, смягчить его в самом начале, но сейчас не тот случай. Самое поразительное, думал управляющий, дьявол как всегда прав. Жаль, хоть и на время, сворачивать прекрасный проект, но последствия огласки могут быть сокрушительными...

Оставшись один, тяжело, с перехватом дыша, Иссидор Гурович прошел к стенному бару, накапал в рюмку чего-то крепкого, выпил, почмокал губами.

Вернулся к столу, несколько минут сидел неподвижно, отмякая, остужая расхолодившееся сердце, тупо уставясь на перекидной календарь. Там была запись:

"16.30 — Лиходеев".

— Ага, — вслух сказал Самарин. — Лиходеев. Ты-то мне и нужен как раз.

Жестким пальцем выкрутил номер на черном, простеньком телефонном аппарате. Услыша глуховатое:

— Да, Лиходеев на связи! — заговорил властно, неторопливо:

— Хорошо, что ты на связи, Лиходеев. А то уж я думал, не застану. Думал, не успею с тобой потолковать.

— Рад вас слышать, Иссидор Гурович. Что-нибудь случилось?

Лиходеев работал на одном из каналов телевидения и был там большой шишкой. Его карьера была стремительной, как созревание чирея. Еще два года назад он был серенькой, убогой телемышкой, а ныне заведовал всеми информационными программами канала. С помощью финансовых рычагов Иссидор Гурович выдернул его наверх, как морковку из грядки, и не жалел о затратах. Лиходеев служил по-собачьи преданно, но, к сожалению, не всегда впопад. Этого следовало ожидать. На телевидении не из кого особенно выбирать. Как и большинство представителей четвертой власти, Лиходеев был тщеславен, красноречив, независим, заносчив, жаден, пустоголов и придурковат. Иногда по глупому рвению допускал такие промахи, что Иссидор Гурович готов был

собственноручно стащить его с экрана и закопать в навозной куче. Втолковать ему что-либо разумное было невозможно, он реагировал лишь на прямую угрозу. Но что поделаешь, как говаривал покойный отец народов: других писателей у меня для вас нету.

— У меня ничего не случилось, — успокоил Самарин. — А вот у тебя, браток, кое-что может случиться.

Сказать что?

— Слушаю внимательно, Иссидор Гурович!

— Собственные передачи смотришь? Вчера показали: гулял один шибздик вечером с собачкой.., по пустырю... Ты ведь гуляешь с собачкой, верно?

— Ночью гуляю, перед сном.

— И представь какой ужас. Налетела машина с пьяным водителем и переехала шибздика пополам. Причем что любопытно: у шибздика гнилые мозги во все стороны, а собачка цела.

— Помилуйте, Иссидор Гурович, за что?!

— Ты на кого работаешь, говнюк!? — загремел Самарин. — Ты что же, сучий потрох, родину не любишь?!

По ответному нечленораздельному бормотанию стало ясно, что телевизионный крысенок приведен в надлежащее состояние и способен воспринимать науку.

Первое, Чечня. Война благополучно закончилась, все, что можно было, из нее выкачали, прибыль, по подсчетам Шерстобитова, выстроилась в фантастические цифры; теперь, когда республика получила независимость, следовало резко изменить психологический фон вещания, привести его в соответствие с новой обстановкой, а на экране по-прежнему разгуливали бородатые, благородные горцы, воины-освободители, не щадящие живота своего ради святой свободы, все как один Робин Гуды и непротивленцы, а противостояли им грустные, грязномордые, трясущиеся от страха русские солдатики, заброшенные туда, как явствовало из передач, для повального грабежа и массовых убийств. Русские дебилы в солдатском обмундировании оставляли трупы своих товарищей на съедение собакам, минировали их и с пороссячим гоготом палили в чеченских женщин, которые из чувства милосердия предавали мертвые тела земле.

Неповоротливость, тупость информационной машины, управляемой такими, как Лиходеев, ужасала Иссидора Гуровича.

— Значит так, сынок, — сказал он. — Еще раз увижу благородного бандита-чеченца, и я тебе даже звонить не буду. Тебе уже другие люди позвонят.

— Разумеется, разумеется, я же не враг себе, — плачущим голосом залепетал придурок. — Но посудите сами, Иссидор Гурович. Сколько пленки отснято, уникальные кадры... Может, вперемежку давать, в виде компота, как бы объективное мнение? Разные точки зрения и прочее?..

— Много пленки, говоришь?

— Очень много... Одна Еленушка Масюк...

— Еще один прокол, — прервал Самарин навязчивое жужжание, — и вместе со своим Масюком вы всю эту пленку сожжете под присмотром тех самых чеченских рыцарей.

Лиходеев сытно икнул в трубку.

Второе, реклама. Тут тоже ситуация изменилась кардинально. Если полгода назад было вполне разумно будоражить общественное сознание бесконечным праздничным зрелищем дорогих мебели, сытных, сверкающих яств, избытком суперсовременной техники, горами жвачки и океанами хмельных напитков, то теперь, когда в регионах голодные толпы дикарей того гляди взбунтуются, следовало строго дозировать возбудительные средства, избегая преждевременного взрыва, который сейчас был на руку лишь региональным баронам. В рекламные ролики, наполненные тошнотворным, визгливым западным блудом, необходимо ввести сентиментальную, грустную ноту, близкую трепетному сердцу вымирающего россиянина. Бунт хорош, когда он спланирован, как, к примеру. Останкинская бойня в 93-м году.

— Ты чего зациклился на этих прокладках, Лиходеев? — угрожающе поинтересовался Самарин. — У тебя что, баба не подмывается?

— Так ведь хорошо платят, Иссидор Гурович, — пискнул крысенок.

— Листьеву тоже платили, — напомнил хозяин, решив, что на сегодня хватит наставлений, и, не прощаясь, повесил трубку.

К приходу китаез он переделся в парадный темно-синий костюм, не забыв прицепить на лацкан звездочку Героя Социалистического труда. Восточные люди, как подсказывал ему опыт, придают особое значение символике: золотая безделушка из числа тех, что преданы анафеме в России, должна была намекнуть гостям на общность идеалов либо на политическую стойкость принимающего их человека. И то, и другое неплохо.

Линь-Сяо-Ши — по собранным сведениям один из крупнейших финансовых воротил, а также влиятельный партийный чиновник в Поднебесной — находился в Москве с частным визитом и прикатил на скромном светло-коричневом седане в сопровождении всего лишь переводчика и двух узкоглазых горилл-телохранителей. Встречу

организовал Шерстобитов, это был далеко не первый контакт такого рода. Китайские товарищи умели просчитывать будущее и хорошо понимали, что российский увалень, растерявший все свои амбиции, стоящий на коленях не только перед смеющимся Биллом, но и перед задыхающейся в собственных испражнениях Европой, скоро вынужден будет явиться к ним за милостыней. В ожидании этого часа они все энергичнее прощупывали некогда задиристого соседа, стремясь уяснить, окончательно ли он пропил свои мозги.

Самарин принял дорогого гостя в изысканном интерьере "бархатной" гостиной по полуофициальному этикету, сердечно, с советским шампанским и заунывной восточной музыкой, негромко льющей из-за тяжелых портьер; и получил большое удовольствие оттого, что по количеству улыбок и поз, выражающих почтительность и радость, запросто перещеголял маленького китаезу, который еле успевал отвечать поклоном на поклон, рукопожатием на рукопожатие, пока не плюхнулся без сил в подставленное для него огромное кресло, напоминающее трон, где чуть не утонул с головой. Две розовощекие, нарумяненные русские красавицы, завернутые до пят в цветастые балахоны, ярко пылая от избытка целомудрия, бросились к Линь-Сяю и помогли ему сесть более или менее прямо. Худенький китаец от их неожиданного напора покрылся коричневой испариной, но продолжал слащаво улыбаться.

— Покорные славянские рабыни, — через переводчика пояснил Исидор Гурович. — Снабжаем всю Европу, отдаем за бесценок. Этих двух примите в подарок, уважаемый учитель. Лучших кровей барышни. Останетесь довольны.

— Не хочу, не хочу! — в сильном волнении, смеясь, китаец замахал руками, но видно было, что польщен и тронут.

Беседа длилась около получаса, но высказано было много. Можно даже сказать, высказано было главное, хотя и обиняком. Самарин и не надеялся на откровенность китайца. Ни его положение, ни обстановка, в которой они встретились, к этому не располагали. Линь-Сяю-Ши, выпив бокал шампанского, превратился в сплошную, сияющую солнечной улыбкой, восточную шараду, хотя его визит был красноречивее иных Признаний. Он с таким пылом превозносил победившую в России демократию и ее новых правителей, сумевших за сказочно короткий срок разбазарить все, что было накоплено веками ("скачок в мировую цивилизацию!"), так восхищенно закатывал глазки, произнося имена "гениальных экономистов" Чубайса и Немцова, так наивно радовался личной дружбе российского президента с Биллом и Гельмутом, что не

нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять: с нынешним режимом серьезное деловое сотрудничество для него и для тех, кто за ним стоит, исключено.

Самарин отлично его понимал. Чтобы возродиться, Китаю понадобилось мучительное столетие, и крах могучего соседа он наблюдал с печальной усмешкой. Урок сокрушения империи может потешить лишь безумца, чей дикий хохот на пепелище является верным знаком свершившегося наказания Господня. В России партийного хама, размахивающего вслед за Америкой ядерной удавкой над миром, сменил на троне многоликий ворюга с сумеречным, параноидальным сознанием, и это пугало, настораживало миролюбивых, добродетельных китайских товарищей. Осторожный китаец не говорил об этом прямо, но именно таков был смысл его витиеватых иносказаний. Иссидор Гурович ответил простосердечно, у него не было нужды темнить.

— Им осталось править год-два-три, не больше, — сказал он. — К власти придут нормальные люди. Мы хотим вернуть пятидесятые годы, заново породниться. Наши и китайские дети любят песни отцов. Вот наше святое желание.

Линь-Сяо-Ши опустил глаза и сделал вид, что не расслышал. Ответил так:

— Приезжайте к нам. Я познакомлю вас кое с кем, и вы убедитесь, как далеко простирается наша заинтересованность.

— Приеду, — пообещал Иссидор Гурович. — Может быть, осенью. Или зимой.

— Лучше осенью, — улыбнулся китаеза. — Не надо надолго оттягивать.

На прощание Иссидор Гурович вручил гостю, вместо двух красавиц, малахитовую шкатулку, небольшую, но изумительной работы, набитую драгоценными камушками. Это был царский подарок: шкатулка вместе с содержимым тянула не меньше, чем на полмиллиона.

— Привет от уральских товарищей, — сказал он. — В том ларце их сердце, полное надежды.

Линь-Сяо-Ши замешкался, не решился сразу принять дар, потом кивнул телохранителю, и тот чуть ли не вырвал шкатулку у Самарина из рук, не изменив застывшего навеки выражения каменного лица. Иссидор Гурович смешливо подумал, что с этим парнем смело можно идти в разведку.

Он проводил гостя до машины, по настеленному от порога алому ковровому покрытию. Прощальный обмен любезностями занял не больше

пяти минут, и напоследок, словно в неудержимом порыве, Самарин обнял тщедушного на вид китаезу, с удивлением ощутив под пальцами накачаные жгуты спинных мышц. Чужими встретились, братьями расстались. Москва — Пекин — дружба навек.

В саду стояла тишина, как перед грозой. Небо светилось алым закатным огнем. Пахло отцветшей сиренью.

Усталый, он присел в плетеное кресло и прикрыл глаза, подставя лицо летнему ветерку. В доме и в многочисленных пристройках было полно людей — охрана, слуги, челядь, — но никто ни единым звуком, даже в мыслях не посмел бы нарушить вечернюю задумчивость владыки.

В девять часов ему сообщили, что явился Никита Архангельский и, как ведено, ждет в кабинете. Иссидор Гурович, перебарывая дрему, спихнул осоловелых девчушек на пол, отчего они в восторге завизжали, снова накинуд халат и быстро прошел в кабинет. В углу у камина сидел черный человек и грел руки над давно потухшими углями. Как всегда, увидя его, Иссидор Гурович ощутил странный, истомный толчок сердечной крови.

— Никита, ты? — спросил негромко.

— Я, хозяин, — отозвалось из угла, будто из подземелья. — Зачем звал в такую-то поздноту? Или что, без Никиты до утра не дожить?

Глава 7

В КЛИНИКЕ ПОЮРОВСКОГО

Злобная сила швыряла его от стены к стене. Наконец повалился на кушетку, лоя руками сердце. От ужаса свело скулы: сейчас умру!

— Лена-а! Ленка, ., твою мать!

Убежала перепуганная Лена Сомова, ухватистая медсестра, чтоб ей шило в глотку!

— Что с вами, Василий Оскарович?!

— Коли, дура! Быстро! Задыхаюсь, не видишь?

Помчалась за шприцем, тут же вернулась, бледная, жирная свинья. Боже, кого пригрел! Но не успел снова рывкнуть, уже игла в вене. Вкатила полную закладку.

— Что за коктейль?

— Как вы любите, Василий Оскарович. Может быть...

— Все, довольно. Ступай отсюда, засранка!

Шмыгнула к дверям, крутнув ядреными ягодицами.

Ему стало смешно. По жилам и сосудикам сладко прокатилась медикаментозная одурь.

— Ленка! Сомова! Мать твою!..

— Я здесь, доктор.

Потянулся, чтобы ущипнуть за задницу, но рука бессильно повисла.

— Немедленно ко мне Крайнюка.

Убежала, сгинула. Поюровский расслабился, взял себя в руки. Вот значит как. Министерская крыса Шахов решил его прижать. Подговорил Борьку Сумского, своего дружка. Бездари, паяцы! Хотят диктовать условия, перекрыть кислород. Слабо, господа! Со мной эти штуки не пройдут. Присылайте еще хоть десять уведомлений.

Заблокировали счета в банке... Но это даже хорошо: открыли карты. Теперь он знает, чего от них ждать. Шахов обкакался от страха. Мелкая, убогая душонка. В голове две извилины. Спарился с Катькой Завальнюк и тем утвердил себя в мире. Поюровский видел ее пару раз: чтобы переспать с такой корягой, нужно родиться козлом. Наплодили двуногих вошей. Он, Поюровский, всего добился в жизни умом и талантом. Он вам не чета. То же самое и Борька Сумской, вонючий банкиришка.

Оседлал зеленого конька, очкастый компьютер, и решил, что все ему подвластно. Ошибаетесь, Боря и Леня, скоро вас ждут большие потрясения.

И все-таки напрасно он сунулся в банк "Заречный", поверил Шахову, подставился, не учел, не предвидел. Это стыдно, но объяснимо.

Поюровский доверчив, как все гении. Но его ответные удары будут страшны.

У него есть одно слабое место, о да! Он увяз в этой проклятой земле, которая испокон веку, и при царях, и при монголах, была совдепией и таковой останется навсегда. На этой почве не бывает перемен. Абсолютно правы те, кто говорит, что Россия не имеет права на существование, во всяком случае, на самостоятельное существование, и все, что она может дать остальному, разумному человечеству — это стратегическое и биологическое сырье. В этом ее судьбоносное предназначение, и чем скорее эта истина станет очевидной для всех, тем лучше. Но сам Поюровский осел в этом болоте прочно, весь его бизнес здесь.

Ленька Шахов боится, что их засекли, ему не нравится размах, с которым действует Поюровский. Кто засек-то, дурашка? Забавный парадокс. Ему, Поюровскому, к шестидесяти подвалило, но он бесстрашен и дерзок, как юный воитель, а этому молокососу, присосавшемуся к тестю-министру, все еще снятся советские сны, все еще пугают его призраки коммунычьего ига.

Отворилась дверь, вошел озабоченный Крайнюк.

— Звал, Василий Оскарович?

На белом халате темные сальные разводы, волосатая грудь открыта чуть ли не до пупа, круглая рожа лоснится каким-то свинячьим жиром — помощничек, правая рука, соратник! Поюровский чертыхнулся, уселся прямо. Приступ слабости миновал.

— Послушай, Денис Степанович. Я ведь сколько просил, ходи поопрятней. Смотреть же тошно. Откуда на тебе этот халат? Ты что, оперировал сегодня?

Крайнюк озадаченно склонил голову, пытаясь себя оглядеть, подхватил полу халата и зачем-то понюхал.

Ответил с достоинством:

— Нет, не оперировал. Но без дела не сидел... Что с тобой, Василий? Не приболел ли часом? Маешься с утра.

— Защелкни дверь. Достань бутылку вон из шкафчика. Не помешает освежиться.

Быстро ввел помощника в курс дела. Разумеется, сообщил лишь то, что тому положено знать. Ленька Шахов озверел, требует остановить конвейер. И момент выбрал такой, когда у них полно выгоднейших заказов.

Объясняет тем, что кое-кто якобы уселся им на хвост.

Это; конечно, уловка. На самом деле Шахов наезжает с единственной целью, надеется увеличить собственный пай. Намекал на какого-то племяша, явно подставное лицо, который служит в органах и которого необходимо посадить хотя бы на пару процентов.

Услыша слова "пай", "процент" и "племяш", Крайнюк побагровел и автоматически сунул Поюровскому под нос огромный, мосластый кукиш.

— А вот этого он не хочет, твой Шахов?!

— Убери, — Поюровский брезгливо отмахнулся. Налил в мензурки коньяк, выпил, не дожидаясь Крайнюка. У того было немало достоинств, в некотором смысле он был уникальным человеком, но манеры его оставляли желать лучшего и иной раз доводили интеллигентного Поюровского до белого каления. Крайнюк в былые годы оттянул десяток лет тюремным врачом, и это оставило на нем неизгладимый след. Его трудно было назвать дипломатом. Если что было не по нем, он упирался, как бык, и только что не ревел. Может быть, ему не следовало покидать тюремную обитель, там он был на месте. Но котелок у Крайнюка варил отлично, этого не отнимешь. В ситуациях, когда требовалось проявить твердолобость, Поюровский со спокойным сердцем выдвигал его на передовую позицию. Первобытный облик хирурга-мясника одинаково отрезвляюще действовал на клиентов, пациентов и посредников.

— Что предлагаешь? — спросил Поюровский, — кроме кукиша?

Проблему Шахова они обсуждали не первый раз, оба понимали, что рано или поздно придется менять "крышу", исподволь готовили варианты, но всякий раз откладывали окончательное решение, следуя правилу, что худой мир лучше доброй ссоры. Теперь, когда Шахов обнаглел до предела, тянуть дальше не имело смысла. Если Леня замахнулся на самое святое, на банковские депозиты, то смешно думать, что он на этом остановится.

Крайнюк осушил мензурку золотистого "Камю", крякнул и понюхал замусоленный рукав. Выпучил на сородника оловянные глаза.

— Предлагай ты. Я свое давно сказал.

То, что давно сказал Крайнюк, выглядело так. Заманить Шахова в подвал, в центральную операционную, как бы на экскурсию, усыпить, слить из него жизнь, разъять на составные части и справить по обычному каналу вместе с ближайшей партией сырца. В таком простейшем решении проблемы было определенное изящество, оно как бы логически вытекало из ситуации, но Поюровского, который был все же много умнее своего решительного напарника, смущало одно обстоятельство. Шахова начнут активно искать, появятся различные версии, закопошатся журналисты, которых тянет на трупы, как мух на говно, и одна из ниточек неизбежно

приведет в больницу. Во всяком случае, такая вероятность не исключалась. Борька Сумской — первый и наведет.

— Банкир? — уточнил Крайнюк.

— Такая же гнида, как Шахов. Их надо валить вместе, поодиночке нельзя. Но Борьку в подвал не заманишь, осторожная гадина. У него одной охраны, говорят, двадцать шнурков.

Кирпичная рожа Крайнюка подернулась белесой сыпью, словно на нее плеснули муки, — результат непомерного умственного напряжения.

— Что же делать, а, Василий? Неужто братву подключать?

Может, и придется, с горечью подумал Поюровский. Но это крайне рискованно. Одно дело, когда братва поставляла им всякую рвань с тротуаров — бомжей, пьяниц, проституток, беспризорных детей, — и совсем другое обратиться за помощью в таком щекотливом вопросе. Банкир и депутат Госдумы в одном флаконе — это вам не сто тысяч валенков в Чечне, это весомо.

Братва, конечно, возьмет контракт, ей-то все равно, кого мочить, хоть мать родную, хоть президента, но заломит несусветную цену. Но и это не главное. Беда в том, что, обратясь к структурам, они с Крайнюком сядут на такой крючок, с которого вовек не сорваться.

Поюровский с внутренней дрожью представил самодовольную, дегенеративную морду Хаки из Мытищ, одного из основных поставщиков сырца, вспомнил, как тот залиvisto смеется над собственными шутками, как при этом у него прыгает, трясется острый кадык, словно маленький членчик, как он покровительственно тянет сквозь зубы:

— "С тебя еще десять штук, доктор, за прошлую партию!" — и взмолился: о-о, только не это!

— С братвой погодим, время терпит. Вдруг эта гнида опомнится, отступит.

— Вряд ли, — усомнился Крайнюк. — Я твои колебания понимаю, но какой другой выход? Я его не вижу.

— Есть же киллеры-одиночки. Говорят, недорого берут.

— У кого есть, у нас с тобой нету.

— Можно поискать.

— Где искать-то? Они бирки не носят.

Загрустили оба, добавили по маленькой. Поюровский мечтательно произнес:

— Я слышал, девка одна чисто работает. То ли Груня, то ли Вера. По кличке — Француженка. Говорят, чем важнее клиент, тем у нее такса ниже. Фанатичка. При этом неуловимая. Вот бы на кого выйти.

— Уловили уже, — буркнул Крайнюк, в который раз меняя цвет лица — с багрового на темно-коричневый. — Эк, спохватился! По весне Француженку на Калужской дороге тюкнули.

— Ты-то откуда знаешь?

— Обижаешь, хозяин.

Чтобы немного развеяться, отвлечься от мрачных мыслей, пошли на обход. Три этажа здания занимали обычные клинические отделения — терапия, хирургия, гинекология. В просторных палатах на одного-двух человек лежали коммерческие больные, в основном мелкие рыночники: челноки, биржевики, барыги. К их услугам была столовая с пятиразовым питанием, массажный кабинет, сауна, бильярдная, операционная, оборудованная суперсовременной техникой (искусственная почка, легкие), а также вышколенный медперсонал, готовый удовлетворить практически любые желания занедуживших рыночников, естественно, за отдельную плату. Правда, врачи тут работали не ах какие, на врачах Поюровский сэкономил, справедливо полагая, что таким образом сумеет подольше удержать пациента на больничной койке. Денежки с этих этажей текли негустым, но плотным ручейком, вдобавок легальные отделения служили надежным прикрытием для основного производства.

Обыкновенно Поюровский начинал обход с хирургии, сопровождаемый свитой элегантных медсестер.

В каком-то смысле это был его ежедневный сольный номер, где каждый жест и каждое слово были давным-давно отрепетированы, хотя Василий Оскарович, будучи по натуре романтиком, не избегал импровизаций, но и они строго соответствовали мизансценам. Возле состоятельных больных он задерживался подольше, с "бедняками" проводил минуту, другую, но всем успевал внушить оптимизм. Высокий, стройный, в безукоризненно отглаженном и накрахмаленном халате, с одухотворенным лицом в золотых дужках очков, с резкими, точными движениями крупных рук, с внимательной полуулыбкой, да еще в окружении длинноногих наяд, с восторгом ловивших его замечания, он производил впечатление кудесника, такого Кио на манеже. Две-три фразы, произнесенные с профессорским апломбом, — и сколько благодарности на лицах настороженных, не избалованных культурным обхождением кидал и барыг. "О-о, батенька, вижу, вижу, пошел на поправку! Вот что значит — патентованные средства. Но — недельку придется еще полежать. Зато отсюда — прямо на Уимблдон, а?!" — и дружеский, интимный шлепок по волосатому брюху — и ответный, счастливый блеск в глазах больного. Или: "Ну что, дружок, будь я помоложе, потягались бы на кулачки, а?!"

Ишь какие стати наел, а. Маня!?" Привлеченная светилом к беседе, медсестра оргастически содрогалась, рыночник млел, вздымался под одеялом тугим бугром. Про себя Василий Оскарович усмешливо прикидывал: спустить бы тебя в подвал, животное, действительно была бы польза для общества.

На сей раз, одолеваемые мрачными предчувствиями, коллеги сразу отправились вниз. Узкий коридор с люминесцентным освещением, бронированные двери, палаты, прозекторская, разделочный цех, подсобные помещения — все это занимало площадь не меньшую, чем верхние этажи. У входа их встретил дежурный, старлей Спиноза, бритоголовый спецназовец на повышенном довольствии. По-армейски доложил обстановку: происшествий нет.

Поюровский дружески пожал ему руку, Крайнюк хмуро велел застегнуть пуговичку у воротника. Не терпел старый тюремщик разгильдяйства в подчиненных, даром что сам не соблюдал никаких правил.

Помещение, куда они первым делом заглянули, больше всего напоминало переполненный трюм на невольничьем корабле: спертый воздух, полумрак, двух— и трехъярусные койки, составленные так тесно, что между ними оставались лишь узкие проходы, низкие, прокопченные потолки с сырыми проплешинами, гнилостный запах, бьющий по ноздрям. Если заполнить все лежаки, то в палату вмещалось до пятидесяти человек, но сейчас добрая половина коек пустовала: неделю назад как раз вывезли крупную партию. В этой палате содержались только взрослые особи, причем мужчины и женщины вместе. Как полагал Поюровский, такое совмещение благотворно влияло на психику доноров.

Шум в палате можно было сравнить с приглушенным гудением пчелиного роя, готовящегося к зимней спячке. Большинство пациентов пребывали в полуусыпленном состоянии, а те, кто бодрствовал, ослабленные ежедневным сливом крови, похожие на подмороженных кур, способны были издавать лишь слабые стоны.

Возраст пациентов колебался между тридцатью и сорока годами, более молодых распределяли по другим помещениям, за ними требовался более тщательный присмотр, а стариков в клинику не брали. Лечить в палате было, в общем-то, некого, отлаженный конвейер работал почти автоматически, но каждый раз, попадая сюда, Поюровский испытывал светлое чувство умиротворения. Вся суэта и весь цинизм жизни оставались за порогом, здесь существа, отдаленно напоминающие людей, пребывая в равновесии с природой, смиренно дожидались своей участи, и это зрелище,

исполненное глубокого философского смысла, приводило его в благоговейный экстаз. Поюровский ощущал себя почти неземным существом, может быть, Хароном, наладившим набитую пассажирами ладью к переправе через Стикс. Кого-то он еще мог столкнуть, оставить на берегу, но вряд ли это богоугодное дело. Бомжи, проститутки и прочее отребье: человеческая гниль, стираемая с чистого лика земли его мощной дланью. Он испытывал гордость оттого, что оказался способен на такое деяние, и иногда ему хотелось ободрить убывающую нечисть какой-нибудь немудреной шуткой.

— Эй, жмурики! — окликнул жизнерадостно. — У кого жалобы, просьбы?! Становись в очередь, всех приму!

Крайнюк, не любивший эти представления, не понимающий их тайного, поэтического смысла, потянул за рукав, дескать, пошли, Василий, ну что ты вечно, как маленький; но неожиданно с одной из ближайших коек поднялась лохматая голова и, светясь совершенно нормальными, ясными глазами, внятно произнесла:

— Поди сюда, доктор. Присядь на минутку.

Поюровский даже зажмурился, проверяя, не померещилось ли? Нет, не померещилось: пожилой бомж весело, бодро манил его к себе.

Поюровский, замедленно двигаясь, подошел, устроился на краю койки, больше сесть некуда.

— Слушаю вас. На что жалуетесь?

— Помилуйте, на что мне жаловаться? У меня все в порядке. Полюбоваться на тебя хочу напоследок.

Голова бомжа, обтянутая синюшной кожей, с проступившими черепными костями, почти слилась с подушкой, тем невыносимее сияли восторженные, умные глаза, завораживали Поюровского.

— Ты кто? Чего хочешь?

— Я уже никто. Больше никто. А вот ты мнишь себя победителем. Напрасно, доктор. Торжествовать осталось недолго. Срок твой вышел...

К изумлению Поюровского странный полупокойник, у которого крови осталось литра два-три, произнес какую-то длинную фразу на непонятном языке, вроде как на латыни, и улыбаясь протянул к нему сухую, дрожащую руку. Поюровский почувствовал, если тот дотронется до него своей мертвой клешней, случится что-то непоправимое, но не находил в себе силы отстраниться. На мгновение его тело будто окостенело.

Спас Крайнюк. Подошел сбоку, опустил на лицо бомжа широкую толстую ладонь, придавил, зашторил дьявольский огонь.

— У них бывают проблески, — объяснил Поюровскому. — Лучше

отвернись. Вредно смотреть.

— Ну-ка, ну-ка! — напрягся Поюровский. — Убери лапу-то, убери. Пусть договорит.

Крайнюк послушался, отнял ладонь. Глаза бомжа по-прежнему смеялись, но свет из них ушел, он уже не дышал.

— Подох? — спросил Поюровский.

— Дезертировал. Можно было еще денек покачать.

— Кто такой, не в курсе?

— Откуда мне знать. Документов не держим, не регистрируем. Бомж он и есть бомж. Клементина упоминала, вроде из профессоров.

Клементина — старшая медсестра и распорядительница, пользующаяся в подвале неограниченной властью. Женщина неопределенного возраста, загадочного темперамента, по-птичьи любопытная ко всему, что исчезает. Здешняя ходячая картотека.

— Еще что говорила?

— Да чего про него говорить. Печень съедена циррозом, все остальное — тоже труха. Не стоило возиться.

Ошибка типичная, которой не избежишь, каждый третий бомж попадал к ним в таком нетоварном виде.

В гнилую кровь подмешивали консервантов — вот и весь прибыток. Поюровский прикрыл покойнику смеющиеся глаза, показалось, пальцы нырнули в череп.

Брр — неприятное ощущение!

— Слышал, как он грозил?

— Со зла это, от обиды. Не бери в голову.

В детской палате Поюровский немного оттянулся, расслабился, хотя все еще звучало в ушах зловещее предсказание. Но дети есть дети — утешение взора, как цветы. Даже здесь, в отстойнике, уложенные пачками на широких лежаках, заторможенные, с приостановленными функциями, они чудесным образом излучали радость первичного биологического синтеза. В основном сюда попадали беспризорники, к сожалению, уже подточенные, как молью, голодом, алкоголем, наркотой, а то и чахоткой, сифилисом. Их в городе, как в гражданскую, с каждым днем скоплялось все больше, гроздьями снимали их с вокзалов и с больших фешенебельных помоек по кольцевой дуге. Товару много, а толку мало, второсортный, третьесортный сырец — с одной скотинки больше тысячи не выжмешь. Но, как говорится, птичка по зернышку клюет.

Зато на чухлом фоне особенно радовали глаз полнокровные экземпляры, без дефектов и травм, поступавшие по специальным заказным

каналам, из них каждый тянул не меньше, чем на десять кусков. При этом цена удваивалась, утраивалась, если сбыт производился по индивидуальным заказам, в цельном виде.

Два таких розовощеких пупсика катнулись Поюровскому под ноги — семилетняя белокурая Наташа и десятилетний Сенечка, доставленный из Подлипок. С обоими Поюровский познакомился накануне и не забыл принести гостинец: леденцы на палочке в ярких обертках.

— Что, егоза, — игриво обратился к Наташе. — Дружба крепнет?

— Крепнет-то крепнет, — рассудительно ответила девочка. — Но я по мамочке соскучилась. Хочу поскорее домой.

— Чем тебе здесь плохо? — огорчился Поюровский. — Комната большая, светлая. И смотри сколько детей. Как в пионерском лагере.

— Дети все почему-то спят. Мы только с Сенечкой вдвоем играем.

— Что такое пионерский лагерь? — поинтересовался Сенечка, с независимым видом стоявший поодаль.

— Честно говоря, не очень веселое место, малыш.

Такие летние загоны для детей. Там их целые дни заставляли маршировать на плацу и распевать пионерские песни. А тех, кто шалил, сжигали на кострах.

— Ой! — ужаснулась Наташа.

— Вот тебе и "ой"! Вам повезло, детки, вы родились совсем в другую эпоху. Ну-ка, Наталья, задери рубашонку, послушаем сердечко.

Прижался ухом к худенькой, теплой грудке, услышал ровное — тук-тук-тук — без всяких хрипов и перебоев. Осмотрел и Сенечку, который держался настороженно, будто в чем-то подозревал доброго дяденьку доктора. Эта сладкая парочка, при удачных обстоятельствах, уплывает не меньше, чем за пятьдесят штук. Вечером он ждал звонка из Калифорнии — последнее уточнение. Где-то там, на благословенных просторах цивилизованного мира помирал еще не старый автомобильный король, и эти две никчемные, забавные славянские зверушки могли растянуть его дыхание минимум на пять лет. За это стоило платить.

— А я не верю! — грубовато отрезал Сенечка, ежась от щекотавших его пальцев.

— Чему не веришь, бутуз?

— Что детей сжигали на кострах.

— Да? И почему не веришь?

— Не верю и все. Детей нельзя сжигать. Они же не дрова.

— Надо же какой упрямец. А ты веришь, Наташенька?

— Не знаю. Я спрошу у мамы, — дипломатично ответила девочка. —

Пусть поскорее приедет за мной.

— Ах ты, хитрый клопик! Полетать хочешь? — подхватил завизжавшую девочку на руки, подбросил вверх, чуть не шмякнув о низкий потолок. Опустил на пол. Сзади надсадно бубнил Крайнюк:

— Пошли, Василий, хватит уже!

— Эх, Денис Степанович, — попенял в коридоре Поюровский. — Скучный ты человек. Нет в тебе поэзии...

Навстречу вылетела Клементина.

— Доктор, доктор, вас к телефону!

Он прошел за ней в ординаторскую, чувствуя, как засосало под ложечкой. Кто же мог разыскать его здесь, по какой срочной надобности?

Узнал Шахова не сразу, у того был незнакомо-придушенный голос, будто его черти прижали наконец.

— Василий Оскарович, надо срочно встретиться.

— У меня такой необходимости нет.

— Василий, забудь обиды. Сейчас не время. Плохие новости. Очень плохие.

— У вас уж, видно, других не бывает.

Трубка скрипнула зубами Шахова. Похоже, крепко припекло скота.

— Василий Оскарович, перестань паясничать! Имя Квебекова тебе что-нибудь говорит?

— Нет, слава Богу.

— А фамилия Архангельского?

— Первый раз слышу.

— Хорошо бы нам их вообще не слышать. Очень серьезные люди...

"Блефует или нет", — подумал Поюровский. — "Если блефует, то чересчур натурально".

— Что вы от меня хотите. Шахов? Что вы все юлите, как коммунист на исповеди?

— Поговорим при встрече, это в наших общих интересах. Не возражаешь, подскочу прямо сейчас?

— Не возражаю, — сказал Поюровский...

Мальчик Сенечка отвел подружку в укромный уголок, подальше от входной двери. Им никто не мешал разговаривать. Остальные обитатели палаты не подавали почти никаких признаков жизни, лишь изредка переворачивались с боку на бок. Их даже не кормили. Иногда приходила свирепая тетка Клема с каким-то мужиком в черном халате, втыкала в голубоватые тельца иглу и сливала кровь в стеклянные баночки. Это было удивительно и страшно. Намного страшнее, чем кошмары на улице Вязов.

Мальчик и девочка сидели на кровати, держась за руки.

— Он все врет, — сказал Сенечка. — Они нас не отпустят.

— Почему?

— Ты что, глупая? Мы же похищенные. Здесь все дети похищенные. Вон их сколько, сорок штук.

— И что с нами будет?

— Некоторых выкупят, у других кровь отсосут. Им же кровь нужна.

— Зачем?

Сенечка поморщился, : он давно убедился, что у девчонок мозги варят туго.

— У тебя мама богатая?

— Богатая.

— Значит, тебя выкупят.

— А тебя?

— Вряд ли. Папаню на бутылку-то не расколешь. Он рад будет избавиться от лишнего рта.

Девочке пришла в голову счастливая мысль.

— Не горюй, Сенечка. У мамочки хватит денег. Я ее попрошу. Она нас обоих выкупит.

Семен раздраженно отбросил ее руку.

— Ты даешь, Натка. Кому нужен чужой ребенок?

Своих бы прокормить. Нет, надо придумать что-то другое.

— Что, Сенечка?

— Побег — вот что. Можешь посидеть минутку молча?

— Конечно, могу.

— Вот и сиди. Не мешай сосредоточиться.

Наташа тихонько вздохнула. Она влюбилась в Сенечку со вчерашнего дня, как только его увидела, но он казался ей чересчур упрямым. Она не верила, что все так ужасно, как он говорит. Он нарочно ее пугает, чтобы еще больше очаровать. Все мальчишки одинаковые.

Они думают, что если как следует напугать, то девочка сразу растает. На самом деле все, что с ними происходит — и эта огромная комната, и эти широкие кровати, и эти неспящие дети — все это какая-то большая игра, которая закончится благополучно, как все остальные игры.

— Сосредотачивайся, — кокетливо шепнула она, — а я помечтаю, ладно?

Сенечка пренебрежительно цыкнул зубом, плюнул на пол и растер плевков голый пяткой.

Глава 8

СМЕРТЬ БИЗНЕСМЕНА

Шахов не доехал до клиники. Когда подошел к своей темно-вишневой "тойоте", с удивлением обнаружил, что водителя нет на месте. Это было странно, Леха Кленов проверенный кадр. Разве что в ожидании хозяина прикорнет на заднем сиденье, да так крепко, что не сразу добудишься. Тридцатилетний Кленов был лютым бабником, и по-настоящему оживал лишь ближе к ночи.

Но при этом добросовестный, исполнительный парень — и водила классный. Такого не бывало, чтобы без предупреждения покидал рабочее место. Вторая странность — обе передние дверцы открыты, и ключи торчат в замке зажигания. Хоть из офиса за стоянкой приглядывал охранник, все равно — безалаберность вопиющая.

В растерянности Шахов взобрался на водительское сиденье и нажал клаксон, спугнув пронзительной трелью двух ворон с проводов.

Кленов не объявился, но вместо него в машину сунулся незнакомый молодой человек с горящими, как у филина, глазами. Распахнул дверцу и как-то так ловко подпихнул Шахова, что тот мгновенно переместился на соседнее сиденье.

— Добрый день, Леонид Иванович! Куда прикажете доставить?

— Ты кто?

— Леху подменяю. Не извольте сомневаться.

— А что с Кленовым?

— Живот схватило. Похоже на аппендицит. На операцию его отправили.

Пока они вели нелепый разговор, на заднее сиденье уселась раскрашенная девица и с ней второй молодой человек, и еще один парень снаружи придерживал дверцу, в которую мог спастись Шахов. Он видел только костистую руку на стекле.

— Чего уж теперь, Леонид Иванович, — утешил новый водитель. — Довезу куда-нибудь.

Выехали на Садовое. Девица сзади давилась припадочным смехом, а ее кавалер зачем-то почесал Шахову затылок.

Его охватил мистический ужас, и впервые он пожалел, что не завел телохранителей, как делают все уважающие себя люди. С другой стороны, если им действительно заинтересовались те, на кого по поручению папани

намекнула Катерина, то при чем здесь телохранители? Иной вопрос: почему заинтересовались? И не им одним, а его связкой с Поюровским. Почему? Квебеков, Архангельский, Шерстобитов — это все креатура человека, чье имя все вообще не стоит лишний раз помянуть, да и кто знает его настоящее имя. Во всяком случае, не Шахов. Это иной уровень, иные сферы, ему туда не надо. Он и так достаточно высоко поднялся, но все-таки — не туда. Там, где правит главный Пахан, люди попросту растворяются в воздухе бесследно, как пыль над океаном. Конечно, там навар погуще и власти побольше, неограниченной власти, но стоит ли ради этого рисковать. В сущности, много ли надо нормальному человеку для счастья: пару, другую миллионов на банковском счете, чтобы не беспокоиться о завтрашнем дне. Он полез за сигаретами, но сидящий за баранкой парень его урезонил:

— Не-е, курить нельзя, Леонид Иванович. Мы здесь все некурящие.

Сзади второй добавил:

— Кланя, сделай укол, чтобы не шебуршился.

— Какой укол, вы что?! — Шахов обернулся и увидел, что раскрашенная стерва, шало улыбаясь, тянется шприцем к его шее.

— Эй-эй, зачем это, зачем?! — завопил он, вжимаясь тучным телом в боковую дверцу. — Вы что, ребята?!

Кто приказал?

— Цыц! — рявкнул водитель. — Рулить мешаешь...

Да ты не трись, Леонид Иванович, больно не будет.

Они как раз притормозили на светофоре на съезде к Киевскому вокзалу. Кошмарная ситуация: среди бела дня, на виду у всего города какая-то уголовная шваль глумилась, убивала солидного человека, даже не объяснив причин. Это не укладывалось в сознании, этого просто не могло быть. Но уже его обхватили сзади сильные руки, прижали к сиденью, и он ощутил будто комариный укус в шею.

— Кланя у нас мастерица, — успокоил водитель. — Ничего, сейчас полегчает, дружок.

Действительно, стало полегче. Широкая солнечная площадь, перегруженная автотранспортом, на миг поднялась на дыбы, крутнулась и тут же опустилась на место. Шахов не утратил способности видеть и слышать, но туловище огрузнело, будто накачанное дымом. И пошевелиться не осталось сил. На лицо выкатилась глупая, блаженная улыбка. Ужас растаял без следа, беспокоило лишь странное ощущение, что его опустили в тазик с теплой водой. Он догадался, что ненароком обмочился со страху, но это скорее смешно, чем стыдно.

Водитель скосил на него веселый блистающий наркотический взгляд:

— Видишь, Леонид Иванович, а ты боялся. Скоро доедем, и все будет о'кей.

— Куда едем? — прошамкал одеревеневшими губами Шахов.

Ему не ответили. Девица сзади квохтала так, словно ее насаживали на вертел. Водитель недовольно пробурчал:

— Угомонитесь, пацаны! Не можете потерпеть, что ли?

— Утерпишь с ней, — пробасил его приятель. — Она же чумовая.

— Ой, Вовочка, ну пожалуйста, ну один разок, — стонала девица. — Ой балдею, не могу!

— Извращенка, — без осуждения объяснил Шахову водитель. — Наловчилась со жмуриками кончать. Тебя тоже скоро трахнет.

— Ой трахну, — прогудела девица в ухо Шахову. — Пухляничек такой! Еще как трахну! Провожу до самого пенечка.

За окружной дорогой Шахову показалось, что он задремал, и приснился ему сладкий, заревой сон. Сонощущение, сон-греза. Во сне он занимался любовью с заполошной дикаркой на заднем сиденье "тойоты", но это было давно, в другом тысячелетии, когда он был молодой, желанный для многих. У него кудри вились, как у тигренка, и мышцы поскрипывали в такт погружению в сочную женскую плоть. Такой сон дорогого стоит. Но пробуждение было вялым, хотя и безболезненным. Они пилили через лес по грунтовой дороге, и солнце слепило ему правый глаз. Тот, кто за рулем, спросил участливо:

— Ну как, Леонид Иванович, очухался?

Шахов поерзал на сиденье: тело подчинялось, но голова по-прежнему была в дыму. Покосился назад: парочка сидела обнявшись и ответила ему в четыре пристальных глаза. Девица, с размазанной по щекам косметикой, будто догадалась, о чем он грезил, томно мяукнула:

— Потерпи, пухляничек, скоро я тобой займусь. Порадуешься напоследок.

— Нет, Кланюшка, — возразил кавалер. — Не надейся. Этого тебе не отдадут.

Въехали в ворота и покатали по территории дачи, пока не приткнулись носом к деревянным пристройкам. Водитель и его напарник помогли ему выбраться из машины, поддерживая под локотки, довели до дровяного сарая и впихнули внутрь. Дверь за спиной захлопнулась.

На нетвердых ногах, держась рукой за косяк, Шахов огляделся. Под потолком на шнурке болталась тусклая лампочка, освещающая нехитрое убранство помещения: земляной пол, устланный соломой и черными

пластиковыми мешками, на стенах орудия крестьянского труда — косы, серпы, лопаты, грабли, — как на выставочном стенде, в углу здоровенная бочка, перехваченная медными обручами, посредине — деревянный стол, покрытый клеенкой.

Лучше бы он не просыпался.

За столом сидели двое мужчин, одного он сразу признал, хотя прежде никогда не видел. Он слышал о нем, и то, что говорили, полностью совпало с тем, что открылось его глазам. У этого человека была характерная внешность — круглый обритый череп с высоким лбом, смуглое, в черноту, лицо с правильными, четкими линиями, и одет он был в рубашку с галстуком и красный пиджак, как одеваются биржевые игроки; но все это потеряло всякое значение, когда Шахов столкнулся с прямым суровым взглядом и ощутил движение мрачной силы, объявшей его, спеленавшей, погрузившей в оцепенение. Это был, конечно, Никита Архангельский, никем иным он не мог быть. Второй мужчина рядом с ним казался совершенно неприметным, бросались в глаза лишь его тяжелые, массивные руки, упертые локтями в стол и сложенные домиком, как у премьер-министра на выборах.

— Проходи, Ленечка, — позвал Никита, брезгливо оттопыря пухлую губу. — Мы тебя надолго не займем.

На подламывающих ногах Шахов добрался до стола и плюхнулся на табурет.

— С собой-то управляешь? — спросил Архангельский. — Или взбодрить?

— Вполне управляю, вполне, — заискивающе забормотал Шахов, каким-то не своим, писклявым голоском. — Ваши ребята, Никита Павлович, вкололи чего-то, но уже прошло, совсем прошло. Я в полном порядке, спасибо!

Он старался увильнуть от пронизывающего взгляда чудовища, но это ему не удавалось. Он был скован незримой стальной цепью.

— Видишь, Хорек, — улыбчиво обратился Архангельский к своему напарнику. — Узнал. Они меня всегда узнают. Даже не пойму, в чем дело... Ладно, Леонид, подписывай бумаги, и закончим на этом.

Спустя глаза, Шахов увидел, что на клеенке действительно лежат какие-то документы, с четкими грифами и штампами. Пребывая в полуобморочном состоянии, он все же сообразил, что подписывать нельзя, это ловушка, подпишешь — и адью. Но как не подписывать, если требуют.

— Прочитать бы... — попросил нерешительно.

— Читай, кто тебе не дает.

— Но вы не рассердитесь?

— Читай, читай. Пять минут туда-обратно — какая разница. Верно, Хорек?

— Грамотный больно, — буркнул Хорек и с хрустом переломил ладони, сложенные домиком. От этого хруста у Шахова в мозжечке ответно скребануло. Он поднес бумаги к лицу, ловя свет от лампочки, с трудом вчитался в текст. По первому документу он переводил в дар какому-то Евлампию Захаровичу Пешкову пятикомнатную квартиру в Столешниковом переулке, второй документ представлял собой безупречно оформленную доверенность на номерной счет в Швейцарском банке, третья бумага была ничем иным, как его собственным коротеньким завещанием. Там было сказано:

"В моей смерти прошу никого не винить. Другого выхода у меня нет. Прости, Катерина. Береги детей. Твой Леонид.

Число".

Шахов протер ладонью глаза, прочитал еще раз: нет, все в порядке, ничего не напутано. Глубокое отчаяние, подобное сердечной судороге, овладело им.

— За что?! — спросил он как можно тверже. — В чем я виноват? Объясните, пожалуйста.

— Как за что? — удивился Архангельский. — Погулял и хватит. Другие тоже погулять хотят. Подписывай, Леня, не тяни волюнку. У нас ведь время ограниченное.

— Так не бывает! Вы с ума сошли!

Тот, кого звали Хорьком, еще раз хрустнул костяшками пальцев. Заметил с любопытством:

— Щебечет пташка!

— Ну да, — согласился Архангельский. — Наел буркалы, потому и щебечет... Что с тобой, Леонид? Закона не знаешь?

— Какого закона?! — в исступлении Шахов попытался встать, но широкая длань Хорька придавила его к табурету.

— Будешь дрыгаться, — вразумил Архангельский, — помирать долго придется. Подписывай, Леня, зачем тебе лишние хлопоты.

— Устройте встречу с боссом, — взмолился Шахов. — Вы не понимаете, это какая-то роковая ошибка.

— У нас не бывает ошибок. Это ты ошибся, Леня, когда связался со шпаной. Наследил, папу потревожил.

Головой надо было думать, а не жопой.

— Какая шпана? Какой папа?

Тот, кого звали Хорьком, осторожно сдвинул бумаги в сторону, захватил Шахова за загривок и с размаху ткнул носом в стол. Прыгнули до неба золотые снопы огня. Кровь и сопли оросили грудь. Сквозь розовый туман он смутно различал лица. Шахов понимал, что все кончено. Если бы еще не предательский укол в машине, выкачавший всю волю! Стройной чередой пронеслось перед слезящимися глазами все, что оставлял на земле: богатые хоромы, накрытые столы, женские ляжки, три дочурки, ливрейный лакей Данила со своим "данке шен", кусты белой сирени, дымный полумрак Сандунов, тягучий шорох рулетки, — все мелькнуло и рассыпалось на блестящие фрагменты. Игра сделана, господа.

Осталась шариковая ручка в вялой ладони да три галочки на документах — крохотный следок перед вечностью.

— Ну! — рыкнул Архангельский, вонзая сквозь летящую мишуру черные стрелы неумолимой судьбы. — Подписывай, гаденыш! Не испытывай моего терпения.

Оно не беспредельно.

Шахов зарыдал и так, плача, подмахнул одну бумагу, вторую, над третьей, над завещанием, помедлил.

Вдруг мозг озарила спасительная догадка.

— Никита Павлович, но ведь нужен нотариус! Без нотариуса недействительно, не имеет юридической силы.

— А это по-твоему кто? — успокоил Архангельский, ткнув пальцем в Хорька. — Чем не нотариус?

Хорек бухнул кулаком в литую грудь.

— Не сомневайся, гнида. Пиши!

И все-таки Шахов устроил маленькую подлянку: на завещании расписался криво, изменил факсимиле — последний акт сопротивления. Архангельский это заметил.

— Химичишь, Леонид? Бизнесмен, депутат. Нехорошо, стыдно... Ладно, давай ложись!

— Куда ложиться?! Зачем?!

Тут же он увидел — куда. Похохатывая в усы, Хорек стащил его с табуретки и швырнул на полиэтиленовые мешки с такой легкостью, будто в нем не осталось никакого веса. Под голову подкатил деревянный чурбак.

Никита Архангельский наступил ему ботинком на поясницу, прижал к полу. Шахов пытался подглядывать одним глазком, отчего больно свело шею. В руках нотариуса невесть откуда взялся большой топор с просторным, сияющим лезвием, каким рубят мясные туши в подсобках. Рядом с чурбаком, тоже будто само собой, возникло эмалированное ведро.

— Поаккуратнее, Хорек, — раздалось словно с небес. — Не набрызгай, как в прошлый раз.

— Постараюсь, барин! — гоготнул палач.

— Мамочка! — пропищал Шахов. — Да что же вы делаете, господа?! Да разве так можно?!

Увидел, как серебристая дуга обрушилась на затылок. В мгновение ока его робкая душа выскользнула в открывшуюся дыру, порхнула под потолок, закрутилась, забилась, обжигаясь об лампочку. Голова Шахова, секунду зависнув на полоске кожи, ловко скакнула в ведро, туда же схлынула тугая струя темноватой крови, запенилась, взбугрилась, обретая множество жизней вместо одной.

— Ну как? — похвалился Хорек, обтирая лезвие топора пучком соломы.

— Лепота! — похвалил Архангельский. — Умеешь, если захочешь.

— Я чего понял, Никита. Главное, не пить перед работой. Даже кружка пива влияет. Уже цепкость не та.

— Хорошо, что понял, — сказал Архангельский.

Глава 9

БОГИНЯ СПЕЦНАЗА

Подступил сентябрь — месяц печали. На пожелтевший лес пролились ледяные дожди. Природа исподволь готовилась к зимнему сну.

Лиза Королькова пообвыкла в школе, ей все больше нравилась такая жизнь, размеренная, без пробелов, расписанная по минутам. Все дни были похожи один на другой, как солдаты в строю, в них не оставалось места горю.

Многоликое прошлое таяло, отступало, все чаще Лизе казалось, что она родилась только этим летом. Бегала, плавала, дралась, добросовестно изучала милицейскую науку, осваивалась с хитроумными приборами и инструментами, училась языку птиц и зверей, старалась добиться высшего балла и когда слышала скупую похвалу наставника, расцветала, как рябиновый куст. Если бы ее сейчас увидел Сергей Петрович, то вряд ли признал бы в поджарой гибкой девице с настороженными глазами, с кошачьей повадкой, с детской улыбкой на загорелом лице, вспыхивающей подобно петарде, прежнюю томную и изысканную даму, менеджера "Тихого омута". С каждым днем Лиза все острее ощущала, что вот еще малый бросок, и она вдруг поймет, зачем появилась на свет. Приятная, умиротворяющая иллюзия...

О необычном экзамене Лиза была предуведомлена всеведующей Анечкой Петровой, но все же растерялась, когда в одну из темных, последних ночей лета в комнату ворвались четверо бесенят в масках, распяли ее на кровати и быстро, молчком, по деловому изнасиловали. Она знала, что мерзкую сцену снимают на пленку, и держалась с достоинством. Не трепыхалась, не сопротивлялась, в меру повизжала, пока не залепили глотку пластырем. На четвертом партнере, когда полагалось по протоколу сомлеть, изловчилась и врезала насильнику пяткой в промежность. Удар провела точно, взрывоопасно, по полной схеме любимого наставника Севрюка. Слабо похрюкивающего борова товарищи выволокли из комнаты полуживого, но это, разумеется, был прокол. На утреннем разборе инструктор Щасная раздраженно объяснила Лизе ее ошибку. При натуральной ситуации за эту выходку ее попросту прикончат.

Нет, возразила Лиза, ведь я сразу лишилась сознания.

— Покажи как, — ехидно заметила Калерия Ивановна.

Лиза выдохнула воздух, закатила глаза, захрипела и повалилась на пол

без чувств. Щасная осторожно проверила степень ее притворства. Пульс замедлен, кожа бледная, зрачки неподвижны — все как при нормальном глубоком обмороке. Щасная в изумлении отступила. Миновали дни, когда она могла застать эту девочку врасплох, теперь, напротив, сама ее побаивалась. Может быть, Лиза Королькова действительно, как уверял Севрюк, сверхценное приобретение для школы, может быть, у нее большое будущее, но она лично не была убеждена в здравости ее рассудка и писала об этом в еженедельных отчетах.

Она побрызгала на Лизу водой:

— Ну и что ты этим доказала? Типчики, с которыми тебе придется иметь дело, не разбирают, мертвая или живая. Вот поставлю незачет и будешь пересдавать, как миленькая.

Лиза с трудом выкарабкалась из потустороннего мрака.

— Конечно, Калерия Ивановна, вы, как всегда, правы. Я погорячилась, признаю, простите!

— Попросить прощения — мало. Объясни, почему ты так поступила? Чуть не убила парня. Ты же знала, что изнасилование игровое, сугубо для закрепления рефлексорной памяти. Выработка навыка психологического самосохранения. Или тебе что-то неясно?

— Я сумасбродка, — призналась Лиза, — Наверное, не вписываюсь в стандартную модель.

— Твое сумасбродство называется хулиганством.

По-хорошему, я должна отправить тебя в карцер.

— Второй раз, — напомнила Лиза.

"Маленькая тварь, — подумала Щасная, — ее Наивность шита белыми нитками. Так и норовит показать зубы". Как ни чудно, она не испытывала злости к сероглазой курсантке. Она сама однажды, давным-давно, не вписалась в стандартную модель и поплатилась за это жестоко: потеряла престижную работу, семью и очутилась, в конце-концов, в этой резервации, откуда даже выход на пенсию проблематичен. Отсюда состарившихся преподавателей обыкновенно выносили ногами вперед. Щасная ловила себя на том, что наблюдает за девочкой с тайной нежностью. Лиза Королькова с ее врожденной отчаянностью, с ее внешностью и способностями, возможно, когда-нибудь сумеет расплатиться с миром за многих женщин, обделенных судьбой. Хмуρο процедила:

— Ступай, Королькова. Готовься к следующему занятию. Я подумаю, что с тобой делать.

— Надеюсь, — полубопытствовала Лиза, — с бедным мальчиком не случилось ничего плохого?

— Нет, ничего. Если не считать, что у него вряд ли будут дети.

...К этому времени Лиза обзавелась знакомыми (посещала групповые занятия, хотя бы те же спаринг-ринга), но для душевного равновесия ей хватало дружбы с Анечкой Петровой. Не прошло недели, как ей стало казаться, что до Анечки у нее вообще не было подруг. Может, так оно и было. Все прежние подруги остались в прежней жизни, а вся прежняя жизнь умещалась в хрупкие листочки воспоминаний.

Анечка искренне недоумевала, как это Лиза, очаровательная молодая женщина, может столь долго (три недели) обходиться без мужчины и при этом не сломаться душевно. Смеясь, поинтересовалась, не имеет ли та виды на нее самое и, не дожидаясь ответа, предупредила, что хотя ей это "не в кайф", ради сострадания готова к услугам. Лиза ее успокоила, заявив, что она нормальная баба и тоже, если уж сильно приспичит, предпочитает, вопреки новомодным веяниям, противоположный пол, но у нее на воле остался любимый человек, которому она обещала хранить верность. Анечку эти слова озадачили.

— Не врешь?

— Про что — не вру?

— Ну что верность и все такое?

— Разве ты никогда не была влюблена?

Анечка задумалась и даже, как показалось Лизе, смутилась, словно ее уличили в каком-то несоответствии.

— Была, конечно. Я и сейчас влюблена. Да я ни дня не прожила без любви... Но ведь, Лиза, все мужики одинаковые скоты, разве не так? Прости, но думать о ком-то об одном, как о единственном..., ведь это же глупо.

Это же как в прошлом веке родиться.

Лиза понимала, какой жизненный опыт продиктовал Анечке это, отчасти, конечно, справедливое умозаключение, но согласиться с ней не могла.

— Нет, не глупо. Вот когда много мужчин, тогда получается, что нет ни одного.

— Ну и что? Пусть ни одного. Зато есть свобода. Зачем добровольно навешивать на себя такой жернов, как любовь? Проще горб прицепить на спину.

— Если бы добровольно, — улыбнулась Лиза. — Любовь как наваждение или тиф. Я тоже раньше в это не верила, думала, красивые сказки, которыми девочки тешатся. Но это все правда... Аня, а ты меня не разыгрываешь?

— Не разыгрываю, нет... Просто я наверное бесчувственная. Бывает, кто-то понравится, тянет к нему, прямо плачу. Потом приглядишься, вон еще один красавец, вон еще другой, с ними тоже хочется попробовать... Как же так?! Любовь! Все равно что одно и то же блюдо запихивать в себя всю жизнь. Сытым, может, будешь, но ведь тошнить начнет.

— Меня пока не тошнит, — сказала Лиза. — А ты просто не знаешь, о чем говоришь.

— И не хочу знать.

Разговор произошел в одну из ночей, когда Анечка по обыкновению проскользнула к ней в комнату после отбоя. Они лежали на узкой кровати при потушенном свете почти в обнимку, и от Анечки, успевшей к этому часу отведать скромного, привычно пахло мокрой травой и мужским потом. В их ночном бдении под темный гул дождя за окном было что-то завораживающее, колдовское. Слова падали в неведомую глубину, обретая неожиданный смысл. Болтали о мужчинах, о любви, а получалось — исповедовались.

Анечка попала в спецшколу не таким затейливым путем как Лиза. Она уже сюда пришла с лейтенантскими погонями. С гордостью поведала Лизе, что в школу направляли после строгого отбора, самых перспективных, тех, на кого возлагали большие надежды. Кто посылал и какие именно на них возлагали надежды — Анечка толком не знала, но уж во всяком случае это были люди, которые не делали ошибок.

— Так уж и не делали, — усомнилась Лиза. — А со мной?

— Что — с тобой?

— Со мной как раз ошиблись твои мудрецы. Я вообще не понимаю, зачем я здесь.

Анечка приподнялась на локте, в лунном свете глаза как две яркие пуговицы.

— Ты правда так думаешь?

— Как еще думать? Здесь я чужая. Я не ищу приключений. Все, чего мне хочется, выйти замуж за Сережу и нарожать ему детей. Кстати, он меня сюда и отправил.

— Он кто?

— Увы, милиционер. Я согласилась, потому что боюсь его потерять, если буду слишком упираться.

— Лиза! — Анечка руки закинула за голову, потягивалась, как сытая кошка. — Как я тебе завидую!

— Из-за Сережи?

— Еще чего! Таких Сереж на свете полно. Завидую, потому что ты

будешь богиней спецназа. Позавчера я видела, как ты стреляла. Всадила три пули в десятку, на четвертой сплеховала и побледнела, будто умерла. Я бы не хотела, чтобы ты была моим врагом. Ты недавно в школе, но я не знаю никого, кто не хотел бы с тобой подружиться. О тебе говорят больше, чем о ком-нибудь другом. Безумная Калерия тебя боится. Ты многого просто не замечаешь, а я вижу. Вот тебе, пожалуйста, Леха Смолин, ну, сержант, с которым ты бегала, он меня попросил: выясни, дескать, осторожно у Лизки, не обижается она на меня. Иногда от тебя тянет холодом, как из могилы, а иногда ты горячая, точно из бани.

Сейчас ты молчишь, а я слышу твое сердце. Понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — засмеялась Лиза. — Тебя угостили коньяком перед тем, как уложить под кустик.

— Нет, — торжественно изрекла Анечка. — Совсем не это. Это значит, наступит время, когда многие из нас будут гордиться знакомством с тобой.

Нельзя сказать, чтобы пылкие восторги подруги, высказанные столь неожиданно, были неприятны Лизе.

И она, конечно, покривила душой, когда заявила, что все здесь для нее чужое. Правда была как раз в том, что она слишком быстро освоилась в школе, это приводило ее в замешательство. Получалось, что раньше она себя почти не знала. То есть хорошо знала другую себя, ту, которая продалась за зеленые бумажки и осталась погребенной в "Тихом омуте", в замечательной фирме, поставлявшей на невольничьи рынки дешевое женское мясо. На ту, прежнюю, ей стыдно было оглянуться, она не хотела ее больше знать. Сначала в больнице, позже в объятиях ироничного блистательного майора и, наконец, здесь, в лесной школе, где людей учили хитроумным навыкам выживания и смерти, она обрела свою новую сущность, и это было похоже на пробуждение после долгого пьяного ночного кошмара. Переход был столь резкий, что захватывало дух...

Вскоре после успешного зачета по изнасилованию ее вызвал подполковник Евдокимов, начальник школы.

Как и в первую встречу, он смерил ее таким взглядом, будто увидел вспрыгнувшую на порог зеленую жабу.

— Номер четырнадцатый?

— Так точно, товарищ подполковник.

На столе перед Евдокимовым лежала раскрытая канцелярская папка, куда он заглянул одним глазком, все с той же grimасой крайнего отвращения. Похоже, ему всюду мерещились жабы. Однако Лиза была уже не та, чтобы смутиться или оробеть. Вдобавок немало наслышалась от

Анечки про этого властного мужчину, с крутым, как у лося, лбом. Не было дня, чтобы подруга не заводила о нем речь. Он был одним из немногих в школе, кого ей не удалось совратить. Причем одна из первых отчаянных попыток чуть не вышла ей боком.

Она редко сталкивалась со столь упорным сопротивлением, поэтому, измученная тщетными усилиями добиться взаимности, решила сыграть ва-банк. Однажды подстерегла его на закате дня, когда, по ее предположениям, никто не мог их потревожить, влетела в кабинет, защелкнула "собачку" и, не мешкая, сбросила на пол комбинезон. Предстала перед хозяином во всей своей пылкой юной красе. Ожидала любой реакции, ко всему была готова, но только не к тому, что произошло на самом деле. Подполковник оторвал от стола чумную башку (Лиза ясно представила эту картинку), холодно поинтересовался:

— И что дальше?

— Люблю, Егор Егорович! Не гоните. — Никто не узнает. Измучилась я, пожалейте!

Анечка привыкла к тому, что когда она признавалась в любви, никто не подозревал, что она бессовестно врет. Мужики в этом отношении доверчивы, как щенята.

— Правда, что ли, влюбилась? — уточнил подполковник.

Анечка уже пересекла комнату, нависла над столом распаленной, жадной плотью.

— С ума схожу... А то вы не видите? Прогоните — лучше в омут!

— Забавно, — кивнул подполковник, и ей показалось, что поддается, клюнул. Поднялся и неторопливо развернул ее задом. Анечка готовно изогнулась, махнув волосами по столу, встала поудобнее, полагая, что, вероятно, затруднительная любовная поза наиболее подходит ему, как начальнику. Евдокимов подхватил ее под мышки, донес до двери и, пробурчав загадочную фразу:

— Еще тебе учиться и учиться, лейтенант! — наподдал с такой силой, что весь длинный коридор она пролетела ласточкой и врезалась в деревянный щит с противопожарным снаряжением. Пока очухивалась и постанывала, к ней вернулись ее шмотки, и Евдокимов, как во сне, погрозил издали пальцем:

— Не балуй, лейтенант. Побольше думай о занятиях.

За плечами сорокалетнего десантника было много такого, от чего другой человек, в другой стране неминуемо потерял бы голову, натворил глупостей, перерезал себе глотку, проклял Всевышнего и сгинул в тартарары, но только не Евдокимов. От звонка до звонка он прошел

беспамятную афганскую войну, где схоронил немало славных товарищей и после которой изведал первое предательство, когда его встретили дома сочувственными улыбками, окрестили "афганским синдромом" и посоветовали поскорее забыть те места, где воевал, и никому о них не рассказывать. Потом была чеченская бойня, ловушка каменных стен бывшей казачьей станицы, куда его послали неумолимым приказом во главе двух сотен необстрелянных юнцов, оставили без огневой поддержки на потеху невидимому врагу, отстреливающему русских сосунков, как мишени в тире, и он как зверь метался по городу, раздуваемый гневом и болью, так и не сумев понять, что же произошло. Он остался живой, потому что хотел разобраться. В течение следующего года в великом напряжении, с такими же, как он, русскими пехотинцами, трижды выводил бандитскую нечисть на линию прямого удара, загонял в горы, но всякий раз в предвкушении мучительной победы получал приказ остановиться и замереть. Он не знал, откуда идет измена, но каждый день чуял за спиной ее угарное дыхание. Ему не дали дотянуться до врага, да, наверное, и слава Богу. Гибким мужицким умом он уже понимал, что настоящий его враг не в горах, не на линии огня, а прячется, как сытая гадюка, в теплых далеких кремлевских палатах. Не один догадывался, многие, да что толку... Потом им объявили, что война окончена, посажали в теплушки и отвезли зализывать раны в сырую, промозглую ставропольскую осень. Там все узнали из телевизора, кем они были в действительности все это время — оккупантами, трусами, мародерами и пушечным мясом.

Но это не все. Кто-то взял на заметку неукротимого, глотающего пули, как слезки, вояку и отомстил ему люто. В далекой Курской губернии, в поселке Звонарево у него жила небольшая семья: старик со старухой, молодая жена и пятилетний сынок Гришуня, золотоголовый одуванчик. Когда добрался до дому, то уже никого не застал в живых. В холодную зимнюю ночь неведомые злодеи подложили под худую избенку тротил и подняли в небо целиком всю семью. Его утешили: никто долго не мучился. Намекнули: бандиты. Пообещали: прокуратура завела дело, найдем, — он никому не верил и никого больше не слушал. Сердце заклинило стальной скобой, и на волосах проступила седая изморозь. Вот тогда, чтобы смягчить зажим и ослабить удавку судьбы, он ушел в двухмесячный запой, как в бездонное чистилище.

— Зачем же ты к нему полезла? — удивилась Лиза, когда услышала всю эту историю от Анечки. — Разве ему теперь до баловства?

— Не знаю, — призналась Анечка. — У меня когда мужик соскальзывает, прямо умопомрачение какое-то наступает. Возбуждаюсь

очень. Тем более с Егорушкой.

Ой, не могу! Он же весь как жила натянутая, в самом соку — и один. Жаль ведь его, богатыря сиротливого.

— Разве так жалеют?

— Только так, Лиза, — уверенно заметила Анечка. — А как иначе? Кроме ласки, чем еще пожалеть?

...После паузы, уставясь в Лизу желчным взглядом, Евдокимов спросил:

— Уже пообтесалась немного?

— Стараюсь, товарищ подполковник.

— Говорят, ты с норовом. Это плохо.

— Борюсь, как умею.

— По гражданке скучаешь?

Лиза вдруг различила в глазах подполковника, за мутью беды, простодушное любопытство.

— Скучаю, Егор Егорович, по одному человеку, больше ни по кому. У меня на воле ничего дорогого не осталось.

Евдокимов крикнул, порылся в ящике стола, сунул в рот сигарету.

— Садись, чего стоишь... Интересная ты девица...

Я ведь думал, недели не продержишься.

Лиза осторожно присела на табуретку. Боялась спугнуть доброе настроение Евдокимова. Ей очень хотелось ему понравиться. Но без всяких женских заморочек.

— Сама удивляюсь. Мне тут хорошо, спокойно.

— Самуилова откуда знаешь?

— Я его один раз только видела.

— А кого из наших знаешь?

— Может быть, Лихоманова? Это он меня водил к генералу.

— Лихоманов?

— Я не уверена, что это его настоящая фамилия. Он директор "Русского транзита". Сергей Петрович Лихоманов. Кличка вроде бы Чулок.

— Кличка, говоришь? Почему же Самуилов лично тобой интересуется? Звонил вчера, справлялся.

У Лизы екнуло сердце. Вот и дождалась привета от суженого, хотя и через вторые руки. Ей страшно захотелось курить, но не осмелилась спросить разрешения.

Тонкая ниточка взаимопонимания, которая между ними протянулась, могла лопнуть от неосторожного натяжения. Изобразила удивление.

— Не могу знать, товарищ подполковник. Возможно, у Самуилова

какие-то особые на меня виды.

— На что намекаешь?

Усилием воли Лиза заставила себя слегка зардеться.

Когда-то ей это проще давалось.

— Что вы, Егор Егорович, ни на что не намекаю.

Как можно. Да я вообще не по этой части.

Евдокимов оглядел ее, скромно потупившуюся, с сомнением, как разглядывают манекен на витрине.

— По какой ты части, нам известно... Как спишь по ночам?

— Хорошо, спасибо.

— Головные боли не мучат?

— Нет, все в порядке.

— У врача когда была?

— Вчера проходила осмотр. Сбросила еще три килограмма.

Быстрым движением кисти Евдокимов швырнул ей пачку сигарет "Лаки Страйк". Целил в лицо, Лиза перехватила пачку на лету.

— Можно закурить?

— Кури, если хочешь, — Евдокимов впервые разлепил губы в скудной улыбке, отчего хмурое лицо будто окропилось росой. — Да, непростая ты девица... А зачем с Петровой путаешься?

— Правилами не запрещено, Егор Егорович.

— Разве вы пара? Она ментяра натуральная, ты иных кровей. Что общего?

Лиза решила, что можно показать коготки.

— Полагаю, имею право выбирать себе друзей.

Или нет?

Евдокимов вылез из-за стола, прошелся по кабинету. Громоздкий, могучий, но двигался так, словно рысь в клетке. "Как натянутая жила, — вспомнила Лиза подругу, — и один!" Уселся напротив, мягко, без нажима сказал:

— Не имеешь, Лиза. Пока ты с нами, ничего личного, тайного у тебя не будет. Весь вопрос в том, готова ли ты к этому.

— Я готова, — быстро ответила Лиза.

— Хорошо. Тогда так. Завтра пойдешь в яму. Это не карцер, это хуже. Сколько продержишься, столько твое.

Потом опять поговорим. Удачи тебе, Четырнадцатый номер!

— Вам взаимно, Егор Егорович.

* * *

В заточении она быстро потеряла счет времени. На двух тросах ее

опустили в глубокий (метров десять?) колодец, постепенно сужающийся книзу. Дно колодца представляло собой округлую земляную площадку размером с блюдце: можно было стоять или сидеть, согнув ноги в коленях, — не более того. Еще можно было, упираясь ногами и руками в конусообразные стены, обитые чем-то вроде рубероида, подняться вверх метра на два, на три. Отличное упражнение на растяжку.

Лизу усадили в колодец под вечер. Солнце стояло высоко, но внизу царил смолянистая тьма; поднесенные к лицу пальцы тускло светились. Высоко над толовой мерцал, как в небе, призрачный, голубоватый пятаяк выходного люка. Лиза подумала, что если школа таким образом избавляется от нерадивых учеников, то подышать ей придется в ужасных мучениях. Евдокимов сказал, сколько продержишься, столько твое, и она сразу решила, что пробудет в жуткой ямине не больше получаса, а потом, как оговорено, подаст знак в портативное переговорное устройство, прикрепленное на поясе. Кроме этой примитивной радиотрубки, у нее с собой не было ничего, даже наручных часов.

Часа через четыре (в тот момент она еще приблизительно ориентировалась во времени) Лиза задремала, свернувшись в клубок, с ощущением, что засыпает в чреве земли, как в мамином животе. Но отдохнуть не удалось, затекала то рука, то нога, потом вдруг все тело разбухло, как тесто в кастрюле, и зачесалось сразу во всех местах. Она уже хотела шумнуть на помощь, но почему-то этого не сделала. Постепенно она пришла к мысли, что сумрачная ловушка, этот сырой звериный капкан, вероятно, и есть самое логичное завершение ее пустой, никчемной жизни.

Через какие-то сроки, скорее всего, утром, сверху спустили бадью с горячим чаем и хлебную пайку, намазанную маслом. Лиза нехотя пожевала, выпила как можно больше чаю впрок и подергала веревку: тяните, голубчики! Ей хотелось поскорее опять остаться одной.

Одиночество в земляной могиле — вот, оказывается, чего ей не хватало, вот к чему подспудно всегда стремилась ее душа. Если бы не ломота во всех членах, не сердечные спазмы, не свинцовая тяжесть в затылке, она была бы вполне счастлива своим новым положением, в котором ничего не надо менять, столь оно надежно и устойчиво.

Потом, неизвестно откуда, накатили галлюцинации и животный страх. Во сне ли, наяву ли, почудилось, что она уже не в колодце, а в объятиях черного глиняного спрута, прилепившегося к ней в тысяче местах и высасывающего через крохотные дырочки ее кровь. Она будто отчетливо видела, как высыхают, лопаются, один за другим ее сосуды, провисают, как провода, пустые слипшиеся вены, рушатся, ломаются хрупкие кости,

слезает, опадает шелушащаяся кожа, — и вот уже весь ее согбенный остов ужался, уместился на земляной тарелке невзрачной кучкой какой-то дряни; но самое ужасное было в том, что в глубине этой копошащейся кучки, на присосках спрута каким-то образом сохранилось ее было сознание и жалобно, безмолвно, тихо взывало: что это, о Господи? Неужто так бывает?!

Один бред сменялся другим, в коротких промежутках она получала свою бадью с горячей пищей и воду в плетеном сосуде, жадно насыщалась для новых снов, и покрывала свободное пространство мелкими черепашьими кучками испражнений. Ни запах, ни грязь ее больше не беспокоили, она вся ими пропиталась. Время совершенно исчезло, но минуты бодрствования были, конечно, утомительнее, чем галлюцинации, и она стремилась по возможности их сократить.

В бреду границы колодца раздвигались, оказалось, что под землей полно чудесных мест: заливных лугов, бурных потоков, тенистых лесных лужаек. Лиза загорала, вставала под сверкающие, упругие водяные струи, валялась на траве, ловила кузнечиков, но ни на миг не забывала, что это всего лишь мираж.

Ликование сердца обязательно пресекалось появлением чудовищ, которые собрались в колодец, по всей видимости, со всей округи, а может быть, со всех уголков земного шара. Чудища были столь разнообразных и колеблющихся обликов, что глаз уставал за ними следить. В некоторых угадывались знакомые черты, они напоминали живых людей, с которыми Лиза встречалась в реальности, другие пожаловали из ужастиков, помесь Фредди Крюгера с обаятельными зубастиками, но большинство были фантомами ее собственного воображения, и именно от них исходил какой-то тухлый, промозглый, неодолимый страх. С теми, кто родился в ней самой, в глубине ее естества, не о чем было разговаривать, их напрасно было о чем-то просить. Зато управиться с ними было легче, чем с теми, кто явился из смежных миров. Лиза зажмурировала глаза, трясла головой, бормотала:

— Сгинь, нечистая сила! — и серые, блеклые тени с выпуклыми бельмами и с присосками мгновенно смывала пробудившаяся звонкая волна рассудка. Вновь зеленели вокруг поля и струилась в ушах вечная песня речной воды.

Но однажды в колодец заглянул обыкновенный человек в простом рабочем халате, с непроявленным, нечетким лицом, вдобавок с надвинутой на глаза черной кепкой, примостился с ней рядом на корточки и тихим голосом задал проникновенный вопрос:

— Ну что, сучка двуногая, подохла уже или нет?

Лиза поняла сразу, от этого человека не отвяжешься, как от прочих чудовищ, надобно с ним столкнуться.

— Ты кто? — спросила она.

— Сама разве не чуешь?

— Смерть что ли моя?

Человек рыгнул, на миг блеснули из-под кепки два светлых жала, как змеиные язычки.

— Боишься смерти, сучка?

— Нет, не боюсь. Ты спросил, подохла ли я? Отвечаю, подохла. Давно подохла. И что тебе надо еще?

— Не так все просто, — возразил человек. — Ты всегда очень спешила, а зря. Обними меня крепко, тогда узнаешь, что такое настоящая смерть.

По замиранию души, по глубокому обмороку Лиза догадалась, что явился наконец ее главный страх, всепоглощающий, как серная кислота, и решила его перехитрить.

— Ты призрак, — сказала она. — Тебя нельзя обнять.

Улыбаясь, дергаясь, человек начал заново проявляться: кепка полезла на лоб, открыв зияющие провалы невидящих глаз, руки налились мускулами, грудь с треском распахнулась, и оттуда глянуло на нее нечто зеленоватое, колышащееся, волосатое, смердящее, чему не может быть названия.

Лиза вскрикнула, ощутив свирепую боль в висках, — и очнулась.

Она сидела враскоряку, оторвавшись от пола, с силой упиравшись ногами в стены колодца. Сверху свалилась на голову плетеная бутылка с водой. Лиза шмякнулась на задницу и жадно высосала воду до дна.

С приходом человека в рабочем халате и кепке все остальные чудовища попрятались, отступили в тень, страшась попасться ему на глаза. Лиза их хорошо понимала. Она проводила теперь с ним большую часть времени, редко вырываясь в луга и реки, и все их беседы складывались однообразно: час за часом он уговаривал ее обняться, а она придумывала всевозможные уловки, чтобы уклониться. Постепенно человек-страх научился перемещаться следом за ней повсюду, из галлюцинации в галлюцинацию, обретая все более явные черты, из призрачного становясь почти реальным, и однажды ухитрился выйти за пределы бреда и очутился рядом с ней в момент пробуждения на сыром дне колодца.

Смрадным дыханием опалил ее кожу.

— Уж теперь-то никуда не денешься, сучка, — прогнусил

самодовольно, обнажая беззубые сизые десны.

У Лизы не осталось сил сопротивляться. Она знала, что сейчас произойдет. Он рванет, раскупорит свою волосатую грудь, придвинется к ней, и она провалится в слизистую глубину навсегда, как в болотную жижу.

— Значит, ты все-таки смерть?

— Хуже, значительно хуже, — заурчал кепарь. — Смерть — избавление, ты ее ждала. А я то, что происходит потом.

Лиза не верила, что сошла с ума. Это тоже было бы слишком просто. Она приблизилась к какой-то великой отметине, к откровению, с которым не мог совладать ее прежний ум, а другого ума у нее не было. Из пустых глазниц ожившего человека-призрака-зверя-страха пролился малиновый свет — Ну? — поторопил он. — Не надоело играть в прятки? На что надеешься? Расслабься, угомонись. Из этого мрака не возвращаются. Придвинься поближе, сучка!

— Нет, — бесстрашно отказалась Лиза. — Тебе не удастся меня слопать. Ты такой же сон, как другие сны.

Я проснусь, и тебя не будет.

— Попробуй, — согласился призрак, — но только в последний раз. Не сумеешь, пеняй на себя.

Она попробовала, и у нее получилось. На это пробуждение она истратила всю себя и постарела на тысячу лет. Ее тело больше не принадлежало ей, стало частицей природы, внутри которой сокрыты все тайны земного пребывания. Так сладостно было осознать, почувствовать в долгом полете, что нет ни яви, ни смерти, ни пробуждения, ни бреда, а есть лишь перевоплощение, переход из одной сущности в другую, и справиться с этим так же легко, если захочешь, как напиться воды из-под крана.

Счастливая, она спокойно дремала на дне колодца, прижав ладони к пылающим, мокрым щекам...

На двух тросах ее вытянули наверх, и знакомый голос произнес:

— Помедленнее, Лиза, помедленнее, не открывай сразу глаза, ослепнешь.

В полутемной комнате с зашторенными окнами она окончательно проморгалась. Увидела восхищение в глазах Евдокимова, и улыбающееся, заплаканное Анечкино личико, и укоризненный прищур доктора Крайкова; возвращение было приятным, но она боялась расплескать новое знание, почерпнутое на дне колодца, может быть, роковое, спасительное. Анечка не выдержала, с визгом кинулась ее обнимать.

— Петрова! — одернул Евдокимов. — Пошла вон отсюда! Тебя кто сюда пустил?

Анечка дерзко рассмеялась ему в лицо.

— Какой вы неумолимый, Егор Егорович. Прямо жуть!

— Со мной что-нибудь не так? — спросила Лиза.

— Все так, — ответил доктор, пристально в нее вглядываясь. — Вот это и удивительно.

— Не ожидал, — проворчал Евдокимов. — Честное слово, не ожидал. Кто бы мог подумать. Восемнадцать дней.

— Да, — кивнул доктор. — Против обычных пяти-шести. Тебе что, Королькова, понравилось в яме сидеть?

— Да я вроде наверх не просилась.

— И сколько ты могла продержаться?

— Год, два, сколько надо, — скромно ответила Лиза. — В яме хорошо. Никто тебя не шпыняет, никто не грубит.

Евдокимов махнул рукой и пошел к двери. Дескать, разбирайтесь теперь без меня. Лиза еще не знала, что установила школьный рекорд выживания. И еще не видела в зеркале снежную прядь, опустившуюся на лоб. Но чувствовала, что отношение Евдокимова переменялось в лучшую сторону.

С этого дня она перешла на привилегированное положение и без всяких приказов стала вровень с офицерским составом школы.

Глава 10

НАЧАЛО ОХОТЫ

Лихоманов-Литовцев дозвонился до "Лензолота" и условился о встрече с некоей Леонидовой Нинель Григорьевной, директором по внешним связям богатейшего концерна. Об этом его попросил Гурко. Олег специально оговорил с генералом, что если займется расследованием (по контракту), то привлечет Сергея. У генерала просьба не вызвала энтузиазма, но отказывать не было причин. Он лишь поставил условие, что майор примет участие в деле конспиративно, не засвечиваясь в качестве агента. Гурко не возражал, майор тем более.

Они опять с Олегом в одной упряжке — вот главное.

Фирма "Русский транзит", куда он три года назад с наскока внедрил и вскоре подмял ее под себя, процветала без всяких усилий с его стороны, фактически там верховодила Тамара Юрьевна. Под ее неутомимым приглядом валютный ручеек исправно перетекал в казну, большей частью оседая на счетах Конторы, и это вполне устраивало всех посвященных. О такой надежной крыше можно было только мечтать. Тамара Юрьевна иногда, правда, взбрыкивала, бывало и резко, в зависимости от принятого на грудь, с презрительным пылом заявляла, что не по ее натуре плясать под дудку всякой гебешной сволочи, на что Сергей Петрович приводил всегда один и тот же, но весомый аргумент:

— Хочешь, чтобы нас отправили вслед за Погребельским, Томочка?

Нет, этого она не хотела. Она была еще полна жизни: пятьдесят четыре года не возраст для женщины, умеющей за собой следить, еще надеялась вволю попить водочки с хлебушком и надышаться земной красотой, но ей нравилось поддразнивать любимого волчару, дергать его за усы, это придавало их нечастым любовным праздникам неповторимый привкус.

Под вечер Сергей Петрович приехал в офис "Лензолота", расположенный на Беговой. Тут все было оборудовано по высшему разряду: старинный особняк, охрана у входа, супервидеосигнализация и турецкие мягкие ковры на лестницах. Здесь обосновалось жулье покруче, чем в "Русском транзите". Кабинет Леонидовой будто сошел с рекламы "Интердизайна". Черно-белые с золотой искрой тона, хрустящая даже на взгляд кожаная обивка стен, кремово-маслянистое свечение люстр...

Нинель Григорьевна представляла собой классический тип новой русской деловой женщины, выбившейся благодаря природной сметке,

наглости и недурной внешности в большие госпожи, но постоянно опасаящейся, как бы кто-то не ухватил ее внезапно за хвост.

Несмотря на свалившееся невесть откуда богатство, на каждой из этих дам лежит отпечаток некоей обреченности, да еще какого-то унылого комизма, как на фигуре перворазрядника, рванувшего вес, намного превышающий его возможности. Всем им было уже за тридцать, путь назад на панель отрезан, воровать самостоятельно толком не научились, и, в сущности, каждая из них, независимо от положения (бизнес, политика), лелеяла надежду притулиться к какому-нибудь надежному мужчине, чтобы укрыл под полой от житейских бурь. Навык к притулению у них у всех тоже родовой, ибо большинство вылупились из низового партийного звена, если не считать тех мадам, которые соскочили в демократию прямо с тюремных нар. Сергей Петрович к этому сорту женщин, занявших по Москве круговую оборону, относился сложно, брезговал ими, но сердцем жалел, потому что понимал: в страшный день Суда, за них некому будет заступиться.

Нинель Григорьевна встретила его сперва прохладно, по-барски махнула рукавом из-за начальнического стола: мол, садись, коли пришел, но, приглядевшись к его смелому облику, сменила тон, передвинулась поближе и угостила сигаретой.

— Знаете ли, Сергей Петрович, — сказала задумчиво. — Я боюсь напрасных надежд. С тех пор, как пропала Наташа, прошло три недели. Я не верю в чудеса. И знаю, в каком мире мы живем. Больно говорить, но полагаю, моей девочки нет в живых.

В сумраке устремленных на него глаз Сергей Петрович разглядел голубую слезу, тронувшую его задубевшее сердце.

— Не думаю, что все так печально. Если похитители не потребовали выкупа, то какую цель они преследовали? Вот ведь где собака зарыта.

— И что же это за собака? Кстати, почему вы вообще заинтересовались этой историей? Моя дочь и "Русский транзит" — какая тут может быть связь?

Майор аккуратно стряхнул пепел в позолоченную пепельницу. От его ответа зависело, насколько будет откровенна Леонидова. В отношениях с деловыми женщинами прямые аргументы чаще всего приводят к отрицательному результату. Всегда лучше напустить побольше тумана. Он уже не раз в этом убеждался. Естественно, это правило не касалось Тамары Юрьевны, которая не терпела ничьих уловок, кроме своих собственных.

Он объяснил, что действительно его интересует не столько девочка, сколько люди, которые стоят за всей этой подлостью. Интересоваться ими у

него есть свои причины, о которых он не хотел бы пока распространяться (в этом месте майор многозначительно насупился). Однако он уверен, что если ему удастся с ее помощью выйти на похитителей и немного их поприжать, то это будет к их взаимной выгоде, если позволительно употреблять такое выражение в случае, когда речь идет о жизни ребенка.

Нинель Григорьевна выслушала его внимательно, не перебивая, пару раз машинально облизав пухлые губы. В "Лензолоте" не принято было выражаться столь витиевато, здесь царили простые нравы первобытного общества, как и повсюду среди новых русских. На общем фоне гость выглядел чересчур интеллигентно, это было подозрительно.

— Почему вы думаете, что я знаю этих людей?

— У меня есть кое-какие предположения... Припомните, Нинель Григорьевна, к вам незадолго до похищения заглядывал подозрительный господин. Кто он такой? Чего от вас хотел?

— Нет, молодой человек, — улыбнулась Леонидова. — Это совсем не то. Приходили от Шахова, если вам что-нибудь говорит это имя.

— Депутат Шахов?

— Именно что депутат. Но тесть у него в правительстве. Оттуда и ветер дует. К нам в "Лензолото" многие суют нос, проверяют, нюхают, нельзя ли чем-нибудь поживиться. Увы, все давным-давно разложено по полочкам. Все купе, как говорится, заняты... Не понимаю, почему так откровенничаю с незнакомым человеком.

— Не так уж мы незнакомы, дорогая Нинель, — на тайный женский вызов майор всегда отвечал незамедлительно. — Да вот, пожалуй, нынче поужинаем вместе, еще ближе познакомимся. Как вы насчет этого?

— Почему бы и нет. Но при одном условии.

— Готов на любое.

— Вы давно в бизнесе, Сергей?

— В крупном года три.

— А прежде?

Майор глаз не отвел, но как бы смутился.

— Всякое бывало, Ниночка.

— Понятно. И сколько раз бывало?

— В общей сумме — девять годков.

— Думаю, могу дать вам совет, — словно невзначай положила пухлую, горячую ладонь на его сжатую в кулак клешню. — Те люди, которых вы ищете, не вашего полета. Шахов и даже его тесть — это все посредники. А те люди — не надо их искать. Понадобится — сами вас найдут. К ним без нужды приближаться опасно. Смертельно опасно,

поверьте мне.

— Ничего, я рискну... Но вы не сказали, какое условие? Чтобы нам вместе поужинать?

— Такое и условие. Забудьте про них. Здесь не зона, миленький, здесь Москва.

Сергей Петрович изобразил удивление.

— Но если ваша девочка у них...

— Не надо, Сережа... На мою девочку вам глубоко наплевать. Вы пришли не за этим. И я не хочу знать — зачем. Повторяю громко: не хо-чу!

— Вы так их боитесь? Но кто они? Уж не сам ли рыжий Толян?

— Сережа, не напрягайте меня. Убирайтесь!

Майор сбавил обороты.

— Не сердитесь, Ниночка! Я все понял. Возможно, вы правы. Но я не привык, чтобы давили на печень.

— Привыкайте, Сережа. Хотите жить, привыкайте.

Не убрала руки, и он крепко сжал ее ладонь, заглянул в светлые глаза.

— До вечера, Нина?

— Но никакой туфты. Обижусь!

...Покинул "Лензолото" неудовлетворенный и сразу помчался в Столешников переулочек, на квартиру Шахова. Там его ждал большой сюрприз. Два часа назад стало известно, что хозяин погиб при невыясненных обстоятельствах. Его туловище вместе с отсеченной головой обнаружили в лесу возле поселка Веденево. Возможно, труп не удалось бы опознать так быстро, — большинство трупов, найденных в лесу, вообще, как правило, не опознают, — но при Шахове все документы были в целости, как и портмоне, набитое зелененькими. Именно этот факт, а также личность убитого позволили следователю прокуратуры, выехавшему на место преступления, выдвинуть версию об очередном заказном убийстве. В последнем выпуске новостей уже мелькнуло коротенькое сообщение, в котором смерть популярного политика привычно сравнили с убийством Влада Листьева и отца Меня, потрясшими страну несколько лет назад.

На звонок открыл здоровенный дядька в чудной униформе: длинном сюртуке с огромными блестящими латунными пуговицами и плисовых коротких штанишках. На рябоватой ряхе застыла наивная трагическая улыбка. Квартира гудела множеством голосов, как потревоженный улей. На немой вопрос Сергея Петровича дядька поспешно ответил:

— Барина кокнули. Проходите, пожалуйста.

— А ты кто будешь?

— Ихний лакей, ваше благородие. Данке шен?

Майор отпихнул лакея и прошел в квартиру. По коридорам, по многочисленным комнатам (он насчитал штук шесть-семь) сновали люди, в основном, как он понял, гробокопатели с телевидения и из газет, в большинстве, правда, они все столпились в гостиной, где на скорую руку накрыли столы. Он тоже приткнулся тут ненадолго, послушал о чем говорят. Говорили о политике: курс доллара, сальные анекдоты, акции Газпрома, приближение, слава Господу, НАТО к границам, беснование коммуняк где-то на окраинах и прочая чепуха. Майор, пользуясь случаем, наспех сжевал пару бутербродов с осетриной. Потянувшись за бутылкой "Хванчкары", задел локтем сухопарую девицу, пожиравшую с бумажной тарелки крабовый салат. Извинившись, с удивлением обнаружил, что перед ним Инесса Ватутина, ведущая популярной передачи "Желанная встреча". Машинально пробормотал:

— Наш-то, кажется, отвлечался.

Давясь салатом, девица трагически закатила глаза под лоб.

— Ужасная утрата, о да, ужасная! Непоправимая!

— Ужасней не бывает, — согласился майор. — Осиротел народ.

— Вы, простите, из какой организации? — взгляд у теледивы цепкий, пристрелянный.

— Не из какой. Я сам по себе. Кореш Ленькин.

Он поинтересовался, где найти супругу покойного Леонида. Инесса подсказала: вторая дверь по коридору налево, там она страдает.

Катерина Васильевна возлежала на высокой кровати под турецким балдахинном, вокруг суетились двое грузных мужчин с озабоченными лицами, один, по-видимому, врач: на нем белый халат. У Катерины Васильевны было бледное, одутловатое лицо со слегка выпученными, как при базедовой болезни, глазами. Она зябко куталась в пушистый халат, расписанный алыми драконами. В углу пожилой дядька играл в шахматы с белокурой девочкой лет пяти.

— Позвольте выразить, — обратился Сергей Петрович к несчастной вдове. — Это наше всеобщее горе...

— Ах, оставьте!.. — женщина нервно взмахнула широким рукавом. — Кто вы? Что вам надо?

— Я из спецгруппы, — неопределенно представился Сергей Петрович. — Всего один вопрос, если разрешите?

— Уже спрашивали. Я ничего не знаю. Ровным счетом ничего. Можете вы в это поверить?

— Да что вы в самом деле, — возмутился мужчина в белом халате. — Прямо стая коршунов налетела.

— Только одно, — повторил Сергей Петрович. — Екатерина Васильевна, не заметили вы чего-нибудь странного в поведении мужа? За последние дни?

— Вы про что?

— Какие-нибудь новые люди вокруг него. Неожиданные звонки, поступки.

— А вы не заметили, — спросила женщина тихо, — что весь воздух в этом городе пропитан убийством?

— Заметил, конечно. Но за каждым отдельным преступлением, поверьте, обязательно стоит конкретное лицо.

— Пожалуйста, оставьте меня! — женщина ту же запахнулась в халат, словно надеясь отгородиться от досужего любопытства, но по ее блеклому убегающему взгляду майор видел, им есть о чем поговорить. Она скрывала что-то важное, изображая скорбь. Но то, что скрывала, она не откроет ему ни при какой погоде, разве что под пыткой. Это было так же очевидно, как и то, что все прежние методы дознания нынче никуда не годились. В одном она была безусловно права: не только воздух, даже асфальт в Москве насквозь провонял трупом.

Пожилой мужчина, который играл с девочкой в шахматы, поднялся, подошел к Сергею Петровичу и доверительно взял его под руку.

— Тебе же, милоч, человеческим языком сказано: катись отсюда.

Рука у дядьки была как железные клещи.

— Я на службе, — предупредил майор. — Имею право расследовать.

— Зайдешь в другой раз, когда пыль осядет.

Сергей Петрович попрощался с Катериной Васильевной, выразив ей глубокое сочувствие и пообещав найти негодяев, замахнувшихся на народного трибуна.

Железнорукого богатыря попросил выйти на минутку.

— Выйду, — согласился тот. — Меня не убудет.

Присели на стулья в коридоре, возле мраморного столика с телефонным аппаратом.

— Ты кто? — спросил Сергей Петрович.

— Да я-то никто. К дочурке ихней приставлен... Но ты, братец, напрасно здесь шныряешь, все одно ничего не унюхаешь.

— Почему?

— Не понимаешь? Не ихнего ты поля ягода.

— Тебя как кличут, всезнайка?

— Григорием батюшка с матушкой нарекли. По отчеству Данилович.

— От Хозяина давно?

— Ишь ты, ментяра!... — приятно улыбнулся мужик, желтоватые лучики брызнули на щеки. — Глазенки-то острые... Давно, братец, забыл, когда хаживал.

Тебе-то на что?

— Растолкуй загадку, Данилович. Как же это тебе, ходоку, Шахов любимую дочурку доверил?

Дядек заскорузлой пятерней пригладил редкий чубчик, разговор ему явно нравился.

— Выдал ты себя, братец, этим вопросом. По анкеткам об людях судишь. Шахов, вечная ему память, поглубже в нутро глядел.

— Подскажи, кто его закопал?

— Не моего ума дело.

— Так уж не твоего? Девочку любишь, они ведь и за ней могут прийти. Нелюдь покрываешь?

Григорий Данилович просек взглядом пустой коридор. Помедлил секунду.

— Верно, служба. Нелюдь свирепствует и правит бал.

Такие времена наступили. Нам не справиться.

— И все же, — сказал майор. — Кто Шахова замочил?

— Катерину попытай. А еще лучше папаню министерского. Если, конечно, они с тобой говорить пожелают.

— Намек понял. Значит, была тревога?

— Краем уха слышал третьего дня... Хозяйка упреждала Леню по телефону... Кто-то его подцепил на поводок, но кто, чего — подсказать не могу.

— А если подумать?

— Думай не думай... Не продашь, сыскарь?

— Век воли не видать, Григорий Данилович!

— Мелькнула одна фамилия незнакомая — Самарин.

Кто, откуда, какая кликуха — ничего не знаю.

Майор дал ему бумажку с телефоном.

— Если чего еще мелькнет, позвони, пожалуйста.

До захода к Екатерине Васильевне, еще в гостиной, когда осетрину жевал, майор заметил, что за ним утянулся сморчок в вельветовом пиджаке, и сейчас, пока беседовали с Григорием, пару раз высовывалась лохматая башка из дальней двери.

— Кто такой, не знаешь? — спросил у Григория.

— Первый раз вижу. Их сегодня вон сколь набилось, разной швали. Халявой запахло, разве остановишь.

Сморчка Сергей Петрович прижучил на выходе из квартиры, резко развернулся и поймал растерявшегося "вельвета" за шкирку. Задвинул в кладовку, загородил спиной от коридора. Передавил горловой канал "замком" из четырех пальцев.

— Шпионишь? — прошипел майор. — На кого? Говори быстро, придушу!

Ослабил зажим, "вельвет" икнул, но молчал. Он не был испуган.

— Я не шучу, — Сергей Петрович подкрепил угрозу, прижав шпиону коленом мошонку.

— Ой! — пискнул мозгляк.

— Вот тебе и "ой!" Еще минута — и каюк. Тороплюсь. Без баб останешься на всю жизнь.

Он напустил на себя такую ярость, что поверил в собственные слова. Поверил и вельветовый, но отреагировал как-то чудно, если учесть его комплекцию и положение.

— Не посмеешь, дурак! — огрызнулся.

— Почему не посмею? — удивился майор.

— Никита из-под земли достанет.

— Это другое дело, — Сергей Петрович отпустил заморыша и поправил ему галстук. — Так бы сразу и сказал. Кто такой Никита?

— Скоро узнаешь.

— Все, свободен! Но больше за мной не ходи, зашибу. Никите поклон.

С ливрейным лакеем попрощались по-братски, на его грустное "данке шен", майор с достоинством ответил: "Гитлер капут!"

Из своей старенькой "шестехи" по сотовому дозвонился до Гурко. Доложил обстановку, поделился информацией, но признался, что пока шарит вслепую.

Никакого просвета. И вообще все, чем они сейчас занимаются, напоминает игру: пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что.

— Самарин? — переспросил Гурко. — Подожди минутку, не отключайся.

Майор закурил, ждал, пока Гурко советовался со своим домашним компьютером, который по информационному банку мало чем уступал конторскому. Гурко — это прежде всего голова.

— Так, так, — озадаченно отозвался Олег:

— Самарин — есть такой. Пенсионер-теневик с богатым прошлым. Загвоздка в том, что все это прошлое, вплоть до девяносто пятого года, подчищено, стерто. Черная дыра.

— Где стерто, у тебя?

- Если бы только... На центральном компьютере.
- Не может быть!
- Не может, а стерто.
- Звони, порадууй деда.
- Да уж... Ты куда сейчас?
- На Сивцев Вражек. Там у Шахова запасное лежбище.
- Теперь торопиться некуда. Может, заскочишь?
- У Ирины плов в духовке.
- Сегодня вряд ли... Вечером у меня свидание с прекрасной дамой.
- Поосторожнее, Сережа. Чего-то паленым запахло.
- Есть немного, чувствую...

Квартира на Сивцевом Вражке была опечатана.

Постарались коллеги. Но не печать его смущала, а бронебойная дверь. Такую дверь отмычкой не возьмешь.

Второй этаж пятиэтажного особняка, с крыши не спрыгнешь, да и некуда спрыгивать: окна квартиры, как он разглядел, забраны металлическими решетками.

Естественно, этим людям, новым заступникам нашим, есть что запирать. Так и получается, что они обыкновенно теряют голову прежде, чем свое добро.

Сергей Петрович отправился искать человека с ключами. В этом доме, скупленном под корень не только соотечественниками, но и "зарубежными инвесторами", такой человек должен быть, потому что рано или поздно в нем обязательно возникнет нужда. Кто про это не знает, тот в подобных домах и не живет.

Порасспросив кое-кого во дворе (двух старушек и пожилого водилу, пытающегося по старинке заползти под днище приземистого "мерса"), он выяснил, что нужный ему человек проживает в дворницкой и зовут его Старик Хоттабыч. Ни на какое другое имя тот якобы не откликается.

Старика Хоттабыча майор застал за хорошим делом: в полуподвальной конуре при свете тускло мерцающей лампочки, болтающейся на голом проводе, за дощатым столом он разливал по бутылкам мутную жидкость из огромной стеклянной посуды — литров десять, не меньше. Одет в рабочий комбинезон и на вид ему можно было дать неполных сто лет, С посудиной, в которой торчала большая пластмассовая воронка, он управлялся без видимых усилий. С минуту майор молча любовался сценой, от которой веяло чем-то родным, полузабытым, потом откашлялся и подал голос:

- При таком занятии дверь лучше бы запирать, а, дяденька?

Старик проследил, чтобы жидкость наполнила бутылку до горловой отметки, заткнул ее бумажной пробкой, и только после этого оборотился к незваному гостю.

— Запирать, говоришь? А зачем? У меня тайн от людей нету. Сидай, коли пришел.

Глаз у старика пронзительный и молодой, несколько черных волосиков на аккуратной блестящей тыковке делали его похожим на добродушного домового. Сергей Петрович присел на шаткий табурет, принялся.

— Самогон?

— Да уж не ряженка... Хочешь, налью? Пробы сымешь?

— Почему нет. На дворе оттепель. Самое время освежиться.

Как по волшебству, на столе засветились два замусоленных стакана зеленого литья и тарелка с кургузым соленым огурцом. Старик не обидел ни себя, ни гостя: налил до краев.

Выпили, задымили. Старик полубопытствовал:

— Почему не до дна? Крепкая?

— За баранкой я, — Сергей Петрович уже понял, что с замечательным стариком хитрить не следует. — Дело к тебе деликатное, но не бесплатное. Десятую квартиру знаешь?

Дед почесал бороду ножом, которым разрезал огурец.

— Лени Шахова апартаменты, которому тыкву срубили.

— Точно. Надобно туда попасть. Поможешь?

— Вскрытие опечатанного жилища в отсутствие властей. Статья сто восьмая прим. Опасно, товарищ. Тебе зачем?

Майор порылся в карманах, достал подходящее удостоверение.

— Я частный сыщик. Слыхал про таких? Веду расследование в интересах супруги покойного.

Хоттабыч раскрыл темно-красную ксиву. Сверил фотку. Зрение, как и слух, у него были отменные.

— У Лени жен много. Ты от Лизки, что ли?

— От Катерины Васильевны.

— Ага, — в задумчивости старик заново наполнил стаканы. Чтобы его поторопить, Сергей Петрович веско произнес:

— Двести тысяч. Наличными.

— Не-ет, — сказал старик. — За такие бабки я и с кровати не слезу. Ты что, парень? Риск без навару — это как рыба без чешуи.

— Сколько же ты хочешь?

— Тебе срочно?

— Прямо сейчас и пойдём.

— Тогда давай по маленькой.

Маленькая у него оказалась опять полный стакан. Сергей Петрович вежливо пригубил. Похрустев огурцом и обтерев усы, старик начал загибать пальцы.

— Значит так. Одна ходка — стольник. Надбавка за второй этаж — стольник. Плюс за каждую минуту пребывания — еще по стольнику. Плюс за шухер — опять стольник. Вот сам и считай, если ты частный сыщик.

— Сколько же это выходит?

— Уж не меньше пол-лимона.

Сергей Петрович сделал вид, что от непомерности суммы у него отвалилась челюсть, но ответил твердо:

— Грабь, дед, согласен. Пошли...

Печать майор скovyрнул, рассчитывая при уходе прилепить ее на прежнее место, а с дверью Хоттабыч справился мигом. Из пяти замков она была замкнута только на один, который отпирался длинным плоским ключом, похожим на зубной крючок. Старик остался ждать на лестничной клетке, куда выходила еще одна квартира с противоположной стороны.

У Шахова в логове майор пробыл около получаса.

Он ни на что определенное не рассчитывал, тем более, что до него здесь основательно порыскали. Работали профессионалы, аккуратно, не устраивая погрома, почти не оставляя следов. Разве что ящики в письменном столе в кабинете были взломаны да в ванной комнате в спешке не закрепили зеркало: так оно и болталось на одном гвозде. Те, кто побывал здесь до него, в общем-то облегчили ему задачу. Минут десять майор безмятежно отдыхал в кожаном кресле посреди кабинета, курил, любуясь лепниной карнизов и богатой меблировкой. Атмосфера квартиры многое рассказала ему о погибшем хозяине. Леонид Шахов был из тех двуликих людей, кто на миру шумен и азартен, но отсиживаться предпочитает в глухой норе, куда не долетают звуки жизни. Теперь он достиг идеального убежища, но, возможно, разочарован тем, что не имеет обратного хода.

Майор поднялся и подошел к письменному столу.

Один раз он уже покопался в ящиках, но не обнаружил ничего, заслуживающего внимания: если что и было, то сплыло. И все же, пока курил, его не покидало ощущение, что недоглядел. Его вело почти собачье чутье, пробуждавшееся в нем именно в минуты полной расслабленности. Гурко как-то объяснил другу, что никакой мистики в этом нет, стыдиться тут нечего, это элементарные явления экстрасенсорики, и человек, владеющий даром постижения невидимого, отличается от человека,

лишенного такой способности, не больше чем плотник от столяра.

Не рассуждая, не гадая, майор сунул руку во второй ящик слева — и не ошибся. В боковую стенку был встроен тайник-пенальчик, и те, кто копался в столе до него, не обнаружили его лишь потому, что он был слишком очевиден. Даже одна из досочек отогнута, словно ее повело на разлом. Сергей Петрович извлек из тайника две миниатюрных вещицы: альбом с фотографиями (в полладони), обшитый сафьяном, и блокнотик с золотой застежкой-пуговицей. Слишком важная находка, чтобы разглядывать ее наспех, но Сергей Петрович все же пролистал и то, и другое. На веленевых разворотах альбома было закреплено по одной фотографии — общим числом десять; в блокноте на нескольких страничках закорючки, буквы и значки шифрованного текста.

Это для Гурко — он головастый. На фотографиях Сергей Петрович задержался подольше: все они были фривольного содержания и изображали половой акт, но в разных позициях. Партнерши — юные пухленькие телочки — менялись, их майор насчитал три штуки, но игрун-самец везде присутствовал один и тот же: пожилой мужчина в сверкающих подтяжках и с прической "джентльмен в сауне". Сергей Петрович сразу признал в нем тестя Шахова, влиятельного члена самого демократического правительства в мире.

Довольный, упрятал добычу в карман и покинул квартиру. Старик Хоттабыч поджидал на лестничной клетке, напоминая привидение, проступившее из стены.

— Ты бы еще там вздремнул, — пробурчал угрюмо. — А меня бы застукали, как сообщника. Такого уговора не было, чтобы стоять на бессрочном посту;

Сергей Петрович прилепил на место печать, взял старика под руку и вывел на двор. Отсчитал пять стотысячных бумажек.

— За деньги свободу не купишь, — вторично укорил старик.

— Но с хорошими деньгами не скоро сядешь, — утешил майор.

Из машины дозвонился до Гурко. Похвастался находкой. Гурко сказал:

— Давай ко мне. Надо кое-что обсудить. Я тут навел справки, пока ты бездельничал. Похоже, этот Самарин самая крупная рыба, какая нам попадалась.

Майор взглянул на часы. Половина девятого, а он обещал заехать в "Лензолото" ровно в восемь. Неучтиво, не по-рыцарски. Он решил, что ничего не изменится, если Гурко подождет до утра. На путаные объяснения Олег холодно заметил:

— Я тоже когда-то был молодым, Серж. Но не помню, чтобы из-за

бабы терял разум.

— Это не баба, Олег, это свидетельница. Что-то мне подсказывает, очень важная свидетельница.

Гурко обозвал его взбесившимся самцом и отключился. Тут же майор перезвонил свидетельнице.

— Нинель, не сердитесь!.. Пока я бегал за цветами, какой-то шпаненок проколол колесо. Починяю и еду немедленно.

— Вы пьяны, Сергей?

— Ни в коем случае.

— Хорошо, жду еще пятнадцать минут. Охранник пропустит, я предупрежу.

— Может быть, спуститесь на улицу?

— Боже мой, с кем я разговариваю!

Он уложился минут в тринадцать. Редкие гаишники провожали его озадаченными взглядами, но не задерживали: со старой "шестехи" какой навар. Майор спешил не только потому, что дама заждалась, была и другая причина. Он вдруг вспомнил сморчка, которого прижал на квартире Шахова. Вот прокол так прокол.

Сморчок был без сомнения профессиональным топтуном, а среди них невзрачная внешность — все равно что добавка к зарплате. Но суть не в этом. Топтун не смог бы его "вычислить" в толпе халявщиков, безусловно утянулся за ним от "Лензолота", а он, самоуверенный болван, не заметил слежки. И легко, будто затмение нашло, пропустил мимо ушей имя Никиты, которое все упомянул топтун. Но ведь Никита... Не дай Господи, если это окажется именно тот! Четырехгодичной давности дело о расчлененке, таинственный убийца уходит клязменской поймой, оставив в дураках целую поисковую роту, оснащенную вертолетом и сворой собак. Кошмарное дело, переданное на контроль особому отделу. Впоследствии оно заглохло, отодвинулось в тень других, еще более кошмарных дел, заслонилось разгромом самих органов дознания, но в памяти осело — Никита, Никита, — мифическая личность, неуловимый маньяк, не оставляющий следов, при упоминании о котором самые строптивые и влиятельные фигуранты-подследственные бледнели и замыкались в себе, словно им сулили встречу с Антихристом. И все это значило...

Охранник пропустил его сразу, едва он назвался и козырнул какой-то бумажкой. Сергей Петрович одним махом, минуя лифт, взлетел на третий этаж. К кабинету Леонидовой по пустому коридору подходил крадучись, как по охотничьей тропе. Пожалел, что безоружный, но седьмое чувство подсказывало, что стрелять бы все равно не пришлось.

Он, конечно, опоздал. В шикарном кабинете все оставалось в том же виде, как и несколько часов назад — мебель, шторы, картины на стенах, кожа и сандаловое дерево, — кроме хозяйки. Ее было трудно сразу узнать. Она раздвоилась. Крупное, задрапированное пестрой тканью туловище вольно раскинулось на письменном столе, а растрепанная голова подкатилась почти к дверям и глядела на майора с пола залитыми кровью глазами.

Сергей Петрович был не из слабонервных, наглядясь в жизни достаточно, чтобы не вздрагивать при виде обезображенного трупа, но ему не понравилось, что Леонидову убили, и не понравился способ, каким это проделали. Убийца действовал чересчур хладнокровно, уверенно и нагло.

Пятясь задом, он покинул кабинет и спустился к охраннику. Это был мужчина средних лет, крепкого сложения, с ясным, простым лицом человека, который давным-давно никуда не спешит. Через плечо перекинут автомат Калашникова, на поясе — десантный нож в чехле. Под серой курткой застиранный тельник.

На шее серебряная цепочка с каким-то медальоном.

Весь облик выдавал в нем собрата, офицера спецназа, другое дело, что по нынешним временам никогда нельзя знать, на чьей стороне брат.

— Скажи, земля, — обратился к нему Литовцев, — сразу после меня кто-нибудь уходил? Вот только что.

— Разминулся с кем-то?

— Похоже, что так.

— Двое вышли. Ты их не догонишь. В джипе отчалили.

— Как выглядели, можешь описать? Ваши сотрудники или чужаки?

— Тебе зачем?

— Видишь ли, они, скорее всего, убили Леонидову.

— Нинель Григорьевну убили?

— Ну да. Голову ей отхрумкили.

Не сводя с него глаз и передвинув автомат так, что ствол уперся Сергею Петровичу в пузо, охранник снял трубку черного аппарата, висевшего на стене и отдал какие-то быстрые указания. В ту же секунду здание разорвалось от гулкого рева сирены, топота ног, команд и хлопаний дверей. Объявлять тревогу в "Лензолоте", по-видимому, умели.

— Вам придется задержаться, — предупредил охранник.

— Да уж чувствую, — сказал майор.

Глава 11

БАНКИР СЕРДИТСЯ

Известие о трагической смерти Шахова застало Бориса Исааковича за завтраком. Он намазывал медом сдобный кренделек, когда зазвонил телефон. Глазами он попросил Клариссу снять трубку.

— Но это же тебя, милый? — надула губки жена. По утрам она была упрямее обычного.

— Ну и что с того? Я же объяснял сто раз, трубку снимаешь ты. Так положено.

— Не понимаю. Какой в этом смысл? Если звонят тебе, то почему трубку должна снимать я?

Бросив на жену испепеляющий взгляд, Борис Исаакович потянулся к телефону.

— Сумской слушает!

Звонил "кукушонок" из органов, один из тех, кто в банке "Заречный" проходил по смете "расходы на рекламу". Смета, кстати, неприлично раздутая, но у Сумского никак не доходили руки убрать из нее мусор.

Новость, которую он услышал, заставила его побледнеть.

— Как именно? — переспросил он. — Что значит в лесу? Он что, пошел за грибами?

Несколько минут он молча слушал, потом холодно попрощался и повесил трубку. Снова взялся за еду, но замер с крендельком в одной руке и с ножом в другой, словно забыл, что дальше делать.

— Неприятности? — посочувствовала жена. Он окинул ее пустым взглядом.

— Как все-таки хорошо, Клара, что у нас нет детей.

— Почему? Ты же всегда ругал меня за это. И правильно ругал. Без детей — какая семья. Кстати, ты давно собирался к врачу.

— Я?! — от изумления Борис Исаакович уронил кренделек в розетку с медом. — Это я должен пойти к врачу?

— Конечно, милый! Я ходила, теперь твоя очередь.

Он глядел на жену и не находил в ней ничего такого, что могло хотя бы объяснить их союз. Эта мысль посетила его далеко не впервые.

— Скажи, родная, не припомнишь ли случай, когда я что-нибудь сказал, а ты бы согласилась? Я вот что-то такого не помню.

— Ох, Боренька, — Кларисса послала ему свою самую

обольстительную улыбку: в его представлении так улыбались шлюхи, заламывающие непомерную цену за свои услуги, — мы же оба отлично знаем: ты помнишь только то, что тебе выгодно.

Она и была, разумеется, шлюхой, хотя, возможно, не в прямом смысле. Он не до конца уверен, что она ему изменяет. Кларисса была когда-то девушкой из хорошей семьи, получившей нормальное воспитание, влюбленной в него, но довольно скоро все это обернулось скучным житейским фарсом. И семья (отец — стоматолог, доцент мединститута, мать — переводчица) скорее напоминала воровскую малину, чем семью, и Кларино воспитание (гувернантка, языки, два года в закрытом колледже в Париже) единственно чему ее научило, так это скрывать свою истинную сущность, хотя, понятно, для жизни это тоже немало. Весь вопрос в том, что прячется за растяжимым понятием — истинная сущность.

Что касается Клариссы, то за ним скрывалась абсолютная пустота, вакуум. Ей были неведомы категории добра и зла, богатства и бедности, трусости и геройства.

Никакое воспитание не спасет, если человек ориентируется в мире, как гусеница, лишь с помощью первичных инстинктов. У Клариссы чрезвычайно развиты два из них — половой и хватательный. В постели и в магазинах она неутомима, изобретательна и даже можно сказать — вдохновенна. Кроме того, природа наделила ее какой-то злой, ядовитой пронизательностью, она никогда не упускала возможности с нежными ужимками задеть мужа за живое. Иной раз ее внезапные укусы бывали столь болезненны, что Борис Исаакович всерьез помышлял о расторжении затянувшегося брака или о том, чтобы для скорости прибегнуть к услугам наемного головореза, что все больше входило в моду в их кругах. Однако все это вовсе не означало, что он охладил к ней и перестал ее любить. Как в давние дни, его возбуждало, приводило в восторг ее пышное гибкое тело, насыщенное звериной энергией, и частенько в ее изощренных, мучительных объятиях он забывал обо всех напастях, свалившихся на его бедную голову. Здесь не было парадокса. Человек разума, он тяготел к первобытным, натуральным утехам, погружался в Клариссу, как в природу, точно так же, как иной высоколобый, ученый муж услаждает слух примитивными воровскими песенками, либо с блаженной улыбкой, в полузабытьи наслаждается совокуплением двух мух на подоконнике.

— Шахова убили, — небрежно сообщил он жене, выудив наконец кренделек из меда и собираясь отправить его в рот.

— Леню Шахова?! — Кларисса эффектно всплеснула ручками.

— Может, ты знаешь другого Шахова?

— Господи, но как, за что?! Кому он помешал, бедняжка?

— Убивают не за что-то конкретное, а по совокупности причин. Пора бы понимать.

— И ты можешь так спокойно об этом говорить, — на ее лице возникло выражение благоговейного ужаса. — Но ведь это же один из наших близких друзей. В воскресенье мы должны у него обедать!

— Значит, пообедаем в другом месте.

Именно в этот момент Сумской принял ответственное решение и опять отложил так и не надкусанный кренделек.

Не слушая возмущенное щебетание Клариссы, сделал два звонка: Буге Захарчуку, начальнику службы безопасности, и Семену Гаратовичу Кривошееву, собственному заместителю. Обоим велел немедленно прибыть на квартиру. Буга ответил, как всегда, по-военному четко: "Слушаюсь, ваше благородие", — зато Семен Гаратович пустился в рассуждения о своем здоровье, которое, оказывается, подорвано в основном как раз такими экстренными, немотивированными вызовами спозаранку. Семен Гаратович был бизнесменом старой школы, еще подпольной выучки, умным, надежным, как железобетон, преданным и осторожным; у Сумского не было от него тайн, но, увы, приходилось терпеть закидоны старика, которых у него, честно говоря, не так уж много. Пожалуй, больше всего раздражала Сумского привычка Семена Гаратовича любой разговор начинать с подробного анализа своего драгоценного самочувствия, хотя никаких причин опасаться за него, кажется, не было. Для неполных семидесяти лет Кривошеев выглядел орлом, жрал и пил что попало и вволю таскался к девкам, любил расписать пулечку за полночь, но не было дня, чтобы Сумской не узнавал все новые роковые подробности о состоянии его сосудов, печени, сердца и остальных внутренних органов. Казалось, несчастный старик пребывал в маниакальном, почти восторженном ожидании инсульта, инфаркта, рака или, на худой конец, вич-инфекции, но это было не так. С точно таким же самозабвением он предавался и другим страстям, главная из которых была — деньги!

Его горькие причитания о "лишнем грошике" или о "копеечке, которая рубль бережет", вдруг перемежавшиеся высокопарными тирадами о финансовых потоках, как об энергетических артериях государства, либо о ссудном промысле с точки зрения Ветхого завета, кого угодно могли вогнать в тоску, но для Сумского были все же предпочтительнее, чем вечные жалобы на аритмию, дурной сон, шум в ушах и трудности с мочеиспусканием.

— Как сегодня наш стул? — вежливо поинтересовался Борис

Исаакович, едва поздоровавшись.

— Хмм! — недоверчиво отозвался тот. — Кому это интересно. Понимаю, вы спрашиваете, чтобы сделать мне приятное, не утруждайтесь понапрасну, Боренька.

Вы же, молодые, рассчитываете прожить три жизни, что вам до нас! Не считите за труд, Боренька, намекните больному инвалиду, почему такая спешка? Зачем надобно ехать к вам домой, а не в банк? Ведь у нас в одиннадцать планерка.

— Планерка отменяется. Поверьте, Семен Гаратович, я бы не посмел беспокоить вас по пустякам.

— Ценю ваш сарказм, — ответил Кривошеев таким тоном, словно уже погружался в могилу. — Что ж, если позволите, только накину пальто...

— Убили Шахова, Семен Гаратович. Вчера в лесу обнаружили его труп. Причем с отрубленной головой.

Мгновенно Кривошеев преобразился. В трубке зазвучал молодой, резкий, хорошо поставленный голос:

— Вы позвонили Захарчуку?

— Он будет через полчаса.

— Необходимо просигналить по пятой линии.

— Будьте добры, Семен Гаратович, сделайте это за меня.

— Еще одно, Боря. Из дома — ни шагу. Вы понимаете?

— Увы, понимаю...

Повесив трубку, Сумской подумал о том, как жалко будет расставаться со стариком. Да разве с ним одним. В этой подлой стране ни один человек не мог быть спокоен за свою жизнь, зато ни в каком другом месте на их маленькой планете нет такого простора для коммерции, как здесь. Он был в этом совершенно уверен.

Более того, последние три-четыре года, начав почти с нуля и сколотив казавшийся невероятным еще вчера капитал, он ощущал себя абсолютно счастливым человеком и еженощно благодарил судьбу, пославшую ему возможность проявить свои силы в полном блеске. Не деньги для него были главной целью, как для суматошного Кривошеева. Его чувства можно было сравнить с просветленным состоянием миссионера, попавшего на остров к дикарям и вдруг обнаружившего, с какой доверчивостью они поддаются обращению. О да, поголовное большинство населения в этой стране были не просто дикарями, хуже того, это были существа, казалось, навеки впавшие в духовный анабиоз, но не прошло и года, как он стал замечать, что вокруг, ниоткуда, будто из воздуха, как их капиталы, появляется все больше нормальных людей, братьев по разуму, не

отягченных предрассудками, нацеленных в будущее мощной энергией живых клеток. О, дивные, немислимые превращения! Иногда он чувствовал себя как мальчик из волшебной сказки, узревший в диком лесу посреди зимы внезапное таяние снега, солнце на голубом небе и весеннее порхание птиц... Он знал, что чудо не бывает вечным, все счастливые сны кончаются сумеречным пробуждением, мальчик обязательно околеет в лесу, доброго миссионера опомнившиеся дикари рано или поздно сварят в котле себе на ужин, не стоит обольщаться, но он и не обольщался. Отходняк спланирован заранее, поэтому, услышав темное гроыхание надвинувшейся грозы, он не утратил самообладания.

— Собирайся, — сказал жене, возмущенно лепечущей что-то о неких бесчувственных тварях, которых не проймешь ничем, кроме...

— Куда собираться? — удивилась Кларисса. — На похороны? Но ведь ты же сказал, его только вчера убили.

— Нет, не на похороны. Вечером улетаем в Лондон.

Уложи два-три чемодана, не больше. Только самое необходимое.

— Ты рехнулся, любимый? Как я могу собраться за один день? Сколько мы там пробудем? Неделю, две?

— Возможно, всю жизнь.

Ее личико вспыхнуло, сморщилось. В карих глазах растерянность.

— Борька, что за чушь ты порешь? А как же родители? Как все остальное?

— Обсудим потом.

— Что случилось, в конце концов?! Имею я право знать?!

— Чем больше у женщины прав, тем она несчастнее.

— Прекрати разговаривать в таком тоне! Я не глупее тебя... Ответь, почему я должна сломя голову мчаться в какой-то вонючий Лондон? У меня совсем другие планы.

Кларисса настроилась на перепалку, и он вдруг испытал к ней прилив жалости, как к овечке, резвящейся на лугу и не заметившей подкравшегося волка.

— Дорогая, нам надо спасти свои шкуры.

— Спасти шкуры? — Кларисса хлюпнула носом, ее настроение вмиг переменилось. — Что ты говоришь, Боренька? От кого спасти? Мы же никому не делали вреда!

— Похоже, кто-то думает иначе.

— Боже мой, какой ужас! Это как-то связано со смертью Леночки Шахова?

— Думаю, да.

— Но ведь..., но как же...

— Все, успокойся. Ничего страшного не происходит.

Переоденься, приведи себя в порядок. Сейчас приедут Буга и Семен Гаратович...

Буга явился через десять минут. Если кто-то представлял для Сумского загадку, то это был именно этот, невысокого роста, светловолосый крепыш с сонными, как у сома, глазами. Естественно, прежде чем взять его на должность начальника службы безопасности, Сумской наводил справки и узнал о нем все, что можно узнать, и впоследствии не раз убеждался, что не сделал ошибки. Кадровый военный, офицер ВВС, чемпион дальневосточного округа по боксу в полутяже, подполковник Захарчук десять лет назад демобилизовался и вернулся в Москву, откуда был родом. Организовал одно из первых частных охранных агентств под названием "Македонец". Года два агентство процветало, потом впуталось в какие-то полукриминальные, полуполитические разборки, подверглось прокурорскому нажиму и в одночасье лопнуло. Сам Захарчук некоторое время скрывался от судебного преследования, переждал, как водится, грозу в Европе, и в общем-то остался на плаву, хотя с несколько подмоченной репутацией, что вполне устраивало Сумского. На работу в банк его порекомендовал покойный Шахов, предупредив, что у его протеже нет недостатков, кроме того, что раза два-три в год, но строго по графику, он впадает в недельный запой. Это тоже не беспокоило Сумского, напротив, он полагал, что у наемного работника обязательно должен быть крючок, за который его можно при необходимости подвешивать. Тем более что в России, которую, как известно, не понять умом, запойный мужчина воспринимается общественным мнением скорее положительно, чем отрицательно: в ореоле некоего мученичества.

Плюс ко всему бывший летун Захарчук был образованным и очень приятным в общении человеком: редко открывал рот до того, как выслушает начальство, а службу охраны поставил так толково, что вскоре мимо банка "Заречный", казалось, ни одна муха не могла бы пролететь незамеченной. Иными словами он с лихвой отрабатывал солидные деньги, которые ему платил Сумской, и тут к нему не было претензий, если бы не одна малость почти мистического свойства. Летун работал на банк четвертый год, у него в подчинении десятки людей, суперсовременная техника, иногда ему приходилось выполнять довольно щекотливые задания, но их личные отношения остались точно такими же, как если бы Захарчук только вчера впервые переступил порог его кабинета. За все время, при самых разных обстоятельствах, на службе ли, на отдыхе ли

Борису Исааковичу ни разу — ни разу! — не удалось вызвать своего начальника безопасности на мало-мальски отвлеченный приятельский разговор, не касающийся непосредственно текущих дел. То есть мир еще не видел такого наглухо закрытого человека. Но иногда, особенно после возвращения из недельного загула, в его блекло-сонных глазах улавливался чудной лихорадочный блеск, отсвет глубокого, распаленного чувства, природу которого банкир понять не мог. Это его настораживало. Его всегда настораживало то, что было за пределами разумения. И еще одна несообразность. Почему-то Сумской, несмотря на внутреннюю опаску, был абсолютно убежден, что если может кому-либо доверять, кроме папы с мамой, то, скорее всего, именно этому чужому, немногословному, не улыбочивому, как туча, человеку.

Он провел Захарчука в кабинет и некоторое время молча его разглядывал. Видел то же, что и всегда: неприметная, серая одежда, свободно облегающая могучий торс, невыразительное худое лицо с дремлющим взглядом. Движимый неясным любопытством, Борис Исаакович в общении с Захарчуком частенько допускал такие паузы, которые вовсе не беспокоили охранника, ни разу тот не прервал молчание по собственному почину, более того, иногда банкиру казалось, что в этой забавной между взрослыми людьми игре в переглядку Буга Захарчук засыпал беспробудным сном.

— Выпьешь чего-нибудь? — спросил наконец банкир.

— Нет, благодарствуйте.

— Сигарету?

— Вы же знаете, не курю.

— Даже когда пьешь, не куришь?

Захарчук поднял на него тяжелый взгляд и ничего не ответил. Так было всегда. Стоило Сумскому на малый шажок заступить за черту обычных официальных отношений, как начальник безопасности мгновенно замыкался в себе. Не грубил, не оскорблялся, умолкал — и точка, будто глух. В этой внезапной глухоте явно сквозил пренебрежительный оттенок, но Сумской старался этого не замечать.

— Значит, так, Буга, вечером я уезжаю.

Подполковник кивнул, принимая сообщение к сведению.

— Да, уезжаю. Вынужден. На неопределенное время.

Сначала в Лондон, потом, возможно, и подальше...

Можно сказать, драпаю. Есть опасения, кто-то крепко наезжает. Ничего не слышал про это?

— Нет, — удивился Захарчук. — И с чьей стороны наезд?

— Если бы знать... Но кто-то очень рискованный. Про Шахова ты в курсе?

— Да.

— И твои соображения?

Захарчук задумался. Борис Исаакович любил смотреть, как это происходит. У Бути просыпались глаза и лицо светлело. Какой-то таинственный механизм в нем включался, отгоняя сновидения. Надо же, — почему-то умиляло Сумского, — вот тебе и российское быдло.

Копни поглубже, а там — мыслящее существо, цепкое, способное к самообучению.

— Никаких соображений, — ответил Буга. — Шахов увяз в политике, но там проблемы решаются все-таки иначе. По крайней мере без ритуального отсечения голов. Даже предположить не могу, кто это сделал.

— Допускаешь случайность?

— Нет, конечно, какая уж тут случайность.

— Что теперь гадать... Просьба такая.., или поручение, как хочешь. Во-первых, отследить аэропорт, чтобы чисто было. Рейс уточню позже...

— Неужто так горячо? — неожиданно перебил Захарчук.

— Горячее, к сожалению, не бывает... Второе: дача, квартира, родители, мои и Кларины — все на твоём попечении. Все должны уцелеть до моего возвращения.

Справишься?

Буга кивнул, глаза опять потухли. Может, Сумскому померещился их нездоровый блеск?

— Теперь, пожалуй, главное. Выясни, кто лично за всем этим стоит. Привлеки специалистов любого уровня, столкнись с органами, с группировками, с братвой, хоть с самим чертом! В расходах не стесняйся, кредит получишь неограниченный. Разбейся в лепешку, но отыщи этого человека. Это не только приказ, это большая, человеческая просьба. А, Буга Степанович?

— Сделаю, Борис Исаакович.

— Шахова напугали. Он собирался ко мне, но не доехал. Его увезли прямо из офиса на собственной машине. Пропал и его водитель. Все произошло слишком быстро, никто ничего не знает. Дьявольщина какая-то!

Плюс еще эта отрубленная голова, кому понадобилось рубить ему голову? Варварство какое-то!

— Не скажите, это впечатляет. Головы сейчас многим рубят, новое поветрие. Кому-то показалось забавным завалить Москву отрубленными головами.

— И что дальше?

— Вы хорошо знали Шахова. Кому он мешал?

Сумской ответил сразу.

— Никому в отдельности. Но точно так же можно сказать — всем, кто занимается бизнесом. Любому.

— Вам тоже?

— В каком-то смысле, естественно. Но убил Шахова не я. Какие еще вопросы?

— Только один. Перед кем я должен отчитываться о расследовании? Пока вас не будет?

— Как перед кем? Разумеется, перед Кривошеевым.

Он остается у руля. Какие тут проблемы?

— Хотелось бы обойтись без опеки.

Борис Исаакович в изумлении поднял брови.

— Ты не доверяешь Семену?

Захарчук был прям, как всегда.

— Не доверяю.

— Почему? Опомнись, голубчик Буга. Нелепость какая-то. Вы должны помогать друг другу. У него свои каналы, у тебя — свои. Обмен информацией и прочее. Да ты что, подполковник? Не выпался сегодня?

— Его каналам я тоже не доверяю, — сказал Захарчук.

— Вот даже как? — Борис Исаакович размышлял лишь мгновение. — Хорошо. Буду звонить тебе сам. В определенное время. Так устраивает?

— Устраивает. Еще деталь. Сегодняшний отлет, сопровождение и все остальное... Хотелось бы тоже провести без его участия. Мне будет спокойнее.

— Да-а, — протянул Сумской, пораженный до глубины души. — Задал ты мне загадку на дорожку. Ничего, разберемся и в этом... Действуй, но будь все время на связи.

Едва успел проводить, как, легок на помине, явился Семен Гаратович, благоухающий ядовитым французским одеколоном "Мистраль". До его прихода Кларисса развила такую бурную деятельность, словно по дому пронесся смерч. Трижды подступала к мужу с неотложными просьбами — парикмахерская, встреча с родителями, заветная подруга Агата — все три раза получила отказ и была в бешенстве.

— Ответь, негодяй! — завопила она, как только за Захарчуком захлопнулась дверь. — Почему я не могу сделать прическу? Тебе мало Москвы, хочешь осрамить перед всей Европой?

— Угомонись, родная. Лучше позвони в Шереметьево, узнай расписание.

— А родители? Почему я не могу попрощаться с родителями?!

— Не надо их тревожить. Я же своих не тревожу.

— У тебя нет сердца. Узурпатор проклятый! Почему, в конце концов, мне нельзя повидать любимую подругу, если мы расстаемся?

Тут уж Борис Исаакович был тверд.

— Агата тебе вообще не подруга. Она же проститутка. Ее трахает весь "Логоваз".

— Ах вот ты как запел, Боренька?! Ты лично ее трахал, чтобы так говорить? Или тебе она как раз не дала?

Начавшуюся ссору прервало появление Семена Гаратовича, который с порога сообщил, что ночью на фоне сильнейшего стресса у него, по всей вероятности, произошел микроинсульт. В доказательство подергал левой щекой и показал Борису Исааковичу и Клариссе якобы негнувшийся указательный палец. Кларисса залилась нервным смехом и, как ни в чем не бывало, кинулась обнимать старика. Между ними была давняя дружба, коей Сумской не препятствовал, полагая ее неопасной.

— Милый Гранатович, — пролепетала озорница, как всегда коверкая его чудное отчество, на что старый ловелас ничуть не обижался. — У меня тоже скоро будет микроинсульт. Слышали, что затеял этот умник?

— Как же, как же, — гость солидно покашлял, не забыв невзначай огладить трепетные женские бока. — Еще одна такая новость — и мне каюк!

— Кларочка, — вмешался Сумской. — Приготовь нам в гостиной что-нибудь на свой вкус. Будь любезна!

Мы сейчас выйдем.

По его умильному тону, в котором дребезжало железо, Кларисса поняла, что дальше капризничать не стоит. Послушно поплыла к дверям, но задержалась, обернулась к Кривошееву:

— Какой ужас, а?! Ленечку Шахова убили. Какие-то звери, а не люди кругом... Сенечка, милый, может быть, и вы с нами в Лондон?

— Рад бы, красавица, но нельзя же оставить банк без присмотра.

Что-то сомнительное почудилось Сумскому в этих словах, не иначе как под впечатлением намеков подозрительного Захарчука. Семен Гаратович не мог вести двойную игру, попросту был слишком стар для этого, все его связи остались в прошлом веке. Он идеально подходил на роль заместителя, но лидерство было ему не по плечу, и он достаточно мудр, чтобы не рыпаться понапрасну.

Когда Кларисса вышла, Кривошеев сухо, без улыбки обратился к молодому боссу:

— Выкладывай свои соображения, Борис. Карты, как говорится, на стол.

Сумской поморщился. Ему не хотелось говорить то, что он собирался сказать, но сделать это необходимо.

Он утаил информацию от Захарчука, утаил сознательно, пусть сам землю роет, старик должен знать все, что знает он. Это справедливо и разумно.

— Шахов, мерзавец, вляпался в грязную историю.

С этими спецклиниками, с маньяком Поюровским, с экспортом сырца. Я останавливал его, не лезь, игра не стоит свеч, слишком чреватое, но ты ведь знаешь Леньку. Вырвавшийся из загона скот. Все они одинаковые.

Впрочем, я тоже не подозревал, что нишу контролирует Самарин.

— Ты уверен?

— Леонид намекнул по телефону. Он знал. Его предупредили.

— Господи помилуй! — только и нашелся Семен Гаратович и начал шарить по столу в поисках сигарет.

Сумской пододвинул ему серебряную сигаретницу, и тот жадно задымил, забыв о запущенной эмфиземе легких.

— Зачем тебе это надо было, Борис? Чего не хватало? Шахов! Разве я не предупреждал, вспомни? Гребет не по чину, аппетит непомерный, обязательно проколется, разве это не мои слова? Вы же никого не слушаете, вам только — дай, дай, дай! Ах гаденьш! И отец у него такой же точно. Проклятая семейка! Голодранцы вонючие! Из грязи в князи, а в башке труха. Не понимаю я вашего поколения, Боря, нет, не понимаю. Вроде все вам дали, а вам все мало.

— Нельзя так волноваться, Семен.

Кривошеев испуганно схватился за пульс, сверил с настенными часами. Сокрушенно покачал головой.

— Что уж теперь... И все же, какова степень твоего участия? Это ведь тоже имеет значение.

— В том-то и суть, что не имеет. Банк субсидировал Шахова. Этого достаточно. Вы же знаете, каким образом Самарин решает подобные конфликты. Полная прополка, больше он ничего не признает. Кстати, вы знакомы с ним лично?

— Боже упаси... Думаю, Боренька, речь все-таки идет только о размере откупного. Шахов — это намек, предупреждение. Возможно, чересчур энергичное, но в духе, так сказать, оппонента. Он не привык, чтобы заступали на его территорию, и я его, честно говоря, понимаю. Весь вопрос в том, как повести торг. Если действовать с умом... Проще всего выйти на

Иудушку Шерстобитова.

С горькой улыбкой слушал Сумской жалкий лепет матерого хищника, старшего товарища. Никогда он не видел его таким испуганным, и вот довелось. Мало того, что старик закурил, так еще добрых полчаса не жаловался на здоровье. Толстые влажные губы подрагивали, как у пьяного.

— Все пустое, Семен Гаратович, вы это понимаете не хуже меня. С Самариним сговориться нельзя. Зачем ему деньги, у него весь мир в кармане. Жажда абсолютной власти — вот что им движет. Если повезет, он ее получит. В этой проклятой стране преуспевают только выродки. Умных, талантливых людей рано или поздно втаптывают в грязь. Черт возьми, как я устал от всего!

Не совсем к месту горячность молодого банкира не обманула Кривошеева, в его мутных глазах засветилось одобрение, как у старой, но еще не утратившей чутье охотничьей собаки.

— Что-то уже придумал, Боренька? Хочешь потягаться с ним?

За то и ценил старика Борис Исаакович, что многие вещи тот постигал не умом, а сердцем. Особый дар, свойственный лишь избранным.

— Куда уж мне. Подо мной земля дымится.

— По следу пустил Бугу, да, мальчик? Я угадал?

Надеешься, полоумный подполковник сумеет порвать глотку зверю?

— Думаете, невозможно? Не одолею?

— Почему невозможно. Бывает, мышь валит гору.

Я бы не посмел, ты — другое дело. У тебя душа героя, я всегда это знал.

— В сущности, — задумчиво произнес Сумской, — Буга и Монстр слеплены из одного теста. У них может получиться интересный диалог.

— Как я понимаю, я тебе понадобился для отвлекающего маневра.

— Для прикрытия, — уточнил банкир. — Чтобы создать видимость паники.

Нетерпеливая Кларисса несколько раз заглядывала в дверь, приглашала к столу, а они все никак не могли наговориться. У обоих было такое чувство, что прощаются навек. Может, так оно и было. При этом они не знали, кто рискует больше: временно отбывающий или временно остающийся. У Монстра длинные руки, достанет и в Англии, если захочет. А уж старика придавит, как муху, никто и не заметит, разве что родное телевидение отзовется волнующим, сладострастным репортажем: Киселев со Сванидзе сурово корят силовые ведомства за очередной недосмотр, чтобы потешить тех, у кого голова еще на плечах. Как сказал бы управляющий кавказского филиала: при чем тут милиция, да?

— Но Буга Захарчук вам не доверяет. Как вы считаете, почему?

— Буга не из наших. Это тонкий вопрос. У него другой менталитет. Он и тебе не доверяет, поверь. Буга хороший человек, честный человек, я его люблю, но он устроен по советскому трафарету. Помнишь был такой строй — советский? Он доверяет только тем, у кого ни гроша за душой. Это христосик коммунячьей выпечки. Да, он работает на нас, пока мы платим, но в час "Х" выступит против нас. Не обольщайся на сей счет.

Сумской не обольщался, ему было грустно слушать банальности. Суть исторического момента, смешная подоплека происходящего заключалась в том, что воевать приходилось со своими, а опираться в этой войне на чужих, на тех, кто никогда не станет братом по духу. Таковы правила вечной азартной игры по переделу мировых богатств, которые не менялись тысячелетиями. В смутные роковые эпохи, когда кровь лилась рекой, в выигрыше оказывался тот, кто не страшился перерезать родовую пуповину, спалить собственный дом, чтобы потом на пепелище, на обугленных костях нарастить свежее мясо новой жизни.

— Нам не доверяет не только Буга, — усмехнулся Сумской. — Чем-то мы насолили и Самарину, хотя по вашему раскладу, Семен, он нам выходит роднее родного. Или он тоже советский человек?

— Ты абсолютно прав, сынок. Самарин наш человек, но у него другой размах. Ты еще не дорос до него.

К примеру, он сейчас, я слышал, замахнулся спекулировать Сибирью. Там даже вчерне пахнет триллионами долларов. Впечатляет, не правда ли? И все же его трагическая ошибка в том, что не разбирает, кого бьет. Лишь бы не стояли на дороге. Так нельзя. Когда-нибудь он на этом споткнется. Но нас с тобой, Боренька, это не касается. Для нас самое разумное потихоньку отойти в сторонку, если удастся.

— Удастся, — сказал Борис Исаакович. — Чутье мне подсказывает, что он пробуксовывает.

— Может, удержишься на денек? Вдруг он на Шахове остановится?

— Знаешь же, что нет. Он выкосит всю цепочку...

Где-то там Кларушка запропастилась...

Жена никуда не запропастилась, но, вопреки запрету мужа, зазвала подругу Агату, наперсницу девичьих тайн, и теперь они балдели на кухне за бутылкой "Камю". Обе покраснелись, как помидорины на грядке. Агата с блудливым видом сосала шоколадную дулю, а его жена, сама похожая на подтаявшую конфету, нежно обнимала подругу за талию. От этой мерзкой картины у Бориса Исааковича запершило в горле, словно при катаре. Агата была одной из самых известных столичных куртизанок, прелестной, как

сказки Шахерезады, и порочной, как черная месса. При одном взгляде на нее у брезгливого Бориса Исааковича начинался зуд. Он понять не мог, каким образом распутная бабенка втерлась в доверие к его простушке жене, но вот уже с полгода натыкался на нее во всех углах. Избавиться от нее было непросто, а может быть, вообще невозможно.

Раза два он травил ее крысиным ядом, подсыпанным в кагор, но могучий организм прелюбодейки легко перебарывал любую земную отраву. В ней явственно проступало ведьмино начало. На мужчин она действовала, как грозовой разряд. Ее грешное лоно истекало таинственным соком, перед которым никто не мог устоять. В этом сезоне, по слухам, за ее благосклонность схлестнулись в смертельной схватке известный военачальник и один из самых прожженных вице-премьеров.

— Ох! — воскликнула Агата, увидя его на пороге. — Пришел наш герой и кормилец. Садись с нами, выпей немного вина.

Не потеряв самообладания, Борис Исаакович изобразил на лице любезную улыбку.

— Привет, детка. Какими судьбами с утра? На метле прилетела?

— Котик, ты вроде не рад меня видеть? — она пожирала его глазами, двусмысленно облизывая шоколадку. — Отвлекись, расслабься, не дуйся. Успеешь пересчитать свои денежки. Разве можно вечно дуться, имея такую женушку. Хочешь коньяка?

Все, что говорила эта милая дама, независимо от смысла, было столь же непристойно, как голый зад, высунутый в форточку. Тяжело признаваться, но, положив руку на сердце, Сумской не рискнул бы утверждать, что при определенных обстоятельствах устоит перед ее грозными чарами. Угадала женушка: похоже, задержка была не за ним, а за Агатой, которая пока пробовала его на язычок, но не заглатывала.

Машинально он потянулся за протянутой рюмкой.

Поднес ко рту, обнаружив, что сидит на диване.

— Борюсик, — капризно протянула жена, — ведь у меня для тебя хорошая новость.

— Какая же, друг мой?

— Агатушка согласилась поехать с нами в Лондон.

Банкир побледнел, но ответил бодро.

— Отлично. Чем больше народу, тем веселей. Давай еще твоих родителей прихватим.

— Я не шучу, милый. Агата действительно летит с нами.

Он поверил, что жена не шутит, когда встретился глазами с Агатой. В ее привычно похотливом взгляде мелькнуло что-то незнакомое,

угрожающее — холодный огонек расчета, что ли? Сумской поежился, поспешно осушил рюмку.

— В чем дело, котик? — насупилась Агата. — Я на самом деле давно собиралась в Лондон... Не беспокойся, обузой вам не буду.

— Зачем ты туда собиралась?

— Борис, это неприлично! — возмутилась жена.

— Трудный характер у твоего мужа, — посочувствовала ей Агата и — о, черт! — незаметно игриво подмигнула Сумскому. — Хорошо, что мне не нужно спрашивать у него разрешения. Правда, котик?

— Может, не нужно, а может, и нужно, — у него даже ладони вспотели. Он с трудом удерживал на губах улыбку. Таких совпадений не бывает. Развратная самочка явилась не сама по себе, ее подослали. Но если Монстр действует с такой быстротой, то как ему противостоять? Разрядил обстановку Семен Гаратович. Заглянув на кухню, загремел с порога:

— Ах вот как! Бросили инвалида одного — и пируете! А вдруг у него инфаркт? Агата, счастье мое, тебя ли я вижу?!

— Меня, Сенечка, меня... Ох, только попробуй ущипни! Так ущипну, руки отсохнут... Представляете, господа, на той неделе в Киноцентре на премьере Сокурова заманил меня этот червивый гриб в бильярдную, якобы по какому-то важному делу. Я лопухи развесила, солидный все же человек, пошла с ним, а он, ни слова не говоря, набросился аки дикий вепрь и чуть не изнасиловал. Признайся, Семен, зачем ты это сделал?

— Как можно, солнышко мое! Что обо мне подумают друзья? Незаслуженная клевета на старичка.

Восковые щеки Кривошеева запылали нездоровым румянцем..

— Ах, клевета! А это что? — Агата одним движением задрала юбку и оголила стройное, золотистое бедро без всяких следов повреждений. — Синяков наставил, пошляк!

— Прикройся, душечка! — взмолился Кривошеев. — Слепну!

Агата томно потянулась, нежно огладила бедро, окатив Сумского призывным, почти умоляющим взглядом.

— Спрашиваешь, Боренька, зачем мне в Лондон?

Да просто страшно здесь оставаться. Куда ни плюнь — или бандит, или сексуальный маньяк. Как тут убережешь невинность для любимого человека?

Кривошеев переглянулся с Сумским, тот молча кивнул.

— Налей и мне, Агатушка, — попросил старик. — Чувствую, давление скачет... Значит, ты тоже собираешься в Лондон?

— Конечно, собираюсь. Боренька берет меня с собой. Правда,

Боренька?

Сумской не ответил, у него почему-то речь заклинило. Наваждение перетекало в реальность.

— Что ж, дело хорошее, — Кривошеев пригубил рюмку. — Почему не прогуляться, если есть возможность... Я бы сам с вами поехал, да в самолете укачивает. Видно, отлетал свое... И все же, Агатушка, дитя мое, если не секрет, за каким чертом тебя туда несет?

— У меня там гинеколог хороший, новую спираль поставит. Старая вся истрепалась, — похабная девица глядела прямо в глаза Сумскому, уже не пряча угрозы.

Борис Исаакович извинился перед компанией и отправился в кабинет, чтобы сделать пару срочных звонков.

Следом вихрем ворвалась жена.

— Борис, что происходит, объясни?

— Ты такая дура, что не видишь?

— Представь, не вижу.

— Ты сама позвонила этой девке?

— Какое это имеет значение?

— Раз спрашиваю, значит, имеет.

— Нет, позвонила она.

— Раньше она звонила тебе в такое время?

Кларисса склонила голову набок, пытаясь понять, что кроется за мужниным допросом. Серьезные умственные усилия всегда давались ей с трудом. Зато она была неистощима на поддевки.

— Милый, если подозреваешь Агату в чем-то... Это же глупо... Ну да, обыкновенно она встает не раньше двух, потому что ведет нормальную ночную жизнь, как все приличные люди, кроме нас.

— Что же сегодня помешало ей выспаться?

— Никак не врублюсь, на что ты намекаешь?

Сумской был терпелив. Да и куда спешить, если смерть дышит в затылок.

— Она знала, что мы собираемся в Лондон?

— Что с тобой, Боренька? Я сама узнала час назад.

— Значит, ты сообщила ей, что едешь путешествовать, и она тут же решила составить тебе компанию?

— Нет, не тут же... В такси надумала... Борька, прекрати! Ты что же, хочешь довести меня до истерики?!

— Не надо истерик, — улыбнулся Сумской. — Для этого еще не время... Прощу тебя, ступай к гостям. Я позвоню и приду к вам.

— Боря, кого ты боишься? Что нам грозит?

— Ничего не грозит. Возникли небольшие проблемы, но я все улажу.

Ему показалось, Кларисса вышла из кабинета на цыпочках. Это было приятно: все-таки сумел нагнать на нее страху. В любом случае он не желал ей зла и не хотел, чтобы ее красивая пустенькая головка скатилась с плеч, как чугунная Ленкина тыква.

Позвонить никуда не успел, напротив, позвонили ему. В трубке звучал сиплый незнакомый голос.

— Господин Сумской?

— Слушаю вас.

— Вы заказали билеты?

— С кем я говорю, извините?

В трубке снисходительный смехок.

— Напрасно вы так запаниковали, милейший. Совсем необязательно участь вашего друга примерять на себя. Шахов — серенькая личность, прилипала, политик, распоясавшийся холуй, как и его тесть, а вы, господин Сумской, солидный человек, банкир, бизнесмен.

Полагаю, мы сможем договориться.

— О чем? — Борис Исаакович уставился на ковер на стене, откуда, показалось ему, потянулась струйка голубоватого дыма.

— Как о чем? — удивился звонивший. — Вы натворили глупостей, возможно, из-за недостатка информации. Беда поправимая, но должна быть, естественно, какая-то компенсация... Парочка миллионов вас устроит?

— Долларов?

— Вы меня удивляете, господин Сумской. Вы же не поверите, если скажу — рублей?

— Понимаю, — сказал Сумской. — Но необходимо кое-что просчитать. Это ведь колоссальная сумма.

— Конечно, посчитайте. Вы же не какой-нибудь Шахов, чтобы ошибиться. Минуты две вам хватит на раздумье?

У Сумского отяжелел низ живота, и он ухватился за него рукой.

— Я согласен, — сказал он.

— Отлично. Через час перезвоню, обсудим кое-какие детали. Деньги понадобятся завтра, в наличке.

— Завтра? В наличке? — как попугай, переспросил Сумской, но его уже никто не слышал. В ухо летели короткие гудки.

Часть вторая

Глава 1

ЖИВОЕ ДЫХАНИЕ ЛЮБВИ

В середине осени, когда природа нахохлилась, как черный ворон, слетевший с тучи, Олег Гурко наведаясь в лесную школу. Он приехал забрать Лизу Королькову. Также привез подполковнику Евдокимову личное послание от генерала, которое тот, заперев дверь, прочитал вслух. В послании было всего несколько слов. "Дорогой Егор Егорович! Трудно, но надо продержаться.

Дай срок, с Божьей помощью одолеем зверя. Твой Самуилов".

Евдокимов расчувствовался, достал из шкафчика заветную бутылку "можжевельки", угостил гостя. Прежде они не были знакомы, хотя слышали друг о друге, но встретились по-родственному. Крепче крови их связывала скорбь о поруганной чести русского воина.

Евдокимов интересовался всем, что происходит на воле: как генерал? Какая обстановка? Не слышать ли откуда послабления от разора? Жива ли Москва?

Гурко отвечал по возможности исчерпывающе, ему по душе были люди, которые, пройдя сто смертей, сохраняют любознательность. Генерал не меняется, сказал он, хотя немного обрюзг. Он и не может измениться, потому что в его личности воплотилась неуывдаемая идея сыска. Скорее всего, генерал Самуилов и из могилы подаст им знак, в каком направлении затаился главный враг. На сегодняшний день враг окопался как раз в Москве, но это уже ни для кого не секрет. Москва, как уже бывало в прежние времена, отвалилась, откололась от всей остальной России и превратилась в мощную крепость чужеземцев. Там у них скопилась такая сила — капитал, оружие и штабы. Москва, опутанная информационным бредом, накачанная психотропной слизью, превратилась как бы в огромную воровскую малину, где управляют разномастные паханы, в основном нерусские, и их многочисленные подручные из аборигенов, продавшиеся, как тоже бывало встарь, за все те же соблазнительные тридцать сребреников. Характерно, что среди продавшихся почти нет простого люда, это большей частью образованная шпана, именующая себя творческой интеллигенцией, да бывшие партийные аппаратчики, ухитрившиеся занять самые высокие гауляйтерские посты. Прочий обыватель, так и не уразумевший, что произошло, подыхает среди импортного изобилия, упивается сериалами из жизни латиноамериканских кретинов и иногда

сбивается в потешные митинги, на которых потрясает худыми, никому не опасными кулачками и бьется в дурной истерике. Казалось бы, проще всего при таком раскладе напустить в город ядовитых газов или взорвать его ядерным ударом и таким образом разом покончить с нашествием, но это нельзя сделать по двум причинам: во-первых, нет героя, кто взял бы на себя труд гигантского захоронения; а во-вторых, если бы и нашелся такой герой, то гниль и смрад, хлынувшие из разверстой московской преисподней, затопили бы половину планеты.

— Складно излагаешь, — восхитился Евдокимов. — Но по Зоне-то, я слышал, шарахнули — и ничего, пронесло.

— Зона по сравнению с Москвой, — пояснил Гурко, — все равно, что садовый участок по сравнению с Курской аномалией. Но не отрицаю, как лабораторный опыт может пригодиться.

— Значит, остается ждать?

— Есть люди поумнее нас с тобой, Егор Егорович.

Когда надо, придут и скажут, что делать.

— А пока приехал за Корольковой?

— Выходит, что так. Расскажи про нее. Готова она к внедрению?

Начальник школы разлил по стаканам остатки "можжевеловки", чокнулся с гостем. По его мнению, Лиза Королькова готова ко всему, но еще месяц-другой натаски ей не повредили бы.

— Честно скажу, редкий боец. На моей памяти таких не было. Жалко будет потерять ее из-за спешки.

В чем ее избранность, он тоже рассказал. Практически по всем дисциплинам Лиза набирала высшие баллы, но ни разу не выказала признаков переутомления, что часто случалось с курсантами, тщеславными, заносчивыми и прыткими, как дети в игре. У них ведь большие нагрузки, иногда на пределе человеческих возможностей, — рассказывал Евдокимов, — вот некоторые и ломаются, не рассчитав сил. Только не Королькова. Стремление к победе любой ценой ей неведомо, и это, как ни чудно, делает ее как-то по-особенному неуязвимой. Она всегда точно останавливается на пике, и никто не знает, сколько у нее осталось в резерве. Он сам, Евдокимов, проверял ее на износ, на слом, но не добился толку. Ее энергия кажется неисчерпаемой.

Третьего дня поутру он побежал с ней дальний кросс по пересеченной местности, тридцать километров с препятствиями, и когда сбил дыхалку, Королькова тоже вдруг споткнулась, упала на траву:

— Егор Егорович, миленький, не могу больше, сейчас умру! Давайте отдохнем!

Этим трюком она обманула бы кого угодно, но не его. Лиза заметила, что он выдохся, и не захотела уязвлять его самолюбие. На самом деле она могла бежать еще новую дистанцию, да вообще неизвестно сколько, хоть до захода солнца. Евдокимов не сокрушался, что поддался девчонке, смешно стыдиться подступающей старости, но по-человечески, по-офицерски восхитился ее поступком. Так изящно и в нужную минуту изобразив слабинку, Королькова не заискивала перед ним, о, нет, этого от нее не дождешься, она просто отдала дань уважения его сединам, а это дорогого стоит. В первый день, когда ее увидел в этом кабинете, решил, — вот очередная смазливая подстилка, которую натаскают, обучат всем премудростям и будут использовать в качестве наживки для ловли жирных карасей, но он ошибся. Все преподаватели в школе о ней тоже очень лестного мнения, а среди них, — Гурко, наверное, в курсе, — есть чрезвычайно толковые специалисты. У Корольковой большие горизонты, она далеко пойдет при разумной опеке, и не потому, что у нее отличные внешние данные, а потому, что родилась для крупных дел.

— Так о ней говоришь, подполковник, — удивился Гурко, — будто влюблен.

Евдокимов улыбнулся домашней, тихой улыбкой.

— Не без того. Больше скажу, считай, вся школа в нее влюблена. Нам ее будет не хватать.

— Приятно слышать, — пробормотал Гурко. — Она ведь какая-то мне дальняя родственница.

После этого вызвали Королькову.

Королева спецназа, облаченная в серую униформу, с загорелым, свежим лицом вытянулась у порога по стойке "смирно", звонко отчеканила:

— Номер четырнадцатый прибыл по вашему распоряжению, товарищ подполковник!

Глазами лупила на начальство, как истукан, это впечатляло. Гурко невольно заулыбался, напрягая память: нет, эту молодую женщину он видел впервые. То есть, когда-то прежде он встречал ее раз или два, но в ином мире и в ином облике. Зато он помнил ее отца, известного в прошлом хирурга, который оказал ему как-то серьезную услугу. Данила Корольков долго и успешно лечил людей, делал сложные операции, иногда буквально вытаскивая за уши с того света, но в конце концов надорвался и после двух подряд инфарктов сел на инвалидность и сейчас, насколько было известно Гурко, коротал век на садовом участке под Наро-фоминском.

Мужик был нестарый, лет около пятидесяти, но, как показали события последних лет, это самый уязвимый возраст для выживания в пещерных

условиях. Именно пятидесяти-шестидесятилетние мужчины с натугой вписывались в крысиный рынок, их сердца лопались, как мыльные пузыри на воде. Об этом феномене, имеющем под собой любопытные метафизические причины, Гурко как-то даже накропал статейку, хотя никуда ее не отправил. Правда, его больше интересовала не сама проблема вырубки срединного возрастного контингента, а тот ее аспект, что это поколение почему-то оказалось напрочь лишено инстинкта сопротивления. Оно вымирало по-животному уныло, удалым реформаторам не пришлось даже тратить средства на прополку. Кто не поспевал загнуться сам по себе, тот стрелялся, вешался либо дотравливал себя дешевым метиловым спиртом, словно боялся лишней денек задержаться на этом свете.

— Какой ты четырнадцатый? — добродушно пробасил Евдокимов. — Давно уже не четырнадцатый. Садись, Лиза. Видишь, какой важный гость прибыл по твою душу?

Лиза перевела взгляд на Гурко и склонила голову в чинном поклоне.

— Здравствуйте, Олег Андреевич. Рада вас видеть.

— Как меня узнала?

— Вы же бывали у нас дома, разве не помните?

— Что бывал, помню. Тебя не помню, прости великодушно.

— Не за что, Олег Андреевич. Кто я была тогда, пигалица малолетняя.

А вы как раз защищали докторскую.

— Докторскую я защитил, слава труду, в восемьдесят восьмом. Значит, тебе тогда было семнадцать. Не такая уж пигалица. Я бы запомнил такую красавицу. Просто ты очень изменилась, Лизавета. Посерьезнела как-то.

— Верно, изменилась, — Лиза присела за стол. — Я сама себя иногда не узнаю в зеркале... Почему вы назвали меня Лизаветой?

— Как же тебя называть? По фамилии, что ли?

Лиза смотрела на него без всякого выражения.

— Так меня называл ваш друг — Сергей Петрович.

— Почему называл? Он и сейчас так тебя называет.

Так и сказал: передай привет Лизавете.

Лиза опустила глаза.

— Почему же сам ни разу не наведалься? Не позвонил, не написал. Я думала, может, умер?

— Нет, не умер. По-прежнему живой. Вот послал меня за тобой.

Подполковник Евдокимов с любопытством слушал разговор, потом поднялся и сходил к заветному шкафчику, откуда вернулся с бутылкой красного вина. Разлил по рюмкам, произнес тост:

— Не забывай нас, Четырнадцатый номер!

Лиза выпила, но не совсем понимала, что происходит.

— Олег Андреевич, вы правда за мной приехали?

— А что такое? Какие проблемы?

— Но как же.., через месяц экзамены... Когда надо ехать?

— Минут через двадцать и двинем. Хватит, чтобы собраться?

Лиза растерянно посмотрела на Евдокимова.

— Егор Егорович.., но как же так?

— Ничего, девочка, экзамены у тебя жизнь примет.

— А беретка? Я хочу получить свою беретку. Пять месяцев надрывалась и все, выходит, псу под хвост?!

Мужчины смеялись, ей было с ними хорошо. С этими двумя ей было так спокойно, как, может быть, только бывало с Сережей Лихомановым, когда он не валял дурака. Вот оно — чудо!

— Беретку, оружие, погоны — все тебе дадут в Москве, — пообещал Евдокимов. — Только голову побереги. Второй не будет.

— Можно попрощаться с Анечкой?

— Это святое.

— Егор Егорович, — Лиза набралась духу. — Не обижайте ее, пожалуйста. Он ведь в вас влюблена.

— Известное дело, — глубокомысленно кивнул Евдокимов.

Уже в коридоре разом нахлынула знойная тоска. Все ей стало здесь родным — крашенные полы, хвойный лес за окном, мальчишки-курсанты, объясняющиеся в любви, терпеливые учителя и прекрасные незабываемые сны на железной панцирной койке. Как же вдруг со всем этим расстаться?

Анечка ревела в ее комнате, уткнувшись носом в подушку. Каким-то образом (школа!) ей все уже было известно.

— Ага! — прошипела злобно. — Убегаешь, а я остаюсь. Уже восемь месяцев здесь. Мне век, что ли, куковать в этой дыре?.. Попроси у своего друга, чтобы меня тоже забрал. Он все может.

— Что ты, Аня! — Королькова обняла подругу. — Какой он мне друг?

— Сама рассказывала, он твой родственник.

— Родственник, но не друг. Это разные вещи.

— Конечно, когда надо отшить Анечку — это разные вещи. Я так и знала, так и знала!..

Слушая ее одним ухом, Лиза прикидывала, что взять с собой. Вещей кот наплакал. Маленького саквояжа хватит. Но за ним надо сбегать в коптерку.

— Аня, послушай! Хватит ныть. Он тебя любит.

— Кто?

— Евдокимов. Я по глазам поняла.

— Ты что, сдурела?! — Анечкины слезы мгновенно высохли, она смотрела на подругу с каким-то мистическим ужасом. — Ты ему сказала?

— Только что.

— Обо мне?

— Я сказала, что ты в него влюблена.

— Ой! А он что?

— Глубоко задумался.

— Лизок, — произнесла Анечка проникновенно. — Я знаю, ты справишься со мной одной левой, но все-таки я тебе сейчас врежу. Так врежу, все твои подлые мозги выскочат из ушей.

— Не надо, — попросила Лиза. — Лучше поцелуй.

— Господи, какая же я дура!

— Почему?

— Никогда ни к кому не привязывайся сердцем — вот главное правило выживания. Калерия права. Она мне этим правилом весь череп продолбила. Да я так вроде и жила. Но теперь все изменилось. Ты очень дорога мне, Лиза, и еще, кажется, я действительно влюбилась в этого старого, жирного, самоуверенного солдафона.

— Подружка, — Лиза привлекла девушку к себе. — Но это же прекрасно, как ты не понимаешь.

— Я-то ему на хрен нужна, скопцу поганому?

— Не говори так, Анечка. Евдокимов безумно одинок. Он такое пережил. Ты согреешь его душу, и он ответит тебе взаимностью. Представь, как это чудесно. Такие мужчины, как он, любят смертельно.

— Вот этого не надо, — Анечка вяло улыбнулась. — Все это ерунда. Для него я обыкновенная шлюха — и больше ничего.

— Ты сама в это не веришь... Ох, опаздываю... Помоги собраться, Ань...

Через пятнадцать минут Лиза Королькова в сопровождении Гурко и Евдокимова вышла на крыльцо школы. Одета была в нарядное шерстяное платье и темно-синий плащ-дождевик. На плече на длинном ремне висела кожаная сумка, с которой пять месяцев назад приехала сюда. Прямо не верилось — пять месяцев! А почему не пять лет, не пять столетий? В этом затерянном в лесу чистилище время текло по-другому, возможно, в инопланетном исчислении. Час ты здесь пробыл или год, — это был одинаково плавный круг судьбы.

День отъезда (исчезновения?) выдался по-осеннему хрусткий, почти ломкий на ощупь. Вдоль сосновой подъездной аллеи собралось достаточно

людей, чтобы предположить неординарное событие. А всего лишь залетная пташка покидала свое случайное гнездо. Ох, не случайное, нет! Лиза окинула взглядом множество лиц, и все они были родными. Мальчишки-курсанты, с которыми дружила, но никому не позволила лишнего; в их прощальных улыбках — молчаливый упрек; суровые наставники, воспользовавшиеся негаданным перекурком не столько для того, чтобы попрощаться с ученицей, скорее желая поглядеть на знаменитого столичного гостя, попасться ему невзначай на глаза — еще бы, это был человек, сумевший в одиночку доказать, что на всякую черную силу рано или поздно сыщется управа, — после Зоны слава Гурко была непоколебима; даже тучная тетка Груня, главная повариха, не поленилась выскочить под серебряные небесные струи, распаренная, как из котла, стирающая розовой ладонью серую грусть со лба — все они, все протягивали Лизе руки, смеялись, произносили какие-то слова, желали удачи, провожали до машины чередой волнующих, мучительных прикосновений. И Лизе хотелось признаться им всем в благодарности и любви. Но она этого не сделала.

Смущенная, лишь бормотала, быстро, весело, твердо отвечая на рукопожатия, шутки, поцелуи:

— Спасибо, спасибо! Мы обязательно встретимся!

Услышала прощальный совет Севрюка:

— Расслабляйся, плохо расслабляешься, Лизка!

Подхватила Анечку, сжавшую ее в неистовом объятии. Потом ее развернул к себе Евдокимов:

— Будет худо, Четырнадцатый, звони, не робей!

Из черной "волги", где за рулем сидел Гурко, высунулась наполовину и крикнула:

— Прощайте! Мне жаль покидать вас. Я плачу! — и если бы не цепкая рука Гурко, удержавшая ее за плечо, так бы и вывалилась под заднее колесо.

Мчались лесом, как туннелем, и вскоре выбрались на шоссе. Лиза отдышалась, и Олег угостил ее сигаретой.

— Поражен, — признался он. — Никогда не видел ничего подобного.

— Вы о чем?

— В нашей профессии особенно важно как провожают. Поздравляю, Лизавета. Тебя проводили сердечно.

— Какую профессию вы имеете в виду?

— У нее много названий. Но суть в одном — выявление истины.

Лиза вбирала в себя летящую, стелящуюся под колеса влажно-

фиолетово-черную ленту. От Гурко шел ток высокого напряжения. Она с готовностью ему подчинилась. Во всяком случае, спорить с ним не собиралась. Если говорит, что у них общая профессия, значит, так и есть. Спросила:

— У Сергея беда?

— У нас всех беда, разве не знаешь? — скосил на нее быстрый взгляд, будто темным огнем ожег. — Но с ним как раз все в порядке.

— Почему же такая спешка?

— Спешки нет. Просто появилась возможность устроить тебя в одну фирму. Грех ее упускать.

Лиза закурила вторую сигарету. До Москвы оставалось 30 километров. На шоссе то и дело возникали гаишники, выскакивали из кустов, как черти, со своими подзорными трубами, но "волгу" ни разу не остановили, хотя Гурко шел с превышением скорости за сто.

Гурко, не дождавшись вопросов, рассказал про фирму и про тепленькое местечко, которое ей уготовано. Оказалось, ей предстояло поработать санитаркой в морге одной из престижных московских клиник. Новость слегка огорошила.

— У меня же никакого опыта, Олег Андреевич!

— Ничего хитрого, я узнавал. Покойники — безобидный народ. Обмывка, косметические процедуры — нехорошо отпрапляться на тот свет абы в каком виде.

Учти, Лизавета, работа высокооплачиваемая и с хорошей перспективой.

— Благодарю вас, — Лиза ощутила знобкий холодок между лопаток. — Сергей Петрович в курсе?

— Не только в курсе, он тебя и порекомендовал.

Как я понял, Сережа принимает самое заинтересованное участие в твоём будущем.

— Я бы хотела поблагодарить его лично.

— Конечно, ты будешь полностью в его подчинении. Я-то что — отвез, привез.

Кое-какой информацией Гурко поделился. Над этой клиникой, где ей приготовлено местечко, стоит некто Василий Оскарович Поюровский, врач-оборотень. За ним много черноты, но это человек деликатной судьбы: уже третий месяц он ходит на мушке, и неизвестно, почему до сих пор цел: то ли откупился, то ли на временном выпасе. Бизнес, которым он занимается, самый ходовой — торговля человеческими органами. Дело поставлено на широкую ногу, но на сегодняшний день, невидимому, от испуга,

Поюровский немного притормозил донорский конвейер. В юридические тонкости Лизе вдаваться не надо, только зря забивать себе голову, ее задача простая: по возможности отследить маршруты донорских караванов, и, второе, выяснить, откуда на Поюровского подул смертельный ветер.

Времени в обрез: один из подельщиков Поюровского, влиятельный думец Ленька Шахов уже в аду, и еще целая цепочка соратников помельче выстругана напроочь.

Если успеют убрать Поюровского, многие концы уйдут под воду. Самуилов будет недоволен таким результатом, потому что распутать змеиный клубок в назидание потомкам — для него вопрос чести.

Он довез ее до Бутова, припарковался прямо перед домом. Но наверх подняться отказался.

От подъезда она помахала ему рукой.

На душе у нее было тревожно. Поднялась на седьмой этаж в родном лифте, где все вентиляционные дырки старательно залеплены жвачкой. Поговаривали, это работа пятиклассника Руслана, про которого всем в доме известно, что скоро шустрого пацана примут стажером в Бутовскую группировку. Лиза имела честь быть с ним знакомой: рослый мальчуган с темными подглазьями на преждевременно постаревшем лице.

Один из многочисленной рати московских огольцов, обреченных на деградацию. На изумление всему миру российский президент однажды похвалился таким свечным огарком перед заокеанскими купцами: вот, дескать, какие у нас теперь замечательные дети, почти как у вас, с малолетства приучаются заколачивать бабки. Мальчик Руслан один раз прямо в лифте предложил Лизе задешево, за триста тысяч, желтую кожаную, якобы японскую, куртку, торчащую из полиэтиленового пакета полуоторванным рукавом. От выгодной покупки Лиза отказалась, и бедовый шкет смерил ее таким угрожающим взглядом, что она была рада, когда он высадился со своим товаром на пятом этаже. Вдогонку лифту крикнул:

— Тетка, хочешь, за двести отдам?!

Возле своей квартиры Лиза помешкала. Послушала тишину за дверью. Гурко предупредил, квартира чистая, но чего не бывает. Не только школа, вся предыдущая жизнь день за днем вгоняла в нее злые шипы подозрительности. Уж теперь-то она выучила, что туда, куда тянет, как раз не стоит спешить. Отперла английский замок латунным ключиком. Постояла в прихожей, щелкнула выключателем. В квартире несомненно кто-то был, но не страшный, свой. Аж до рези в глазах закружилась голова от знакомого запаха одеколона "Спрайт".

— Сережа, — окликнула негромко. — Где ты? Покажись?

Никто не отозвался. Лиза опустила сумку на пол и прошла в спальню. Майор лежал на ее кровати, хорошо хоть ботинки успел снять. Он спал так крепко, что не почувствовал, как она присела рядом. Господи, как измучен! Желтизна на висках, темная жилка надулась на шее, седая щетина — тридцатипятилетний старик. Лиза с нежностью провела пальцами по колючей щеке.

Встретил, все-таки встретил!

Поцеловала плотно сомкнутый рот: спит. Потрясла за плечо: спит. Ничего не придумав лучше, вылезла из ненавистного шерстяного платья, разделась догола и пошлепала в ванную. Поглядела в зеркало: она ли это?

Напрягла мышцы, нахмурила брови — она и не она.

Глаза не ее. Откуда этот блеск, как у рыси?

Сергей Петрович прокрался в ванную, когда она почти задремала в мыльной горячей пене. Пробасил над ухом:

— Вот и попалась, красавица! Ишь моду взяла, по полгоду пропадать.

Мокрую, податливую, жалобно хлюпающую носом вытащил из воды, взвалил на плечо, как мешок с картошкой, и понес на кровать...

Глава 2

ШАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

С огромными трудностями, через третье лицо Буга Захарчук вышел на Гурко, дозвонился до него и условился о встрече.

Помог Саня Загоруйко, старый товарищ, бывший заместитель директора фирмы "Македонец", бывший чекист, бывший озорной гуляка и спортсмен, а ныне, по совести сказать, неизвестно кто. В период гонений на фирму "Македонец" у них с Загоруйко начались серьезные разногласия, в их братских отношениях проступила трещина, и это было большим потрясением для обоих. Буга Захарчук лишний раз убедился, как плохо разбирается в людях, до сих его жгла злая фраза, брошенная Саней на прощание:

— Как ты прожил в общественном бараке, так в нем и подохнешь.

Не смысл сказанного (барак так барак) задел Бугу, а презрительный, отчужденный тон, как штамп на протоколе. Суть их размолвки, разрыва упиралась в то, что, спасая "Македонца", Буга Захарчук, законопослушный гражданин, сдуру чуть не обратился за помощью в суд.

Напротив, Саня Загоруйко, рано, прежде многих почуявший, куда ветер дует в их забытом Богом государстве, предлагал одно, но верное средство — мочить, мочить, мочить. Кто встал на дороге, того сковырни не мешкая.

В ту пору (при "меченом") еще было далеко до нынешнего беспредела, но в сущности Саня оказался прав: жареный петух уже клюнул русского мужика в темечко, дьявол явился на бал, только никто еще не признал его в лицо. Народ надеялся, что над ним производят очередной злодейский опыт, но уж никак не подрежут становую жилу. Многие даже радовались при Горбаче: потянуло запретным, лакомым, что давно хотелось попробовать на зубок. Только когда увидели на лицах детей сатанинские признаки, опомнились, загомонили, как птицы под стрехой, но было поздно. Кто сгинул бесследно, кто оторопел, и не счесть тех, которые по чудовищному наваждению добровольно сунули голову в новую, страшнее прежней рабскую петлю. Но это все после, а на тот момент в результате своих законопослушных усилий Буга Захарчук всего лишь обанкротился, и еле успел укрыться в иноземье. Вернулся домой спустя два года, но в другую страну и в другой мир, где уже правил доллар и несло зловонием, как от гниющего под полом трупа.

К своему изумлению обнаружил, что старый товарищ Саня Загоруйко нашел, как теперь говорят, свою нишу на рыночном приволье. Среди веселого, заколдованного московского народца, сбросившего под водительством молодых бесенят жуткое иго коммунизма, он обосновался речным жителем, приобрел катерок и промышлял тем, что устраивал увеселительные прогулки для подгулявшей братвы с их телками, да и для любого, кто готов был платить за речное уединение, ночные шашлыки у костров и полную тайну пребывания. В прейскурант его довольно дорогостоящих услуг входили женщины, наркота, покер и жратва на любой вкус. К тому времени, как вернулся Буга, комфортабельный двухпалубный катерок "Горыныч" уже вполне соперничал с рулеткой в престижном "Палас-отеле". Чтобы провести ночь в речном раю, где мгновенно исполнялась любая прихоть, клиенту приходилось записываться загодя, но уж если он попадал на "Горыныча", над ним не оставалось никакой власти, кроме твердой и услужливой руки капитана.

За два года Буга Захарчук погостевал на "Горыныче" трижды, и всякий раз покидал его с ощущением, что ему привиделся дурной сон. Он не верил, что такое перевоплощение могло произойти с живым человеком, тем более с Саней. Помнил его офицером, мудрецом, забиякой, а встретил расторопного, хитрожопого, уверенного в себе и очень опасного холуя. Он прямо сказал другу:

— Это не ты, Саня. Я не верю, что это ты!

Саня Загоруйко добродушно посмеялся:

— Эх, Бугайчик, в Европе покрутился, а ничуть не поумнел. Как был совком, так и остался. Протри зенки, жизнь тебя давно обогнала.

Буга взялся было спорить, доказывал, что дерьмо всегда одного цвета, хоть при коммунистах, хоть при демократах, но спорщик он был никудышный, куда ему до образованного Загоруйко. Тот сразил его наповал неотразимым аргументом:

— Хорошо, чистюля, я плохой, скурвленный, паханов ублажаю, наркотой приторговываю, а сливным бачком при банкире состоять — это лучше? Это вроде ты святым заделался?

— Почему же сливным бачком? — удивился Буга. — Я на охранном деле, как и был. Работаю на тех, кто платит. Если имеешь в виду банкира, он такой же человек, как мы с гобой. Не убийца, не маньяк, кровь из людей не сосет.

Тут он, конечно, подставился.

— Не сосет? — обрадовался Саня. — Эх, Бугаюшка, вот я и говорю, до сорока лет дожил, ума не набрался.

Моя братва да паханчики с их пистолями — мелочь, шушера, плесень зеленая по сравнению с твоим банки-, ром. Они ему в подметки не годятся. В мире зла нет выше должности, чем банкир. Пахан выбирает жертву, а банкир душит всех подряд, но невидимой петлей. От него никто не спасется, над ним нет власти ни у мертвых, ни у живых. Не задевай меня, Буга, а то обижусь. И без твоей блажи тошно жить.

Захарчук смирился. Он чувствовал в словах друга какую-то горькую правду, самому ему неведомую. Чтобы не утратить остатки былой дружбы, перестал навещать Саню, хотя тот иногда ему позванивал, приглашал. Когда в этот раз явился в "Горыныч", Саня Загоруйко принял его радушно, с каким-то неестественным восторгом. Провел в кубрик, угостил дорогим вином. Буга заметил в нем перемены: осунулся верный товарищ, посмурнел — опасливый лихорадочный блеск появился в веселых глазах.

— Ты, часом, не болен? — озаботился Буга.

— Вроде нет... Болеть некогда, дел по горло... Каким тебя счастливым ветром занесло?

Буга ничего не утаил: наезд на Сумского, попытка бегства, миллионы откупного. Но это не конец. Тот, кто крутит банкира, решил, судя по всему, вбить его в землю по самую шляпку. Уже попутно слетело несколько голов, первой покатила башка Лени Шахова, депутата от "Экономической воли", с которым у Сумского были самые доверительные отношения. Скосили и несколько других голов, помельче, а также подбирались к банковской супруге Клариссе, но пока не трогали, только предостерегали. Все это делалось исключительно для устрашения, чтобы придать наезду видимость неотвратимости. Розыскные действия, которые произвел Захарчук, привели к неутешительным выводам. По всей видимости Борис Исаакович, скорее по неаккуратности, чем по умыслу, пересек дорогу некоему влиятельному господину, за которым сегодня не только доллар, но и топор. Зовут господина Исидор Гурович Самарин, и тягаться с ним ни Буге, ни Сумскому не по силам и не по уму. У Самарина прежде было много других фамилий, в старом уголовном мире среди авторитетов он известен под кличкой Кисель. Таким образом Буга Захарчук оказался на распутье: с одной стороны, связан с банкиром словом, с другой стороны, чувствует, что самое разумное — отойти в сторону и больше не светиться.

— Откуда сведения про Самарина? — спросил Саня Загоруйко.

— В его охране есть двое моих пацанов, но это не имеет никакого значения.

— Почему?

— Далеко стоят от хозяина, да и запуганы до смерти.

— Зачем тебе лично все это надо?

— Я же сказал, словом связан. Как Же я теперь его брошу, без защиты. Нечестно это, — Захарчук понимал, объяснение звучит неубедительно, но надеялся, что Саня поверит. Или догадается о том, о чем вслух говорить и вовсе глупо. Загоруйко догадался.

— Гордыня тебя мучит, старина. Никак не можешь смириться, что мы с тобой мошки, а они — воробьи.

Склянут — и не заметят. Гордыня — страшный грех, товарищ.

— Вряд ли гордыня, — возразил Буга. — Но действительно стыдно. Сколько можно без конца убегать от них. Когда-то надо и столкнуться.

Время от времени, когда по реке проходил тяжелый транспорт, катерок раскачивался у причала, и в такт сдвигались легкие предметы на стене — часы, картины в тонких рамках, компас. Это вызывало у Буги странные, приятные ощущения, связанные с памятью о детстве. Изумительно все же устроился побратим. На волнах, как в раю.

Саня, отпив вина, устремил на него тяжелый воспаленный взгляд, в котором можно было прочесть что угодно, но не сочувствие.

— Прости, Буга, знаешь, я тебе всегда рад, но позволь спросить, зачем ты пришел ко мне?

— За помощью.

— Хочешь втянуть в разборку между бандитами? Ну спасибо, старина, удружил. За кого же ты меня принимаешь? За такого же придурка, как ты? За совка недобитого?

Буга легко проглотил и совка, и придурка.

— Ни в коем случае, Саня. Мне бы и в голову не пришло.

— Чего же ты хочешь?

— Мне нужны профессионалы высокого класса. Хочу, чтобы ты покопался в памяти. Ты служил в Конторе, я нет. У тебя наверняка остались зацепки. Могу пообещать, если хочешь, твое имя нигде не всплывет.

— Буга, не лезь в это дерьмо.

— Мы оба в нем по уши.

Загоруйко сходил наверх и вернулся с ящиком пива и с двумя веревочными концами.

— Если не можешь, — сказал Буга, — я не обижусь.

Управляюсь сам.

— Дождь собирается, — сообщил Загоруйко. — Что ж, я знаю человека, который тебе нужен.

— Кто такой?

— Он в прошлом году Зону раздолбал. Слышал эту историю?

— Слышал. Но говорили, тот парень загнулся.

— Жив-здоров. Он двужильный. Но к нему нужен ход. Если сошлешься на меня, он с тобой говорить не станет.

— Почему?

— Я для него предатель. С предателями не разговаривают. Их расстреливают. Как и их посланцев. Хотя сам он от Конторы тоже откололся. Гордый очень, как и ты. Но не такой дурной.

— Он может помочь?

— Если не он, то никто. Мы с тобой, Буга, против него даже не суслики. Его фамилия — Гурко.

Когда Саня Загоруйко заговорил об этом человеке, голос у него потеплел и в глазах появился мечтательный блеск, как у собаки, которая вспомнила, где зарыта мозговая косточка.

— Телефон дашь?

— С одним условием.

— Да?

— Если со мной что случится, собственноручно взорвешь "Горыныча" к чертовой матери.

— Сделаю, — пообещал Захарчук.

...Перед тем как ехать на встречу, Захарчук позвонил в офис. С некоторых пор у них с хозяином установился такой порядок: он объявлялся каждые два-три часа и докладывал обстановку. Сумской нуждался в этих звонках, хотя большей частью они были бессмысленны.

Буга опасался, что у Бориса Исааковича сдают нервы.

Причем надломили его не пять миллионов (чудовищная в представлении Буги сумма), которые он передал вымогателям, а недавний случай с Клариссой. В ювелирном магазине (на улице дежурили трое бойцов) к ней подошел улыбающийся красивый молодой человек и с изящным поклоном вручил конверт с фотографиями.

— Что это?

— От вашего поклонника, мисс. Просили передать.

— От какого поклонника?

— Не велено сказывать.

Кларисса начала разглядывать слайды прямо в магазине, но тут ее прохватил колотун, и досматривала снимки она уже вечером вместе с мужем. Фотки (числом тринадцать) были подобраны со вкусом и выполнены в элегантном сюрре, и все бы ничего, если бы не одна общая леденящая подробность. На всех слайдах, будь то Новодевичий монастырь или тенистая аллея, спускающаяся к покрытому кувшинками пруду, или

скверик у Большого театра, с группками озабоченных педиков, или просто изумительной прелести ромашковый луг, — повсюду обязательно присутствовала отрубленная, хохочущая голова Бориса Исааковича, родная до слез. Голова на снимках пребывала в разных положениях: то посаженная на кол (у стены монастыря), то катящаяся по лесной тропинке, как мяч, то плавающая среди кувшинок на нежной глади пруда, а то и вовсе угодившая под копыта каменного коня; но особенно она впечатляла, вздетая на простертую длань бывшего вождя революции Ульянова-Ленина. И везде Борькина голова именно давилась зловещим смехом, будто довольная, что наконец-то ей повезло.

— Ну и что? — спросил Сумской, знакомясь с оригинальной коллекцией. — Обыкновенный фотомонтаж. Рассчитано на идиотов... Меня другое интересует. Почему ты принимаешь всякую гадость от незнакомых людей?

— Фотомонтаж? — удивилась Кларисса, с трудом преодолевшая истерику. — Но это же твоя голова, милый? Или же не твоя?

И тут она впервые чудно захихикала, вобрав голову в плечи, словно ее переехал трамвай. Банкира враз перекосило. Позже он признался Буге, с которым взял привычку делиться самым сокровенным, что не возможность потери состояния и не туманность перспективы его угнетают больше всего, а именно это ни с чем несообразное кудахтанье жены, издаваемое ею всякий раз, как она на него взглядывала. Слово действительно подозревала, что на гнусных слайдах изображена его натуральная голова, а то, что осталось на плечах, не более чем обман зрения.

На сей раз разговор был короткий: у Сумского в кабинете были люди. Он только спросил:

— Новостей нет?

На что Буга обнадеживающе ответил:

— Плохих нет.

— Отлично. Перезвони через час, надо кое о чем посоветоваться.

Посоветоваться — значило на что-то еще пожаловаться. В принципе банкир, несмотря на обрушившиеся напасти, держался стойко, оставался для всех сотрудников таким, каким его привыкли видеть — сухим, желчным, деловым человеком, чуждым эмоций и пустых словоизлияний, и только с Бугой позволял себе расслабиться, капризничал и порой распускал себя до такой степени, что чуть ли не плакал. Почему он выбрал его в исповедники, Буга не знал, но принял это как должное. Не возражал против роли мудрого дядьки-утешителя, хотя это накладывало на него дополнительные обязательства. Слушая слезливое бормотание банкира,

сбитого с катушек, он понимал, что не имеет права бросить его на произвол судьбы. Без его опоры Сумскому крышка. Если не додавят конкуренты, а они обязательно додавят, раз уж взялись, то он сам доведет себя до такого срыва, после которого человек превращается в студень, в моллюска и редко обретает свой прежний облик. К тому много предпосылок. К примеру, Борис Исаакович, казалось, уже не воспринимал как реальность угрозу собственной жизни, а заикнулся на двух второстепенных вещах: дикая страна, населенная быдлом, в которой невозможно жить цивилизованному, порядочному человеку, и жена проститутка, дебилка, предательница и ведьма. Вот эти два предмета, причудливо совмещенные в единое целое, не давали покоя его больному воображению. В последнее время олицетворением всей земной мерзости, которая застила ему белый свет, стала девица Агата, приведенная, по его мнению, в дом женой-проституткой напрямиком из преисподней.

Про Агату он говорил с еще большим отвращением, чем про "эту страну", и всякий раз приходил в неадекватное возбуждение. Надо заметить, эта безалаберная, распутная и очень соблазнительная женщина, которой Буга частенько издали любовался, действительно злоупотребляла дружбой с Клариссой и, можно считать, практически переселилась в дом банкира. Буга был искренне озабочен душевным здоровьем хозяина и однажды посоветовал ему обратиться за помощью к хорошему специалисту, даже посулил адрес известной знахарки, которая ничем не уступала Джуне и Чумаку вместе взятым, хотя и назначала за консультации фантастические цены. Эта знахарка, по национальности алжирка, по слухам лечила рак, проказу, СПИД, коровье бешенство, переломы конечностей, импотенцию, чуму и прочее, а уж снять душевную порчу для нее было не более трудным делом, чем для доброго человека высморкаться. Борис Исаакович воспринял совет болезненно. Долго смотрел на Бугу, будто впервые увидел, и только обронил сокрушенно:

— И ты туда же, Брут!

* * *

...Гурко, как условились, поджидал Бугу в скверике на Чистых прудах, и если тот предполагал увидеть супермена, мыслителя, посланника небес или еще кого-то необыкновенного, то он ошибся бы. На скамейке сидел молодой человек, светловолосый, но с темными глазами, что, вероятно, нравилось женщинам. Сложения крепкого, но не из ряда вон, как привычно отметил Захарчук. Одет в серые брюки и кожаную куртку, не самую дорогую и не дешевую, голландскую, скорее всего. Ботинки пехотного образца, которые носит вся крутая молодежь. В общем, ничего

примечательного, если бы не взгляд — успокаивающий, приветливый, говорящий, сразу внушающий доверие. Еще Буга углядел тонкую золотую цепочку с каким-то медальоном на шее незнакомца — красноречивая деталь, имеющая большой смысл для наблюдательного человека.

— Это не медальон, — сказал Гурко. — Камушек удачи, подарок восточного друга. Не знаю, верить или нет, но с тех пор, как ношу, ни разу не простужался.

Захарчук и прежде встречал людей, умеющих читать чужие мысли, поэтому не удивился.

— Извините, Олег Андреевич, если оторвал от чего-то.

— Пустяки... Но времени действительно у меня в обрез. Поэтому давайте сразу к делу, хорошо?

В скверике народу негусто: двое пенсионеров, играющих в шахматы, — фрагмент минувших времен, влюбленная парочка, слившаяся в унылом осеннем поцелуе, молодые мамы с колясками — подслушки вроде не видать. День склонялся к ненастью. Ветер рыхлил на газонах подсохшую листву. В воздухе ощущение надвигающейся, уже близкой зимы. Немилый Захарчуку сезон, в такую же погоду его поперли из авиации.

Когда готовился к встрече с особистом, прикидывал, что говорить, а что оставить за скобками, но, увидя Гурко, сразу решил, что не стоит лукавить, прощупывая собеседника. Этого не прощупаешь, а оттолкнуть, насторожить можно. Стараясь говорить коротко, но не упускать важных подробностей, он изложил всю историю с банкиром Сумским и с его банком "Заречный". Вплоть до того, что описал нынешнее душевное состояние Бориса Исааковича, упомянув о его сложных отношениях с любимой женой. Гурко слушал внимательно, изредка поощрительно хмыкал, выкурил две сигареты и ни разу не перебил. С ним приятно было общаться.

Потом Гурко задал несколько вопросов, которые удивили Бугу, потому что не касались существа дела, лишь удовлетворяли любопытство, хотя по-своему были точны. Из них следовало, что о наезде на банк Гурко осведомлен полнее, чем думал Буга. Гурко спросил:

— Вы полагаете, во всех финансовых операциях Сумской доверяет только Кривошееву?

Буга ответил:

— Да.

— Что скажете об этом Кривошееве?

— Старая, прожженная сволочь.

— Способен на двойную игру?

— Не только способен, он ее всегда ведет.

— И тем не менее Сумской ему доверяет?

— Обычно он в курсе всех его махинаций, хотя Семен Гаратович об этом не подозревает.

— Вы умный человек, Захарчук, — похвалил Гурко, и нельзя сказать, чтобы Буге это не понравилось. Чуть погодя, проводив глазами стройную мамашу с коляской, Гурко поинтересовался:

— Сумской спит с Агатой?

— Думаю, ему сейчас не до этого.

— Похоже, эта дамочка сама выбирает, кому до этого, а кому нет.

— Верно, дамочка шустрая, любвеобильная, но Сумского тоже надо знать. Он с кем попало не ляжет.

— Да?! Любопытное наблюдение. Скажите, Буга Акимович, вы тщательно ее отследили? Я имею в виду не амур, а в общем, так сказать, плане?

Буга смутился, застигнутый врасплох. Прокол, да еще какой! Появление в доме этой женщины, ее неожиданное полномочие могли насторожить кого угодно, но Буга не придавал этому значения. Его сбил с толку, отвлек психоз Сумского, который как раз зациклился на Агате.

Так бывает в жизни, редко, но бывает. Одна нелепость перекрывает другую, клин вышибается клином. Зловещие намеки Сумского на то, что Агату будто бы прислали за ним из преисподней, все его ужимки и гримасы шизоидного толка, поведение самой Агаты, активно лезущей на рожон, все это помешало Буге принять ее всерьез. Потаскушка потянулась к потаскушке, на пару травят мужика, — что тут может быть еще?.. Да все, что угодно.

Ему было стыдно перед Гурко за свой промах.

— Полагаете, ее подослал Самарин? — спросил смущенно.

— Кто такой Самарин?

Теперь, кажется, и Гурко решил поиграть в простачка, но Буга не обиделся. Что заслужил, то и получи.

Он рассказал все, что успел разузнать про законспирированного монстра, про его колоссальную власть, про империю, раскинувшуюся от Магадана до Москвы. Сведения обрывочные, скудные, но Гурко слушал с интересом. Даже ни разу не взглянул на часы. Задумчиво посасывал сигарету. Когда Буга умолк, зябко запахнулся в куртку.

— Как думаете, Буга Акимович, соберется к ночи снегопад?

— Пожалуй, да, соберется.

— Хорошо, — улыбнулся Гурко своей неторопливой улыбкой. —

Прямо триллер какой-то. Несчастный банкир, вымогатели, женщина-вамп в роли наводчицы, таинственный магнат, дергающий за веревочки, палач секир-башка — аж дух захватывает. Драма в духе незабвенного Эдгара По... Но все же, что вы собственно от меня хотите, дорогой Буга? Я ведь, знаете ли, давно отошел от практических дел.

— Помогите завалить Самарина. Один никак не управлюсь.

— Как это завалить? Уточните, пожалуйста.

Буга объяснил, что поскольку Самарин-Кисель представляет собой угрозу не только для Сумского, но, рассуждая шире, для всего общества в целом, как бы являя собой абсолютное преступление, то кто-то должен его остановить. В обычных условиях эту задачу выполняет государство, собственно, насколько он, Буга, понимает, зачем оно и создано. Он много думал об этом, много читал и пришел к выводу, что если государство не способно защищать своих граждан от насилия любого вида, соблюдая так называемый Закон, то, в сущности, его наличие теряет всякий смысл. Оно становится даже обузой для налогоплательщиков, вроде нароста на коре дерева. Как это и произошло в нынешней России. Поэтому, заметил Буга, он в принципе готов взять на себя карательную функцию, но что касается Самарина, то тут у него слишком мало силенок.

Гурко глядел на него со все возрастающим изумлением. Поначалу Буга Захарчук показался ему простым мужиком, служакой, правда, возбужденным какой-то завладевшей им идеей, и вдруг этот мужик начал рассуждать, как выпускник филфака, употребляя слова "антураж", "функций", "государственные институты" и так далее, причем в его незамысловатых умозаключениях таилась глубина и убежденность, свойственная лишь очень уверенным в себе людям. И главное, Гурко вполне разделял его мысли. Недаром Гельвеций заметил:

"Нам кажется умным тот человек, который думает так же, как мы".

— Проще говоря, — сказал Гурко, — вы предлагаете замочить супостата?

— Естественно, — отозвался Захарчук. — "А что тут особенного?"

— Забыл спросить, Буга Акимович, кто дал вам мой телефон?

— Один ваш бывший коллега. Он просил не упоминать его фамилию.

— Почему?

— Считает, вы плохо к нему относитесь. Принимаете за предателя.

— Ах, так это Саня Загоруйко. — вспомнил Гурко. — Вы же вместе работали в "Македонце". На самом деле он никакой не предатель, так?

— В этом смысле все мы немного предатели. Во всяком случае я ничем не лучше Сани. Любая работа имеет свою цену. И с Самаринным

тоже.

— Бесплатно не рискнули бы?

Захарчук ответил после недолгого размышления.

— Думаю, рискнул бы.

— Даже в одиночку?

— Понимаю, глупо, но попробовал бы.

У Гурко потемнело на сердце, будто, заплутав в пустыне, повстречал такого же незадачливого путника, но с полной канистрой воды.

— Вы мне нравитесь, Захарчук, — сказал искренне. — Я готов сотрудничать, но только на моих условиях.

— Слушаю внимательно.

Гурко перечислил, чем должен заняться Буга в ближайшее время. Внедрить в банк человека, которого он подошлет утром. Но не в охрану, а в структуру, причем так, чтобы ни Сумской, ни, упаси Бог, Кривошеев не знали про подставку. Буга задумался.

— Возможно ли?

— Как родственника, — подсказал Гурко.

— Сделаю. Но хорошо бы...

— Человек с экономическим образованием, — успокоил Гурко. — С работой справится. В перспективе — подменит Семена Гаратовича. Старику тоже надо когда-то отдохнуть, верно?

— Понятно, — кивнул Буга, хотя на самом деле понял только то, что помощь Гурко, возможно, обойдется ему дороже, чем он предполагал.

— Второе: Агата. Подсуньте ей справного кобелька.

Чтобы до печенок прожег. Есть у вас такой на примете — пожалуйста. Нет — дам своего. Но надо такого, чтобы на ходу подметки резал. И не только в постели.

— Обученного нет, — сказал Захарчук. — Присылайте.

— Теперь главное: никакой самостоятельности. В направлении фигуранта ни одного шага без согласования.

Это очень важно. Охраняйте банкира — и баста. Вы и так далеко зашли.

— Выходит, сажусь на поводок? — хмуро бросил Захарчук.

— Выходит, так. Но иначе нельзя.

На аллею забрела группа молодых людей — парни и девушки в кожаных и длиннополых пальто. Веселая, пестрая, жизнерадостная стайка — шли, как пыль со стола стирали. В руках транзисторы, пивные банки, сигареты. Окрестность тихих прудов взорвалась адской мешаниной музыки, визга, хохота и отборного мата. Захарчук будто проснулся: почти

стемнело.

— Разрешите посторонний вопрос, Олег Андреевич?

— Спрашивайте, Буга Акимович.

— Если, допустим, перебить их одного за другим, что-нибудь от этого изменится?

— Изменится, конечно, — подтвердил Гурко. — Но вряд ли при нашей жизни.

На скамейке просидели час с лишком, а Буге показалось, минуты не прошло.

Глава 3

АГАТА ЛЮБИТ, КАК УМЕЕТ

Что с ней вытворял старик — уму непостижимо. Сажал на костяные, худые коленки, кормил с ложечки смородиной в сахаре, потом слизывал приторный сок с губ. Язык у него шершавый, ласковый, изо рта тянуло морскими водорослями, как ото всей Цхалтубы. Совал ей в рот жилистый палец, озабоченно копался, горестно приговаривая:

— Ах, зубик у девочки расшатался, сейчас вырвем зубик.

Тут же, не успевала опомниться, влетали в спальню санитары в белых халатах, приматывали к высокому креслу веревками, ноги разводили шире Китайского проезда.

— Ой! — вопила Агата, приходя в натуральный ужас. — Да не там же зубик, где вы ищите!

— Молчи, засранка! — люто обрывал старик, сноровисто устраивался, ухватывал пальцами наугад ее зубы и начинал раскачивать, дергать голову, будто собрался оторвать. Она успевала кончить разок, а старик натурально еще не приступал. У него подготовительный период иногда затягивался на два-три часа, это было изумительно.

— Помогите! — кричал старик. — Не справлюсь. Ей же больно. Не видите, что ли, мудаки!

Санитары сбрасывали с туш халаты, отрывали ее от кресла, валили на пол, месили, выворачивали наизнанку, ухитрялись войти во все дырки, а старик, бранясь, продолжал толчок за толчком отрывать голову, пока она наконец не погружалась в абсолютный, разрывающий в клочья оргазм и не уплывала в белое безмолвие.

Такого умопомрачения с ней еще не бывало. Полное подчинение чужому изощренному естеству, воплощенному в семидесятилетнем божке. Она впервые извела сладость безропотного подчинения — это было ни с чем не сравнимо.

Прежде ее звали Нина Боброва и родилась она в бедной семье. Отец рано сошел в могилу (ей пяти не было), причем умер диковинной смертью: на спор осушил залпом бутылку свекольного самогона, зажевал маринованным огурчиком, но вслед натуральному продукту пустил баночку тройного одеколona, и к утру мирно отдал Богу душу, успев завещать безутешной жене, чтобы никогда не мешала одно с другим. Девочка долго смотрела на труп отца. К живому не испытывала любви, но мертвый он ей

понравился, потому что стал похож на глиняную куклу в песочнице, только большого размера. Она спросила у мамы:

— Папа заболел, да?

— Ужрался вусмерть, прохиндей, — ответила мама с какой-то непонятной, печальной улыбкой.

Потом в квартире собралось много людей, Нину отвели к соседям, больше она отца никогда не видела. Ни в детстве, ни став взрослой девушкой она не ощутила, что в тот день в ее жизни произошла важная утрата.

Она росла робким задумчивым ребенком, боялась, как мышканорушка, высунуть носик дальше двери, и матушка огорченно прикидывала, что при таком характере вероятнее всего придется девочке повторить ее трудный путь прачки-надомницы, и не суждено окунуться в ослепительное великолепие мира, льющееся из телевизора. Но опасения оказались напрасны. После того, как в тринадцать лет Ниночка лишилась невинности, всю задумчивость с нее как рукой сняло. Она сделала осознанный выбор и поняла, что он единственно верный. Зарево свободы и повсеместного рынка еще туманилось за горизонтом, еще среди девочек в ходу были мечты о крепкой семье и добром нежном муже, а мальчики устремлялись помыслами в космические дали, но Нина природным чутьем угадала, что недалеко то время, когда самой желанной, заманчивой долей для женщины станет судьба проститутки, ночной феи, путаны; а молодые люди, все как один, обернутся бандюками, бизнесменами, менеджерами, брокерами, гомиками, челноками и — самое заветное, только для избранных! — высокооплачиваемыми, могущественными киллерами. Наступала счастливая эра дележки накопленных предками богатств.

Матушка Нины Бобровой, миловидная женщина с очарованной душой, большая любительница всего сладенького, остренького и крепенького, по русской привычке верная памяти нелюбимого мужа, впоследствии выбирала в сожители исключительно пропойц, бомжей и милиционеров. Один из них, рыжий дядька Капитон, как раз пригодился Нине для того, чтобы избавиться от утомительной доуки девичества. Он ей понравился больше других материных недолгих постояльцев — огромный, волосатый, шепутной, с добрыми наивными глазками и с конфетой в руке. Он никогда не забывал припасти для несчастной сиротки сладкий гостинец, а это дорогого стоит, если учесть, что дядька Капитон был не из тех, кто шикует. Денежки промышлял тем, что собирал пустую тару в людных местах, и ему всегда хватало на полный бутылец, пару плавленых сырков, батон хлеба и незатейливый букетик цветов для зазнобы. Этими сморщенными лютиками

да незабудками он полонил сердце податливой вдовы и перебивался у них в доме значительно дольше других, чуть ли не целых полгода. Он одинаково любил и мать, и дочь, и сетовал, что, если бы не пагубная страсть к водяре, устроил бы им такую жизнь, которая им и не снилась. Что это значит, объяснял лишь намеками, поминая о брательнике, который живет в совхозе Джемете под Анапой, имеет дом, сад, собственную машину, трактор, два велосипеда, скаковую лошадь, пасеку, полный двор домашней птицы — г! купается в солнце, фруктах и деньгах, как какой-нибудь турецкий султан. Много позже, когда Нина размышляла, почему мужчины, вившиеся вокруг ее матушки густым роем, никогда не задерживались, а проходили мимо, как тени, то склонялась к выводу, что одна из причин была в том, что ее бесценная матушка была круглой идиоткой и слепо верила всем бредням, которые ей накручивали на уши. Мужчина, как правило, сильно пугается, если видит, что его сказки принимают всерьез. В нем срабатывает инстинкт самосохранения, и он бежит сломя голову, куда глаза глядят. Чрезмерная доверчивость действует на чувства мужчины так же разрушительно, как удар молнии на незаземленный деревянный домик.

Нина подстерегла момент, когда матушка отлучилась в магазин за дозаправкой, зашла в комнату, где дяденька Капитон млеет на кровати в трепетном ожидании добавки, и буднично попросила:

— Покажи, дядя Капитоша, как вы с мамочкой занимаетесь любовью.

Пьяный Капитон в изумлении глядел на пухлую девчушку в распахнутом коротком халатике.

— Рехнулась, малявка, — сказал строго. — За такие шалости можно срок схлопотать.

— Если не сделаешь, — возразила девочка, — скажу, что изнасиловал. Ведь я совсем ребенок. Тогда тебя посадят точно.

Как ни брыкался, Нина свое получила. При этом ничего не почувствовала: ни удовольствия, ни боли. Дяденька Капитон, протрезвев, в страхе смотрел на нее.

— Помилуй Бог, кем же ты будешь, когда подрастешь?

Нину чуть не вырвало — жирный, слюнявый, потный, волосатый, пьяный лось в человеческом облике.

Она прыгнула на пол и пошлепала к дверям, но обернулась у порога:

— Завтра чтобы тебя не было в доме, понял, Капитоша?!

В ответ он только кивнул.

Агатой она стала в двадцать лет, когда у нее начались видения. Она пала жертвой двухдневной беспробудной пьянки на даче в Подлипках в компании трех матерых кооператоров. Рьяные, могучие парни дорвались

до нее, будто век не видали баб, но она все равно их перенасытила, уложила в беспамятстве одного на другого и на третье утро, ощущая себя сосновой веткой, утыканой иголками, вышла в сад, чтобы глотнуть чистого воздуха. Солнце еще не подымалось, земля парила, и под цветущей яблоней она наткнулась на пожилую цыганку в монистах и цветных платках. Ее ничуть не удивило, откуда тут взялась цыганка, и почему сидит под деревом враскоряку, распустив сверкающие юбки.

— Дай денежку, принцесса, всю судьбу расскажу!

Нина угостила старуху косячком, еще не догадываясь, что с ней происходит видение, потому что сад пылал отчетливо, ясно, хрустко, как на слайде, и прохладная роса отмочила босые ноги. Цыганка сказала (или пропела):

— Тебя зовут не Нина, у тебя другое имя. На земле ты случайная гостья.

— Это я знаю, — ответила Нина. — Дальше-то что?

Цыганка открыла ей будущее. Она проживет долгий радостный век, ни к кому не прилепляясь сердцем, пожирая мужчин, как лягушка мошкарку, но беда ее ждет от черного жука в алмазном панцире, который следит за каждым ее шагом. У жука могут оказаться разные обличья, узнать его можно по верному признаку: когда жук овладеет ею, у нее под левой грудью родится кровяной чирей с черной головкой. Когда чирей созреет, ее земным странствиям придет конец.

Нина испугалась немного.

— Как же оборониться от жука?

— Никак, — усмехнулась старуха, пуча глаза, застеленные дымом. — Нигде не останавливайся подолгу.

Никого не люби. Я навещу тебя попозже. Запомни, тебя зовут — Агата.

Нина очнулась на дачном диване, просветленная и злая. Догадалась, что это было всего лишь видение, но легче на душе не стало. Одевалась и вторично спустилась в сад. Вошло солнце, и яблони поплыли навстречу целым ворохом спелых плодов. Поди разберись — где явь, где сон. В траве она отыскала алую ленту и окурок "косячка" с черным смолянистым ободком.

С тех пор бывало много иных видений, но крепко засело в памяти именно это, пророческое. Как велела цыганка, она назвала себя Агатой, к новому имени быстро привыкла, но в паспорте по-прежнему значилась Ниной Всеволодовной Бобровой. Она долго ждала, что цыганка вернется, хотела кое о чем еще расспросить, но та не сдержала обещания. Зато повадился навещать ее жуликоватый хлопец с тараканьими усиками и с

голым, светящимся, как лампочка, черепом. Он без спросу подваливался под бочок в те редкие ночи, когда она оставалась в постели одна. Представился ей мертвецом из подземного царства, хотя для мертвеца был слишком забавен и упруг, и все норовил заделать ребеночка в промежутках между болтовней. От интимной связи с ним Нина-Агата упорно уклонялась, какое-то острое чувство подсказывало ей, что это не приведет к добру, хотя любопытство ее было распалено. Он сулил ей неземные наслаждения. Нина-Агата его не боялась, хотя, скорее всего, он был упырем. В светящемся, полупрозрачном черепе, как на экране, чередовались смутные образы — люди, звери, чудовища, реки, поля, незнакомые города, пылающие огнем, — громоздкий хаос, в котором она никогда не могла уловить общего смысла.

Однажды упырь изловчился, вцепился зубами в руку и, пока она за уши отдирала перламутровый череп, успел высосать много крови. Она испытала что-то вроде падения с качелей и с тех пор возненавидела приставучего мертвяка. Он откуда-то вызнал, что ее погубит черный жук с алмазным панцирем, и хвалился, что если она согласится на совокупление, научит, как избежать злой участи. Нина-Агата не верила мертвяку.

Постепенно вся ее жизнь перемешалась с видениями, ей стало трудно отличать одно от другого. Богатые покровители, мелкие бесы, пышные презентации, чековые книжки, мгновенные перемещения из страны в страну, чудовищная мешанина лиц, нарядов, круизов, вина и наркотиков, безумных соитий и панического одиночества — она не разбирала, что снится, а что происходит взаправду. Упорно следуя наказу цыганки, мчалась по свету так, словно вознамерилась сбросить на обочину истекающую похотливым соком собственную душу. Не останавливаться! Не любить! Скакать, пока под лопатками не зачешутся бутоны зарождающихся крыльев.

Она соблазнила самого известного в Москве колдуна и экстрасенса — Дику Кончука. Записалась на прием и пришла пожаловаться. Рассказала, как ей одиноко, как путает явь со сном, и боится повторить участь отца, смешавшего натуральный продукт с синтетикой. Черногривый, рослый, пожилой пузан зачавкал от вожделения, слушая ее. Она опасалась, что он рассыпаются на куски от жеребачей тряски, прежде чем ответит на главный вопрос: существует ли тот мир, куда ее влечет неодолимая сила, или она просто полоумная нимфоманка. Пузан уложил ее на топчан с нависшим над ним зеленым абажуром, посулив открыть тайну всех тайн, но Агата отдалась ему без охоты, скорее из жалости. У колдуна был вонючий рот и одышка, как у бегемота.

Насытив утробу, он признался, что у него сорок лет не было женщины.
— Вы можете поверить в это, Агата?

Она прожила с ним целую неделю, тешила колдунскую немощь, утирала старческие слезки, стелилась, как сто тысяч ласковых сестер, но ничего толком не выпытала. У Дики Кончука имелся магический кристалл, привезенный с Урала, подарок последнего шамана-нанайца, — кубышка горного хрусталя с замурованным крохотным драконом. При определенном освещении дракон шевелил мохнатыми лапками, тыкался острым клювом в стенку и попискивал, словно просился на волю. Магический кристалл заморозил Агату, может быть, из-за него она задержалась на неделю. На вторую ночь, свалив колдуна слоновой дозой снотворного в вино, унесла кубышку на кухню и попыталась расколотить ее молотком, чтобы выпустить малыша из темницы. Это ей не удалось, молоток соскальзывал, не оставляя на гладкой поверхности ни малейшей царапины, но плененный дракоша при каждом ударе поджимал лапки, вертелся, и вдруг его микроскопические глазки приоткрылись, поднялись каменные веки и брызнули два живых, голубоватых луча, обожгли ей лоб. В сладком ужасе Агата опустилась на пол.

Но это не все. На кухню вылетел разъяренный Дика Кончук, которому полагалось спать мертвым сном, вырвал заветную кубышку и так завопил, будто у него оторвали его старые яйца. Агата не испугалась: колдун был обыкновенным мужчиной — и больше ничего, но он произнес фразу, которая ее насторожила:

— Все ищешь жука, который тебя съест, но не там, где надо. Этот жук давно у тебя в голове.

— Значит, надо вскрыть череп, чтобы его увидеть?

— Не так все просто, — пошел на попятную колдун.

— Я ничего не взяла с тебя за любовь, верно, Дика? — вкрадчиво спросила Агата.

— Суцая правда, дитя, — он нежно гладил хрустальную кубышку, и дракон угомонился, опустил веки, ублаженно похрюкивал.

— Почему же ты не хочешь открыть то, что знаешь про меня? Просто свинство с твоей стороны.

— Это твоя тайна. У меня нет сил в нее заглянуть.

— Какой же ты после этого экстрасенс?

— Такой же, как остальные, — смиренно сознался Дика. — Могу вылечить любую хворь, и телесную, и душевную, но есть границы, которые нельзя перейти.

— Выходит, ты гнусный обманщик?

— Нет, не выходит.

— Что ты сказал про жука, который у меня в голове? По-твоему я ненормальная?

— Большинство людей полагает, что все беды приходят извне, это заблуждение. Смерть сидит внутри нас.

Неважно, как она выглядит, она всегда с тобой. Чтобы это понять, не обязательно быть колдуном.

— Я устала от загадок, Дика. Завтра уйду от тебя.

— Мне будет не хватать тебя, но ты из тех, кого бесполезно удерживать.

После этого она провела с ним еще несколько дней, возможно, самых безмятежных в своей жизни...

Когда появился Самарин, морок упал с глаз, и видения перестали ее посещать. Она наконец разобралась, где свет, где тьма. Будто тяжеленную ношу свалила с плеч. Знакомство произошло при курьезных обстоятельствах. Ее тогдашний спонсор, гайдаровский выкормыш Деня Шпак (ныне известный биржевой воротила) потащил ее на какую-то светскую тусовку, где ему почему-то загорелось представить ее своим покровителям, супружеской паре из Техаса. Агата не смогла отказаться, хотя на вечер у нее были другие планы, и позже пожалела, что не отказалась. Она не ожидала от малахольного Дени такой прыти. Он склонял американскую парочку подмахнуть какой-то вшивый контракт, кажется, на поставку оптовой партии рубероида, а ее, Агату, гоношил им на одну ночку в качестве эдакого лакомого русского сувенира. Сделка Агату не смутила, обычная отработка, но задело, что Деня не счел нужным ее предупредить, поставил перед фактом. Пожилой америкашка сразу положил на нее глаз, да и его дама (якобы супруга) поглядывала благосклонно, но Агата ни с того, ни с сего им нагрубила, на любезное приглашение наведаться в бар и пропустить по рюмочке послала обоих в задницу. Деню, шипя, саданула в бок локтем и пошла бродить по залам, переполненным богатой шушерой, раздувшимся от бабок дерьмом, злая, с пылающими щеками, взвинченная.

"Ах ты сучара подпольная, пидор вонючий, — бормотала себе под нос. — Что же я тебе, подстилка какая-нибудь дешевая? Ну погоди, сучонок, научу тебя родину любить!"

Тут к ней и подвалил смешной старикан в мятом синем клубном пиджаке и нелепых черных туфлях. На круглой, серебристой башке что-то вроде черных бигуди. Ухватил за локоть, удержал, прошелестел с лукавой улыбкой:

— Не желаете бокал шампанского, мадмуазель?!

От ярости она чуть не заскворчала, как кусок масла на сковородке, но взяла себя в руки. Нельзя давать себе волю именно в таких местах. Она была ученая. Говори, что хочешь, но резких движений не делай. Вот она и сказала, уставясь в белесые, смеющиеся глаза незваного ухажера:

— Тебе, дедуня, в могилку пора, а не девочек трахать. Ишь разогнался, петушок.

— Ох как верно! Как метко подмечено, красавица! — старикан захихикал, завохтал, выгнулся узкой спиной до пола, будто услышал самую остроумную шутку в своей жизни. Отпустил ее руку. Секунду она смотрела на него, потом молча пошла прочь. Но отойдя несколько шагов, оглянулась: старичка не было и в помине, растворился, исчез. Нехорошее предчувствие толкнуло в грудь: оплошала ты, девка, ой, оплошала!

Вдруг старик был не сам по себе, а посланцем жука?

Разыскала Деню в мраморном зале, приласкалась, попросила увезти — хоть домой, хоть к америкашкам, куда угодно, лишь бы поскорее. Деня смилостивился, но осудил ее поведение:

— Все же надо соблюдать какие-то приличия; дорогая. Я тебя не на конюшню привел.

— Хорошо, хорошо, виновата. Пошли скорее отсюда. Я боюсь!

— Кого боишься? Перебрала, что ли?

— Старичок тут один... В клубном пиджаке и с буклями. Глаза серые, стеклянные. Как на меня посмотрел, я чуть не описалась.

— Какой старичок, покажи?

— Он спрятался, но он здесь, чувствую. Он меня достанет.

— Вот что, девочка. Или не дури, или катись отсюда одна. Но я тебе это запомню, учти.

Агата поняла, спонсор закусил удила, ждать от него помощи не приходится. Ее трясло как в ознобе. У столика с напитками одним махом осушила бокал водки.

Не проняло. Решила выбираться сама. По дороге к выходу то и дело наталкивалась на странных людей с лошадиными мордами. Чугунное ржание перекатывалось из зала в зал. Она сознавала, что лошадиные люди ей только мерещатся, это фрагменты видений, на самом деле идет обыкновенная тусовка — вон сколько кругом нарядных дам и милых кавалеров, ярко пылают люстры, и столы ломаются от изысканных напитков и яств. Этот пир начался давно, ему не видно конца, беспокоиться ей вовсе не о чем. Да вон дворцовая лестница, а по краям замерли с бердышами, в золоченых камзолах, статные, с пышными усами ливрейные лакеи. Ей

нужно лишь промчаться по ступеням и прыгнуть в любую тачку, как Золушке, убегающей с бала.

Успела промчаться, но не сумела прыгнуть. Внизу подхватили ее двое бычар, стиснули литыми боками, и один успокаивающе пробормотал в ухо:

— Не рыпайся, крошка! Пойдешь с нами.

Ученая, она знала, что в таких случаях действительно не стоит рыпаться. Иначе пришьют на месте и уйдут без нее. О, эти пустые глаза мальчиков-убийц, в которые она когда-то любила заглядывать. Потом "быки" ей разонравились, приелись. Они все сбиты на одну колодку, каменные чушки, но их физиологическая крепость тоже обманчива. Любовный пар из них выветрился, пока качали себе мышцы в спортзалах, а ума у них отродясь не бывало. Единственное, на что они пригодны: догонять, давить, ломать и бить по приказу того, кто платит. По-настоящему они не опасны, если знать, как с ними обращаться, на какую кнопку и в какую минуту нажать.

Ее посадили в чудную тачку, что-то вроде санитарного фургона — с красными крестами и с синей полосой поперек кузова. Внутри она напоминала милицейский "воронок": скамейки в салоне, кресло водителя отгорожено толстым стеклом. Один бычара сел рядом, второй — напротив, постучал водителю — тронулись.

На хорошей скорости выскочили на Котельническую набережную.

Агата попробовала установить с похитителями контакт.

— Куда едем, пацаны? — заговорила непринужденно. — На какие блядки?

Результат был тот же, как если бы обратилась к телеграфным столбам.

— Покурить хоть можно?

— Кури, только не вякай.

— Сигареты кончились. Не угостите даму?

Один из истуканов сунул пачку "Кента", щелкнул зажигалкой. Огонек выхватил из мрака не лицо, а железную маску.

— Травки бы сейчас хорошо, — сказала она.

— А пососать не хочешь? — предложил тот, кто дал закурить.

— Кончай базар, — одернул его коллега. — Не тот случай.

После этого истуканы замкнулись, и все дальнейшие попытки контакта натыкались на глухое молчание.

На Тверской ей туго завязали глаза чем-то вроде вафельного полотенца. Она не сопротивлялась. Вскоре фургон начал маневрировать, урча и чихая, и наконец остановился. Из машины ее выкинули, как мешок с отрубями, проволокли вниз по каким-то ступенькам, пару раз она больно

приложилась коленом. Но даже не пикнула. Потом швырнули на что-то плоское и твердое и мигом повязали по рукам и ногам. Сдержнули повязку.

Она лежала на столе в комнате с низким потолком и выкрашенными зеленой масляной краской стенами. Ни одного оконца. Помещение сырое, подвальное. Прямо над ней лампа в четырехугольном плафоне с широким серебристо-ртутным отражателем, какие используют в операционных, но свет шел откуда-то сзади. Агата повертела шеей. Черные металлические стеллажи у стен, забитые инструментами и аппаратурой неизвестного ей назначения. Слева — штатив на длинном стержне со множеством держателей, словно поднявшееся на дыбы гигантское насекомое. У ног — высокий столик со свисающими шлангами, и еще какой-то стеклянный агрегат вроде медицинской капельницы. Обстановка произвела на Агату удручающее впечатление. Комната явно предназначалась для забав, в которых у нее не было желания участвовать.

Истуканы потоптались вокруг стола, проверили, хорошо ли она устроена. Пощупали за разные места, остались довольны. Тот, кто давал покурить, видно, по натуре более сердечный, чем напарник, посоветовал:

— Лежи тихо, может, обойдется.

— Где я?

— В большой жопе, детка, — ответил второй.

Затем они погасили свет и ушли. Но дверь вроде не запирали. Впрочем, это не имело значения. Она была так туго привязана к столу, что могла шевелить только шеей. В таком положении Агата провела два или три часа, далеко не лучших в своей жизни. Зато о многом успела передумать. Наверное, ей предстояли пытки и смерть, но это ее не пугало. Она всласть пожила. Оттолкнувшись от волосатого брюха дядьки Капитана, за десять-двенадцать лет поднялась на недостижимую высоту.

Самые знаменитые, известные московские деятели почитали за большую удачу переспать с ней. О чем еще может мечтать девушка низкого звания? У нее счет в банке, трехкомнатная шикарно обставленная квартира на Садовом кольце, к ее услугам весь мир. А уж Москва принадлежала ей целиком. Она конкретно, отчетливо вписалась в коммерческий рай. Обидно, конечно, уходить, но что поделаешь, раз прокололась. Никто из рыночных мошек не живет долго, все они одинаково чувствовали, что век их измерен, потому и кололись, и пили, и неистовствовали, торопясь напиться из чаши наслаждений. У каждого из тех, кого она уважала, с кем водилась, топтался за спиной собственный жук-пожиратель, но кого это волнует. Жизнь хороша сегодня, сейчас, а не будущим летом. Эту древнюю премудрость отлично усвоили те, кому довелось повзрослеть в эпоху чумы.

Хватали, насыщались, кто чем сумеет. Вечером засыпали в роскоши, утром просыпались в блевоте — так и надо, как же иначе. Нет, возможно, бывает иначе, ведь еще существуют миллионы пескарей-обывателей, совковых выблядков, которые прячутся в своих норах, ползают на работу, чмокают синюшными ртами, выклянчивая подачки у власти, но эта участь не для гордых, свободных людей. Увы, так добирала век ее матушка, утратившая женскую привлекательность, больше не нужная никакому приبلудному забулдыге. Агата не испытывала к ней ни презрения, ни сочувствия, подбрасывала иногда денюжат, которые та принимала с уморительными гримасами благодарности. Самой Агате, очутившейся вдруг на пыточном столе, собственно, не о чем было сокрушаться, лишь одна скверная мысль, явившаяся из прошлых лет, томительно жалила сердце: почему нет человека, который захотел бы ее спасти?

Все пусто, мертво вокруг, нет никого, кто по доброй воле, бескорыстно протянул бы руку помощи, даже если бы выпала такая возможность. Хуже того, она не представляла, с кем сама захотела бы попроситься напоследок. Проплывало в воображении множество лиц, сменявших друг друга, припоминались пылкие, суматошные признания, пачки хрустких ассигнаций, закаты у теплых морей, избыток неги, страсти и вина, шорох травы и знойный угар аравийской пустыни, весь мир, распахнутый как волшебная шкатулка, — так какого хрена ей еще надо? Она чудесно устроилась в жизни, и все ее желания, самые сокровенные, сбылись...

Качнулись зеленые стены, и в комнате образовался старикан из тусовки, но теперь на нем был не клубный пиджак, а серый длинный балахон, вроде сутаны священника. Однако черные букли-бигудешки так же болтались на впалых висках, и так же пытливо светились белесые глаза из-под зверушечьих бровок. Старикан радостно потирал руки. За ним подоспели еще двое в балахонах, не поймешь — женщины или мужчины.

— Вот она, наша курочка строптивая, — проблеял старикан с умильной, жуткой ухмылкой. — Ишь как удобно расположилась. Ниоткуда не дует, красавица?

Агата спокойно встретила его ликующий взгляд.

— Развяжите пожалуйста, дяденька! Я все поняла, я исправлюсь. Честное слово, останетесь довольны!

— Конечно, поняла, конечно, исправишься, конечно, буду доволен, — бормотал старикан как бы в легкой придури и, схватив за ворот, резко дернул, располовинил на ней блузку. Замер в восхищении:

— Ах, красотища какая! Прямо Рубенс вместе с Боттичелли!

Его помощники — то ли мужчины, то ли женщины, закрытые до

бровей белыми колпаками, — блестящими ножичками умело взрезали на ней юбчонку, а следом и кружевные, шелковые трусики, обнажив ее целиком. Тут старикан и вовсе заклокотал, как кипящий котел, заухал, из глаз пролилась мутная юшка.

— Бутон весенний, благоухающий, прелесть земная, да как же матушка тебя, такую складненькую, сочненькую уродила?!

Пританцовывал, радовался, жеманничал. Потом гаркнул, будто в экстазе:

— Лампу, господа! Рассмотрим подробно, пока целехонькое.

Операционный прожектор полоснул по векам, ослепил.

— Что вы собираетесь делать? — спросила Агата.

— Ничего особенного, голубушка, ничего страшного. Разделим тебя на части, кишочки отдельно, грудки отдельно, писочку отдельно, чтобы всем хватило по кусочку.

— Прости, дяденька, ей-Богу, прости! Не губи душу. Может, живая тебе лучше пригожусь.

— Зачем грубила, голубушка?

— Пьяная была, накурилась, сорвалась. Прости, отслужу. Век не забудешь девку Агату!

Старый маньяк глядел с сомнением.

— Искренне ли клянешься, голубушка?

— Как перед батюшкой, государь мой!

— Язычок ишь злой, шепутной. Уж почти покойница, а укоротить не можешь.

— Привычка дурная, государь! Переборю, не извольте сомневаться.

— Про меня знаешь?

— Ничего. Только вижу, человек вы особенный, сила за вами огромная.

— Как видишь?

— Сердцем, государь!

Агата не сдавалась, и очи ее излучали такой яркий свет, что старик на секунду зажмурился. Потянуло его, разморило. Но Агата не обманывала, знала, если уцелеет, с этим двуногим чудовищем останется навеки. От добра добра не ищут.

— Как, хлопцы, — обернулся старик к молчаливым помощникам. — Поверим тварюшке разок?

Хлопцы замахали крыльями балахонов, отвратительно гримасничая. Ни одного человеческого слова от них Агата пока не услышала.

— Обижаются, — пояснил старик с неподражаемым глубокомыслием.

— Как дети, ей-Богу. Я ведь им обещал растерзание. Они ножички припасли, наточили.

Воды нагрели. Это знаешь кто?.. Чикотиллы. Я их так называю. Им токо дай. Обшкурят до косточек. Не боишьсяих?

— Сейчас кончу, — сказала Агата, не отводя слепящего взгляда от озорного старика. Он не должен сорваться, он уже на крючке. У нее шею свело от невероятного напряжения. Старик почесал за ухом, потом сунул толстый палец ей в рот. Агата жадно его обслюнявила, прикусила острыми зубками. Ему понравилось.

— Ладно, я добрый. Давай тогда так: ни вашим, ни нашим. Ну-ка, хлопцы, приготовьте печатку.

Чикотиллы опрометью кинулись на правую сторону, где стояла газовая плита и разделочный столик. Скося глаза, Агата за ними следила. Один зажег газ, другой сунул в огонь железный прут с блямбой на конце.

— Очень больно будет?

— Как сказать. Сердце крепкое, выдержишь. Но без клейма нельзя. Без клейма никто тебе не поверит.

— Потерплю, — сказала Агата.

— Потерпи, голубушка, потерпи. Деваться некуда.

— Может, водочки для храбрости?

— Это баловство, не надо.

— Как скажете, государь.

Подбежали недочеловеки: один сгреб ее лицо в потную горсть, чтобы не орала, второй ткнул раскаленный прут между ног, прижал к внутренней части бедра. Агате показалось, кол вошел в промежность и проткнул мозжечок. Ее тряхнуло, скрючило, затрещали суставы, натянулись сухожилия, но веревки выдержали. Боль была зияющей, как воронка, ноздри опалило паленым. С трудом Агата поймала бодрящий, тусклый взгляд старика, в котором запекся бледный огонек любопытства.

— Отвяжите ее, пересадите в кресло.

Чикотиллы мигом перебросили ее на кожаное сидалище, напоминающее гинекологическое. Тело истекало жаром, ни ног, ни рук не чувствовала.

— Ну вот, — с облегчением заметил старик. — После трудов праведных можно чарку принять.

Неугомонные Чикотиллы вдвоем побежали к стеллажам, из огромной, десятилитровой посуды наплескали чуть не полную кружку, подали деду. Тот недоверчиво понюхал:

— Вроде пахнет приятно. Испробуй, голубушка. За здоровье всех

обреченных.

Поднес кружку с поклоном. Агата еле удержала ее слабой рукой.

— Яд?

— Как узнаешь, пока не выпьешь, — ухмыльнулся старик. Она сделала маленький глоток, задохнулась.

Чистый спирт. То, что надо.

— Сколько вы благодеяний оказали, — сказала она, — а я даже не знаю, как вас зовут. Неудобно как-то.

— Зови просто Сидором. Сидор Гурович, ежели угодно. Тебя я знаю. Ты штука известная по Москве. Из самых рьяных.

— Сидор Гурович, отошли придурков, чего-то скажу по секрету.

Он махнул рукой, Чикатиллы испарились. Смотрел на нее застывшим, сонным взором. Хотела плеснуть ему в глаза спиртом из кружки, но не посмела. Впервые не посмела совладать с мужиком. Это было так ново, так светло. Как второе рождение.

— Возьми в рабыни, Сидор Гурович. Или добей.

Больше ничего не прошу.

— Чудная ты девка, — серьезно ответил Самарин. — Сколь живу, такую не встречал. Может, ты впрямь без ума?

— Была без ума, теперь опамятовалась. Дай руку, пожалуйста.

Агата робко поцеловала жилистую, в венозных прожилках кисть. Через небывалый страх он внушил ей любовь. Это прекрасно. По-другому, наверное, быть не могло.

— Кто ты, государь мой? Откройся невинной девушке.

— Похоже, тот, кто тебе нужен, — улыбнулся старик.

Глава 4

В МОРГЕ КАК В РАЙСКОМ САДУ

Не приживалась Лиза на новом месте: восьмое дежурство, а ее все коробит. В двенадцатом часу ночи накинула поверх халата телогрейку, вышла прогуляться.

Ночная партия еще не поступила, дневные хлопоты позади — в морге короткий пересменок. Прошла подземным коридором, в камерке, смежной с ледником, наткнулась на Гришу Печенегова. Перед ним на столе тарелка с бутербродами — сало, сыр, селедка, колбаса — на полу, как положено, початая бутылка.

— Куда направилась, доченька?

— Подышу воздухом. Сморило чего-то.

— Дак там мороз сорок градусов. Окоченеешь.

— Я ненадолго. По саду пройдуся.

— Посиди минутку. Покушай со мной.

Лиза опустила на стул, сложила руки на коленях.

— Устала?

— Немного.

— С непривычки. Покушай колбаски, хорошая колбаска, лианозовская. Без нитратов.

— Спать хочу, сил нету, — пожаловалась Лиза, — а прилягу — ни в одном глазу. Почему так? "

Гришуня оглядел ее всевидящим оком. Нагнулся за бутылкой. Плеснул в стакан, второй стакан Лиза, прикрыла ладошкой — нет.

— А вот это зря, — осудил Григорий. — У тебя переходный период, потому и не спишь. Души усопших смущают. Увидали, новенькая — и обступили. Тем более на сухую держишься. Они этого не любят.

— Почему не любят, Гриша?

— Трезвый человек для них как соглядатай. Они ему не доверяют, и правильно делают. От трезвости все беды на земле. Трезвый человек — приметливый, памятный, завистливый, на ближнего злобу копит, а у пьяного на душе ясно, все зло из него вылетает, как дристня при холере. В бутылке, Лиза, очищение ото всех скверн и суеты.

— Тогда налей глоточек, — Лиза подставила стакан.

С Гришей Печенеговым она сразу подружилась, он охотно взял над ней шефство. Вместе ворочали трупаков, и Гриша дал ей первые уроки, как

доводить их до кондиции. Трупачи попадали к ним в руки обезображенные, желтые, квелые, обыкновенно прямо после вскрытия, неряшливо, наспех заштопанные. Перед ними стояла задача привести мертвецов в надлежащий вид для последнего свидания с родными. Печенегов был классный мастер, не вылезал из морга уже лет тридцать.

Она быстро усвоила обмывку, обтирку и одевание, но к лицам покойников Гриша ее пока не допускал. Тут она могла только напортачить. Из его искусных рук самый измордованный трупак (бандюк после разборки, старец, изъеденный раком) выходил с просветленным, блаженным выражением лица, озаренного самодовольной улыбкой: казалось, вот-вот разомкнет уста и объявит во всеуслышание, что вполне доволен своим новым положением. И всего-то требовалось — мазок туда, мазок сюда, кисточка, фломастер, румяна, пудра, крем.

Но это только смотреть просто, на самом деле это были штрихи художника, наносимые бестрепетной, точной, пьяной рукой. Такая работа требовала особого, отчасти мистического таланта, и у Гриши он был. Но его удручала роковая недолговечность собственных творений. В принципе, Печенегов не делал различия между мертвыми и живыми, напротив, уверял Лизу, что нормальный, доброкачественный трупак, осознавший свою участь, во многих отношениях выше тех недоумков, которые его провожают на тот свет. В Лизе он сразу угадал единомышленницу. Его ничуть не смущало, что такая красивая, молодая, полнокровная женщина посвятила себя довольно странному, по расхожему мнению, занятию. Он ни разу не спросил, каким ветром ее сюда занесло. Воспринимал людей такими, какими их видел: нелепо интересоваться у человека, почему он устроен так, а не иначе, с голубыми глазами, а не с зелеными — все равно, что спросить у лошади, почему она не орел.

Со вторым напарником отношения у Лизы сложились хуже. Дюжий смурной мужик, тридцатилетний Ганя Слепень проникся к ней необъяснимой враждебностью. Правда, Лиза сама дала ему повод. На первой смене, надышавшись дурных кишечных паров, Лиза побежала блевать в столярный отсек. Ганя прокрался за ней, напал в самый неподходящий момент и повалил в открытый, приготовленный к отправке гроб.

— Ты чего, Ганя?! — пропищала Лиза из-под навалившейся семипудровой груды мускулов. Чтобы прояснить намерения, Ганя одним рывком порвал на ней казенный халат и заодно шелковую блузку с голубыми птичками на белом фоне. К его чести Ганя загодя намекнул, что для более приятного знакомства им надобно ненадолго уединиться. Лиза не

придала значения этим словам, тем более не заподозрила, что он способен на такой налет. Ганя показался ей обыкновенным качком-дебилем с одним шурупом в голове. Публика, конечно, мерзкая, которую она хорошо знала по "Тихому омуту", но, если их не дразнить, как собак на цепи, вреда от них никакого нет. Без хозяйского приказа они и шагу не ступят. В той быстроте и безоглядности, с какой Ганя на нее кинулся, как раз ощущалось воздействие посторонней воли. Вероятно, его кто-то науськал.

В гробу сложилось казусное положение. Лиза глубоко завалилась на дно, и Ганя, при своей широте и мощи, не мог до нее дотянуться, чтобы осуществить любовный замысел, но и она оказалась скованной по рукам и ногам, у нее не осталось возможности для маневра. Патовая ситуация. Пыхтя, как паровоз, Ганя все же сумел спустить с нее трусики, оголив для решительного штурма, но дальше никак!

— Дай вылезу, — посочувствовала Лиза безрассудному кавалеру, — Сама дам, раз уж так не терпится.

— Обманешь? — прорычал Ганя.

— Что ты, Ганюшка! Или себе цену не знаешь? Таким мужчинам женщины не отказывают. Я сразу заторчала, да постеснялась навязываться.

Бычьими глазами светились над ней алыми фонариками.

— Умная, да?

— Почему умная?

— Потому что ментовкой от тебя воняет.

— Ты что, парень? Перебрал с утра?

— Как ты здесь оказалась? Здесь не проходной двор.

Сюда без пропуска не ходят. И телок чего-то раньше не водилось.

— Выпусти, если хочешь побазарить. Все равно же так не получится.

Кавалер согласился на компромисс.

— Ладно, переворачивайся, становись раком. Знаю я ваши девичьи штучки.

Может, он и знал чьи-то штучки, но не Лизины. Ей всего и надо было — найти упор. Позиции лежа Севрюк отрабатывал с ней до полного изнеможения. Это был его конек. Он учил Лизу, что безнадежных положений в рукопашной схватке не бывает, то есть бывает один раз, когда отключаешься, но не раньше. Главное, не терять самообладание и помнить, что ответный ход из уязвимой позиции должен быть подобен взрыву, потому что второго случая опытный противник не предоставит.

Когда Ганя приподнялся из гроба, освобождая место для любовной игры, Лиза провела коронный прием: растопыренными ладонями хлестко стебанула по ушам и одновременно, разогнув колено, вонзила пятку в

промежность. Перевернулись все трое: Лиза, Ганя и гроб, — но девушка выскользнула из кучи малы, и, вскочив на ноги, уже из удобной стойки кулачком, как молотком, вколотила пару невидимых гвоздей в затылок оплошавшему ухажеру.

Пошла в душевую, умылась, причесалась, наполнила водой бутылку из-под кефира, вернулась к поверженному любовнику. В забытьи у него был вид вполне нормального человека. Щедро побрызгала на него водой.

Ганя заворочался, сел, устремил на нее красивые бычьи глаза с лопнувшими прожилками. Эффектно опирался локтем о гроб.

— Где научилась, сучка? — спросил дружелюбно.

— Послушай, Ганечка, ты мне нравишься, но у меня свои маленькие принципы. Я не прочь побаловаться, но не люблю когда насилуют. Ничего не могу с собой поделать. Такой уж уродилась.

— Не держи меня за фраера. Это тебе с рук не сойдет.

— Как знаешь, дорогой, как знаешь...

С того дня Ганя Слепень стал ей врагом. Их бригада дежурила через сутки на третьи, и каждое утро, выйдя на работу, Лиза обнаруживала в тумбочке полиэтиленовый пакет с человеческой требухой, причем из пакета обязательно торчал отрезанный фаллос. Кроме того, в течение смены Ганя Слепень преследовал ее по пятам, обзывал, норовил облить какой-нибудь гадостью, по-всякому доказывая Грише Печенегову, какая никчемная им досталась помощница. Лиза пыталась увещевать парня, говорила, что таким путем, как подбрасывание в ее тумбочку всякой гнили, он вряд ли добьется взаимности, но закусивший удила детина был глух к ее мольбам. Только ближе к вечеру от методичных возлияний Ганя вырубался на два-три часа и давал ей передышку.

Печенегов советовал не обижаться на Ганю всерьез, по натуре он не злой человек, даже напротив, но от тяжелых жизненных испытаний у него испортился характер.

До того, как очутиться в морге, Ганя занимал высокое положение в Клинской группировке, был чуть ли не правой рукой у знаменитого Касьяна, перед ним открывалось завидное будущее, но однажды, как бывает с везунами, он в чем-то провинился, кажется, залупнулся на Касьяна, и братва поставила его на кон. По обязательной разрядке его сдали на отстой ментам, за что бравый майор, работавший на группировку, получил галочку в послужном списке. Три года Ганя мыкался по тюрьмам, пахал на Хозяина, бесприютный и сирый, безо всякой помощи с воли. На его месте (с вершины благополучия в самую грязь) кто бы не сломался, но Ганя лишь посуровел и укрепился в старой истине, что нет правды на

земле. Из тюрьмы его выпустили по какой-то фиктивной амнистии, а то бы так там и сгнил на корню. Знакомство с доктором Поюровским оказалось для него судьбоносным. Тот вылечил его от туберкулеза и застарелого триппера, пристроил на должность в морг. В последнее время, как замечал Печенегов, Ганя начал постепенно оттаивать сердцем. У него бывали теперь такие просветления, что он иногда связывал вместе два-три слова без всякого мата.

— Понимаю, доченька, в тебя Ганя влюбился, а обсказать толком не умеет. Норовит руками доказать, по-другому не обучен. Ты уж пожалей стервеца, а то ведь опять сгниет. Без любви и надежды вон сколько бродит живых трупов вокруг.

— Пожалеть нетрудно, — говорила Лиза, — но уж больно настырный. Так и лезет на рожон. Сейчас вы же видели, подкрался сзади и толкнул на мертвяка, чуть я в обморок не упала.

— Беда небольшая, Лизок. Мертвяку приятно, а тебе что — отряхнулась, пошла дальше.

— Тоже верно, — согласилась Лиза. — Но все же я привыкла к более культурным ухаживаниям.

— Потерпи. Ганя сам опомнится, попомни мое слово. В нем зацепка есть. Над мертвыми не глумится, как иные. Значит, Божий свет не потух. Будь с ним поласковее и увидишь, произойдет чудо перевоплощения зверя обратно в человека.

— Вряд ли, — усомнилась девушка.

...Поболтав немного с Печенеговым, Лиза вышла в парк. До ночного аврала, когда пойдет сырец, ей надо было успеть еще три дела, и, перво-наперво, навестить Наташу и Сенечку, которым несла гостинцы: упаковку жвачки "Стиморол", мягкого медвежонка с лазоревыми глазками и, по личной просьбе Сенечки, водяной пластмассовой браунинг. В подвальном помещении она побывала уже несколько раз, уяснила его предназначение, и даже, как ей казалось, сумела смягчить суровую Клементиву, полновластную здешнюю хозяйку.

Больничный парк, скованный ночным морозом, покачивался в лунном сиянии, словно небесный корабль, опустившийся на грешную землю. Завороженная внезапной красотой, Лиза невольно задержалась, прикоснулась к заледенелому стволу сосны, горько вздохнула. Этот парк, эта ночь, эта лунная тишина — откуда они? В Москве разве можно такому быть?

Знакомый охранник у входа в подвал спросил, нет ли у нее сигарет? Лиза сокрушенно развела руками: не курю.

— Пойдешь обратно, захвати у ребят. Без курева помираю.

— Что же не можешь на минуту отлучиться? — удивилась Лиза. — Кто сюда ворвется?

— Никто. Но оштрафуют, гады. У нас строго. Минутка — и куска нет.

— Ладно, принесу.

Спустилась по ступенькам в длинный коридор, освещенный люминесцентными лампами. В двух-трех местах с потолка целились телеобъективы. Лиза их не опасалась: у нее допуск почти во все больничные отсеки.

Дверь в детскую палату вторая справа, Лиза открыла кодовый замок с помощью желтой пластиковой карточки. Один шаг — и она в обители детей, заторможенных наркотиками, приготовленных на убой. Как и в первый приход, сердце охватила ледяная стужа. Тускло мерцающие ночники, двухъярусные койки, бледные пятна детских лиц, спертый, пропитанный лекарствами воздух — бред наяву. Но ее тут ждали.

Гуськом, навстречу ей из полумрака выступили две детские фигурки в пижамах, ее новые друзья — девочка Наташа и мальчик Сенечка. Неслышно, как тени, приблизились и молча прижались к ее ногам. Она нежно погладила пушистые теплые головки, пробормотала, инстинктивно понижая голос:

— Уж сразу и плакать! Тетенька Лиза никогда не обманывает. Сказала придет — и пришла.

Потянула детей подальше от двери, к свободной кровати. Уселись все трое одной кучкой.

Первой заговорила Наташа:

— Приходил незнакомый дяденька, хотел сделать нам с Сенечкой укол, но Клементина сказала, не надо.

Сказала, есть хороший заказ. А дяденька сказал, никакого заказа больше не будет. Он сказал.., ну, такое длинное слово... Сенечка?

— Консервация, — подсказал мальчик.

— Да... И они спорили с Клементиной. Клементина очень рассердилась... Значит, нас скоро усыпят, да?

— Не думай об этом, малышка. Никто вас не усыпит, — Лиза поцеловала девочку в покрытый испариной лобик.

— Как же, не усыпят, — иронически заметил Сенечка. — Всех усыпляют, а мы особенные.

— Никого больше не будут усыплять.

Мальчик выкарабкался из-под ее руки.

— Тетя Лиза, только не надо вешать на уши лапшу, хорошо?

— Хорошо, Семен. Но я говорю правду, — Нет причин для беспокойства.

— Мы не беспокоимся, — сказал Сенечка. — Мы тебе не верим.

— Я верю, — поспешила вставить Наташа. — Ты, Сенечка, вообще никому не веришь. Так нельзя жить.

— Она права, — подтвердила Лиза, прижимая девочку покрепче. — Без веры жить тяжело.

— Почему вы к нам ходите? — спросил Сенечка. — Носите всякие подарочки. Почему?

— Мы же подружались, разве не так?

— Нет, не так. Мы с Наткой — товар, сырец. С товаром не дружат. Сами знаете.

— Господи, да что ты такое говоришь?!

— Натка маленькая, думает, придет волшебник и заберет ее отсюда. Сказок наслушалась. Никто за нами не придет.

— Ты дурак, Сенька, — разозлилась девочка и потянулась ладошками к глазам. — Ты дурак и Фома неверный.

Мальчик не обратил на нее внимания.

— Если вы, тетя Лиза, наш друг, так заберите нас.

Или помогите бежать... Вы принесли, что я просил?

Лиза достала игрушечный браунинг. Мальчик оглядел пистолет, понажимал на курок, сунул под резинку пижамных штанишек.

— Все лучше, чем ничего. Хоть за это спасибо. Я думаю, тетя Лиза, вы ходите к нам не потому, что дружим, а потому, что надеетесь сбегать нас с Наткой куда-нибудь подороже.

— Заткнись! — возмутилась Наташа. — У тебя, Сенька, язык, как помело.

— Теперь послушайте меня, — твердо сказала Лиза. — Никто не посмеет вас тронуть, пока я здесь.

— Ага, — буркнул Сенечка. — Они вас очень все боятся. Смешно слушать, честное слово. Подумайте лучше о себе. Если вы правда за нас, значит, не с ними. Когда они узнают, тут же прихватят за жабры. Пикнуть не успеете.

Мальчик рассуждал с таким спокойным пренебрежением ко всему происходящему, как не бывает в его возрасте. Так обыкновенно разговаривают люди, много побродившие по свету и постигшие иную, взнезменную мудрость.

— Сенечка, я открою одну тайну, но ты должен поклясться, что никому не проболтаешься.

— Кому болтать, — усмехнулся старый ребенок. — Разве что Натке. Так она через минуту все забудет. Ей же всего семь лет. Умишко-то незрелый.

— А тебе сколько?

— Вы уже спрашивали. Десять исполнилось в сентябре.

— Хорошо, пусть десять. Но ведь не пятьдесят. Почему же ты думаешь, что знаешь все лучше меня?

— Вот именно, — пискнула девочка. — Хвастун — и все.

Мальчик иронически разглядывал ногти на левой руке.

— Тайна вот в чем. Пройдет совсем немного времени, может быть, три или четыре дня, и вы очутитесь дома. А потом, совсем скоро наступит Новый год. Мы все соберемся под елкой, будем веселиться, петь песни, играть — и забудем обо всем плохом, что с нами случилось. Знаете, кто мне об этом сказал?

— Наверное, дед-Мороз, — хмуро пошутил Сенечка. — Кроме него, никому.

— Это правда, тетя Лиза? — у девочки по щекам покатались крупные слезы. Лиза утерла их ладонью.

— Мне сказал об этом один сильный, могучий человек, у него целый полк солдат, которые только ждут команды, чтобы освободить всех детей.

— Чего же они ждут? — усмехнулся Сенечка. — Боятся, что ли?

Наташа перестала плакать, вздохнула.

— Знаете, тетя Лиза, очень тяжело с Сенечкой. Я с ним дружу, потому что больше не с кем дружить. Все остальные дети спят мертвым сном.

— Могу разбудить кое-кого, — обиженно заметил мальчик. — Только не пожалей потом.

— Он считает меня маленькой дурочкой, лучше бы поглядел на себя в зеркало, да, тетя Лиза?

...Через минуту она покинула обитель скорби.

В коридоре наткнулась на Клементину.

Дьяволица поджидала ее возле двери с табличкой "Ординаторская". Табличка была так же уместна здесь, как если бы на ней значилось — "Рай".

— Чего ты все к ним шастаешь? — Клементина смотрела через толстые стекла очков, как через забор. — Своих не можешь нарожать?

— Я кое-что принесла, Клементина Егоровна.

— Заходи, — женщина ногой толкнула дверь, вошла первая. Подождала, пока Лиза сядет на диван.

— Чаю хочешь?

— Не отказалась бы. На улице морозище.

— То-то и носишься, как шальная.

Мягко двигаясь, как большая жирная кошка, Клементина заварила чай в синем фаянсовом чайнике, поставила вазочку со сдобным печеньем. Уселась напротив.

— Давай, чего там у тебя?

Лиза молча передала конверт с десятью сто долларовыми купюрами. Женщина посчитала, сложила деньги обратно в конверт, отодвинула на середину столика.

— От кого?

— Не ведено пока говорить. Влиятельный человек, очень богатый.

— Чего он хочет?

— Я же говорила. Девочку и мальчика попридержать, не спускать на конвейер.

— Почему именно этих? Тут детишек полно. Ничем не хуже.

— Не знаю, Клементина Егоровна. Я просто посредник. Он сказал, это только задаток.

— А целиком сколько?

— Если получит неповрежденными, вроде пять штук готов отстегнуть.

— Всего-то? Да на них контракт на четвертной. За этой парочкой особый присмотр. Пусть твой человек эти пять штук сунет себе в задницу.

Лиза опустила глаза, подула на чашку.

— Передам, Клементина Егоровна.

— Что передашь?

— Ваши слова передам.

Клементина сняла очки, опустила их поверх конверта, Без очков выглядела усталой, измученной. Седая пакля волос, собранная в пучок на затылке, придавала ее облику поэтическое выражение.

— Не знаю, откуда ты взялась, девочка, — произнесла грустно, — и кто тебя подослал, но пугать меня не стоит. Бесполезно. Гляди, сама не напугайся!

— Что вы, Клементина Егоровна! Вы не так поняли.

Я имела в виду, что передам ваши новые условия.

Сколько вы хотите за детишек?

— Пей чаек-то, пей, остынет... Кто-то усердно копает под Поюровского, я давно заметила. Но так просто вам Василия Оскаровича не свалить. И знаешь почему?

— Я вообще не понимаю, о чем вы.

— Не надо передо мной строить целочку, я тебя, детка, насквозь

вижу... Кто бы за тобой ни стоял, Василий Оскарович не вашего замаха человек. Так и передай своим. Василий Оскарович в таких мирах витает, куда ваши поганые доллары не достанут.

Лиза испугалась, что напортачила, ее смутил какой-то восторженный огонь, запылавший в очах ужасной бабы.

— Вы влюблены в него, да? — вырвалось у нее. Эти слова будто отрезвили Клементину. Она вернула очки на нос, достала из халата изящный дамский носовой платок, шумно высморкалась.

— Пятнадцать тысяч — и ни копейкой меньше. Но из рук в руки. Хочу увидеть этого купца. Эти гроши заberi себе на конфеты.

— Хорошо, — Лиза взяла печенье из вазочки. — Думаю, он согласится.

— Бабки против товара.

— Я поняла, Клементина Егоровна.

— Водки хочешь?

— Спасибо, боюсь усну. Еще работы много.

— Теперь так, — Клементина совершенно успокоилась и говорила обычным, настороженно-повелительным тоном. — Насчет того, кто кого любит. Я ведь заметила, как ты третьего дня во флигелек шмыганула. И что на тебе было надето, видела.

— Побойтесь Бога, Клементина Егоровна. Разве я посмею!

— Ты-то как раз посмеешь, да и Вася на свежатинку падох. Я не об этом. Задирай ноги с кем хочешь, но наградишь какой заразой, пеняй на себя. Ты девка ушлая, но настоящей беды, похоже, не видела. Я тебе ее в два счета устрою.

— Напрасно вы так, — потупилась Лиза. — Я блюду себя. У меня и анализы все на руках.

* * *

...Именно с Поюровским у нее была назначена полуночная встреча, и именно в том самом флигельке.

Флигелек особенный, обустроенный для почетных пациентов на случай неожиданных причуд. Снаружи домик выглядел обыкновенной хозяйской пристройкой: окрашенный в непритязательный темно-коричневый цвет, с двумя узкими оконцами, но внутри представлял собой роскошные апартаменты, могущие удовлетворить изысканные вкусы самого заполошного нового русского. Поюровский вбухал в обстановку пятьдесят тысяч зеленых, и в конце концов домик так ему полюбился, что никаких пациентов он туда не пускал, зато иногда, если задерживался допоздна, сам располагался там на ночлег. И редко в одиночестве. Он не

осуждал себя за это. Будучи горячим приверженцем общечеловеческих ценностей, он полагал, что не грех иногда оттянуться, потешить нутро, если это никому не во вред. В отношениях с женщинами придерживался строгого демократического принципа: или добровольно, или никак. Конечно, когда некоторые девицы, особенно охамевшие малолетки, сами не знали, чего хотят, и начинали торговаться, их следовало немного поучить, что впоследствии шло им только на пользу.

Лиза раскрутила Поюровского в один заход. Доктор завел обычай всех новых сотрудников, неважно какого уровня, хоть раз принять лично, освидетельствовать тет-а-тет, тем более это касалось тех, кого рекомендовали извне. Он верил в свой телепатический дар и не сомневался, что вряд ли кому удастся утаить от него поганые намерения.

Лиза явилась на собеседование в коротеньком простеньком платьице, не надев ни трусиков, ни лифчика, в искусном макияже, предполагающем образ озабоченной дегенератки, истекающей половым соком. По ее догадке такой тип должен быть наиболее привлекателен для пожилого плейбоя, наверняка имевшего какие-то сексуальные проблемы. Она не ошиблась: Василий Оскарович клюнул без промедления, как старый окунь на угодившую под корягу сочную плотвичку. Беседа вылилась в яркую, праздничную любовную прелюдию. Едва задав пару, тройку дежурных вопросов — кто такая, откуда, зачем к нам, — и получив столько же невнятных, с грудным придыханием ответов, Поюровский приступил к главному:

— Про меня слышала? Наверное, уже наговорили чего-нибудь этакого? Со скороминкой?

Лиза не умствовала.

— Хотите правду, Василий Оскарович?

— Почему бы нет.

— Я пришла сюда из-за вас.

— ?

— Матушка у вас лечилась несколько лет назад. Вы меня, конечно, не помните. Я была тогда маленькой пигалицей.

— Интересно. И что дальше?

Лиза подняла глаза, полные истомы.

— Я боролась с собой, но ничего не могла поделать.

Не выгоняйте меня, пожалуйста.

Поюровский привык к победам, недаром прожил почти шестьдесят лет, но таких скорых у него давно не было.

— Чем же я тебя так привлек, девушка?

— Вы великий человек, — просто ответила Лиза.

— Тебе-то откуда знать?

К этому моменту Лиза уже определила, как себя подать: лексика архаичная, душевный трепет, стыдливость на грани обморока от сдерживаемого желания.

Безграничная лесть. Поюровский — интеллектуальный маньяк: всезнающий, самоуверенный, трусливый, подлый, обуянный гордыней и примитивной похотью. Она на таких нагляделась в "Тихом омуте", но те были попроще, зато власти побольше. Настоящую, большую рыночную карьеру Поюровскому мешал сделать талант: когда-то он считался первоклассным врачом. Талант в бизнесе, как гвоздь в башмаке. Но все же и он, и те, другие, не были людьми в гуманитарном смысле. Все они, разумеется, выродки.

Лиза воспринимала Поюровского как обреченного.

Конвейер смерти, созданный им, перемелет его и его хозяев, это неизбежно. Франкенштейн всегда пожирает своих создателей.

— Женщины чувствуют мужское величие сердцем, — сказала Лиза. — Им не нужны доказательства.

Поюровский подсел поближе:

— Можешь доказать прямо сейчас, что не врешь?

— Могу, — Лиза затрепетала в натуральной чувственной дрожи. — Но зачем такая спешка, вам и мне?

Поюровский обхватил ее костлявыми, широкими лапами за спину, за грудь, за бока, деловито общупал всю целиком.

— Хочешь! — поставил диагноз.

— Хочу, но не здесь.

— А здесь слабо?

Лиза, не отводя от него сияющего взгляда, нервно, решительно потянула юбку вверх.

— Ладно, — сдался Поюровский, — не здесь. Приходи завтра во флигелек. Знаешь, где это?

— Да. Во сколько?

— Приходи в двенадцать. Нет, лучше после четырех.

— Я дотерплю, — улыбнулась Лиза.

Как всякий маньяк, Поюровский был недоверчив.

Лиза понимала, он наведет справки, но ее легенда, разработанная Сергеем Петровичем, не вызывала опасений. Бедная семья, школа, незаконченное высшее, панель. Все вполне пристойно, никаких зазоров. Красивая, глупенькая самочка, получившая с приходом рынка шанс на

обустройство личного счастья. Вечером по телефону снеслась со своим начальником, коротко доложила обстановку.

— Похоже, придется с ним переспать, — призналась она.

— Лучше без этого, — отозвался майор. — Кажется, у тебя другое задание.

— Значит, нельзя? — Она хотела, чтобы Сергей Петрович наложил запрет, но догадывалась, что этого не будет.

— Ты взрослая девочка, — сказал майор. — Решай по обстоятельствам. Нам нужно, чтобы он сидел на поводке.

— Тебе безразлично, как я этого добьюсь?

— Это не по телефону.

— Ах ты боже мой! — сорвалась Лиза. — Так приезжай ко мне. В чем дело?

— У тебя истерика? — спросил он после паузы.

— Нет.

— Хочешь, чтобы тебя отозвали?

— Нет.

— Тогда все в порядке. До свидания, кроха.

— Сволочь, — крикнула она. — Такая же холодная, рассудительная сволочь, как все, — но он не дослушал...

При первом свидании во флигельке она сослалась на женское недомогание, добавя для пущей убедительности, что из нее льет, как из ушата. Поюровский немного надулся, но посидели они хорошо. Распили бутылку белого мозельского. В неге и роскоши размякший Поюровский вроде и не стремился к земным утехам. На него накатило сентиментальное настроение, он жаловался на непонимание окружающих и козни врагов. Лиза с грустью наблюдала, как действуют на чудовище ее чары. Поюровский то и дело целовал ее руку, и каждый раз она боялась, что укусит. Распустивший слюни шестидесятилетний мужчина производит еще более тягостное впечатление, чем сопливый юнец, изображающий матерого ходока. То ли Василий Оскарович выпил еще раньше, то ли был чем-то испуган, но поплыл как-то сразу. Выложил весь стереотипный набор: интриги бездарных людишек, свинство, ложь, зависть, короче, некому руку подать в минуту душевной невзгоды.

Этакий одинокий утес посреди моря житейской скверны. Лиза, разумеется, добавила жару, проворковав, что есть же такие негодяи, которые травят гениев. Поюровский аж вспыхнул, как лампочка при замыкании.

Желчно поведал про семью, их у него было две. Одну он отправил

целиком на проживание в Европу — старая дура-теща, глухая, как костыль, но алчная, как прорва, шлюха-жена из бывших актрисулк и двое кретинов-сыновей; вторую семью он пока держал при себе, неизвестно, правда, зачем — молодая жена-потаскуха и ее полупарализованный двоюродный братец, с которым, как он подозревал, она пребывала в тайном сожителстве.

Лиза сказала, что будь ее воля, она бы всю нечисть, которая ему досаждала, посадила в поезд, свезла на берег Черного моря — и утопила. Но перед этим всем выколола глаза. Василий Оскарович нежно ее обнял, погладил по головке и крепко поцеловал в губы.

— Возможно, детка, мне с тобой повезло, хотя ты, конечно, полная идиотка.

Лиза счастливо захихикала.

В этот раз, прежде, чем попасть во флигилек, Лиза позвонила Сергею Петровичу. Неурочный звонок был вопиющим нарушением правил конспирации, поэтому первое, чем заинтересовался майор, было, откуда она звонит и не пьяна ли. Лиза его успокоила, сказав, что звонит из будки, будка в лесу, бесхозная, мороз тридцать градусов — и вокруг ни души. Что касается того, пьяна она или нет, он может немедленно приехать и понюхать.

— Я ведь могу твою бурную ночную деятельность пресечь, — пригрозил Сергей Петрович, не приняв игривого тона.

— Наверное, можешь, — согласилась Лиза. — Ты же мой господин и повелитель. Наверное, ты многое можешь. Но тогда почему не остановил кошмарную бойню? Объясни, пожалуйста, рядовому бойцу. Почему вы все, мужчины, у кого осталась в жилах кровь, а не моча, спокойно копите какие-то доказательства, когда каждый день умерщвляют беззащитных детей, женщин?

Объясни, я не понимаю. Только не говори, что это не телефонный разговор. Если ты так скажешь, я повешу трубку и кое-что исправлю тут сама.

— Не дури, Лиза, — в его голосе непривычное сочувствие. — Пока не убивают. Проект на консервации.

— Ах, на консервации?! Спасибо, утешил. Приходи, я покажу тебе, как выглядит эта консервация.

— Есть же дисциплина, Лиза. Или тебе надо напоминать?

— Что такое дисциплина? Наблюдать, как убивают малышей?

— Дисциплина — особый тип мышления. Когда приказы воспринимаются как осознанная необходимость.

— И помогают крепко спать по ночам.

— В школе тебе недостаточно промыли мозги, дорогая. , — Значит, трогать Поюровского нельзя?

— Нельзя. Это всего лишь пешка.

— Хорошо, милый. Тогда я побежала. Василек уже заждался.

— У тебя встреча с Поюровским? В такое время?

— Да, Сережа. Я сама ломаю голову, что ему понадобилось? До свидания, любимый!

— Удачи тебе, Лизавета. Только не горячись. Это же всего-навсего работа.

В ярости Лиза чуть не сорвала рычаг старенького аппарата. Этого человека ничем не прошибешь. Но всякий раз, когда она убеждалась в этом, ее сердце взмывало к небесам. Это можно объяснить лишь тайной склонностью к мазохизму. Сереже лучше не знать об этом. Он и так вил из нее веревки.

Все же телефонное свидание с Сергеем Петровичем остудило ее пыл, и во флигелек она явилась почти умиротворенная.

В камине под мраморной плитой пылали поленья, стол уставлен закусками и винами, в хрустальных вазах ослепительные благоухающие розы и гиацинты, и на строгом лице хозяина, закутанного в махровый алый халат с ядовито-синими кистями, такая красноречивая улыбка, что сразу понятно: он не потерпит больше никаких проволочек. Лиза воскликнула: "Ах!" — и кинулась к нему в объятия, но Поюровский остановил ее властным движением руки.

— Может, сперва хотя бы снимешь эту дерюгу? От тебя воняет, как из душегубки.

— Я ведь со смены, — смутилась Лиза. — Там везде трупки, грязища — ужас! И еще Ганька, озорник, облил из ведра... Ой, простите великодушно, Василий Оскарович! Я мигом в ванную. У вас хлорка есть?

Озадаченный, Поюровский присел на краешек просторного сексодрома, закиданного подушками и покрытого лазоревым шелковым покрывалом. Потянулся к столу за рюмкой. Лиза скинула телогрейку, осталась в рабочем халате, заляпанном кровяными пятнами и еще Бог весть чем. Она его подобрала из самого рванья.

— Василий Оскарович, миленький, это только сверху, — взмолилась чуть ли не со слезами. — Внизу я вся чистая, не сомневайтесь. Три раза сегодня специально мылась. Сами увидите.

— Сядь, выпей, — раздраженно бросил Поюровский. — Что-то ты будто не в себе?

Лиза бухнулась в кресло, предусмотрительно рванув пуговку на груди.

Налила из первой попавшейся бутылки, осушила. Оказалось, бренди.

— Что с тобой? — повторил Поюровский. — Чего тебя всю ломает?

— Еще бы не ломало. Вдруг это правда?

— Что правда?

— Что я недавно слышала.

— Что слышала? Да приди же в себя, черт возьми!

— Какой-то страшный человек ищет вашей гибели, — Лиза в ужасе затряслась. Халат распахнулся едва ли не до пупа. Под ним грязная синяя футболка — и больше ничего.

Поюровский потер виски.

— Кто тебе сказал?

— Не знаю.., незнакомые. Я в кладовке, а они разговаривали в коридоре. Я как услышала, так ноги и подкосились. Василий Оскарович, родненький, неужто правда?!

— Что именно говорили?

— Какой-то человек хочет вас за что-то наказать.

И будто этот человек имеет такую силу, может раздавить любого, как блоху... Я как про блоху услышала...

— Прекрати! — рявкнул Поюровский. — Или тебя, засранку, кто-то подослал, или ты еще глупее, чем кажется... Какой человек? За что наказать — толком можешь объяснить?

— Зачем вы так? — обиделась Лиза. — Вы не представляете, как я испугалась. Ведь сейчас на каждом шагу только и слышишь: того застрелили, этого отравили.

Они никого не жалеют. Уж если на Влада Листьева замахнулись!..

— Заткнись! Пей! — Поюровский тяжело дышал, словно уже совершил акт любви. Машинально опрокинул рюмку.

— Они фамилию называли, — сказала Лиза. — Только я забыла от страха. Какая-то простая, вроде как у рыбы.

— Самарин?

— Может быть... Но нет, кажется, не Самарин. Еще как-то. Но ведь это все не правда, да? Василий Оскарович, пожалуйста, успокойте меня. Если вам действительно грозит опасность, мне лучше не жить.

Поюровский вскочил на ноги, ломанул к двери. Халат на нем развевался, как знамя.

— Можно я с вами? — пискнула Лиза.

— Сиди, сейчас вернусь.

Пока он куда-то бегал, Лиза опустила большую розовую таблетку в бутылку, из которой пил Поюровский.

Новейшее фармакологическое снадобье, изобретение неугомонных британцев. Серезин презент. Микронная доза вырубает мгновенно, но ненадолго. Через тридцать-сорок минут человек вскакивает, как новорожденный, — и ничего не помнит. Блестящий фокус. Имея под рукой такие средства, легко работать шпионом.

Поюровский вернулся посвежевший, успокоенный. Лизе криво улыбнулся. Тут же набуровил себе полную рюмку.

— Скверное время, скверное... Нервы сдают. Кругом невежество, хамство, дикость, крутишься целый день, как белка в колесе... Только соберешься отдохнуть, расслабиться, — и тут ты со своей ерундой. Извини!

— Какая же это ерунда, Василий Оскарович, если я собственными ушами...

— Лиза, угомонись! Никто меня не тронет. Попугают, но не тронут. Они не глупые люди. Им не деньги нужны, а сам Поюровский. Живой. В этом вся штука. Понимаешь?

— Храни вас Господь, Василий Оскарович. Я ли не понимаю. Да я за вас... За ваши руки золотые, за сердце бескорыстное...

— Все, хватит. Ступай в ванную, сдери с себя всю эту грязь. Смотреть жутко. Где ты эту майку выкопала, ты же все-таки к мужчине шла? Извини, но разве так можно!

Лиза от стыда пошла розовыми пятнами.

— Василий Оскарович, родненький, футболка чистая, стираная, не сомневайтесь. Эти пятна проклятые, трупные, никакой порошок не берет. Я уж кипятила, и парила — никак. А переодеваться — по пятнам Ганька ходит, поганец настырный. Заподозрит чего-нибудь — вам же это не надо, верно? Неужто посмею бросить тень...

Да вот я сейчас сниму, а вы понюхайте — даже не пахнет ничем...

Поюровский не дослушал этот бред, сморщился, как печеное яблоко, и опрокинул очередного стопаря. В ту же секунду потрянул башкой, будто получил удар по затылку, очки соскочили с одного уха, глаза остекленели — и бухнулся лбом в столешницу. Лиза еле успела смести рукой тарелки, чтобы не поранился ненароком.

Первое, что она сделала, — опорожнила под раковиной и помыла запроваженную препаратом бутылку.

Проверила, надежно ли угнездился за столом Поюровский — ничего, продержится. Потом занялась сейфом, замурованным в стене и прикрытым изумительной репродукцией "Купальщиц".

Сейф она обнаружила еще в первое посещение, пока хозяин мотался

зачем-то на кухню. У Поюровского была такая особенность: в минуты умственного возбуждения ему обязательно требовалось проявить физическую активность. В тот раз Лиза пожаловалась, что ее с непривычки угнетает огромное количество раскуроченных трупиков, которые приходится обихаживать в морге. В ответ Поюровский, воспламеняясь, приоткрыл ей философский смысл торговли человеческим сырцом.

Оказалось, что, в принципе, это нечто большее, чем бизнес. Потому что таким образом россияне (он произносил это слово в подражание президенту как "руссияне"), проклятый народ, получают реальную возможность внести вклад в мировую цивилизацию. Прежде чем бесследно и окончательно сгинуть, они передадут пригодный для биологических манипуляций материал в общечеловеческий фонд, и на этом, по всей видимости, их земное предназначение будет исчерпано. Но это не так уж и мало. "Представь себе, детка, — впадая в поэтический восторг, вещал Поюровский, — берем какого-нибудь ничтожного россиянина, раба, полуживотное, или его дефективного детеныша, изымаем внутренние органы, сцеживаем кровь, и тем самым спасаем жизнь западному бизнесмену, художнику, дипломату, просто человеку, в конце концов, — разве это не гуманный, одухотворенный, истинно творческий акт?" Лиза усомнилась в том ключе, что, если исходный материал столь ущербен, не передастся ли зараза от донора к пациенту? Поюровский похвалил ее за смекалку. "Пока россиянин поголовно не деградировал, можно его использовать, но, естественно, тщательно производя сортировку. Времени история оставила немного, полагаю, не больше десяти-пятнадцати лет".

После этого он подхватился и убежал куда-то, скорее всего отлить, а Лиза воспользовалась его отсутствием, чтобы обследовать помещение.

...С сейфом ей повезло: цифровой замок был устаревшей модификации; с помощью электронного фонендоскопа — изящная вещица с питанием от обычных батареек — она справилась с ним за пять минут. Внутри сейф делился на два небольших отсека, в верхнем деньги (валюта и несколько банковских упаковок стотысячных купюр), в нижнем — бумаги, документы. Из вместительного кармана телогрейки она достала фотоаппарат, выполненный в виде платиновой зажигалки "Ронсон", отнесла бумаги на стол, сдвинула в сторону поникшую голову гуманиста-патологоанатома и отщелкала четыре кассеты. Содержание документов ее не интересовало — счета, копии контрактов, частная переписка, какие-то чертежи, — это ее не касается, да и времени не было рассмотреть. Она делала только то, зачем ее послали.

Еле успела управиться: разложить бумаги по возможности в прежнем

порядке, запереть сейф, задвинуть "Купальщиц", повесить опознавательную ленточку, уничтожить следы на столе, бросить ватник на прежнее место, сесть в кресло — и с облегчением закурить. Угадала тютелька в тютельку: Поюровский зашевелился, закричал — и поднял чумную башку от стола. Лиза была наготове, с жалобным криком подскочила.

— Что со мной случилось? — подозрительно спросил Василий Оскарович.

— Ой, как же вы меня напугали!

Поюровский сел прямее, ухватил ладонями лицо, с силой сдавил. Взгляд прояснился.

— Я что — сознание потерял?

— Рюмочку выпили и прямо так — бух! Я...

— Давно это было?

— Минута или две прошло, не больше.

Поюровский взял в руку бутылку, из которой пил (Лиза долила туда вина), понюхал, недоверчиво взглянул на девушку:

— Из этой?

— Из этой, ох, будь она неладна!

Наполнил бокал, распорядился:

— Ну-ка выпей, может, и у тебя будет — бух, а?

Лиза выпила, кокетливо помахала у губ ладошкой:

— Крепкая, а сладенькая. Хорошее вино.

— Никак не пойму, с чего это я? Будто током тряхнуло.

— Не волнуйтесь, это бывает. У меня тоже бывало, честное слово, если без закуски целый день. Батюшка вообще иначе не засыпает, как на столе. И ничего. В полном ажуре. Оклемается — и по новой. Говорит, главное, не делать перерывов, это действительно опасно. Он как-то неделю пропустил, не пил — и пожалуйста, сердечный приступ. Застой в сосудах.

— Можешь помолчать минутку? — обреченно спросил Поюровский. Странный провал памяти. Что это: микроинсульт? опухоль? шизофрения? Очень не вовремя, очень.

Он не хотел умирать, не дожив до шестидесяти. С тех пор, как занялся бизнесом, молодец с каждым днем. Сейчас никто не давал ему больше сорока, а что будет дальше? Медицине известны случаи, когда на каком-то возрастном витке в человеческом организме происходили таинственные мутации, биологические метаморфозы, и он поворачивал вспять, к своему началу. Да, собственно, что тут таинственного, разве сама природа не дает ежегодные примеры чудесных обновлений. Такое возвращение в молодость

произошло с Гете и, кажется, с кем-то из Людовиков. В преклонном возрасте они оба погибли от случайных причин, но никак не от старости. Поюровский почти не сомневался, что тоже сумел неким невероятным, гениальным, метафизическим усилием переломить роковое течение судьбы — и вот на тебе, непонятный обморок. Но, возможно, права шальная девица, это всего лишь следствие переутомления, — ничего не значащий эпизод, соматическая трещина.

— Так что, — надула губки Лиза, — идти мыться — или как?

— Или как... Лучше перенесем на завтра. Что-то мне неможется.

— Как угодно, Василий Оскарович, — Лиза изобразила разочарование. — Но я подумала, может, полезно немного подвигаться. Я ведь остороженько, без нагрузки. Мне один японец говорил: любовь выводит все шлаки. Старенький был, еле живой, сто лет в обед, а после этого прямо воскресал. И батюшка мой...

— Хватит! — взмолился Поюровский. — Ты меня утомила. Надо же такой язык иметь, как помело... Убирайся! Сказал завтра, значит, завтра.

Лиза, озадаченно бормоча:

— Как же можно, даже не попробовать?! — подхватила с пола телогрейку, зашустрила к дверям, сокрушенно качая головой. Обернулась, печально спросила:

— Но завтра точно? Можно надеяться?

Грациозно изогнулась, Поюровский на секунду пожалел, что отпускает красотку.

— Завтра или послезавтра — вызову.

Через ночь, через парк, через мороз без приключений вернулась в морг. Первым, кто ее встретил, был разъяренный Ганя Слепень: весь в мыле, с растопыренными руками, с багровой рожей. Ночная ворожба уже шла полным ходом.

— Ты что же вытворяешь, падалица?! Мы с Гришей должны пуп надрывать, пока ты трахаешься?

— Фу, Ганечка, как грубо! Ты же интеллигентный парень! Откуда такие слова?

— Где была, отвечай, — рявкнул Слепень, подпустив замысловатую матерную струю.

— Соскучился, — догадалась Лиза. — Вижу, соскучился. Сейчас я быстренько, только в туалетик заскочу...

Ночная работа черная, неблагоприятная, зато оплачивалась значительно выше дневной. Длилась она, как правило, два, от силы три часа, но выматывала до доньшка. По ночам заправлял Ганя Слепень, Лиза и

маэстро Печенегов стояли на подхвате. Весь процесс напоминал пересортицу в мясном цехе. Ночью поступали не целиковые трупы, которые следовало приуготовить к захоронению, а сплавлялись отходы из разделочной и операционной в подвале клиники. Отходы спускали в цех по двум металлическим шлюзам, в остальное время забранным металлическими решетками — что-то вроде сливных желобов, установленных наклонно. С улицы "товар" подвозили в крытых фургонах, дюжие парни в прорезиненных комбинезонах скидывали его в желоба вилами. По одному желобу на сменщиков валилась разная мешанина: костяное крошево, комки черно-белых и розовых внутренностей, дышащих сладким дымком, отсеченные конечности; по второму поступали обезображенные тушки, с прикрепленными жестяными бирками. На бирках иногда значились имена владельцев, чаще — какие-то непонятные значки, вроде китайских иероглифов. В задачу ночной смены входило быстро рассортировать все это добро — требуху к требухе, кости к костям и так далее, — упаковать в пластиковые мешки и отправить по назначению: что-то в котельную, что-то на свалку, что-то на мясокомбинат. Работать приходилось в плотных марлевых повязках, в резиновых рукавицах до локтей, но это не избавляло от угара, ядовитого запаха и слуховых галлюцинаций. В первую смену буквально через несколько минут у Лизы так разболелась голова, что казалось, из ушей потекли мозги. Она как бы перестала сознавать, чем занята и что происходит.

Точно так же банковский служащий, имеющий дело с крупными суммами денег, очень скоро перестает соображать, какие богатства проходят через его руки.

Просто не думает об этом.

Физическая нагрузка была предельной, это тоже отвлекало от ненужных мыслей. Лиза пыталась наблюдать за своими напарниками: сосредоточенные, с блестящими от яркого пота лицами, они действовали размеренно, как автоматы. Никому не приходило в голову разговаривать. Ганя Слепень не выпускал изо рта сигарету, отчего марлевая повязка на нем то и дело подгорала, и изредка ронял себе под нос любимые матерные слова. В продолжение работы они все трое будто лишались человеческих свойств и существовали рефлекторно. Лиза чувствовала, что ничего отвратительнее, страшнее и бессмысленнее в ее жизни уже не произойдет.

Теперь она знала, что ад реален, и его земной филиал открылся в Москве.

Глава 5

МОНСТР СЕРДИТСЯ

— Слишком медленно, — пожурил Самарин управляющего. — Это не темп. Если с каждым паршивым банкиришкой столько возиться... Почему тянучка?

— Верткий очень, — пожаловался Герасим Юдович. — Концы подрубают толково. Намылился за бугор.

— Вместе с мошной?

— С остатками мошны.

— Стареешь, Иудушка. Может, на пенсию пора?

От немудреной хозяйской шутки у Шерстобитова заняла печень.

— Дозвольте Никиту подключить.

— Ох, Иудушка, ты же знаешь Никитушку. Он кроме секир-башка никаких резонов не признает. Банкира надобно сперва досуха выжать, чтобы не вертелся... Хорошо, сам займусь. Приготовь на субботу закуток в Звенигороде.

— Понял, хозяин.

— Что с этим, как его..., с хирургом-самородком?

— Затаился. Новую крышу ищет.

— Пускай ищет. Его оставим на закуску... Гляди, Иудушка, даже такой херней приходится самому заниматься. Правильно ли это?

Шерстобитов склонил голову. Чувствовал, гроза миновала...

Агата примчалась возбужденная, в немислимом наряде — алая амазонка, кожаные штаны в обтяжку. Потщила подругу в спальню — пошущукаться надо. Кларисса была ей рада: полдня тыкалась из угла в угол, чуть от скуки не подохла.

— Твой придурок где?

— Какая разница? Деньги где-нибудь считает.

— Даже в субботу?

— У него не бывает выходных... Что с тобой, подружка? На охоту собралась?

— Можешь выйти на улицу?

— В общем, да. Но обязательно кто-нибудь следом увяжется. Ты же знаешь, Борис запретил...

— Неважно. Налей чего-нибудь холодненького.

Из личного бара со встроенным миниатюрным холодильником

Кларисса достала бутылку Хванчкары.

— Красненькое сойдет? Или покрепче?

— Покрепче — после...

Агата рассказала поразительную вещь. В Москве проездом находится внучка знаменитой прорицательницы Ванды, ей переданся бабкин дар. Зовут ее тоже Ванда, в честь покойной ясновидящей. Но это не все.

Молодая колдунья перещеголяла старуху и умеет не только угадывать судьбу, но за особую плату изменяет ее в лучшую сторону. Это что-то невообразимое. На Западе и в Штатах миллионеры посходили с ума, готовы отвалить любые деньги, чтобы попасть к ней на прием, но колдунья строптива, по завету покойницы избегает публичности, а в деньгах, понятно, не нуждается вовсе.

В Москву прикатила с единственной целью: немного отдохнуть. Кому придет в голову искать ее в нашей глуши. По счастливой случайности она на два дня остановилась у одного Агатиного поклонника, нефтяного магната, и тот, разумеется, сразу сообщил ей. Он уже договорился с Вандой, что та примет ее и, как минимум, погадает на картах и на змеином яде. Но Агата не какая-нибудь эгоистка, чтобы при такой okazji не прихватить с собой лучшую подругу. Ехать надо немедленно, вот и весь сказ.

Кларисса от волнения пролила вино на скатерть.

Она ни на минуту не усомнилась в правдивости Агаты, ее беспокоило другое.

— Все деньги у мужа. У меня наличными только тысяча. Мало, да?

— Придурок влияет на тебя, — заметила Агата холодно. — Ты здорово поглупела... Собирайся, поехали.

Тачка за углом.

— А как же?..

— Все уплачено, идиотка. Я же сказала — нефтяной магнат. Придется, конечно, пару раз дать ему бесплатно.

Накинули в прихожей норковые шубки, выбежали на улицу. За ними потянулся Леня Песцов, Бугин подручный — он сегодня дежурил.

— Девочки, вы куда?!

— В парикмахерскую! — на ходу отозвалась Кларисса, а Агата показала кулак — Я тебе дам "девочки", сопляк!

Уселись в серебристую Агатину бээмвешку, рванули так, что позади взметнулся дымный хвост, как у истребителя.

До Рождества оставалось чуть больше недели. Москву сковало снегом. По обочинам в грязных сугробах копошились очумелые прохожие, но

улицы, слава Лужкову, расчищены и сияли, подобно лунным просекам.

Агата была адским водителем, за баранкой ничего не боялась. Быстрая езда действовала на нее успокаивающе, как добрая случка. Мощный, отлаженный движок, рассыпающиеся по сторонам кегли домов, испуганные глазки светофоров, истерический визг тормозов — это ее стихия.

— Далеко ехать? — запалив сигарету, Кларисса тряслась в восторженном ознобе.

— Звенигород, крошка! Если не остановят, за час домчим. Остановить нас некому. Держись крепче!

* * *

Леня Песцов, с трудом поспевая на "девятке" за взбесившейся серебряной блохой, связался по сотовому со своим начальником. Доложил обстановку.

— Сколько с тобой людей? — поинтересовался Буга Захарчук.

— Я один. Все очень быстро произошло, командир.

— Ах ты... — Буга выругался там смачно, что Леня невольно пригнулся. — Ладно, будь на связи. Перехвачу где-нибудь.

— Понял, Буга Акимович.

— Оглядишь хорошенько. Их кто-то должен сопровождать.

— Пока никого не вижу.

— Что у тебя с собой?

— Как обычно, командир, — это означало, что Леня вооружен укороченным Калашниковым и нунчаками.

— Ничего, попозже я с тобой разберусь, — пообещал Буга, больше с сожалением, чем злостью.

* * *

Кларисса посасывала баварское пиво из банки. Динамик ласкал слух голосами Расторгуева со товарищи.

Ей нравилась группа "Любэ". В сущности, у нее простые вкусы. Ей по душе мальчики с накачанной мускулатурой, их грубоватый секс, за обедом она с удовольствием уплетала хорошо прожаренные бифштексы с луковой подливой, любила подкидного дурака и мультики, и, если признаться, этой темной густой патоке предпочла бы бутылку обыкновенного светлого "Клинского".

Умники, вроде ее собственного мужа, ее удручали. С ними чересчур много проблем, угодить им невозможно.

Прежде чем тебя поймет, все соки вытянут погаными языками. Но Бориса она уважала хотя бы за то, что тот не делал попыток расстаться с

ней. Это ее поражало до глубины души.

Машина скользила по Ленинградскому шоссе, запруженному дорожной техникой и осоловелыми гаишниками. С некоторых пор власти взялись выставлять на подмосковных шоссе ремонтные заслоны, собирать иностранных рабочих в ярко-оранжевых куртках (преимущественно почему-то турок и немцев) и укреплять угрожающие объездные знаки, на которые, естественно, мало кто обращал внимание. Вероятно, какому-то мечтательному московскому чину пригрезилось, что именно так управляют с транспортным потоком на благословенном Западе: постоянно латают прохудившиеся дороги.

В очередной пробке, похожей на черно-белую затычку, Агата тоже отхлебнула пивка.

— Вроде никто не погнался, — сказала Кларисса задумчиво.

— Куда им за моей тачкой, — презрительно бросила Агата. — Твой придурок на всем экономит. Удивляюсь, как ты его терпишь?

— Он вообще-то неплохой, только занудный, — заступилась за мужа Кларисса.

— Все равно тебе поражаюсь. Ведь сколько раз предлагала, траванем — и точка. Все же тебе останется.

— Ой, что ты говоришь, — привычно испугалась Кларисса. — Он все-таки живой человек.

— Живых и травят, дурочка. Какой он тебе муж, если вздрючить толком не умеет. Импотент вонючий.

— Он же не виноват, что хиленький. Он старается.

— Стараться мало... — тут им посигналил притулившийся сбоку черный джип "чероки", величиной с высотное здание. Оттуда, сверху, пялились на них двое деловых и делали красноречивые знаки. Один даже наполовину вывалился из салона и обеими руками показал, как двигается поршень, если его умело засадить. В ответ Агата недвусмысленно покрутила пальцем у виска.

— Вот, — сказала наставительно подруге. — Погляди хорошенько. Такие пацаны осечек не дают. Взнуздают — мало не будет.

— Они же дикие совсем, — капризно протянула Кларисса.

— Нам от них ума не надо.

Кое-как выбрались из затора.

— Далеко еще? — спросила Кларисса.

— Километров двадцать. Не волнуйся, торопиться некуда.

— Позвонить оттуда можно?

— Ну ты даешь, подружка! — сказала Агата.

* * *

Леня Песцов уверенно держал след на своей новенькой "девятке", но не высовывался ближе, чем на пять-шесть машин. Он уже засек, что черный джип и серая "волга" преследуют ту же цель, что и он. С джипом не был уверен, а с "волгой" — точно. Раза три — у светофоров и в пробке — у нее была полная возможность обойти БМВ, в котором ехали подруги, но "волга" притормаживала, тянулась, словно на невидимом буксире. Если считать вместе пассажиров джипа и "волги", то это семь человек, семеро головорезов, по всей видимости, вооруженных до зубов. Для Лени, бывшего сержанта морской пехоты, дипломированного снайпера, это было ни много, ни мало — смотря по ситуации. Да он и не собирался ввязываться в бой, во всяком случае, без приказа Захарчука. А Буга был не из тех, кто подставляет по-дурному.

Он связался с командиром.

— Алло, Буга Акимович..., идем по Ленинградке, десятый километр. Видимость паршивая, заносы... Кажется, парочку сопровождают. "Волга" и "чероки". Ведут вразнобой, профессионально.

— Сколько человек в машинах?

— Семеро. Обыкновенные вроде бандюки.

— Ничего не предпринимай. Следи. Я отстаю примерно на полчаса.

— Понял вас.

— Осторожнее, Леня. Возможно, это похищение.

— Понял.

— Хорошо, что понял. Отбой...

Только накануне Буга устроил на работу по звонку Гурко некоего Прыщева Альфреда Трофимовича и радовался, что внедрился в банк, куда прежде ему не было хода. Прыщева отрекомендовал Борису Исааковичу как своего дальнего родственника, поручился за него головой. По правде говоря, заявление опрометчивое.

Ничего более странного и ненадежного, чем посланец Гурко, Буга давно в своей жизни не видел. Явился то ли мужик, то ли баба, лет около шестидесяти, в сером длинном пальто армейского образца, в очечках на дужках-резинках, с обезьяньим личиком, и не успели познакомиться, как этот так называемый Альфред Трофимович занял о том, что для него главное требование, чтобы на службе не было сквозняков.

— Сквозняков? — переспросил Буга.

— Именно, молодой человек, — подтвердил будущий банкир. — Замечаю в ваших глазах некоторый скепсис, но это только доказывает, что вы никогда не страдали промежуточным отитом.

При этих словах обронил на ногу Буге огромный коричневый портфель, набитый, судя по весу, бульжниками. Буга был уверен, что Сумской погонит его протеже в три шеи, но вышло иначе. После аудиенции, длившейся больше часа, кандидат на любую банковскую должность вышел из кабинета Сумского сияющий, как молодая луна. Подмигнув Буге, ожидающему в приемной, отчего обезьянье личико приняло какое-то похабное выражение, торжествуя объявил:

— Так-то, милочка, а вы сомневались. Я же видел, что сомневались. Нет, дорогой мой, хорошие работники при любом режиме в цене.

На этот раз Буга отскочил от падающего портфеля.

При встрече Борис Исаакович сухо его поблагодарил:

— Надо же, какие у вас, однако, родственники.

Приятно удивлен.

Буга промямлил что-то вроде того, что рад стараться.

Сейчас, за баранкой восьмицилиндровой "хонды", ввинчивающейся в зазеленелое шоссе с характерным арматурным скрипом, он продолжал дивиться забавному казусу. В этом маленьком эпизоде Гурко очень наглядно продемонстрировал свое превосходство. Если бы довелось выбирать Буге, то из ста любых возможных кандидатов на внедрение в банк нелепого полудедушку-полубабушку с допотопным портфелем он наверняка выбрал бы последним. Гурко точно угадал, на кого позарится Сумской. Непредсказуемому банкиру, оказывается, и нужен был для каких-то, видимо, тайных затей такой недотыка с портфелем, как Прыщев, который (по документам и рекомендациям) при всех перестроечных штормах плавно перебирался из одной финансовой структуры в другую и добрался аж до солидного кресла в министерстве экономики.

За спиной Буги, на заднем сиденье, расположились двое онеров: сержант Малофеев, дюжий детина с разумом ребенка, и Коля Панкратов, бывший летун-однopolчанин. Он взял их с собой только потому, что они первые попались под руку, но и не совсем, разумеется, наобум. Сержант Малофеев, если его хорошенько подзавести, способен лбом прошибать стены, а Коля Панкратов, смышленный, ироничный и двуличный, хорош в любой ситуации, кроме той, когда требовалось рискнуть головой. Свою голову он ценил даже выше любой суммы премиальных, что большая редкость среди наемников. Вместе они составляли отличную бойцовую пару.

Неугомонный Панкратов, как обычно, подтрунивал над безобидным в спокойном состоянии сержантом.

— Скажи, Малофеич, если бы у тебя был миллион, что бы ты с ним

сделал?

— Миллион баксов?

— К примеру?

— Как чего сделал? Деньгам всегда применение найдется, — сержант отвечал солидно и неторопливо, хотя чувствовал подвох. Они были давние напарники.

— Верно, — согласился Панкратов. — Применение найдется. Но ты лично, что бы сделал? Допустим, купил новую тачку, барахла всякого. Ящик водки. А потом что? Остальные куда?

— Как это куда? Деньги — они и есть деньги. Бабки, то есть.

— Это понятно. Но куда ты их денешь? В банк не положишь, какие сейчас банки. Сегодня банк, а завтра на нем табличка: хозяева — ку-ку! В кубышке держать миллион?

Глупо, опасно. Обязательно кто-нибудь пронюхает.

— Я бы дом купил в деревне, — сказал сержант.

— А остальные?

— Отстань, чего привязался. Нету у меня миллиона.

— Но ты бы хотел его иметь?

— Кто бы не хотел, — обиделся сержант. — Дураков нет.

Коля Панкратов остался доволен результатом опроса.

— Слышь, Буга, — окликнул командира. — Я тут размышлял по дороге о нынешней разрухе и пришел к забавному выводу. Главная причина: деньги попали в руки к тем, кто не знает, что с ними делать. Кстати, очень интересная проблема в философском смысле.

— У тебя, надо понимать, осечки не будет?

— Мне не нужен миллион. Появись он, я тут же отдам его в приют, как этот, как Юра Деточкин.

Сержант фыркнул.

— Ты бы отдал?! Позавчера я столтник попросил, вот так было надо, ты чего сказал? Уж чья бы корова мычала...

— Малофеич, ведь это совсем другое. Я не даю в долг, потому что долги портят дружбу. Не мной замечено.

— Так подарил бы, — сержант возбужденно запыхтел от собственной шутки.

— Это еще хуже, — наставительно заметил Панкратов. — Это была бы подачка.

По Щелковскому шоссе выехали на окружную. Буга решил, что пора сделать еще один звонок, который он все оттягивал, неизвестно на что надеясь. По прямому, со специальной защитой, номеру связался с Сумским.

— Что у вас, Буга? — спросил банкир раздраженно.

Захарчук поднес ему новость как можно мягче. Сказал, что паниковать рано. Возможно, Кларисса отправилась на обыкновенную прогулку.

— Возможно, — согласился Сумской.

— У них на хвосте мой человек, — добавил Буга.

— Прекрасно, — прозвучало это, как "Убить тебя мало, работничек хренов!" — но чтобы уловить этот подтекст, надо было хорошо знать Бориса Исааковича.

— Будут какие-нибудь дополнительные распоряжения? — уточнил Буга.

— Привези ее, пожалуйста, домой, — попросил банкир.

— Безусловно, — сказал Захарчук.

* * *

Не доезжая пяти километров до Звенигорода, Агата свернула в лес. Еще несколько минут тряски по проселку, и перед ними открылся чудесный вид: дачный поселок на берегу озера, окруженного сосновым бором.

Полтора-два десятка островерхих домов из красного кирпича, прижавшихся тесно друг к другу, как окаменевшая мечта демократа. Россыпь алых ягод на снежной целине. Подкатив к чугунным воротам, Агата требовательно погудела в клаксон. Ворота бесшумно, медленно открылись. У сторожевой будки им откозырял рослый охранник в камуфляже и с автоматом. Все мирно, привычно, буднично, но у Клариссы почему-то сдавило сердце. Подъехали к рубленому крыльцу, повисшему на двух мраморных колоннах, как на качелях.

— Вылезай, подружка! Станция Березайка.

— Что-то мне не по себе, — пожаловалась Кларисса. — Ты уверена, что нас ждут?

— Ни в чем так не уверена, как в этом, — засмеялась Агата...

Леня Песцов проскочил поворот и притормозил на обочине. В зеркальце заднего обзора увидел, как джип свернул за БМВ, но "волга" куда-то запропастилась, хотя он мог поручиться, что она его не обгоняла. Скорее всего, "волга" оказалась пустышкой.

Он связался с Бугой, дал координаты. В этих местах не заблудится и младенец.

— Джип меня сфотографировал, — доложил Песцов. — Вторая машина сошла. Какая команда, босс?

— Не называй меня боссом, сто раз просил, — буркнул Буга. Он подумал: вдруг это ловушка, соваться туда Песцову одному чересчур опрометчиво. С другой стороны...

— Они никуда не денутся, гражданин начальник, — будто подслушал его мысли Песцов.

— Почему так считаешь?

— Я тут бывал. Там Черное озеро и дачный поселок.

Дальше дороги нету. Тупик.

— Значит так... Стой где стоишь, жди нас. Ничего не предпринимай.

— Понял... Покурю пока.

Сунув трубку в гнездо, потянулся за зажигалкой.

Прикурил. Когда снова взглянул в зеркальце, серая "волга" висела почти на бампере. Ему даже почудилось, что пошла на таран, но это был оптический обман.

"Волга", петляя на тормозах, обогнула "девятку" метра в десяти и лихо развернулась боком. Из машины выскочил невероятно юркий мужичонка, как горошина из стручка, установился поудобнее, приладил к плечу длинноствольную пушку и пальнул по "девятке". На весь маневр ушло не больше минуты, но этого хватило, чтобы Леня Песцов, вместе со своим Калашниковым, вывалился из машины и кубарем покатился по шоссе, благо оно было пустое. "Девятку" лобовым ударом приподняло на дыбы, скрючило и спалило, но взрывная волна только придала Лене добавочное ускорение и, продолжая кувыркаться, он приземлился в кустах, по пояс зарывшись в снег. Сознание не потерял, но положение у него было паскудное. Что-то, вероятно, стряслось с позвоночником: заткнутый в снег, как морковка в грядку, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, хотя боли не чувствовал. Это даже смешно, подумал Леня Песцов. Он увидел, как из "волги" выбрались еще двое бойцов, и втроем они неспешно, пропустив грузовик с прицепом, пересекли шоссе и направились к нему.

Один с базуккой и двое с обыкновенными пистолетами в руках, они приближались к нему с той неумолимостью, какая бывает лишь в кошмарном сне. Но день был ясный, холодное солнце катилось по белесому небу, и сна у Лени Песцова не было ни в одном глазу.

Три кирпичные рожи нависли над ним, разглядывая его с любопытством. Между ними пошел такой разговор.

— Надо бы его кончить, — сказал один в раздумье.

— И куда потом? — спросил второй.

— Дак закидаем снегом — и хорошо будет. Весной подберут.

— Не тащить же в машину, — поддержал третий.

— Степаныч не одобрит, — возразил первый.

— Близко очень. Неопрятно.

— Степанычу только придраться. Пусть сам дохлятину ворочает.

Они разговаривали так безмятежно, будто не проносились за их спинами машины, не сиял зимний день с ледяными брызгами. Леня Песцов поторкался в снегу, и ему показалось, что пальцы на правой руке шевельнулись. Ладонью ощутил теплое цевье автомата.

— Эй, сурок, — обратился к нему тот, у кого базука. — Встать сможешь?

— Вряд ли, — ответил Песцов. — Вроде спина перебита. Подсобили бы, ребятаки.

— Счас подсобим, — улыбнулся бандит и выстрелил ему в грудь три раза подряд. Пули, вонзившиеся в телесную мякоть, вернули Лене Песцову способность к движению. Валясь, зарываясь в снеговую перину, он поднял автомат и открыл ответный огонь. Кирпичные рожи разлетелись вдребезги, как стеклянные, но успокаиваться было рано, враг мог затаиться в машине, и на всякий случай Леня Песцов послал через дорогу несколько очередей. Но когда он всех убил и надумал подремать, над ним опять склонились бандиты, хотя непонятно, откуда они взялись после такой бойни.

— Вроде загнулся, — определил голос. — Дергунчик-то наш. Понесли, что ли?

— Сделай контрольную, — отозвался второй голос. — Эти падлы живучие.

Леня Песцов размахнулся, чтобы влечь обидчику оплеуху, но железный винт в затылке оборвал его последнее усилие. Он смирился со своей участью и уже равнодушно наблюдал откуда-то со стороны, как его волокли за ноги через шоссе, оставляя на белом асфальте кровавые зазубрины.

* * *

— Получи свою курочку, — Агата неожиданно подтолкнула подругу в спину, и Кларисса чуть не повалилась на колени старику, расположившемуся в кресле возле камина. Старик был в яркой пижамной куртке, в женских (?) шерстяных рейтузах и с черными кудельками на загорелом черепе. На подлокотнике кресла растянулась белая персидская кошка. В камине хмельно потрескивали поленья. Просторный холл с высоким потолком, в духе гостиной в английском замке.

— Ты чего?! — в изумлении Кларисса обернулась. — Ты чего толкаешься, с ума сошла?!

Агата обогнула ее, как неживую, и опустилась на ковер у ног старика.

— Доволен, Сидор? Или опять будешь ворчать?

Старик погладил ее по голове, как только что гладил кошку, и гордая Агата — о ужас! — чуть ли не замурлыкала. От этой сцены повеяло на

бедную Клариссу чем-то потусторонним.

— Что это значит, Агата? — она постаралась придать голосу твердость, которой вовсе не ощущала. Агата вторично ей не ответила, даже не взглянула, млея под стариковской лаской, тянясь к нему улыбающейся мордахой, — это все было уже за пределами реальности.

— Может, вы мне скажете, что происходит? — обратилась Кларисса к старику.

— Не волнуйся, девочка, — сонное лицо, голос ржавый, как у напильника. — Ничего с тобой не случится. Мне муженька твоего Бориску надобно повидать.

Мы ему позвоним, он и приедет за тобой, верно? Не оставит грешную душу на поругание? Пожалееет, верно?

Ты вон какая пухленькая да сдобная.

От его тусклой улыбки Клариссу натурально перекосило.

— Кто вы?

— Божий человек, как все мы... Хочешь, зови дяденькой Сидором, как эта стрекоза.

— Агата, ты меня обманула? Никакой Ванды не существует?

Агата окинула ее презрительным взглядом.

— Прикуси язык, дурочка. Слушайся папочку, может, он тебя помилует.

— Ничего не понимаю, — пробормотала Кларисса.

Исидор Гурович быстро ее вразумил. В руках у него невесть откуда появился телефон, Агата услужливо набрала номер, — и вот он уже заговорил с ее мужем, причем какое-то устройство транслировало разговор по всему холлу.

— Борис Исаакович?

— Слушаю вас. Кто говорит?

Кларисса потянулась к родному голосу, как к спасению, но дяденька Сидор небрежно махнул рукой, и она послушно опустилась на стул.

— Тут к нам, Борис Исаакович, ваша дражайшая супруга заглянула на огонек. Прямо не знаю, что делать.

Хорошая она у вас, красивая, но какая-то робкая.

— Что вы хотите от меня?

— Боренька, давно нам пора повидаться, да все было недосуг. А теперь такой случай. Приезжайте-ка вы, голубчик. Супругу заберете, заодно обсудим наши маленькие проблемы.

Сумской молчал. Агата спихнула с кресла кошку и положила голову старику на колени. Кларисса почувствовала, если муж заартачится, ей

конец. В этом она была твердо уверена.

— Борис Исаакович, — усмешливо окликнул старик. — Не напрягайтесь, я ведь вас не неволю. Не хотите ехать, не надо. Но что это изменит, подумайте?..

— Какие гарантии моей безопасности? — отозвался Сумской, и Кларисса живо представила, как он шарит рукой по столу в поисках несуществующего предмета. Он всегда так делал, когда заставляли врасплох. Дяденька Сидор захихикал, как заблеял.

— Какие гарантии, голубчик, о чем вы? Если бы я хотел вас убить, зачем такие сложности. Это же простейшая вещь. Шевельнешь пальчиком, и человечка уже нет. В непростое время живем, сударь, ох, в непростое.

— Тогда зачем моя жена?

— Вот это лучше обсудить при встрече. Надолго не задержу. Будьте уверены, мое время дороже вашего. Ну так как?

— Я согласен, — буркнул Сумской, и Кларисса впервые оценила его мужество. — Говорите адрес.

— Никаких адресов. Зачем утруждать. Выйдете из офиса, вас встретит мой человек и отвезет, куда надо.

— Даже так?

— Это вы, молодые, из всего делаете проблемы, а у нас все домашнему.

— Согласен, — повторил Сумской деревянным голосом.

— Вот и славненько, — Исидор Гурович повесил трубку. Оборотил довольное лицо к Клариссе.

— Видишь, какой у тебя заботливый, покладистый муж... Сейчас тебя проводят в комнату, там подождешь.

Позову, когда понадобится.

Нажал какую-то кнопку справа от себя, и тут же в комнате возник изящный молодой человек смуглого кавказского обличия. Ни о чем не спрашивая, приблизился к Клариссе, протянул к ней хищную руку.

— Пойдем, красавица, пойдем скорее.

— Эй, Ахмет, помягче, дорогой. Успеете подурочиться, — предупредил хозяин...

На передней панели тоненько пискнул зуммер. Буга вышел на прием.

— Слушаю, Борис Исаакович.

Сумской в двух словах пересказал разговор с Самариним, не называя фамилии. Буга сказал:

— Не нужно ехать. Я там раньше буду, через.., пятнадцать минут.

— Ты не понял, — голос у банкира безразличный, как у небожителя.

— Он хочет поговорить со мной, а не с тобой.

— Это силки.

— Понимаю. Ничего не поделаешь. Оттягивать нет смысла.

— Туда уже добрался один из моих людей. Кроме того, я вызвал подкрепление. Постараюсь организовать прикрытие.

— Постарайся, постарайся. Только все это бесполезно.

— Он сказал, чего от вас хочет?

Ничего не ответив, Сумской отключился. Буга подумал: конечно, банкир прав. Никакое прикрытие не поможет. Противник слишком силен. Насколько Буга успел выяснить, а узнал он достаточно, тот, кто за них взялся, планировал свои операции с таким размахом и тщательностью, что впору вносить в военные учебники.

Буга со своими людьми, сколько бы ни пыжился, против него, что моська против слона. На Самаринском компьютере они вроде легкой ряби помех, не более того. Буга потянулся было позвонить Гурко, но что-то его остановило. Не самолюбие, нет. Что может сделать Гурко такого, чего бы он сам не мог? Просто на сегодняшний день карты легли так, что все козыри на руках у преступников. Буга не паниковал. В сущности, он давно играл в чужую игру при абсолютно проигрышном раскладе, но, слава Богу, голова пока цела. Есть что-то такое на свете, что выше козырей.

Ребята притихли на заднем сиденье, не мешая командиру. Понимали, он в затруднении, хотя подробностей не знали, да и зачем им? Их дело маленькое, сопи в две дырки, а денежки капаят. Буга бросил через плечо:

— Похоже, придется пострелять, соколики.

— Ничего не поделаешь, — со вздохом отозвался Коля Панкратов.

— Стрельнем, если надо, — подтвердил сержант.

Оба слепо доверяли командиру и поэтому чувствовали себя спокойно. Под дурную пулю не пошлет.

Искореженную, еще дымившуюся "девятку" заметили издали: приплюснуло ее к асфальту, как коровью лепешку. Буга проскочил вперед метров двадцать, скользнул на обочину. В шесть глаз напряженно озирали подступающий к шоссе лес, искали, откуда грозит опасность.

— Давай ты, — приказал Буга Панкратову. Тот кивнул, выбрался из машины, не спеша зашагал к останкам "жигулей". Мимо пробежали легковухи, важно прогрохотали два дальнобойщика. Никто не останавливался, не сбрасывал скорость. Вот тоже удивительная примета времени, подумал Буга. В былые годы тут бы куча народу топталась, интересно же, что за авария, а сейчас никому вроде нет дела. Хоть бы какой занюханый гаишник подскочил — куда там. От чужой беды держись

подальше, целее будешь — одно из заповедных правил нового устройства жизни.

Панкратов, не вынимая руки из карманов, обошел "девятку", сунулся внутрь, но не пролез. Чего-то там понюхал — и прибежал обратно. Лицо бледное, будто подсиненное морозцем.

— Ну? — спросил Буга.

— Пусто. Надо понимать, Леня спекся.

— Почему так думаешь?

— Кровяка на асфальте. На той стороне кусты примяты, след в снегу. Возня была, но я толком не разглядел.

— С машиной что?

— Вроде из пушки долбанули, не иначе.

— Ага, — кивнул Буга, словно услышал то, что хотел услышать. Он сделал два звонка. Сообщил в милицию, что на тридцать седьмом километре авария, и связался со своими хлопцами. Две машины, восемь бойцов подтягивались по Ленинградке. Буга дал кое-какие указания. Потом закурил, произнес задумчиво:

— Леню Песцова не так просто завалить.

— И все-таки они это сделали, — ответил Панкратов.

* * *

Двое нукеров провели Сумского в биллиардную, велели ждать. Не успел он соскучиться, как появился стройный старик, облаченный в теплые шерстяные штаны и пижамную куртку. Под курткой — толстый, вязаный свитер. За стариком следовал клерк в коричневом костюме, неопределенного возраста и неопределенной внешности, с большим кожаным кейсом. Старик не поздоровался, не протянул руки, молча опустился за инкрустированный столик под голубым абажуром. Банкиру указал перстом, чтобы тоже сел. Клерк держался на почтительном расстоянии, кейс положил на биллиард — и отщелкнул замки.

Сумской спокойно наблюдал за их кривляниями, ничего другого ему не оставалось. Он не испытывал ни страха, ни тоски, только сожаление о том, что по-глупому прокололся. Не оценил щучьей хватки ублюдка, сидящего перед ним. Полагал, что усыпил его бдительность, легко, по завету министра Лифшица поделившись пятью миллионами, а не тут-то было: щучара собиралась высосать его до дна.

Старик разглядывал его с тусклой ухмылкой.

— Надо думать, знакомиться нам ни к чему, не так ли, сынок?

— Как вам угодно, Исидор Гурович.

— Ты, Бориска, человек разумный, сметливый, поэтому, надеюсь,

наше недоразумение мы разрешим полюбовно.

— Не знаю, в чем оно заключается, — поморщился банкир, — но слушаю внимательно.

Старик подозвал коричневого клерка, и тот начал деловито раскладывать перед Сумским различные бумаги. Господи, чего тут только не было. На стол, бумажка за бумажкой, легла вся жизнь молодого, преуспевающего финансиста, заключенная в копии банковских счетов, доверенности, дарственные, купчие и даже копии личных писем, о которых Борис Исаакович давно забыл. Кто-то выполнил трудоемкую работу, которая вызывала восхищение. Самым любопытным в бумажной гряде был документ, по которому Сумской отказывался от всех своих имущественных и прочих прав в пользу австрийского банка "Сионика" и некоей турецкой фирмы "Калаш-югер". В этом документе, безусловно, крылась разгадка сегодняшней встречи. Клерк-производитель положил его отдельно и бережно разгладил узорчатые, с фиолетовыми выпуклостями печати.

Чтобы просмотреть всю кучу, Сумскому понадобилось двадцать минут. Его не отвлекали. Старик подошел к биллиарду и гонял "американку", восторженно вскрикивая при каждом удачно забитом шаре. Клерк помогал Сумскому: по мере прочтения складывал документы в аккуратную стопку. Наконец Сумской откинулся на спинку стула и закурил. Самарин, улыбаясь, помахал ему кием.

— Не желаете партийку?

— Извините, не имею привычки, не обучен.

— Напрасно, сынок, игра полезная. Укрепляет глаз и лечит нервы, — он вернулся к столу. — А вот этого не одобряю, — указал на сигарету, — хотя сам, грешный, балуюсь иногда. Куда денешься. Вредные привычки, как родимые пятна — попробуй выведи... Ну-с, Боря, какие сомнения?

Сумской загасил сигарету в угодливо подставленную клерком пепельницу, постарался выдержать тусклый издевательский взгляд старика. Взял документ с отказом от прав, повертел перед глазами.

— Иссидор Гурович, но ведь это же филькина грамота. Никакой суд не признает.

Старик удивленно сощурился.

— Зачем нам какие-то суды, это наши семейные, внутренние заботы. Пусть тебя это не волнует. У нас хорошие, опытные юристы... Главное, Бориска, подмахни-ка все чохом и закроем вопрос, так сказать, в принципе. Детали — это ерунда.

— Что будет со мной, когда подпишу?

— Ничего не будет. Начнешь новое дело. Ты молодой, здоровый. Еще

себе наворуешь. Когда-нибудь поблагодаришь старика за урок.

Сумской задал вопрос, который, скорее всего, не стоило задавать:

— Одного не пойму, почему вы именно в меня вцепились? Где я вам дорогу перебежал?

Развеселил старика, потешил.

— Бориска, милый, да кто же спрашивает волка, почему он ту овцу задрал, а не эту? Чья очередь подошла, того и дерут. Ты разве, когда капиталец сколачивал, объяснял людям, почему их грабишь? Кстати, хоть догадываешься, кто тебя сдал?

Разумеется, Сумской догадался. К некоторым счетам, а также к переписке доступ был только у одного человека, которому он доверял почти как самому себе.

Если уж на то пошло, Сумского удивило другое: зачем Кривошееву понадобилось его валить? Что он с этого мог иметь?

— Неужели? — он изобразил растерянность. — Неужели Кривошеев? На чем же вы его взяли?

— Ты еще сосунок, Бориска, — назидательно заметил Самарин. — Как тебя не поучить, слепеньша, для твоей же пользы? Мы с Семеном корешились, когда ты у мамки в пузе сидел... Ох, все вы, нынешние скороспелки, на одну колодку сбиты. Вроде азарт есть, и устремление, и порыв, а ума кот наплакал. Разве можно вам доверить державу? Пожалуй, рановато... Впрочем, это все лирика. Подписывай бумажки, Боря, выпьем и разойдемся добром. Дальше судьба укажет, как с тобой быть. Может, возьму под свое крылышко, если не заартачишься. Подписывай, сынок, не тяни!

— Где Кларисса?

— В целости и сохранности, ждет тебя с нетерпением. Как же, спаситель! Кстати, дам совет: избавься от бесплодной бабы, гирю носишь на ногах. Пустая, никчемная, с норовом. Хочешь, отдай мне, найду применение.

Клерк положил перед ним золотой "Паркер". Борис Исаакович тяжело вздохнул, отодвинул ручку.

— Нет, Исидор Гурович, не подпишу. Не обижайтесь, не могу.

— Почему так?

— Не могу — и все. Это выше моих сил.

Самарин почесал неряшливо выбритый подбородок, пожевал губами.

— Надеюсь, ты все предусмотрел?

— Ничего я не предусмотрел. Но не могу. Столько сил потрачено, пять лет жизни — и вдруг все отдать за здорово живешь. Абсурд.

— Дорогой Борис, — сказал старик задушевно, — ты же не думаешь, что я позвал тебя, чтобы слушать этот лепет?

— Нет, не думаю. Но и вы меня должны понять. Есть же, наверное, какая-то альтернатива. Давайте обсудим по-деловому.

— Да, Бориска, — с сожалением протянул Самарин. — Ты, оказывается, глупее, чем я думал. Что ж, придется малость надавить. Раз не хочешь по-хорошему.

Взглянул на клерка, и тот мгновенно испарился со всеми документами. Зато через минуту в биллиардную набилось сразу несколько человек, и это было странно, потому что Исидор Гурович вроде бы не отдавал никакой команды. Похоже, сценарий был расписан еще до появления Сумского. И похоже, он играл свою роль в полном соответствии с этим неизвестным ему сценарием, что свидетельствовало о добротности режиссерского замысла.

Двое бородатых мужиков в брезентовых робах привели Клариссу, поникшую и грустную. Увидя мужа, она рванулась к нему с истошным криком:

— Боря, Боря, спаси меня от этих мерзавцев! Они же меня изнасиловали!

Но один из мужиков, выматерясь, грубо дернул ее за руку, и Кларисса повалилась на колени с птичьим клекотом.

Следом в комнату вошли еще двое мужчин, один, ни на кого не глядя, обосновался на высоком табурете у бара и начал смешивать себе коктейль; второй, черный и сумрачный, как ночь, приблизился к Самарину и пожал протянутую руку.

— Бориска, знакомься, — пригласил Исидор Гурович, — это Никита. В твоих интересах лучше бы вообще с ним не встречаться, но что теперь поделаешь. Никита у нас мастер уговаривать строптивых, вроде тебя. С его аргументами все соглашаются. Никитушка, это банкир Бориска. Погляди какой гордый. Награбил, понимаешь, денежек, а делиться не хочет.

— Жадность — это грех, — сказал Никита глухо, будто из колодца. Едва взглянув на него, Сумской просветлел разумом и понял, что пора давать отмашку. На полу тоненько подвывала Кларисса.

— Я согласен, — повернулся он к старику. — Несите бумаги, подпишу.

— Конечно, согласен, — обрадовался Самарин. — Конечно, подпишешь. Как же иначе... Увы, Боренька, урок нельзя прерывать на середине. Никитушка этого не любит, правда, Никитушка?

— Не во мне дело, — буркнул страшный человек, будто явившийся из преисподней. — Порядок для всех единый. Не нами заведено.

— Умница, Никитушка, какой же ты умница! — всплеснул ладошками Самарин. В ту же секунду декорация переменялась. Вбежал еще мужчина в такой же, как у всех остальных, брезентовой робе и притащил огромный деревянный чурбак, на каких в магазинной подсобке рубят мясо.

— Куда девать, ребята? — К нему на помощь подоспел тщедушный господин, успевший допить коктейль, они установили чурбак на расстеленную клеенку поодаль от бильярдного стола. Невесть откуда в руках любителя коктейлей сверкнул топор с длинной рукоятью и просторным лезвием, и рядом с чурбаком, будто с неба, плюхнулся медный эмалированный тазик.

— Не надо, — прошептал Сумской, чувствуя, как погружается в какой-то черный провал. Кларисса ответила с пола жалобным воем, но верещала недолго.

Казнь так же быстро закончилась, как и началась. Двое работников сноровисто, за руки подтянули ее к чурбаку, а там человек с топором перехватил добычу. Зацепил Клариссу за волосы, придавил коленом и с молодецкой удалью хряснул топором. Отделенная голова взвилась в его торжествующей руке, заполошно моргая глазами на мужа. Под хлынувшую из укороченного туловища струю подмастерья подставили тазик.

— Все же она тебя любила, Бориска, — посетовал Иссидор Гурович. — Тоже не хотела ничего подписывать. Сказала: пока муж не разрешит, не имею права. И вот печальный результат. Что ж, попрощайся со своей кралей.

— Как это? — не понял Сумской. Старик в досаде скривился, поманил пальчиком палача. Тот принес Кларину голову, держа ее за волосы, стараясь не испачкаться.

— Целуй, — велел Иссидор Гурович. — Последний разок имеешь такую возможность.

Сумской хотел увернуться, но не сумел. Палач раскачал мертвую голову, как маятник, и вlepил ему в лицо. От удара Сумской перевернулся вместе со стулом.

Его замутило. Он стоял на четвереньках, тряс башкой и боролся с рвотным спазмом. Никита, не поднимаясь с места, дал ему пинка под зад, присовокупив грозно:

— Замараешь ковер, яйца оторву, паскуда! Тут тебе не кремлевские палаты.

Иссидор Гурович досмеялся до колик:

— Ой, ребята, хватит, хватит! Уморили, ей-Богу...

Никакого цирка с вами не надо. Никитушка, голуба, подыми эту

падаль, усади за стол.

Хлопнул в ладоши — и в комнату вернулся коричневый клерк, на ходу раскрывая кейс. Кое-как Сумскому приладили авторучку в пальцы, которые закаменели и одновременно дрожали. Он больше всего боялся, что не сумеет расписаться, и этим навлечет на себя монарший гнев.

— Вы много сделали хорошего для страны, — спокойно растолковал Самарин. — Реформа и прочее. Свободой в уши нассали. Герои, одним словом. Но некоторые правила приходится вам напоминать. Никогда не залупайся на старших, ты, говнюк!..

Буга с бойцами угодил в засаду, это была его вина.

Машины откатали метров на сто и укрыли в лесочке, по лесной целине и поехали к дачному поселку. С собой прихватили автоматы, ножи, пистолы и рюкзак с круглыми, удобными для броска, как пасхальные яйца, гранатами югославского производства. Ничего лучшего Буга не придумал. Можно было, конечно, подождать, пока подоспеет Ким с парнями, но Буга решил не теряя времени сделать разведку. Хотя бы издали взглянуть, что это за поселок и как он охраняется. На месте вычислить, куда заманили хозяина. План был простой: добраться лесом до ближних домов и проникнуть в поселок под видом заплутавшего путника.

Но как только ступили в лес, сразу в нем увязли.

Снегу набросало столько, что проваливались по пояс, а сержант Малофеев, как тяжеловес, — не прошли и десяти шагов — ухнул в ямину с головой. Хорошо хоть ничего себе не повредил, но еле достали его из-под снега.

Шуму наделали много. Коля Панкратов укорил сослуживца:

— Тебе, Малофеич, бульдозером работать, а не по зимнему лесу гулять.

— Я что, нарочно, что ли? — обиделся сержант. — Если тут накопили ловушек?

— Почему-то никто, кроме тебя, в них не попадает.

Накликал на себя Панкратов, оступился и юзом, вздымая снеговой шлейф, пропахал склон, пока не врезался в молодую осинку. Вскочил бодрый, просветленный, деловито заметил:

— Надо было лыжи одеть, а, Буга?!

От смеха Малофеева чуть не раскорячило, и он сронил в сугроб рюкзак с гранатами. Но Буге было не смешно. У него перед глазами стоял Леня Песцов, дорогой товарищ — веселый, умный, изворотливый, сильный. Был — и нет его. А ведь вместе усадили не одну канистру, и, бывало, спорили до хрипоты о правде и кривде, которые морочат добрых

людей, потому что похожи друг на дружку, как две сестры. За последние годы, в смуте и шабаше Буга многих друзей потерял, и с каждой утратой, шажок за шажком, уверенно приближался к собственной могиле. Он знал, с каким вопросом предстанет перед очами Господа нашего, с тем же самым, что вертелся на языке у миллионов: "Скажи, Всемогущий, за что навалил на нас такую беду?"

— Надо выходить на дорогу, — сказал Буга. — Так до ночи проползаем.

Панкратов и Малофеев деликатно промолчали: командиру виднее, на дорогу так на дорогу. Но по тому, как переглянулись, было понятно, уж они бы такой промашки не допустили. Кто же лезет в воду, не зная броду, — известно кто.

Буга связался по рации с Кимом, здесь его ждала новая неприятность. Обе машины задержали на посту ГАИ и не отпускают. Придрались к какой-то ерунде: просрочка с техосмотром, разбита фара, не в порядке "ручник" — и все такое.

— Что-то не так, босс, — доложил Ким. — Забрали документы, пошли куда-то звонить. Деньги не берут.

— Сколько давали?

— Обижаешь, Акимыч... Может, рвануть? Ребята настроены рвануть. Но ведь увяжутся.

— Нет, Ким, миром уходите.

— А если не получится? Менты внаглую канителият.

— Я понял. Будь на связи.

— У тебя как? Продержишься?

— Черт его знает. Сумского не провозили?

— Точно не скажу. Пробегали тачки с теньвыми стеклами. Не разглядишь ни...

— Значит так. С ментами не связывайся, пусть резвятся, но будь наготове.

— Хорошо, Акимыч. Нам до тебя не больше десяти минут хода. Пулей прилетим.

Именно что пулей, подумал Буга. Это не могло быть случайностью. Случайно нынешние гаишники не отказываются от навару. Но какие же тогда возможности у противника?

Взяв резко направо, вскоре очутились на уезженном проселке. Тишина стояла такая, что больно ушам. И воздух — точно сладкое вино. Высокие ели покачивали белыми лапами, заманивая на вечный покой. Очарование хвойного зимнего леса было столь велико, что Панкратов не выдержал,

хлопнул в ладоши.

— А, мужики?! Чувствуете?! Дышать — и больше ничего. Никаких миллионов, а, Малофеич?

— Тронулись полегоньку, — сказал Буга, — только гуськом. Не кучей.

Одолели еще с полкилометра по заколдованному царству, держа дистанцию, удивляясь опасной тишине. Первым чапал сержант Малофеев, загребая под себя дорогу, как лось на прогулке — большой и важный.

Он первым и получил взрывной удар в грудь, который его развернул, приподнял в воздух и шмякнул оземь, словно тряпичную матрешку. Так не сбивают пулей, а валят увесистой, точной битой. Сержант поскреб пальцами снег и вдруг превратился в сияющий, ослепительный, с землей и дымом сноп огня, взвившегося до небес — сработал припас югославских гранат. Панкратов упал на обочину, подхлестнутый взрывом, и перекатился в кусты, проклиная незавидную долю наемного бойца; туда же переместился Буга, ослепленный яростью и глубочайшим изумлением. Подобное нападение, как и недавняя непонятная гибель Песцова, противоречило здравому смыслу. У любого боя есть своя логика, свое предупреждение, кульминация и развязка, но в этой зимней глухомани на них напали люди, которые не признавали никаких правил.

Для них несущественно, кого убить, главное, поскорее очистить дорогу от человеческого мусора. С этими существами Буга сталкивался не впервые, их главарей по вечерам разглядывал по телевизору, тщетно пытаясь простым мужицким умом постичь тайну их происхождения.

На сей раз они устроили ловкую засаду и, убрав сержанта, всерьез занялись Бугой и Панкратовым. Выкатили поперек дороги железный щит и лупили из укрытия, изо всех видов стрелкового оружия, не жалея огня. Прочесали местность густым железным гребнем, но Буге с Панкратовым повезло, они свалились на дно глубокой канавы и лежали целехонькие, подрагивая шерсткой, как два кролика. Когда пальба стихла, Панкратов предложил:

— Командир, может, поговорить с ними?

— Нет, — ответил Буга. — Они на переговоры не пойдут.

— Ты уверен?

— У нас против них силы нету. Какие переговоры.

— Все-таки попробую, — не согласился Панкратов. — На кой хрен им нас убивать, вот чего не пойму.

Он поднялся в рост и замахал шапкой, но тут же словил пулю в левое плечо, причем гостинец прилетел не с дороги, а откуда-то сверху.

— Не послушался, Коля, — укорил Буга. — Какой ты беспокойный,

ей-Богу!

Морщась, Панкратов просунул руку под кожан, показал другу ладонь в крови. Повернулся спиной.

— Погляди, насквозь или нет?

— Насквозь, ничего, терпи.

— Завтра аванс, — пробурчал Панкратов, — неохота помирать.

— Никто и не собирается, — Буга нашарил около себя толстую ветку, насадил на нее шапку и высунул из канавы. Покрутил, словно зырил по сторонам. Вторая пуля с нежным шорохом прошла аккуратно лобовину.

Буга засек снайпера: тот устроился в ветвях могучей сосны, метрах в тридцати от них.

— Видел? — спросил у Коли.

— Угу.

— Сможешь?

— Попробую.

У Буги обыкновенный Калашников, к которому он привык, как к родному, а у Коли Панкрата — с оптикой, новехонький СКА-117-БК, только год как сошедший с экспериментальных стендов. Он его приладил к здоровому плечу — и затих. Буга, наблюдая за дорогой, вызвал на связь Кима. Тот, как выяснилось, все еще проходил проверку на вшивость на посту ГАИ.

— К чему привязались?

— Ни к чему. Темнят. Какие-то справки наводят. Ты чего смурной, командир?

Буга сказал:

— Малофеева кокнули. А нас с Колей загнали в канаву, как котят. Сейчас пойдут брать.

— Вот как? — голос у Кима заледенел. — Дай точно координаты.

Буга объяснил, как мог. И про снайпера упомянул.

— Держитесь, вытащим вас оттуда, — пообещал Ким и отключился.

Тем временем началась атака. Группа боевиков, человек десять, высыпала из-за щита и врассыпную устремилась к канаве. Одновременно снайпер, меняя позу, стряхнул с веток снеговое облачко. Коля Панкратов громко объявил: "Попал!" — и после этого выстрелил тремя одиночными. По целкости ему было далеко до покойного Лени Песцова, но он действительно свалил снайпера с веток, как стопудового глухаря. Буга на секунду поднялся над бруствером и послал по подкрадывающейся цепочке несколько коротких очередей — и опять повалился на дно. Важно показать, что они живы и готовы к сопротивлению.

Новый огненный смерч обрушился на них, но увидел его Буга в одиночку, потому что Коля Панкратов загодя вырубился, задрав бороду к небу и глупо ухмыляясь. Буга потер ему снегом щеки, и напарник очнулся.

— Ты чего, Коля? Куда зацепило?

— А, это ты?.. Чего-то башка закружилась. Кровь-то текет. Жжет, Буга, мочи нет!

Аптечки у них не было — еще один промах. Земля стояла вверх тормашками, сверху сыпалась всякая дрянь. Не обращая на это внимания, Буга помог другу стянуть с плеч кожан, разодрал на нем рубаху и рукавами, как бинтами, спеленал рану. Крови было немного, ручеек да капелька, — это Коле помнилось, что много. Так бывает при сквозных ранениях; кажется, пять литров в песок ушли, а на деле — полстакана.

Пока Буга возился с раненым, по затылку шарахнуло какой-то чушкой: он подумал — каюк, а всего-навсего прилетел булыжник с дороги, но так ловко припаял, что минуты две Буга промаргивался от разноцветных искристых кругов. Когда оклемался, канонада прекратилась и цепочка боевиков заново поднялась на приступ. До них теперь было рукой подать.

— Чего там? — спросил Панкратов. У него губы покрылись подозрительной розовой пеной. Если задето легкое, подумал Буга, долго не протянет. Надо бы поскорее в больницу.

— Лежи не шебуршись... Опять поперли. Сейчас я их маленько шугану.

— Сзади следи, — подсказал Панкратов. — Сзади должны нагрянуть.

— Не учи ученого, — буркнул Буга. — Там хорек не пролезет.

Он прополз по канаве, чтобы не выскакивать там же, где в первый раз, и повторил маневр: подъем, несколько очередей, носом в снег. Цепь залегла, но ему успели ответить сразу из многих стволов, две пули его достали: одна окорябала щеку, другая впиалась в правый бок пониже печени. Ощущение такое, будто в бок всадили раскаленный штырь. Буга удержал стон и переборол первую слабость. Запикала рация под мышкой. Он ответил на вызов. Ким сообщил неприятную новость: их перехватили на проселке, но сейчас они прорвутся. Ким не врал, у него обе тачки бронированные. Именно на эти машины Сумской полгода назад после мучительных колебаний отстегнул по сто тысяч зеленых.

— Держись, Буга, — попросил Ким. — Мы слышим, как тебя лупят.

— Ребята не шутят, — согласился Буга. Он вернулся к Панкратову и увидел, что тот задыхается. Черная лужица изо рта натекла на шею.

— Гляди, какой денек разыгрался, Акимыч, — улыбнулся тот другу. — Клев нынче отменный.

Безмятежное солнце стояло высоко и пометило снег розоватым сиянием. Каждый звук в притихшем воздухе обрывался хрупкой саднящей нотой.

— Ты же знаешь, — пробурчал Буга, — я зимой не рыбачу.

— Ну и дурак. По такой погоде у луночки, да с чекушкой в кармане — самый смак. Другого рая нет... Помираю, Акимыч, не обессудь.

— Не думай об этом. Все когда-нибудь померем.

— Все когда-нибудь, а я сейчас. Малофеича догоню.

— Ким на подходе, — сказал Буга. — Через час будешь на больничной койке.

— Ты будешь, но не я, — он захлюпал носом, закатил глаза под лоб. Дыхание вырывалось со свистом. Буга не сомневался — агония.

Выглянул поверх бруствера: а цепь — вот она, почти впритык, у передних бойцов зубы сверкают. Буга приладил Колин автомат с оптикой, посшибал резцов, как в тире. Но и сам не уберегся: полоснуло по черепу. Потрогал, правое ухо болтается на полоске кожи — дернул и оторвал. Почудилось: пополам рассекли башку, и та часть, которая без уха, обвалилась в снег.

Изо всех сил сожмурил глаза: некстати крутит, ох, некстати.

Пора было подниматься в атаку.

— Полежи пока, — обратился к Панкратову, который уже витал в немислимых высотах. — Я отлучусь на минутку.

С двумя автоматами выкарабкался на твердое и пошел навстречу бесенятам, изрыгая огонь, как верблюду слюну — точными прицельными сгустками.

По всей дороге, вплоть до железного щита открыл смертельный покос, но победа ему не светила. Отчаянная вылазка дала короткий перевес, но после малой заминки со всех сторон устремились ответные раскаленные стрелы, разрывая, кромсая на куски могучее тело. Еще руки подчинялись ему, но сердце сбилось с ритма.

Буга прижался жаркой щекой к ледяному насту и с облегчением понял, что может наконец отдохнуть.

Больше никуда не надо спешить. Кто-то бережно поднял его на руки и покачал над землей, как в раннем детстве баюкала матушка. Он попытался вырваться, чтобы продолжить бой; тихий размеренный голос его успокоил: "Хватит! Сколько можно драться... Остынь!" — "Не я начал, — оправдался Буга. — Я всегда только защищался". "Чего уж теперь, — ровно продолжал голос. — Лучше загадай желание. Какое у тебя желание?" — "Полететь, — обрадовался Буга. — Я давно не летал!" — "Нет ничего проще", —

обнадежил голос, и Буга с удивлением обнаружил, что впрямь сидит за штурвалом турбоносца, забирающего под острые крылья облака, планету и звезды. Никогда у него не было машины, которая так безупречно слушалась малейшего прикосновения. Буга звонко рассмеялся, утирая ладонью слезы счастья. Вот и пришло к нему постижение сути вещей. Человек рожден реактивным штопором, а не сопливой козявкой. Чтобы это понять, надо всего лишь умереть.

Через целые столетия пробился к нему озабоченный голос Кима.

— Аккуратнее, хлопцы, аккуратнее... Клади на сидение — и по газам! Уходим, хлопцы, уходим...

"Неужели опять?" — с отвращением подумал Буга.

Часть третья

Глава 1

ОДНИМ МАНЬЯКОМ МЕНЬШЕ

В рыночную эпоху Поюровский пришел не с голыми руками. Еще по прежним, по советским временам наладил частную практику, которой позавидовал бы любой американец. Он успешно пользовал ото всех настоек: резал рак, изгонял порчу, дробил камни в почках и оживлял осоловелых импотентов до жеребьячьего состояния, но попасть к нему на лечение было трудно, в отборе пациентов он был чрезвычайно осмотрителен, что только придавало ему известности. Редкий больной, кому мощна или положение позволяли, не стремился к нему на прием, поэтому спектр, разброс клиентуры получился широкий: от нахрапистых теневиков до сублильных, застенчивых в быту членов ЦК КПСС. К девяностым годам, к началу свободы, у него уже составилась некий капитал, а связи наладились такие, с которыми не пропадешь и в тюрьме. Тем более, что по необъяснимому социальному феномену почти все его бывшие пациенты, уголовные авторитеты и партийные боссы, совокупясь в светлом порыве к капитализму, за короткий промежуток времени (два-три года) заняли главенствующие позиции в обновленном государстве.

При новом режиме Поюровский мог получить все, чего душа пожелает, хоть пост министра здравоохранения, хоть луну с неба, но тут он сплеховал. То ли возраст тому виной (зашкалило за пятьдесят), то ли чересчур радужные открылись взору перспективы, но в нем словно произошло раздвоение личности: талант вступил в противоречие с натурой и разум устремился в двух противоположных направлениях: в сторону Нобелевской премии, которую он безусловно мог отхватить за сенсационные разработки в области эндокринологии, и туда, где в забронированных сейфах, укрытые от света, хранились магические груды зеленоглазых банкнот. Разумеется, оба направления где-то неизбежно пересекались, но одной жизни могло не хватить, чтобы добраться до пункта пересечения.

Свой оригинальный бизнес он начинал исподволь, преодолевая некое внутреннее моральное сопротивление, но постепенно увлекся и открыл в торговле человеческим сырцом много привлекательных сторон. Главное, в этом деле удачно совмещались три очень важных константы: солидная, не зависящая от случая прибыль (рынок неограниченный, конкуренция нулевая), прекрасные возможности для сугубо научных исследований и

третье, основное, — полный простор для глубоких метафизических изысканий в области духа. Трудно было только поначалу, много сил отнимали организационные хлопоты — сбыт, поставщики, крыша, отлаживание цепочек товар-деньги, но тут выручил Денис Крайнюк — угрюмый затрапезный малообразованный человечешко, но хваткий, деловой, целеустремленный, неутомимый и цепкий, как целая волчья стая.

Этот живоглот знал лишь одну страсть — деньги, но его куцее воображение не поднималось выше четырехзначных цифр. Поюровский платил ему чистоганом, и благодарный соратник с необыкновенным рвением перенял на себя тяжкое, унижительное бремя мелких повседневных забот. Интеллигентный Поюровский царствовал, черная косточка Крайнюк — пахал, это вполне устраивало обоих.

* * *

...В среду Поюровскому сообщили, что банкир Сумской сошел с ума. Позвонила одна из старых пациенток, вращающаяся в банковских кругах, но уже в дневных программах новостей передали некоторые подробности. Довольно пикантные. У Сумского, которого средства массовой информации уверенно прочили чуть ли не в преемники Жоры Ливановича из Госимущества, случился нервный срыв на семейной почве. По достоверным источникам от него сбежала любимая жена Кларисса Ивановна, увлекшись якобы неким знаменитым кавказским киллером, но это не все. Придя утром в банк, Сумской обнаружил исчезновение колоссальной суммы денег, которую журналисты предпочли пока не называть, дабы не будоражить понапрасну умы обывателей, причем за этой аферой стояли, по слухам, очень известные западные партнеры. Два таких удара подряд привели к тому, что психика знаменитого банкира дала трещину. Сумской посрывал с себя одежду, выскочил в чем мать родила на лютый мороз и начал приставать к прохожим женщинам с гнусными предложениями, суля каждой открыть небольшой счетик в Цюрихе. Вся история выглядела, разумеется, очередным телерозыгрышем, вроде обещания зарплаты бюджетникам, но голяка Сумского засняли на пленку, как раз в тот момент, когда дюжие санитары запихивали его в "воронок", а банкир, вырываясь, лихо распевал известную, любимую народом песню: "Таганка, зачем сгубила ты меня?.."

Сперва Поюровский обрадовался, подумал злорадно: поделом тебе, собака, будешь знать, как блокировать чужие денежки, но тут же загоревал. Естественно, как умный, бывалый человек он не поверил ни звонку знакомой, ни сообщению в новостях, ни натуральному изображению голяка на экране (примитивный, заказной монтаж); по всему выходило, что так

или иначе злосчастливого банкира следом за Ленькой Шаховым надолго, если не навсегда, вывели из большого бизнеса, а это означало, что он, Поюровский остался один-одинешенек перед лицом невесты откуда взявшейся грозной беды.

Вызвал Крайнюка и поинтересовался, что тот думает об этом странном происшествии. Против обыкновения Денис Степанович не стал влиять, произносить жалобные слова, ссылаться на свою дремучесть, твердо произнес:

— Надо сворачиваться, Василий Оскарович, ничего не поделаешь. Кому-то крепко перебежали дорогу. Надо было линиять еще осенью.

— Кому перебежали? Ты хоть отвечаешь за свои слова?

— Вы же знаете — кому. Он нас раздавит, как вошей.

— Почему же до сих пор не раздавил?

— У них свои причуды. Значит, поберег на закуску.

Предупреждений несколько было, вы же помните.

Сворачиваться — легче сказать, чем сделать. Если Сумской накрылся, то сгорел и капитал, который хранился в банке "Заречный". Продать чохом налаженный бизнес, плюс четыре клиники — хлопотно, да и не дадут хорошую цену второпях. А кто ждет за бугром?

Правда, в Мичиганском университете есть добрый знакомец, хохол Гнатюк, обязанный ему донорской почкой, они регулярно переписывались, и тот вроде берег для него теплое местечко на кафедре, но что запоет хитроумный хохол, когда узнает, что Поюровский гол как сокол?.. А семья, а дети с женами? Хоть и надоели хуже горькой редьки, но как их оставишь без присмотра? Вот если бы спрятаться, отъехать ненадолго, переждать бурю, а потом вернуться...

— Я тут кое с кем связывался, — сказал Поюровский, — наводил мосты. Важные шишки, не шпана. У одного чина из МВД под началом целая армия. Но стоит намекнуть, о ком речь, все замолкают, как по команде — и в кусты. Проклятая страна! В ней, похоже, мужчин не осталось, одни зайцы. Я этому субчику из МВД говорю: как же тебе, Виктор, по-человечески не стыдно уваливать? Мало что я тебе бубон вылечил, так ведь это же еще твой служебный долг: защищать исправных налогоплательщиков. Куда там, расквасился, сволочь! Пойми и ты меня, говорит, Василий. Семья, внуки, то да ее — тьфу, червяк навозный!

Все прогнило, все насквозь. Чтобы вылечить эту страну, не скальпель нужен, ядерный взрыв... И ведь хитрит, я же вижу, что хитрит. Не то что ему так уж боязно — выгоды нет помогать... Я спрашиваю тебя, Крайнюк, что стало с людьми? В кого они превратились?

— Кто платит, тот и музыку заказывает, — отвлеченно заметил соратник.

— Говоришь, сворачиваться?

— Чем скорее, тем лучше. Ничего не попишешь.

— В кубышке на черный день много припрятал, Денис?

— Поменьше вашего, но кое-что есть. Переждем, Василий Оскарович. Ничего. Не впервой.

— Где собрался переждать, если не секрет?

— Какие от вас секреты. Далеко не побегу. В глубинку нырну. Отсижусь, даст Бог.

— На родину, в Жмеринку потянуло?

— Пятки припечет, хороша будет и родина... Вы не расстраивайтесь, доктор. Поверьте чутью старого охотника. Это все ненадолго. У них такое взаимное истребление: кто сегодня в зените, завтра и помину не будет. Главное, в сторону отодвинуться, дать им место для боя.

Разговор с рассудительным соратником подействовал на Поюровского благотворно. Мужик прав, даром что от сохи. Не надо лезть на рожон, лучше перегодить.

Глядишь, и Сумской придет в разум, не вечно ему бегать по Москве голяком. Другое дело, Леня Шахов. Тому новую голову не пришьешь.

Достал из шкафчика бутылку, по заведенной традиции угостил Крайнюка. Тот, правда, четвертый год в завязке, но из рук хозяина принимал чарку охотно. Поюровский выпил за компанию, радуясь благостному настроению. Не успела водка прижиться, вспомнил эту кралю из морга, Лизку Королькову. Неопробованный пирожок. Грех ее так оставлять. Не по-гвардейски.

Прямо при Крайнюке связался с ней по телефону Девица только заступила на дежурство. Поздоровался, коротко распорядился:

— К двенадцати подгребай во флигелек. Договорились?

С теплым чувством услышал, как она счастливо охнула.

— Василий Оскарович, да я хоть сию минуточку!

Токо помоюсь.

Поюровский добродушно хохотнул.

— Уж будь любезна, оденься поприличней.

— Значит, вы на меня не сердитесь?

— Не сержусь. До вечера, красотка.

— Ой, а я переживала, так переживала... Места не находила. Думала, вы отвернулись. Зачем тогда жить, думаю. Среди мертвечиков лечь и не вставать. Думаю...

Поюровский не дослушал, повесил трубку. Поймал цепкий взгляд Крайнюка.

— Ты чего, Денис?

— Не моя забота, конечно, Оскарыч, но Клементина докладывала... Есть у нее подозрения насчет этой молодухи.

— Без вас как-нибудь разберусь. А какие подозрения?

— Пронырливая очень. Пощупать бы как следует. Рекомендации надежные, а чем черт не шутит.

— Пощупаешь после меня, — улыбнулся Поюровский. — Готовь отделение к эвакуации. По нулевому варианту. Сколько на это нужно времени?

— По схеме — в одну ночь должны управиться.

— Чтобы никаких следов, стерильно.

— На когда назначить?

Поюровский сморгнул соринку в левом глазу — откуда прилетела?

— Зачем тянуть... Как учил Ильич, вчера было рано, завтра — поздно. Действуй, старина.

Легкая тучка набежала на суровый лик заместителя.

— Чего еще? — удивился Поюровский. — Или жалко кого?

— Жалко, — признался Крайнюк. — Столько товару понапрасну теряем. Убытки терпим.

— Сам же говорил — временно. Товару этого у нас с тобой — прорва и маленькая тележка. Не хмурься, Денис, гляди бодрее. Давай, пожалуй, по маленькой на удачу. Ломать не строить, душа болит...

* * *

К середине дня Лиза Королькова уяснила: в больнице ведутся необычные приготовления. До морга докатилась нездоровая суэта. Появились в здании незнакомые люди, сдвигали в сторону столы, что было привинчено, отвинчивали — очищали пространство. Проверяли холодильные камеры, оставляя их открытыми. Лиза любопытствовала у Печенегова, кто такие и почему хозяйничают. Старик ответил: аварийная бригада, мусорщики. Девушка не поняла: какая бригада, какие мусорщики? Печенегов неохотно, с оглядкой объяснил: похоже, дана установка свернуть лавочку. Такое уже случалось на его памяти полтора года назад. Всех постоянных сотрудников выкинули на улицу на целых три недели, но, правда, простой оплатили по средней таксе. Лиза не отставала:

— С чем это связано, дядя Гриша? Почему вдруг?

— Это для нас с тобой вдруг — у начальства свои резоны. Может, вообще хотят прикрыть заведение.

Вполне возможно. Но это очень плохо. Всех покойников переполошат. Креста на них нет. Разве так можно?

Мертвых обитателей срывать с насиженных мест.

Лиза привыкла к своеобразным суждениям старика, но возразила.

— Дядя Гриша, какое же насиженное место? Все наши гости здесь транзитом.

— Ты так говоришь, потому что глупая еще, непосвященная. У них транзиту не бывает. Я прикидывал, тут не меньше тыщи душ обосновалось. А то и поболее. Точно не знаю.

— Кого же тогда на кладбище увозят?

Гриша Печенегов редко выходил из себя, но на сей раз разозлился.

— Тьфу ты, девка! Молотишь языком, чего ни попадя. На кладбище одно, здесь другое. И там, и там дом. Где ему лучше, там пребывает. Иногда перемещается туда-сюда, смотря по настроению. Большой частью его сюда тянет, здесь его последний раз живыми руками трогали. Покойнику это дорого.

— Теперь понятно, — сказала Лиза.

Печенегов подвел ее к канализационному люку, откинул заслонку. Сперва сам сунул туда голову, потом повернулся к Лизе.

— Послушай, коли не веришь.

Лиза нагнулась к черной дыре, прикрыла глаза. Ровное, жутковатое гудение, перемежаемое жалобными, будто детскими голосами, донеслось до ушей. Она отпрянула в испуге.

— Уверилась?

— Уверилась, дядя Гриша.

— То-то и оно. Негодуют, а что толку. наших начальничков образумишь токо кувалдой по башке... Готовься, детка, сегодня будет трудная ночь.

* * *

Лиза попросила:

— Ганечка, я сбегая в корпус, побудешь за меня?

Если схватятся.

— С бендерой, что ли, крутишь?

— С какой бендерой?

— Не прикидывайся овечкой. В охрану Крайнюк одну бендеру напихал, из хохляцкой группировки. А то ты не знала?

— Ганюшка, мне-то какое до этого дело. Мне с подругой повидаться.

У Гани один глаз закрылся ко сну, зато второй распалился какой-то вовсе сверхъестественной ненавистью. Он глядел на Лизу так, будто

вгрызался зубами.

— Подружка, говоришь? Ничего, скоро и подружек обслужим.

Дядя Гриша пил чай в своем закутке. У него Лиза тоже отпросилась. Он был недоволен столпотворением.

— Главная штука, эти мусорщики бессмысленные люди. Будут все громить, чистить, смолой мазать. Керосином пожгут, чтобы следов не осталось. Да разве можно упокоенный дух одолеть керосином? Но им же не внушишь. Полномочия! Я давеча намекнул одному, убирались бы вы, братцы, подобру-поздорову, дак схлопотал по сопатке.

Лизе было интересно все, что рассказывал Печенегов, но она спешила.

— Дядя Гриша, чистка по всей больнице распространяется?

— А как же! Все под корень рубят, не жалеют ни больных, ни мертвых. Туда же и здоровых, кто пикнет.

Дозор!

— Значит, всех, кто в подвале, под ноль?

— Их в первую очередь. Ты что! Это же вроде учения на случай ревизии. Я-то думаю, какая теперь ревизия, но они опасаются. Хоть власть у них, а чего-то боятся. И то. Дела жуткие, сатанинские, как не бояться. У них ведь каждый рубель от крови разбух. Его прежде, чем в магазин снести, отмывать приходится. Конечно, боятся.

А ты как думала? Когда-нибудь отвечать все равно придется.

Лиза накинула козушок, побежала через двор к больнице. Но в подвальное помещение ее не пустили.

Весь подъездной путь забит крытыми фургонами, у входа дежурили незнакомые парни в форменных, как у летчиков, тужурках. Лиза сунулась сгоряча, ее остановили. Детина лет тридцати, с испытанным кирпичным лицом, потребовал пропуск.

— Какой пропуск, молодой человек?! Я тут работаю.

— Без пропуска нельзя, инструкция.

— Да вы сами кто такие?

— Мы по наряду, фирма "Оборотные средства". Не слыхала?

— Нет.

— И не надо тебе слышать. Получи пропуск, тогда приходи.

Лиза не вчера родилась, всяких оборотней нагляделась, но эти были наособинку. Вроде роботов. Молодые ребята, но на лицах ни улыбки, ни любопытства. Даже не обратил внимания, что она молодая привлекательная женщина, хотя и в задрипанной одежонке. Им это было безразлично. Она поняла: лишняя настырность приведет к плачевным результатам. Но сделала еще попытку.

— Пожалуйста, молодой человек, позовите Клементину Егоровну. Очень прошу.

— Такая толстая стерва?

— Она самая.

— У них там, девушка, запарка, как в бане. Вряд ли она выйдет.

— Скажите, Лиза из морга. По важному делу, — Лиза выудила из кармана кошелек, протянула парню десятидолларовую купюру. Денежку он взял, с сомнением покачал головой.

— Ладно, попробую. Позвать нетрудно. Жди.

Лиза потопталась среди машин, выкурила сигарету.

У нее не укладывалось в голове, что все это происходит наяву.

Минут через десять выскочила Клементина. Поманила пальчиком за угол. Простоволосая, возбужденная. В глазах странное выражение: словно после пакета с газом.

— Говори, чего тебе? Быстро, ни минуты нет.

— Клементина Егоровна, вы же обещали.

— Что обещала?

— Как что? Наташа и Сенечка. Мальчик и девочка.

С меня же голову за них снимут.

— Кто снимет?

— Очень важные люди. Я же говорила. Солиднейший клиент.

— Вот что, девочка, — Клементина скверно ухмыльнулась. — Что с твоей головой будет, меня не касается. Поезд ушел. Получишь убудков к ночи вместе со всеми. В товарном виде. За этим звала?

Лиза сказала:

— Клементина Егоровна, не берите грех на душу, отдайте детей. Хотя бы этих. Выведите через черный ход.

Клементина нагнулась, дыхла чесночным перегаром.

— Поостерегись, крошка! Думаешь, Ваське дала и уже мне указывать можешь? Я еще дознаюсь, откуда ты появилась. И чего вынюхиваешь.

С этими словами пошла прочь.

Лиза поспешила к телефонной будке в глубине парка. Будка была хороша еще и тем, что не требовала жетонов, если соединяла с кем-то, то бесплатно. От старых времен уцелел механический кудесник. Но работал капризно, Лиза провозилась минут десять, пока дозвонилась до Поюровского в его главный кабинет.

— Василий Оскарович, опять я!

— А-а, — Поюровский был недоволен звонком, нарушавшим субординацию. Каждый сверчок знай свой шесток — золотое правило. —

Что тебе? Мы же условились — до вечера.

— Дорогой Василий Оскарович, извините дуру за беспокойство, у меня маленькая просьбишка. Вам, наверное, покажется ерундой, но для меня очень важно.

— Короче.

— В донорском отделении генеральная уборка... Оттуда всех вывезут, да?

— Тебя это каким боком касается?

— Там двое детишек, мальчик и девочка, подарите их мне, пожалуйста. Ну что вам стоит? Клянусь, я отработаю.

Поюровский ответил не сразу, видно, что-то осмысливал. Наконец спросил:

— Лиза, ты не спятила? Ты что себе позволяешь?

— Василий Оскарович, родненький, — затараторила Лиза. — Долго объяснять, я обещала, честное слово.

Я вечером расскажу. Ничего плохого. Я не нахальничаю, вы для меня святой. Но это такие люди, брокер с женой.

Им позарез нужно. Они прямо загорелись, готовы сколько угодно выложить... Я конечно не имела права, так получилось. Вы не подумайте, у меня с этим дипломатом ничего нет такого, просто знакомые...

— Лиза, — оборвал Поюровский, — ну-ка заткнись!

— Заткнулась, дорогой Василий Оскарович.

— Разговор не телефонный, ну ладно... Ты вот что, красотка. Ты не забывайся. Не суй свой носик, куда не надо. Враз прищемят. Ишь какая бойкая. На первый раз так: ты ничего не говорила, я ничего не слышал. Но зарубку оставь на память. Откуда пронюхала про эвакуацию?

— Василий Оскарович, я же здесь работаю. Никто ничего не скрывает. Да и что скрывать. Дезинфекция есть дезинфекция. Где грязно, там и убирают. Какое тут преступление?

Поюровский лихорадочно думал, кто она такая? Абсолютная идиотка или подосланная? А если подосланная, то кем? Уж не тем ли упырем, который его с места сживает. Ничего, вечером все разъяснится. Уж он сумеет прижать говорливую куклу. Кто бы ни была, расколется.

— Кончено, Лиза. Ступай и работай. Постарайся меня больше не разочаровывать. Настраивайся на вечер.

— Ой, — пискнула Лиза, — какой же вы целеустремленный!

Через минуту она уже разговаривала с Сергеем Петровичем, застала его в "Русском транзите". Если он обрадовался ее звонку, то умело это скрыл. Лиза четко доложила обстановку: сворачиваются, рубят хвосты,

светопреставление. Она не может остаться в стороне.

В отделении двое детишек, которых она обещала спасти.

И она их спасет, чего бы ей это не стоило.

— Объясни, — холодно отозвался Сергей Петрович, — что ты имеешь в виду?

Лиза объяснила, что по ее мнению всему есть предел. Даже равнодушию. И если здоровые сильные мужчины, мнящие себя суперменами, могут спокойно наблюдать за творящимся кошмаром, то она сама взорвет этот гадюшник.

— Я думала, — сказала она, — что побывала в аду, когда работала в "Тихом омуте", откуда ты меня вызволил, Сережа, но здесь намного страшнее. Словами не рассказать, что здесь такое. Ты слышишь меня или уснул?

— Слышу.

— Сережа, там две крохи, прелестные, невинные создания. Скажи, что мне делать, пожалуйста? Их убьют вместе с остальными. Разрубят на куски.

— По-моему у тебя истерика.

— Сережа, не пугай меня. Те, кто все это затеял, конечно, не люди, но чем мы отличаемся от них? Мне дышать трудно, а я должна изворачиваться, лгать, улыбаться... Зачем?

На другом конце провода Сергей Петрович закурил сигарету. Заговорил скучным голосом.

— Возьми себя в руки, Лизавета, все идет своим чередом. Говоришь, нелюди, это правда, но сегодня за ними сила и у них власть. Твоя истерика им только на пользу. Чему тебя учили? Железная дисциплина — вот суть нашей работы. Зачистка так зачистка, плевать. У тебя какое задание?

— Собирать информацию, сидеть тихо.

— Да, сидеть тихо, врать в структуру. Никакой самодеятельности, никаких эмоциональных решений. За тебя решат, кому положено. Ты спасешь двух малюток и завалишь перспективное внедрение. Это неравноценно.

Те сведения, которые ты передала, возможно, позволят вбить клин в их отлаженную цепочку. Опомнись, Лизавета! Счет давно пошел не на отдельные человеческие жизни. Они страну под себя подмяли. Думаешь, мне нравится сидеть в этом вонючем "Транзите"? Думаешь, не хочется его взорвать? Но я сижу, и ты сиди. Сиди, молчи — и жди приказа.

— Как ты ошибаешься, милый, — вздохнула Лиза.

— В чем?

— Когда говоришь, что есть что-то важнее жизни двух малюток... Все, я пошла. У меня ухо примерзло к трубке.

— Куда пошла? Эй, куда ты пошла?!

Она не ответила, потому что сама еще толком не знала. Но до ночи было еще далеко, и она не собиралась сидеть сложа руки. Вернулась в морг и, никого не встретя, пробралась в одну из кладовок, где у нее был припасен чемоданчик с инструментами. Там же, за решеткой старого сломанного холодильника, лежали завернутый в тряпицу милицейский браунинг и коробка патронов. Патроны сунула в чемоданчик, а пистолет с помощью ременной петли аккуратно закрепила на боку под кожушкой. Посидела немного в раздумье. Конечно, для того, что она задумала, разумнее дожидаться темноты, но неизвестно, что за это время случится с детьми. Морг кишел чужими, как тараканами. Откуда-то сверху доносились скрежещущие удары, словно с дома сдирали крышу.

Лиза выскользнула на двор так же незаметно, как возвращалась. Хороший знак.

Теперь она приблизилась к больнице с угла, к тому месту, куда выходил один из загрузочных люков. На ее удачу пока этот люк никто не охранял, и с фасада ее невозможно заметить. Трудность лишь в том, что кованую решетку люка запирали массивный висячий замок.

Она понятия не имела, как с ним управиться. В школе учили работать с тонкими приборами, вскрывать современные электронные запоры, а как подступиться к этой ржавой железке? Сперва попробовала распилить дужку лобзиком, но поняла, что такой работы ей хватит на несколько часов. Достала ручную дрель, наугад просверлила три отверстия вдоль замочного глазка, и только зря потеряла время. От посторонних глаз ее укрывала боковая стена, но везение не могло длиться бесконечно. Рано или поздно кто-нибудь полюбопытствует, чем занята шептунья девица.

Пошуровала отмычками, ни одна не подошла. Железный уродец не поддавался новейшим механическим приспособлениям. Лиза присела на порожек и закурила, расстегнув кожушок и ворот рубахи. Прикидывала, сколько людей набежит, если расстрелять замок из браунинга. Ее взгляд упал на шляпку большого гвоздя, высунувшегося из притоптанного снега. Подержала гвоздь на ладони, очарованно вглядываясь в загадочную конфигурацию, вывернутую в спираль с короткой закорючкой на конце. Конечно, это не гвоздь, а ключ, но в таком случае, сама судьба ей подыгрывает.

Затаив дыхание, ввела гвоздь в отверстие замка, покрутила: уперся плотно, жестко, как в родном гнезде.

Достала из чемоданчика пассатижи, ухватила гвоздь поудобнее и надавила против часовой стрелки. Замок отозвался жалобным всхлипом, дужка выскочила едва ли не наполовину. Молодец, похвалила себя Лиза, справилась.

С заледеневшей решеткой получилось неладно: пока сдвигала, сорвала ноготь на большом пальце, но это пустяки. Перед ней открылась черная яма, с железными скобами по одной из стенок. Лиза огляделась — ей удивительно везло, не меньше часа провозилась, никто так и не помешал. Опустясь по скобам, попыталась задвинуть за собой решетку, но такая операция под силу разве что Сергею Петровичу, который все-таки изрядный качок.

Ступени-скобы привели ее в темную подсобку — она зажгла электрический фонарик. Дощатая дверь с задвижкой, глинобитный пол, кирпичные сырые стены — больше ничего. Если дверь заперта снаружи, все ее усилия насмарку.

Отомкнув задвижку, легонько нажала плечом на дверь: открыто! В узкую щель проступил кусок коридора, загроможденного газовыми баллонами и опутанного шлангами — в отдалении маячила фигура мужика с автоматом. Сколько всего в коридоре народу — не узнаешь, пока не выйдешь. Лиза придвинула чемоданчик с инструментами к стенке, растрепала волосы, приняла по возможности озабоченный вид. Открыла дверь пошире и ступила наружу. Мужик с автоматом стоял боком и не заметил ее появления, зато в пяти шагах двое мужчин в рабочих комбинезонах возились с каким-то громоздким агрегатом, подключая его к электрическому щитку.

Не дожидаясь, пока они сообразят, что к чему, Лиза раздраженно спросила:

— Клементина куда пошла, хлопцы?

— Какая еще Клементина?

— А-а, — Лиза махнула рукой, дескать, что с вас возьмешь, с новеньких. — Носится, как угорелая, бегай за ней.

— У тебя закурить не найдется, сестричка?

— В другом халате. На обратном пути захвачу.

— Окажи любезность, без курева остались. Клементина — это такая толстуха, командует тут?

— Ага, командует.

— Недавно пробегала.

Лиза обогнула рабочих, благополучно дошла до конца коридора, свернула за угол. Войдя в детскую палату, притворила за собой дверь.

Картина предстала зловещая, почти ирреальная. Две пожилых женщины в синих, туго затянутых поясами халатах готовили пацанву к эвакуации: пеленали в коконы из простынь и складывали штабелями возле стены. Работали слажено, почти все двухъярусные койки уже опустели, одна из женщин как раз подступила к дальнему отсеку, где, обнявшись, светились яркими глазенками Наташа и Сенечка. В руках у женщины огромный шприц, почти как в фильме "Кавказская пленница".

— Эй, — окликнула Лиза, направляясь к ней. — Погоди-ка, сестра. Этих не трогай. Этих я забираю.

— Почему это?

Они встретились глазами, и Лиза увидела знакомое выражение наркотической дури.

— Клементина распорядилась. Велела к ней отвести.

— Марусечка, — позвала женщина товарку, — двух шпанят забирают, а бумаги никакой нету.

Та, которую звали Марусей, сбросила в штабель еще два детских кокона и пошла к ним. Глазами "плыла", как и подруга, но видно было, что им обоим наркота не мешает усердно работать, жить и размышлять.

— Нам-то какое дело, — сказала Маруся солидным басом. — Пусть тащит, если Клементина велела. Но без бумаги нельзя.

— Тем более, мы отчитываемся поштучно, — пояснила вторая женщина. Лиза уже прикинула, что возни с ними будет немного, только боялась напугать детей, ее смущало, что они молчат, не издали ни звука, хотя явно узнали ее.

— Вы их чем-нибудь кололи?

— Чем их колоть? — удивилась женщина. — У нас токо это, вот, — протянула Лизе гигантский шприц.

— Это что? Снотворное?

— Чего допрашиваешь? — возмущенно вмешалась Маруся. — Беги за бумагой. Или дай потянуть. У тебя есть заправка?

Лиза их заправила, но у нее не было в руках такой мощи, как, допустим, у Сергея Петровича, поэтому ей пришлось нанести с пяток стремительных, парализующих ударов, чтобы повалить бабок на пол. Но она справилась, как и с замком. Даже дыхание не сбила. Обернулась к детям. У Наташи в ужасе приоткрылся бледный ротик, Сенечка важно произнес:

— Надо их связать, тетя Лиза.

— Не надо, малыш. Они не скоро очнутся.

— Но они же не мертвые?

— Нет, живые.

— Лучше всего их кокнуть, — внес более солидное предложение Семен.

Лиза подняла малышей с койки, поставила на ноги.

Наташа ухватила тоненькой ручкой за ее рукав.

— Сможете идти? — спросила Лиза.

— Обязательно, — ответил Семен и уточнил:

— Это побег?

— Да, Сенечка, побег. Все нужно сделать очень аккуратно. У вас есть какие-нибудь пальтишки?

— У меня нет, — сказала Наташа. — Только пижама.

— Я уж не надеялся, — признался Сенечка. — Еще бы немного и нам грабли в бок.

Лиза укутала их в одеяла и вывела в коридор. Без приключений добрались до подсобки, правда, девочка запуталась в одеяле, и Лиза понесла ее на руках. Рабочие уже подключили загадочный агрегат к щитку. Встретили Лизу приветливо:

— Сигарет надыбала?

— Ой, закрутилась с этими. Сейчас сбегая... Детишек в чуланчике запру, чтобы не выскочили... Я мигом...

Втолкнула детей в каморку.

— Сеня, остаешься за командира. Ничего не бойтесь.

Я только туда и обратно.

Наташа таранилась вверх, в скважину, откуда лился слабый свет. Семен спросил:

— Мы туда полезем?

— А что? Трудно?

— Как бы Наталью не пришлось на веревке тащить.

— Фу! — фыркнула девочка. — Какие глупости!

Лиза поцеловала ее прохладные, настороженные глаза, провела ладонью по взъерошенному чубчику Семена.

— Все хорошо, молодежь. Сидите тихо, как мышки.

Перед дверью "ординаторской" Лиза помедлила. То, что она собиралась сделать, было необходимо, этого требовала ситуация, а также высшая справедливость, но сердце вдруг онемело. Кто она такая: всего лишь молодая женщина с трудной судьбой, но ведь не терминатор, нет!

Клементина Егоровна возвышалась за письменным столом, разложив перед собой какие-то бумаги, и вид у нее был такой, словно рассчитывала план предстоящего сражения. Напротив расположился Денис Степанович

Крайнюк, соратник Поюровского, живоглот с лоснящейся рожей и свинячьими глазками. Увидев Лизу, он мерзко сощурился.

— Гляди-ка, Климуша, какая гостья к нам пожаловала!

— Эта тварь здесь с утра шныряет, — ответила Клементина. — Говорила тебе, Денис, меченая она. Только знать бы — кем?

— Сейчас узнаем, — пообещал Крайнюк, понюхав зачем-то ладонь. — Проходи, девушка, присядь, небольшой допрос с тебя снимем. Ты чего прибежала-то?

Лиза защелкнула дверь на "собачку". Подвинулась к столу.

— Денис Степанович, остановите заваруху. Дайте отбой.

— Вон даже как? — Крайнюк искренне удивился. — Это чье же распоряжение?

Клементина потянулась к телефону, и Лиза достала пистолет из ременной петли.

— Не надо, Клементина Егоровна. Это лишнее... Денис Степанович, дайте команду бандюкам. Пусть убиваются.

— Ты что же, девушка, пальнуть можешь? — удивление Крайнюка разрослось до голубого, яркого свечения в очах. Он сразу помолодел.

— Только это я по-настоящему и умею, — вздохнула Лиза.

— Кто ты такая? Откуда взялась?

— Неважно. Отдайте команду, потом поговорим.

— Если стрельнешь, людишки сбегутся.

— В подвале такой шум, никто не поймет.

Клементина затрясла головой, как лошадь при налете слепней, побагровела и начала подниматься со стула, тяжело опираясь локтями.

— Ты, козявка, на меня, на Егоровну?! Пушкой грозишь? Да я тебя давить буду, как клопа, медленно давить...

Отборный сермяжный мат оборвался на середине, потому что Лиза нажала спуск. Кусочек свинца, чмокнув, впился под левый сосок воительницы. Клементина, охнув, опустилась на стул, озадаченно почесала грудь.

— Денис, тварь меня убила!

— Не может быть! — возразил Крайнюк, но отрицал он очевидное. Иссяк могучий напор, Клементина Егоровна уронила голову на бумаги и притихла.

— За что ты ее? — спросил Крайнюк. — Она никому зла не делала.

Сердце Лизы билось ровно.

— Не отвлекайтесь, Денис Степанович. Вам жить осталось ровно минуту. Может, и меньше.

— Но надо связаться с Поюровским... Как же без него?

— Не надо связываться. Командуете здесь вы, а неон.

— Хорошо, тогда выпусти меня. Я не могу распоряжаться по телефону. Все не так просто. Тут не военный штаб, девушка, это больница, обыкновенная больница... Выпустишь меня?

Он глядел на Лизу с каким-то неуместным лукавством. Повалившаяся на стол Клементина его ничуть не смущала, он словно забыл о ней. О чем помнить: трупом меньше, трупом больше — какая разница, обыкновенная больница. Лиза сказала:

— Господин Крайнюк, напрасно вы хитрите. Я всего лишь исполнитель, приговор вы подписали себе сами. Облегчите душу, остановите ликвидацию.

— Ты же не убийца, верно? Тебе кто-то заплатил, но тебя подставили. Ты не получишь этих денег. Ты женщина, ум у тебя курячий, потому не понимаешь, тебя просто используют. На очереди ты следующая. Они не оставят такого свидетеля. Я могу помочь. Мы с докторам тебя спрячем так, ни одна собака не разыщет. И денежками не обидим. Сколько тебе дали, скажи честно? Пять тысяч? Десять тысяч? Сколько бы ни дали, это блеф.

Тебя надули.

В глазах Крайнюка засветилась торжествующая улыбка, ему показалось, убедил чумную налетчицу. Да и как не убедить, ведь чистую правду ей говорил, хотя и не всю. Таких стрелков в бизнесе готовят для разовых поручений, а потом — пшик! — и нету. Им с Василием она тоже не понадобится, лишь бы вырвать у нее пистолетик. Ах, Вася, Васенька, вот к чему приводит похоть, вот как ослепляет! У этой красивой самки на лбу написано — шпионка, мать твою!

— Бери трубку, звони — Лиза повела стволом снизу вверх. — Не испытывай судьбу, животное!

Крайнюк подумал, если резко рвануться, то можно поймать стерву за руку, а потом — кулаком в лоб, но не был уверен в себе: стерва явно обученная. Страх в нем не было, блеф это все, Клементина — одно, ей, может, и поделом досталось, а он — совсем другое. Нет, не посмеет девка.

— Если послушаюсь, — спросил он, — все равно пальнешь?

— Да, — сказала Лиза. — Зато доброе дело напоследок сделаешь. Грехи спишешь.

Она не в себе, подумал Крайнюк, это плохо. Снял трубку, набрал номер, косясь на Лизу бычьим оком.

Краска сошла с его щек. Вызвал какого-то Киндю, так и сказал — Киндю позовите. Уточнил:

— Киндя — ты?

Затем тускло распорядился:

— Слышь, соколик, тормозни раскрутку... Именно так, замри до выяснения...

Тот, видно, что-то возразил, и Крайнюк уже с натуральной яростью прогремел:

— Твое какое собачье дело?! Куда суешься? Сказано — замри, значит, замри!

Швырнул трубку на рычаг, поднял глаза на Лизу.

— Чего тебе предлагаю, девушка. Пойдем к Василию, все обсудим. Он тебе не чужой, верно? Не надо так горячиться. Дров наломаешь, а толку что?

Лиза не горячилась, выстрелила ему в грудь. Дала ему шанс, это был не смертельный выстрел. Если чудовищу повезет, оклемается. Крайнюк пулю принял как плевок, даже не поморщился. Из глаз неожиданно выкатились две слезинки.

— Дура ты! — сказал убежденно. — Дура и дерьмо.

Разве можно играть с пистолетом?

Потянулся к ней лапой, Лиза выстрелила вторично в ту же самую грудь. Крайнюк кивнул, будто теперь соглашаясь с Лизой, и улегся на стол напротив Клементины, голова к голове. Они лежали смирно, не шевелясь.

Лиза подвесила пистолет в петлю, забрала со стола початую пачку "Кента", пошла к двери. Приоткрыла, выглянула. Ей удивительно везло, хотя она уже много натворила. Коридор пустой, скорее всего, никто не слышал пальбы.

Удивляло и немного возбуждало собственное спокойствие — ни грусти, ни сожаления. Только хрупкий отсвет какого-то давнего воспоминания в сердце. Сомнамбулически двигаясь, вернулась к каморке, где остались дети. По пути отдала сигареты рабочим.

— Слушай, сеструха, — спросил один, — ты не в курсе, чего ток вырубил?

— Когда?

— Да только сейчас.

— Нет, не знаю, — Лиза нырнула за дверь.

Девочка дремала, притулившись к стене, Сенечка встретил укором:

— Побег так не делают, тетя Лиза. Можно зашухариться.

Лиза посадила его на скобу и велела карабкаться наверх, но ему мешало одеяло.

— Кинь вниз, — сказала Лиза.

Освобожденный, мальчик, как обезьянка, взлетел до самого света.

— Стой, — окликнула Лиза. — Погляди, есть там кто или нет. Только не высовывайся.

Мальчик через минуту сообщил:

— Плохо видно. Радиус обзора маленький. Вроде чисто.

— Вылезай — примешь Наташу.

Еще несколько усилий — и все трое очутились на свежем воздухе, где Лиза заново туго закутала ребятишек в одеяла. Наташа восторженно пропищала:

— Мы на воле, да, тетя Лиза?

— А где же еще?

— И нас не усыпят?

Ей ответил Сенечка:

— Ты бы, Наталья, попридержала язычок. Сейчас, честное слово, не до тебя.

— Я вообще не к тебе обращаюсь, — обиделась девочка. — Я с тобой, может быть, и дружить не буду.

— Почему? — удивился мальчик.

— Потому что ты грубый. Я в тебе еще раньше разочаровалась.

Лиза посадила девочку на плечо, велев держаться за шею, в одну руку взяла чемоданчик, другой сжала податливую Сенечкину ладошку. Так и пошли через парк, словно на прогулке. Осторожно Лиза оглянулась: охранники суетились, к фургонам бежали шофера, в их сторону никто не смотрел.

Вскоре добрались до лаза в больничной стене — несколько выбитых кирпичей, раскуроченная арматура — никакой забор на Руси не обходится без таких дыр.

Еще рывок — и они на шоссе, огибающем больницу.

Тут ей опять повезло: подкатил частник на красном "жигуле" — солидный дядек в дубленке и дорежимном "пирожке". Сразу видно, не вор, на бензин зарабатывает. Лиза опустила девочку на снег, подошла к готовно распахнутой дверце, нагнулась и завела с частником разговор.

— У меня затруднение, милый человек.

— Что такое?

— Надо эту малышню подбросить, а я не могу отлучиться. Дежурство.

Ее обворожительная, солнечная улыбка произвела на "пирожка" сильное впечатление. Но коммерция есть коммерция.

— Куда везти?

Лиза назвала адрес "Русского транзита".

— Сколько дашь?

Лиза отслюнила из кошелька две стотысячных купюры. Это больше чем достаточно, но не настолько, чтобы мужик заподозрил неладное.

— Кто там их встретит, что ли?

Лиза объяснила, что детей следует передать директору фирмы Сергею Петровичу Лихоманову или его секретарше, но для него же.

— Это не все, милый господин. Вот вам мой телефон, пожалуйста, позвоните, как доехали. Можно попозже вечером. Вас не затруднит?

— Не беспокойтесь, — улыбнулся водила. — Доставлю в целости и сохранности. Вечером — это во сколько?

— Да хоть до ночи.

— Вас понял, сажайте свой детсад.

Наташа все же устроила каприз: с неожиданной силой вцепилась в ее руку.

— Не бросайте нас, тетя Лиза, пожалуйста, не бросайте!

В негромкой мольбе было столько отчаяния, как в загробном хоре, но Лиза осталась холодна.

— Хочешь вернуться обратно, Наталья?

Девочка, задрожав, клетчатой рыбкой нырнула в салон. Сенечка солидно покашлял:

— Все в порядке, тетя Лиза, я присмотрю за малышкой.

И они уехали.

Лиза взглянула на небо: ближе к вечеру оно покрылось каким-то сизым налетом, как перед радиоактивным дождем.

Ганя Слепень встретил ее в холле. Против обыкновения был не пьянее, чем с утра.

— Тебя где носило, засранка?

— Ты мне не муж, чтобы спрашивать.

— Если бы я твоим мужем был, давно бы убил...

Он загораживал ей проход. Лиза отметила, что в морге народу поубавилось: ни голосов, ни толкотни, ни машин на улице. Похоже, действительно, отбой, надолго ли? Чтобы увериться в этом, надо повидать еще одного человека, и быстро смываться. Такое везение, как сегодня, не может длиться вечно. Оно и так затянулось. Как только обнаружат мертвую Клементину и полуживого Крайнюка, начнется вселенский хипеж. Хорошо бы успеть до этого срока. Хорошо бы вырваться отсюда с головой на плечах.

— Дай пройти, — попросила смиренно. — Потом поговорим.

— О чем говорить? Натешилась с боссом, да? А я за тебя вкалывай,

да?

Пошел на нее враскачку, загребая воздух здоровенными клешнями, и Лиза, нырнув под его руку, побежала к вешалке. Там оказалась, как в ловушке, и Ганя восторженно загудел:

— Во, курочка, допрыгалась! Сейчас мы тебя на кол усадим.

Она успела бы достать пистолет, но не хотела его убивать.

— Ты что же, совсем одичал? — Лиза покосилась на керамическую вазу с мохнатым кактусом. Ганю погубила мания мужского превосходства. Он очарованно глядел, как она расстегнула кожушок и рванула ворот рубашки, открывая ослепительную, золотистую грудь.

— Давай, — пролепетала безнадежно, — давай, раз не терпится.

Заминка вышла ему боком. Лиза, жалобно улыбаясь, маня кавалера, шагнула ближе к вазе, загребла ее левой рукой и раскрутила Гане в лоб, как метательный диск. Звук получился негромкий, сочный, словно гроб опустил в могилу, но результат превзошел все ожидания. Ганя заухал, замычал, стряхивая с очумелой башки кактус вместе с черепками, словно стал жертвой землетрясения. Лиза помчалась к двери, прихватив с полу чемоданчик.

В подсобке быстро переделалась — спортивный костюм, заячья шубка, — побросала в сумку самое ценное, что хранила в морге, сверху положила пистолет. Мельком глянула в стенное зеркальце — вид взъерошенный, помятый, но просветленный. Расторопная молодуха, за которой погнались черти. Прихватила с собой кочергу — каленый железный прут с крючком на конце, страшнее оружия не бывает. На обратном пути забежала попрощаться в закуток Гриши Печенегова. Тот склонился над заветной книгой, к которой всегда обращался в минуты тягостных раздумий, — уголовный кодекс СССР сталинского периода, почти раритет.

— Ухожу, дядя Гриша, прощай! Спасибо за все.

— Чего так? Не понравилось у нас?

— Вообще-то понравилось, но Ганя проходу не дает. Боюсь я его.

— Не его ты боишься, да ладно... Завтра, кстати, получка, не забыла?

— Получи за меня, дядя Гриша.

Печенегов смотрел на нее с сожалением.

— Не прижилась, значит. Обидно. Здешний народец к тебе привык... Храни тебя Господь!

— Вас тоже, дядя Гриша, — наклонилась, поцеловала заскорузлую щеку.

Осторожно выглянула в холл, держа кочергу наготове. Ганя Слепень сидел под вешалкой, выкладывал на полу затейливый узор из черепков.

Вскинул голову — всю в черно-красных разводах.

— Вижу тебя, вижу, подлюка! Подойди, не ссы. Не трону.

Лиза, проходя мимо, задержалась на чуток.

— Ганюшка, ты бы хоть умылся. Ведь на тебе лица нету.

— Зря скалишься. Шустрая, да? Всех перехитрила, да? А того не знаешь, что давно на крючке.

— О чем ты, Ганюшка?

— Чего говорить... Я по-доброму тянулся, а ты вон как — кактусом по тыкве... Что ж, погуляй малек, недолго тебе.

— Загадки твои мне непонятны, Ганечка.

— Брось кочергу, иди ближе. Чего важное скажу, не пожалеешь.

— Не верю тебе, дорогой. Сколько раз обманывал.

Вышла на улицу и напрямик, не таясь, направилась к больничному корпусу. В здание вступила с парадного подъезда, минуя "иномарки", между которыми группками по двое, по трое прохаживались отважные, горделивые парни со стриженными затылками — маленькие и большие копии Гани Слепня. Сегодня их скопилось больше, чем обычно. С десятков крытых фургонов вытянулись караваном вдоль подъездной аллеи.

Внутри корпуса все как в обычной больнице: приемное отделение, аптечный ларек, сияющий импортной витриной, покрытые дерматином убогие скамейки вдоль стены. У окошка регистратуры небольшая очередь посетителей, запись на прием к врачам. Специфический больничный запах.

Кабинет Поюровского на третьем этаже. В приемной сидела секретарша в белом халате, с выпученными, как у глубоководной рыбыны, глазами. Увидя Лизу, суматошно замахала руками.

— Что вы, что вы, к нему нельзя!

— Почему?

— Василий Оскарович занят, занят!

— Я по личному делу, — гордо сказала Лиза. — У меня назначено.

Не обращая внимания на кинувшуюся к ней заполошную секретаршу, Лиза вошла в кабинет. Доктор расположился за письменным столом, боком к двери, закинув длинные ноги на сиденье кресла. Говорил по телефону, лицо отрешенное, злое. Лизу не заметил или сделал вид, что не заметил. Как раз когда Лиза вошла, рявкнул:

— Что значит — отбой? Вы что там все, белены объелись?! Где Крайнюк?

Ответ привел его в еще большую ярость: он начал шарить по столу в поисках сигарет.

— Вы что несете? Вы отвечаете за свои слова?!

Невидимый собеседник, похоже, отвечал за свои слова, потому что какое-то время Поюровский внимал молча, на глазах бледнея, потом, буркнув:

— Хорошо, сейчас приду! — положил трубку на рычаг.

Лиза подала ему сигареты и зажигалку. Он окинул ее пустым взглядом.

— А, это ты? — произнес без удивления. — Может, объяснишь, что происходит?

— Что вы имеете в виду?

— Только что мне сообщили, Крайнюка и Клементину кто-то пристрелил в ординаторской... Такое может быть?

Лиза обошла стол.

— Вряд ли, — сказала она. — Кто же осмелится?

Они же ваши ближайшие помощники.

Нервным движением Поюровский щелкнул зажигалкой.

— Ладно, это мы выясним... Ты чего явилась?

— Не могу ждать, — потупилась Лиза. — Вся горю.

Видите, переделалась во все новое.

Поюровский тупо ее разглядывал, сморщась, будто готовясь зарыдать. Явление чистейшего женского идиотизма оказалось выше его сил.

— Как тебя там... Королькова... У тебя что, совсем крыша поехала?! Или издеваешься?

— Пожалуйста, дорогой Василий Оскарович! Дайте руку. Умоляю!

Оторопев, он позволил ей завладеть правой рукой.

Лиза небольшим усилием вместе с креслом передвинула его ближе к батарее и пристегнула за кисть к трубе изящным супербраслетом, который невозможно ни распилить, ни отпереть, не имея ключа.

— Ты что делаешь? — поинтересовался Поюровский. — Что это за штука? Да ты в самом деле невменяемая. Ну-каними сейчас же, а то так дам по башке — мало не покажется.

— Не волнуйтесь, дорогой Василий Оскарович.

Я только сделаю один звоночек, и все вам объясню.

— Какой еще звоночек?! — заревел совершенно обескураженный Поюровский, дернулся, но не тут-то было. Как Прометей к скале, он оказался надежно прикован к батарее. Лиза устроилась с телефоном в сторонке, где Василий Оскарович не мог ее достать.

Набрала номер некоего Влада Ивантеева, капитана с Петровки. Этим номером когда-то наделил ее Сергей Петрович, еще в эпоху "Тихого омут", на случай, если вдруг понадобится скорая помощь вооруженных людей.

Ее тренированная память много чего полезного хранила, вот номерок и пригодился наконец.

На счастье, капитан отозвался мгновенно. После того, как она произнесла парольную фразу:

— Я от Сереги Чулка, — быстро ответил:

— Да, слушаю внимательно.

Она попросила капитана немедленно прибыть с командой в больницу (назвала адрес) и пройти в кабинет главного врача. Здесь его ждет гостинец, который, возможно, потянет на новую звездочку. Все необходимые бумаги, сопроводилка и фотографии лежат на окне. Преступник в сущности уже задержан, но все же следует соблюдать обычные меры предосторожности.

— Как поняли, капитан?

— Понял нормально. Кто передал?

— Неважно... Сколько нужно на дорогу?

— Не больше пятнадцати минут, коллега.

Лиза повесила трубку, благосклонно взглянула на прикованного:

— Поздравляю, дорогой Василий Оскарович! Через пятнадцать минут у вас начнется совсем другая жизнь.

Поюровский еще не пришел в себя от потрясения.

— Если это розыгрыш, Лиза, — сказал с надеждой, — то уверяю, неудачный. Отстегни эту штуку. Ведь не смешно, ей-Богу!

Лиза вырвала из розетки телефонный шнур, присела на стул и закурила. Можно было отдохнуть минут десять. Ей казалось, она этого заслужила. Подзуживало позвонить Сергею Петровичу и сообщить о своих успехах, но не решилась.

— Это не розыгрыш, доктор. Просто начинается расплата.

— Какая расплата? Ты в своем ли уме?

— Обыкновенная расплата: следствие, суд, тюрьма.

Много времени это не займет, все материалы я подготовила. Скорее всего, выйдет вышак, не слишком большое наказание за ваши дела. Вы согласны?

Василий Оскарович еще раз попробовал на прочность супербраслет, но лишь причинил себе ненужную боль. Внезапно он успокоился, и лицо его приобрело мудрое выражение, которое, вероятно, было свойственно ему от природы. Заговорил убедительно, властно:

— Не знаю, кто тебя надоумил, но ты ввязалась в скверную историю. Какая бы дура ты ни была, ведь не можешь не понимать, что никакого закона нет и в помине. Был, да сплыл. Доллар — вот наш новый закон. Ты

замахнулась на слишком крупную дичь, девушка. Я-то выпутаюсь, ну, потрепят нервы — и все, а что будет с тобой, ты подумала?

— Если вы окажетесь правы, Василий Оскарович, — улыбнулась Лиза, — я вернусь и пристрелю вас лично, как бешеную собаку.

— Ты маньячка?

— Пожалуй, да, — согласилась Лиза.

Они глядели друг на друга, и Поюровский первый отвел глаза: на нежном девичьем лице, не омраченном никакой заботой, разглядел нечто такое, что внушило ему робкую мысль о возможном конце света.

— Как же я тебя не раскусил, — пробормотал себе под нос. — Предупреждали, не верил. Старый мудак поддался блядским чарам. Никогда себе не прощу.

— Кто верит в доллар, — пояснила Лиза, — все слепые.

Сверилась с часами — десять минут прошло. Пора улепетывать. С Поюровским не попрощалась, даже не посмотрела в его сторону, но он ее окликнул, когда была уже у двери.

— Лиза, на кого работаешь?

— Это секрет.

В приемной заговорщически сообщила лупоглазой секретарше, что доктор очень занят, просил никого с ним не соединять и вообще не соваться без вызова. В то же мгновение из-за двери донесся неразборчивый, но страстный вой Поюровского. Секретарша рванулась на зов, но Лиза ее остановила.

— Не надо туда ходить, сестричка!

— Почему? Он же зовет.

— Он не вас зовет... Пойдемте, я кое-что объясню.

Подхватила растерянную секретаршу под руку и, слабо сопротивляющуюся, подвела к окну, из которого виден вход в больницу.

— Смотрите, сейчас приедут очень важные гости.

Василий Оскарович просил их встретить.

— Какие гости, ничего не понимаю?

— Не надо понимать, просто смотрите.

— Но это же какая-то нелепость!

— О, голубушка, как будто вы первый день работаете в этой больнице.

Капитан Влад уложился тютелька в тютельку. На подъездную дорогу вымахнула черная "волга" и лихо притормозила. Из машины выскочили трое мужчин и ринулись к дверям бегом, как на штурм.

— Это гости? — спросила секретарша.

— Еще какие!

— Вы уверены?..

— Еще как уверена... Как только они выйдут из лифта, передайте им вот это... — Лиза протянула маленький, но увесистый ключик от браслета.
— Они все поймут.

— Может быть, все-таки предупредить Василия Оскаровича? У него такой странный голос...

— Он уже предупрежден.

Мужчины вывалились из лифта, озираясь по своей ментовской привычке, словно спрыгнули с парашютом.

Лиза подтолкнула женщину к ним, сама развернулась и пошла к лестнице. Все, мавр сделал свое дело.

В вестибюле помедлила — что такое? С дерматиновой скамейки поднялся улыбающийся Ганя Слепень.

Он был не один. Его сопровождали двое бычар, похожих на два оживших гардероба.

— Привет, курочка, — Ганя казался совершенно трезвым. — Покажешь братанам свои приемчики?

— Прямо здесь?

— Почему здесь? Пойдем на улицу. Там с тобой кое-кто желает потолковать.

— Милый, — промурлыкала Лиза, — тебе мало горшка с кактусом? Опять ищешь приключений?

— Вполне возможно, — согласился Ганя. Глаза его незнакомо, хищно блестели, ноздри раздувались.

"Господи, какой длинный день", — подумала Лиза.

Глава 2

ОБСТАНОВКА НАКАЛИЛАСЬ

Генерал Самуилов не перестраивался, скурвилась система. В ней появилось слишком много пробоин. Сбой произошел не в социальном организме (социализм, капитализм, это все чушь собачья, область пустознания, хотя и овладевшего умами миллионов людей на планете), разлом прошел по душам, рухнула видовая ограничительная конструкция общественной нравственности.

За пять-шесть лет Россия, не оказав сопротивления, превратилась в скотный двор. На шестой части суши восторжествовал первобытный принцип — "иметь!" — зловещий знак, припечатанный дьяволом. Принцип "иметь", "брать", "хватать", "добывать" исключал дальнейшее развитие, превращал жизнь человека в примитивный цикл, в бессмысленное мельтешение между двумя исходными точками — рождения и смерти. Это тупик. Как сказал однажды Гурко: общество, утратившее мечтательность, не имеет будущего. Теперь человек рождался единственно для того, чтобы посытнее нажраться, понаряднее одеться, расплодиться, прокатиться на "мерседесе" — и сдохнуть. Если кроме этого кому-то удавалось нацепить часы "ролекс" в золотом корпусе и обзавестись пластиковой карточкой, то можно было считать, жизнь состоялась на сто процентов.

Целые поколения молодых безмозглых олухов, выбравших пепси, ни о чем ином не помышляли и презирали своих предков больше всего за то, что те ухитрились промыкать век, занимаясь какими-то нелепыми делами: растили хлеб, вкалывали на заводах и вместо того, чтобы нежиться на Канарах, запускали в небеса никому не нужные летающие игрушки. При этом все поголовно сидели в лагерях, а в свободное время выстраивались в длинные очереди за колбасой, пусть и дешевой. У новых поколений, освободившихся от уз коммунизма, было свое телевидение, своя музыка, свои ритуальные обряды (тусовки), а также одна великая мечта на всех: когда-нибудь, при удачном стечении обстоятельств получить гражданство в США. Руководила настроениями свободнорожденной биологической массы бывшая интеллигенция: бывшие писатели, бывшие народные кумиры-актеры, бывшие идеологи и бывшие партаппаратчики. На этих людей, подвергшихся какой-то чудовищной мутации, особенно мерзко было смотреть.

Но если бы это была вся правда о новой России, генерал Самуилов

давно пустил бы себе пулю в лоб. Все не так безнадежно, как могло показаться постороннему наблюдателю. Да, страна вымирала, людские популяции отброшены в пещерный век и с трудом добывали себе пропитание, по границам России струилась черная кровь, но неким сверхъестественным чутьем Самуилов осознавал, что в высшем историческом смысле это все очистительные потоки. Вполне возможно, что видимый крах государства и устрашающее падение нравов всего лишь нормальная реакция на воздействие громадной антисептической клизмы, насильно введенной в его столетиями замусоренный кишечник. Мистическое предположение подтверждали факты, накапливающиеся в секретном архиве генерала. По ним выходило, что первоначальное активное пожирание России двуногой невесть откуда хлынувшей саранчой (официальное обозначение — либерализация, приватизация, реформа) постепенно переходит в лихорадочное взаимное истребление пресытившихся хищников. Буквально за последние полгода Самуилов с чувством облегчения уничтожил досье нескольких матерых фигурантов: банкир, шоумен, вор в законе с парламентским значком, парочка биржевых акул, — а уж тех, кто помельче, можно считать на пачки. Правосудия не понадобилось, диковинные существа, недавно называвшие себя почему-то демократами, дорвавшись до власти и денег, в диком ажиотаже сами рвали друг другу глотки. Тягостно и поучительно было наблюдать за этим, в сущности, чисто биологическим, дарвиновским процессом. Уверясь в том, что ограбленное быдло, так называемый народ, покорно вымирает и никогда больше не поднимет головы, победители словно обезумели. Всю грязь своих междусобойных разборок потащили на телевидение, в газеты, сидевшие на долларовой поводке у различных финансовых и бандитских кланов, и публично обвиняли друг друга в таких кошмарных преступлениях, в такой пакости, что у обывателя, если он еще не поддался зомбированию, кровь стыла в жилах. Даже благословенный Запад, поначалу наивно радовавшийся крушению северной державы, оторопел от явления ни с чем не сообразной, взлохмаченной бандитской хари северного соседа, по сравнению с которой прежний суровый коммунистический рыльчик напоминал кукольного злодея. Светлые умы как в Европе, так и за океаном, полагали, что единственный способ уберечь цивилизованный мир от новой напасти — плюнуть на прибыль, которую сулят сырьевые запасы "этой страны", огородить Россию колючей проволокой, а потом шарахнуть десятком атомных бомб, благо в Америке давно не знали, куда их девать. Однако даже самые горячие сторонники этой радикальной и морально оправданной идеи сознавали, что она чересчур утопична. Проблема не в

том, чтобы огородить проволокой и сбросить бомбы, а в том, что по недосмотру Пентагона у русского медведя до сих пор не вырваны окончательно его собственные ядерные зубы. Чтобы хоть как-то подстраховаться, Америка придвинула натовские войска к русским границам, но трезвые головы в Штатах понимали, что это опять-таки выстрел вхолостую: напугать чем-либо россиянина после десяти лет демократии и реформ было невозможно. Он стал невосприимчив к угрозам, унижениям и пинкам, как сова невосприимчива к дневному свету.

Россия бредила наяву, но не будущим, а прошлым — симптом неизлечимой и страшной болезни, которая называется вырождением.

Самуилов умом сокрушался, но сердцем отвергал необратимость беды.

Лиза Королькова — вот кто его умилил. Когда ему доложили, Гурко доложил, он не поверил, что молодая женщина могла столько натворить. Но все оказалось правдой. Ее подвиги никак не укладывались в представление о служебном задании — ни по образу действий, ни по мотивам. Агент Королькова наломала столько дров, что ее одинаково можно было наградить орденом и посадить в кутузку. Но это по прежним законам, которые нынче мало кто помнил. По новым правилам она провинилась разве что в нарушении инструкций, но это несущественно. При сложившихся обстоятельствах Королькова проявила исключительные способности к выживанию, но особенно умилил мотив: двое несчастных сироток, мальчик и девочка, которых теперь приютил майор Литовцев, что само по себе тоже вызывало изумление. Психологический феномен заключался в том, что Лиза Королькова, человек абсолютно адаптированный к рыночному режиму, в критической ситуации вдруг выказала чисто человеческие, полузабытые качества — сострадание, верность слову, нежность и действовала с такой неумолимостью, как Божья кара. Для Самуилова это символический знак. Как в осколке бутылки иногда отражается целый мир, так одна хрупкая душа, устоявшая, сохранившая себя под могучим психотропным воздействием крысиного рынка, самим фактом своего существования выносит приговор режиму. Можно смести с лица земли целые города, можно наносить точечные удары по культуре, расстреливать парламенты, торговать человеческим мясом, пить кровь, охмурять толпы картинками роскошной иноземной жизни, морить голодом стариков, объявлять предателей и подонков спасителями нации и прочее в том же духе, но, выходит, нельзя окончательно вытравить живое в живом. Агент Королькова выстояла перед системой, поняла ее лживую суть и оказала сопротивление.

Ее поступки не укладывались ни в одну из известных Самуилову

поведенческих схем, она несла в себе некое знание о мире, неведомое генералу.

Олег Гурко не разделял его восторгов. Генерал принял его на конспиративной квартире, по традиции наполнил стопки. Гурко поморщился.

— К чему это, Иван Романович? Ни вам, ни мне не на пользу. Не возражаете, если я просто заварю хорошего чая?

Генерал не возражал. Он встретился с Олегом вторично после Зоны (один раз навестил в больнице, но это не в счет, Олег был в беспамятстве), и опять с тревогой отметил, как изменился молодой офицер. Другой взгляд, вопросительная улыбка. В нем словно что-то потухло, и выражение лица такое, будто он загодя отвергал все хорошее, что можно узнать об этой чумовой жизни. Генерал чувствовал, Олег уже не воспринимает его как наставника, но хоть относится с почтением, как к заслуженному трудыге на том поприще, которое их соединяло. Прежде Олег редко возражал. Если с чем-то не соглашался, хранил это при себе, зато теперь на каждое генеральское слово находил сразу два-три своих, ставящих это слово под сомнение. Тут сквозило не высокомерие, не желание подчеркнуть свою независимость, скорее, горькая усталость мужчины, успевшего побывать по ту сторону добра и зла. На комплименты в адрес Лизы, которыми, надо заметить, генерал хотел сделать ему приятное (все же вроде бы родственница), Гурко холодно обмолвился:

— Неуравновешенная, неадекватные реакции. Ума мало. Баба. Ей крупно повезло, чистая случайность.

— А в чем повезло?

— В парке должны были ее убить. Отпетые бандюки.

Сережа вовремя подоспел.

Генерал не стал спорить и вдаваться в подробности.

Собственноручно, по особому рецепту заварил чай. Он рад был встрече с Гурко, но время, как всегда, поджимало. Совсем иным, служебным тоном распорядился:

— Доложи по Самарину, Олег. Что ты в конце концов надумал?

И тут же получил возможность увидеть, как на мгновение прежним блеском осветилось лицо Гурко. О да, этот парень — охотник, и какие бы метаморфозы с ним ни происходили, он всегда будет счастлив выйти на крупную дичь. От этой мысли генералу стало грустно.

С Самариним так. К торговле человеческими органами он напрямую отношения не имел, хотя его правая рука — Шерстобитов (кличка Му-Му и Иуда) замаран, но тоже косвенно. В спектр коммерческих интересов

Иудушки-Му-Му входила страховая медицина, собственно, он был главным разработчиком гениальной аферы со страховыми полисами, которой позавидовал бы сам рыжий Толян, отец ваучера. С другой стороны, именно Шерстобитов (вероятно, по поручению Самого) разбомбил "донорский" бизнес, снял с игровой доски центральные фигуры и законсервировал проект, неизвестно на какое время. Теперь более конкретно о Самарине. В этой фигуре много загадочного. Стопроцентный теневик, чурающийся всякой публичности, но по масштабу деятельности и по размерам приватизированного капитала стоит безусловно вровень с самыми известными столпами отечественного бизнеса, включая банковскую семерку. За ним — нефть, камни, алюминий, средства связи, стратегическое сырье, контроль над оффшорными зонами и финансовыми потоками, наркотики, Прибалтика, Кавказ — и еще много всего, хотя нигде Самарин не проявился достаточно четко для того, чтобы указать на него пальцем: вот главарь. В последний год активно устанавливает контакты с Китаем и Ближним Востоком. Опять же трудно, почти невозможно выявить конечную цель его "наездов", переговоры ведутся всегда в обстановке строжайшей секретности и, как правило, через подставных лиц.

Самарину семьдесят один год, он сидит безвылазно в загородной резиденции (вернее, в двух-трех резиденциях), жизнь ведет скромную, малодоступную постороннему глазу.

Загадки начинаются с его прошлого, которое отсечено 1988 годом, дальше — провал. Гурко копнул архивы, брал допуск к центральному компьютеру, разослал множество запросов, — отовсюду туман. Установлено несколько личностей, которые, по всей вероятности, имеют отношение к нынешнему Самарину, а возможно, им и являются, но фигурируют в разных ипостасях одновременно. Эта мистика подтверждена документально. Почти доказанным можно считать, что его предшественниками были: Гоги Модильянец, знаменитый вор в законе, кличка Жаба, три срока по валютной статье, до упомянутого года "пас" архангельскую зону, совершил побег — дальше следы затеряны; Вениамин Панкратов, знаменитый душегуб из Ставрополя, извращенец, специализировался по трех— пятилетним девочкам, Но суду признан невменяемым, спущен в психиатрическую клинику под Саратовом, в восемьдесят шестом году умер; Георгий Иванович Салтыков, махинатор-цеховик, завалил центр России подпольным ширпотребом, хищения в особо крупных размерах, приговорен к высшей мере, в восемьдесят четвертом году приговор якобы приведен в исполнение; Иван Захарович Желудь, диссидент-невозвращенец, самый громкий политический скандал

60-х годов: будучи зав, идеологическим сектором райкома, повез группу ткачих в Париж на праздник газеты "Юманите", попросил политического убежища. До восьмидесят третьего года работал на радиостанции "Свобода". Разоблачал. Однажды по дороге на службу его сбил "опель" — пикап с забрызганными номерами. Полиция составила протокол. С тех пор ни Желудя, ни протокола, ни пикапа; Казбек Киримов, Узбекистан, хлопок, высшая мера, приговор якобы приведен в исполнение...

Генерал слушал Гурко, забыв прихлебывать чай.

Наконец перебил:

— И это все Самарин?

Гурко радостно отозвался.

— Стопроцентно.

— Какая-то чушь... И потом, Олег, есть элементарные способы идентификации. Отпечатки пальцев, к примеру. Сличение на компьютере.

— Помилуйте, Иван Романович! Если он сумел так чудесно расплодиться, то отпечатки пальцев для него — сущий пустяк. Не заслуживает внимания.

После этого генерал решил, что все-таки следует выпить водки. Гурко счастливо улыбался, как именинник. "Кто-то из нас двоих, видимо, сходит с ума", — подумал генерал. Вслух сказал:

— Какие же у тебя предложения?

Гурко достал из кейса тоненькую пачку фотографий.

— Полюбопытствуйте, Иван Романович.

Генерал послушно нацепил на нос очки, перебрал с десятков снимков. На всех одно и то же — изуродованные детские тельца, смерть в самом жутком ее воплощении.

— Это что? Откуда?

— Из дела Вени Панкратова. Ставропольский душегуб. Обратите внимание, насильствовал девочек уже мертвыми.

— Где доказательства, что Панкратов и Самарин — одно лицо? Полагаю, их быть не может. Это все сюжет для ужасика, новые похождения Крюгера. Олег, ты меня удивляешь. Зачем все эти страсти? Что ты хочешь доказать?

— Отрубленные головы по всей Москве — тоже забавы Крюгера?

— То есть, старик Самарин их нарубил?

— Не совсем так, но это его рука.

Генерал с облегчением подумал, что сошел с ума скорее всего все-таки не он. Да и потом — что значит, сошел с ума? Гурко обладает редчайшими качествами, в некоторых отношениях он просто гений, никому за ним не

поспеть, но как все гении, не умеет расслабляться. Переутомление, колоссальные нервные перегрузки — и вот, пожалуйста, короткое замыкание в правом полушарии головного мозга. Но Гурко молод, он оправится.

— Месяц в деревне, — сказал генерал, — этого недостаточно. Тебе надо хорошенько отдохнуть. Может быть, поехать в круиз, чем ты хуже новых русских?

Гурко отнесся к замечанию наставника с пониманием.

— Я консультировался у опытного психиатра, Иван Романович... В частности, и по делу фигуранта. Авторитетное мнение: случай расслоения личности, множественная материализация — для науки факт не новый.

Вполне доказанный феномен биологической мутации.

Иначе, явление оборотня. Чего далеко ходить, поглядите на ведущих политических программ: разве это не один и тот же человек, хотя фамилии у них разные и обличьем не схожи.

— Олег, дорогой, — попросил генерал, наполняя рюмку, — пожалей старика. Перейди к делу.

— Хорошо.

Гурко поглядел в окно, будто занавешенное белой простыней. Меланхолично подумал: Самуилов начинает сдавать. Старость коснулась его затылка влажной ладонью. Ему страшно покидать реальный мир хотя бы на минуту. Очень жаль. В реальном мире истины нет.

Что ж, опять о Самарине. Это, безусловно, параноик с необратимыми фазовыми сдвигами. Он опаснее для общества, чем целая сотня юрких экономистов-реформаторов. Постепенно его паранойя, поначалу бытовая, переродилась в маниакальную жажду власти, и теперь вряд ли найдется больница, которая решится его приютить. Фокус в том, что время совпало с его параноидальными амбициями, и Самарин поднялся на такую высоту, где бессильны обычные средства, применяемые к подобным больным. Он на несколько голов опередил возможных преследователей и накопил такую мощь, при которой нелепы разговоры о юридической изоляции. По всей вероятности, недалек час, когда он навяжет свою больную волю еще не до конца умерщвленной стране, и тогда нынешние нищета, унижение, мрак и погибель покажутся людям, оставшимся в живых, сладчайшим из воспоминаний.

— Я не сгущаю краски, — сказал Гурко. — Если вы не поверите, генерал, вряд ли поверит кто-нибудь другой.

Полусмежив тяжелые веки, Самуилов произнес слабым голосом:

— Чего ты ждешь от меня? Ведь разрешения на ликвидацию тебе не

требуется?

Гурко поймал себя на мысли, что вопрос генерала удивительно точен. Он спрятал фотографии, защелкнул кейс. Отпил остывшего чая.

— Ликвидация — это слишком примитивно, — заговорил устало, будто в подражание генералу. — Важнее прояснить, что с нами происходит, то есть, не только с нами, со всем обществом.

— И что же?

— Мне кажется — вот что. Из нормальной жизни, которой живет большинство людей в мире, мы переместились в смежную реальность, где царствуют не факты, не тенденции, а мифологемы и призраки. Как и почему это произошло — сейчас не суть важно. Чтобы выбраться обратно в мир привычных человеческих понятий, сперва необходимо изучить свойства этой призрачной сказки о новом мире и противопоставить ей иную мифологему, абсолютно понятную и удобоваримую. Они тоже так действовали, когда шли к власти: разрушали старые иллюзии, предлагая взамен новые. И рыбка клюнула, спекся великий народ.

Самуилов вынужден был выпить третью рюмку.

— Допустим, — сказал вяло, — я догадываюсь, о чем ты так путано рассуждаешь, но возникает старинный вопрос, какова цена твоей утопии? Сколько крови опять прольется, пока она восторжествует? Олег, может проще отступить? Мы же не палачи, не экспериментаторы?

— Карфаген все равно должен быть разрушен, — пробурчал Гурко. У него глаза пылали, как две свечи, генерал невольно потупился...

Глава 3

НИКИТА АРХАНГЕЛЬСКИЙ — БИЧ БОЖИЙ

Агата подольстилась к Никите Павловичу. Вызнала каким-то образом про его маленькую страстишку — нумизматику, пошуровала в тайных закромах и одарила прелестным сувениром — заплесневелой греческой драхмой, заправленной в изящный серебряный ободок.

Подарок Никита принял благосклонно. Завел Агату в укромный кабинет под антресолями, усадил в кресло, сам уселся за стол, зажег лампу и долго изучал презент в черную лупу. Откинулся на спинку стула умиротворенный.

— Лепота!.. Где стырила?

— Где стырила, там больше нету.

— Ой ли?! А если порыскать?

Агата прикусила пухлую нижнюю губку, сладострастно изогнулась, промолчала.

— Нету так нету, — кивнул Никита. — Чего хочешь взамен?

— Это подарок, Никитушка!

— Ты мне, курва, не темни, я зрячий. Говори, чего понадобилось?

У Агаты от его обволакивающего взгляда, подобного болотной рыске, в кишочках сладко запело.

— Да ничего не надо, Никитушка, все у меня есть.

— Даров от шлюх не беру, — отрубил Архангельский. — Обменяться можно. Ну?!

— Ох и грозен ты, Никитушка, ох и смурен! — Агата кокетливо зарделась, зарумянилась. — А если просто подружиться с тобой хочу? На всякий случай, а, Никитушка?

Никита отложил монету, поднялся, прошелся по кабинету. Постоял под открытой форткой. На бритый череп слетел озорной солнечный зайчик. Агата ждала, сердце вдруг истомно зашлось. Могучий затылок, крутая спина, зад, как у жеребца, — этот мужик весь из камня, и душой и плотью. Таких она еще не пробовала на зубок. А хочется. Боязно, но желанно.

— Никитушка, — позвала негромко, — поверишь ли, как ты Кларкину головку снес, я горячим чувством к тебе прониклась. Что-то стряслось, тянет к тебе...

Никита не оборачивался.

— Понимаю, Никитушка, доложишь хозяину, мне хана. Я же рискую,

Никитушка.

Никита подошел к ней, приподнял из кресла, ухватив за плечи. Полюбовался сатанинской красотой.

— Ой, — сказала Агата. — Хоть бы дверь запер, Никитушка!

Опустил ароматную женскую мякоть обратно в кресло.

— За монетку хотела купить?

Агата млела.

— Возьми меня, Никитушка! Не побрезгуй девушкой влюбленной. Или ты до мальчиков больше охоч?

При виде такой дурости у Никиты задергалось веко.

От греха вернулся за стол, прорек:

— Опасно играешь, крыса. Мне ведь едино, чья ты.

Со мной шутить нельзя.

— Ты не понял, Никитушка. Я не шучу. Хоть сейчас, хоть после — только мигни.

— Чего вдруг разобрало?

— Такой уродилась. Не могу перед мужской силой устоять.

Никита задумался, что случилось с ним редко. На все вопросы, которые могла задать жизнь, у него давно были припасены ответы. Агата благоговейно ждала, пока прояснится его чело.

— И все же, — стряхнул помрачение Никита, — чего хочешь за монетку? Если без озорства.

— Хозяину не продашь?

— У меня нету хозяина.

— Ты же служишь Сидору?

— Кому служу, в твоей головке не поместится. Лучше не думай об этом.

Агата закурила сигарету, заправленную травкой.

Никита поморщился, но от замечания воздержался. У него сердце непривычно, громко тукало. К женским чарам он был равнодушен, но тут нечто иное. Он и прежде, когда встречал Агату, ощущал такое, словно его охватывало баннным паром.

Агата пожаловалась:

— Мне никто не верит, Никитушка, никто. Уж Сидор тем более. Для него я красивая игрушка, потешится — и выкинет. Хорошо если не сломает при этом.

— Это верно, — подтвердил Никита Павлович.

— Но с тобой мы сородичи, и ты это чувствуешь, и я чувствую.

— Как это?

— По крови мы сродни, по горячей, ненасытной крови, потому нас и тянет друг к другу.

— Эх куда хватила, — урезонил Никита, но беззлобно. — Твои родичи все на метлах летают. На Тверской каблуки топчут. Особо не зарывайся, девушка, не равняй меня с собой.

Агата не обратила внимания на колкость, будто пригорюнясь, попросила об услуге. Если он хочет отблагодарить за монетку, пусть свозит к Сумскому в психушку. Архангельский удивился.

— Зачем тебе банкир? С него теперь клока шерсти не снимешь.

— Не нужны мне его бабки. С него другой должок.

— Какой же?

— Чистенький, холеный, он во мне женщину унизил. Хочу поглядеть, какой он теперь — в блевотине да в тоске.

— И что же с ним сделаешь? Убьешь, что ли? Так он теперь и боли не почувствует. Ему теперь хорошо.

Агата сама не знала, чего ждет от Сумского. Может быть, и впрямь додавить, дожать самоуверенного мерзавца, посмевшего обойтись с ней, как с прокаженной, а может, напротив, пожалеть. Скорее всего, недужная натура требовала каких-то новых, острых впечатлений. Она не верила, что банкир шизанулся. Такие не теряют рассудок от потрясений чужой смертью. Нет, с ним еще не покончено, его надо вывести на чистую воду, а после решать, как быть.

— Отдай мне его на часок, Никитушка. Такой у меня каприз. Чем хочешь отслужу, если монетки мало.

Никита глянул на тусклый зрак драхмы, на мгновение ощутил дыхание вечности.

— Хочешь сюда его привезти?

— Сидору не понравится, если пронюхает. Лучше съездим в психушку. Это можно устроить?

— Все можно, почему нет, — Никита указал рукой на дверь. — Ступай, любовничек, поди, заждался...

Удивляюсь, как ты его приворожила.

Моргнуть не успел, Агата очутилась рядом, обвила жилистую шею руками, приникла к губам пылким ртом.

Еще миг — и след ее простыл, только в ноздрях застрял острый запах "дури".

Озадаченный, Архангельский позвонил в гараж, велел подать машину к крыльцу. Накинул лисью шубу до пят, напялил на голову соболий треух. Через пять минут уже мчался по трассе на красной "ауди", вонзившейся в

морозную гладь перечным стручком. За баранкой горбился Петя Хмырь, его давний водила, преданный и молчаливый, как самурай. Никита парил над дорогой, угревшись на заднем сиденье. Мысли облачились в белоснежную пелену.

Разумеется, он не поверил ни единому слову панской курвы. Но уразуметь, на кой ляд она к нему подбиралась, не мог. Если по насылу Самарина — глупо. Если по собственной воле — смешно. С банкиром Сумским, конечно, — полная туфта. Кому он теперь нужен — свихнувшийся голяк? Подписав документы, он подписал себе смертный приговор, но по чудной прихоти владыка сохранил ему жизнь, это Никиту не касалось.

По его мнению банкира следовало порешить, но и так сойдет, нормальная зачистка. Он самолично снял голяка с улицы, отвез в коммерческую богадельню для безумцев и поставил на довольствие. Директора предупредил: пригляди за голубком, чтобы не сиганул невзначай за ограду. Но это излишняя предосторожность, Сумской на самом деле спятил. Неделю спустя Никита не поленился, навестил его в клинику, навез торбу гостинцев, покалякал с ним. Банкир его не признал, сидел на кровати в длинной чистой белой рубаше, как моряк перед штормом, пускал изо рта голубые пузыри и что-то беспрестанно мычал себе под нос. В одной с ним комнате коптились два братана, совершенно нормальные ребята, похоже, переживавшие в клинике каждый свою какую-то грозу. Они пожаловались Никите, что новый сосед иногда бузит, соскакивает на пол и пристает к ним с просьбой вернуть то ли лимон, то ли два триллиона, в цифрах путается. При этом ведет себя нагло, плюется, а бить его директор не велел, сказал, что сам скоро успокоится и забудет про свои миллионы.

— Правда, что нельзя бить? — вежливо поинтересовались у Никиты братаны.

— Можно, — сказал Никита, — но не до смерти. До смерти нельзя. И калечить тоже не надо.

Сумской, будто понял его заступу, кинулся обниматься, измазал соплями, еле Никита его стряхнул. Его поразило, что у банкира оба глаза стеклись к переносице, словно стремясь перескочить друг к дружке: такого сосредоточенного выражения лица он ни у кого прежде не видел.

Директор психушки, бывший у Сидора на содержании, заверил: это уже овощ, никаких проблем.

Никите было любопытно, как ведьма станет выяснять отношения с былым миллионщиком, но этого скорее всего не будет. "Родственница" клеилась к нему не за этим, а вот зачем — загадка. Загадок такого толка

Никита на дух не переносил.

В полудреме ему вдруг привиделись строгие глаза покойника, старика Саламата. Саламат был единственным человеком, который знал Никиту по-настоящему.

Пока старик не помер, они взаимно сосали друг у дружки мозг из костей. Вот они были братья, это точно. Не по родству, по духу. Великий Саламат в зоне открыл ему много истин, после знакомства с ним Никита уже не сомневался в своем предназначении.

...На съезде с основного шоссе случилась досадная заминка. Бежевая "шестеха" не вписалась в поворот и слегка царапнула их по левому борту. Петя Хмырь грязно выругался, сел хулигану на хвост и включил сирену.

Метров через двадцать "жигуленок" послушно притормозил на обочине.

— Ну, падла, — сказал Хмырь торжественно, — сейчас я тебя урою.

Никита Павлович не стал удерживать своего водилу, бесполезно. Два года назад по наводке Хорька, которому Петя Хмырь приходился дальним родственником, он выкупил его прямо из камеры смертников, что обошлось недешево, но ни разу не пожалел об этом. Хорек не соврал, родственничек оказался первоклассным водителем с уклоном в фанатизм. Перед новым хозяином, спасшим его от вышака, он преклонялся, даром что был осужден за тройное убийство, правда, по пьяной лавочке, — жены, свекра и случайно забежавшего на огонек дворника. Виновным Петя Хмырь себя не признал, по той простой причине, что действовал под сильным керосином и ничего о происшествии не помнил, даже не мог назвать имени жены, с которой прожил в согласии не меньше трех лет.

За время предварительного заключения он постепенно пришел в себя, ум его просветлился, и он дал зарок не употреблять больше ханку, раз это такая зараза, что из нормального человека делает буйнопомешанного. Свой зарок Петя Хмырь, как ни чудно, сдержал. Он пришелся по душе привередливому в людях Никите, толковый малый, но с одним недостатком: если задевали его самолюбие, Петя Хмырь на короткое время становился невменяемым. Сейчас был как раз такой случай.

Никита Павлович вылез из машины следом за водителем, чтобы выкурить сигарету на свежем воздухе. До деревни Наметкино, куда они направлялись, оставалось пять минут езды.

Из "жигуленка" выскочил мужичок лет за пятьдесят в старой, протертой на сгибах дубленке и забавном, допотопном "пирожке". Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, кто это такой. А когда открыл рот, все окончательно определилось: худосочный интеллигентик,

каких в Москве прежде было навалом, гордились тем, что живут на зарплату, и летом ездили отдыхать в Крым, что было пределом их мечтаний. По пришествии демократии этот городской мусор быстро повывелся, сгинул; ученые жучки оказались еще более неприспособленными к новой жизни, чем пенсионеры.

Некоторые каким-то боком вписались в рынок, ищачили на своих задрипанных тачках, челночили, приворовывали по мелочевке, но настоящими людьми так и не стали. Порода почти неискоренимая, до сей поры от них много вони и комариного зуда. Никита Павлович, как и его босс, их строго не судил, вреда от них особого не было, да и век их уже измерен.

Шибздик в дубленке, изображая возмущенное кипение, издали заверещал:

— Я же не виноват, господа! Ехал строго по своей полосе — вон след. Это же очевидно!

Он был не прав в принципе, но Петя Хмырь не стал ему возражать, молча указал пальцем на поцарапанный красный бок "аудиохи". Мужичок напялил на нос очки (действительно, повреждение еле заметно) и засуетился возле машины. Никита Павлович с любопытством наблюдал: мошка, конечно, а ведь как хочет жить!

— Ну и что?! — с какой-то неуместной радостью прогудел интеллигент. — Пустяковая царапина. Сам закрасу, подберу колер, никто не отличит.

Петя Хмырь, сохраняя самообладание, вежливо произнес:

— Десять штук, сучонок! Немедленно!

Интеллигент переспросил:

— Десять штук чего, извините?

Лучше бы не спрашивал. Петю Хмыря затрясло.

— Будешь платить сразу или нет?

— Я не понял, о какой сумме речь?

— Речь идет о десяти тысячах американских долларов, — собрав волю в кулак, растолковал Петя.

Интеллигент сделал вид, что тоже затрясся. На губах появилась неуверенная улыбка.

— Вы шутите, наверное? Откуда у меня такие деньга? Да и за что? Эта царапина... — и полез наглым пальцем к крылу машины. Поразительно, но Петя и тут не сломался.

— Теперь послушай меня, козел, — сказал он. — Или ты выкладываешь бабки, или я тебя сейчас кончу.

Интеллигент оказался еще тупее, чем они обычно бывают.

— Как это вы меня кончите? В каком смысле?

Никита Павлович решил вмешаться.

— Не заводись, Петро. Видишь, дяденька совсем плохой, не понимает тебя... А вы, товарищ, не спорьте.

Натворили дел, надо платить. Все справедливо. Посудите сами. Ремонт, потерянное время плюс моральные издержки. Петро еще мало запросил по доброте душевной.

Интеллигент жалобно озирался по сторонам, как все они делают, если прижать им хвост, словно по старинке надеются, что кто-то в этом мире им поможет.

Нет, брат, не без горечи подумал Никита Павлович, никто никогда тебе не поможет, дурачок. Раз вовремя не сдох, терпи.

— Ведь я же шел по своей полосе, — опять заныл придурок. — У меня нет таких денег. У меня с собой всего сто тысяч.

— А дома? Если поискать?

— И дома около миллиона... Я готов, разумеется... но если по совести...

— Ах по совести, — Петя Хмырь побагровел от праведного гнева. — Ах ты хочешь по совести, козел?!

Он обогнул несчастного сбоку, ухватил за шиворот дубленки, чуть приподнял и шарахнул мордой о багажник. Хряск был такой, как если бы машина врезалась в дерево. Но Петя этим не удовлетворился. Он поднимал и шмякал интеллигента об железо до тех пор, пока крышка багажника не затянулась темно-красной слизью.

— Хватит, Петро, — забрюзжал Никита Павлович и бросил сигарету в снег. — Не до вечера же здесь торчать.

Обмякшую тушу в дубленке Петя Хмырь доволком до края шоссе и спихнул в кювет. Потом расстегнул ширинку и смачно помочился на доходягу, освобождаясь от стресса. Из проезжающих машин на них поглядывали с любопытством.

Вернулся за баранку Петя успокоенный. Извинился перед шефом:

— Извините, Никита Павлович, но сами видите, какая мразь гуляет по свету. Мочи нет терпеть.

— Ничего. Поехали.

— Разрешите, я его тачку подпалю?

— Некогда, — Петя уловил в голосе шефа раздражение, поспешно вырулил на шоссе. Но успокоиться долго не мог: кричал, что-то бормотал, курил одну за другой. Архангельский не выдержал:

— Что ты, как жук навозный, копошишься? Следи за дорогой.

— Одного не понимаю. Откуда у них такой гонор, у голоштаных. Пустое место, а ведь вякает, залупается.

— Слишком ты молод, Петро, — снизошел до поучения Никита Павлович. — Это философский вопрос.

Каждой твари кажется, она на особину уродилась. Так уж природа содеяла. Подкатили к дому давнего секретного кореша Никиты — Михася Яблонского. В деревне Наметкино он жил, как у Христа за пазухой. Это была одна из точек, которую Никита Павлович держал на случай внезапной нужды. Подобные точки были и за Уралом, и в Сибири.

Он не собирался, подобно многим другим, покидать родину, если прижмет. Где родился, там и пригодился, — был его жизненный принцип, завещанный покойным батюшкой. Михась Яблонский, пожилой, на пороге древности, но очень бодрый и жизнелюбивый человек, до того, как осесть в Наметкино, много чего повидал на своем веку. Их дружбе с Никитой Павловичем без малого тридцатник, и породнила их, разумеется, зона. Когда Никита был еще вороватым, драчливым, но задумчивым подростком, Михась Яблонский уже выбился в авторитеты, конечно, он тогда носил другую фамилию и солидную кличку Скворень. От того бывшего Скворня, охочего до любой свежатинки, не осталось и помину. Укатали сивку годы, горы и болезни.

Дверь в дом открыл Никите благообразный старец с острой бородкой, с раздутым зобом и с голубеньким, весенним сиянием почти незрячих глаз. Гостя он, как всегда, определил не по виду, а скорее, по запаху. Это умиляло Никиту. Еще в давнюю бытность Скворень как-то объяснил ученику, что любой человек, кроме характера, имеет неповторимый запах, этакую индивидуальную воньцу, которую только надо уметь различать.

Запах у человека, как отпечатки пальцев. От одного за версту несет говном, другой благоухает цветами, четвертый — мятными пряниками, пятый — ассигнациями, и так до бесконечности. От бабья большей частью разит какой-нибудь разновидностью помоев. От Никиты, по просвещенному мнению Скворня, тянуло сырой картохой.

Стоя в проеме дверей, старик чутко повел ноздрями, весело уточнил:

— Никак ты, вампирушка?

Улыбаясь, Никита отодвинул старика плечом, не дав себя обнять, уверенно прошагал прямо в светелку.

Скинул шубу и треух, по-хозяйски уселся за тесовый стол, облегченно погружаясь в печную тишину и покой.

Старик вкатился следом, потирая сухие ладошки.

— Бухать будешь, Никитушка? Или на минутку залетел?

— Давай, давай, старче, примем по наперстку с мороза.

Мигом на стол поставилась бутылка чего-то желтого с плавающими стрелками лука и тарелка с немудреной снедью — сало, мокрые мятые соленые огурцы, краюха черного. Старик жил один, но дом вел опрятно — нигде ни соринки, ни пылинки, — образа, старинная, как у купцов, мебель, герань на окне.

— Рад тебе, рад, — запел Скворень, успокоясь, разливая по стопкам золотистую жидкость, которая была ничем иным, как натуральным самогоном собственной выделки: пить казенную Михась опасался после нашествия иноземцев. — Не чаял так быстро повидаться.

Стряслось что?

Никита чокнулся со стариком, опрокинул чарку, сладко хрустнул огурцом.

— Ничего, слава Богу, не стряслось, но в затылок, чую, дышат.

— Кто дышит, вампирушка? Кто насмелился?

— Пока не вызнал... К тебе на консультацию заехал.

Ну-ка, неси инструмент.

Протер стол широкой ладонью, выложил Агатину монету в серебряном ободке. Он приехал по верному адресу. Среди многих статей, под которыми ходил старый греховодник, была одна за изготовление фальшивых денег, но это было, можно сказать, увлечение молодости, не затронувшее его глубоко. Зато на долгие годы вперед Михась Яблонский пристрастился к нумизматике, когда-то посвящал ей весь свой досуг, и одно время его известность была не меньше, чем у Саши Кривого из Москвы и Лехи Кравнюка из Запорожья. По опыту и знаниям он вряд ли уступал любому музейному эксперту.

Запалив над столиком спецлампу на пятьсот ватт и вооружившись старинной лупой в черепаховой оправе, старик уселся над заплесневелой драхмой, как петух над курицей, но изучал ее недолго. Изумленно уставился на кореша.

— Откуда, Никитушка?

— Неужто не подделка?

— Упаси Господь! Нутряная, взаправдашная — да ей цены нет!

— И на сколько тянет?

— Смотря где продать... Да зачем тебе, Никитушка?

Оставь, сберегу.

Бледный взор старика от жадности замерцал голубоватой слезой.

— Оставлю, не трясись!

Никита задумался, и старик ему не мешал: любовно созерцал тусклое свечение монеты. От всех очарований прежних дней у него осталась одна радость — вот эта таинственная магия вечности, воплощенная в холодных ликах старинных монет.

Никита Павлович опять вспомнил великого Саламата, научившего его, в чем смысл жизни свободного человека: расчищай территорию! Неуклонно расчищай территорию, пространство вокруг себя, иначе сожрут.

Где заметишь вредоносную мошкору, травы немедленно и беспощадно. Не жадничай, не оглядывайся назад, свято храни место под солнцем, завоеванное тобой и принадлежащее тебе. В согласии с этим заветом Никита пробирался по жизни подобно асфальтовому катку, сокрушая все, до чего мог дотянуться. Место под солнцем — это там, где ты царь и Бог, кто не понял этого, тот остался младенцем. Достоинство мужчины не в том, сколько он нахапал и скольких женщин обрюхатил, а именно в том, чтобы оставить после себя чистый, сверкающий след на земле, свободную трассу в диком лесу.

Конечно, все это выше разума большинства обычных людей, живущих суетно, скудно, но великий Саламат открывал свои истины лишь избранным, лишь тем, кто умел слушать.

Сегодня Никита проглядел опасность: ядовитый жучок подобрался слишком близко и почти невидим.

— Скажи, Михась, что значит, если девка дарит такую монету?

— Какая девка?

— Поблядушка Сидора. Оторва из оторв.

Старику Яблонскому далеко до великого Саламата, но он был достаточно умен, чтобы сразу ухватить суть вопроса.

— Одно из двух, Никитушка. Либо не знает цену монетки, либо тебя подставляет.

— Скорее второе. Ведь она же ведьма.

— Вряд ли, — усомнился Скворень. — Если хозяин на тебя катит, зачем ему такие хитрости? Есть простые, надежные средства. Не тебе слушать, не мне говорить.

Может, девка вообще бесится с жиру, а ты башку ломаешь.

— Тоже верно, — согласился Никита, но тревога не утихла.

...Год 1971. Горьковская пересылка, морозная ночь, душная камера, где на шести метрах десять человек, — и позор, позор, рыдание живого юного существа, превращенного в студень, размазанного по стенке. Происшествие, о котором в сознании с годами осталось не воспоминание, а черная метка, напоминающая кусок блевотины, законсервированной в

вечной мерзлоте. А вот — год 1998, конец века, богатые, барские хоромы, — и аппетитная самочка, ведьмино отродье, протягивающая на похотливой ладошке бесценное сокровище — медную драхму. Никто, кроме самого Никиты Архангельского, не уловил бы, не почуял связи между этими двумя эпизодами, ее скорее всего и не было, но зияющая, черная пробоина в душе, образовавшаяся в ту жуткую, глумливую ночь, чутко, болезненно отзывалась на любую несообразность, подавала истошные сигналы: соберись! не зевни! вдруг остался свидетель?!

— Поеду, — заторопился Никита Павлович. — Спасибо за угощение... Ладно, монету добавь к остальным.

В следующий раз проведу ревизию.

Старик кивнул, разлил на посошок. По коричневым морщинам скользнула отрешенность, мыслями был уже далеко. Никита вдруг поинтересовался:

— Дед, а не прислать тебе пару цыпочек? Одичаешь туг один, в дуплето?

— Не одичаю. Одному славно живется, тихо. Да и деревня не совсем пустая, есть с кем словцом перекинуться.

— Вольному воля... — Никита запахнул шубу. Старик поднялся его проводить, глазом по-прежнему косил на монету.

— Мне другое чудно, Никитушка, — протянул задумчиво. — Ты чего так взбеленился? Али конец почуял?

Любого другого за такие слова Никита враз окоротил бы, но заслуженному злодею ответил дружески:

— Чушь порешь, дед. Конца у нас никогда теперь не будет. Будет вечное зачало...

Заждавшийся в машине Петя Хмырь сорвался с места на полном газу. Он иной раз без слов чувствовал, куда везти хозяина. Погнал обратно в резиденцию. Уже где-то посередине пути открыл рот.

— Я все-таки так понимаю, Никита Павлович, если всю эту мразь ликвидировать, ну, которые под колеса лезут, ведь некому станет пахать. Как ни крути, без совков не обойдешься. Другое дело, учить их надо. Для ихней же пользы.

— Верно понимаешь, — одобрил Архангельский.

На даче, отдав распоряжения охране, прошел на кухню к бабке Степаниде. От неожиданности бабка уронила себе на ноги горшок с грибами. Неловкая была старуха, шепутная, но стряпала отменно. Никита добродушно похлопал ее по жирной спине.

— Не дрожи, не трону. Дай чего-нибудь похавать.

Он любил так невзначай наведаться на кухню, снять пенки. Для него Степанида держала посуду — расписную плошку и большую деревянную ложку. С пыли, с плиты любой кусок слаще.

— Чего там у тебя сегодня?

Хлюпая носом, Степанида подала на стол сковороду с дымящейся, распластанной на крупные ломти индейкой. Поставила графинчик с беленькой — все, как Никита уважал.

Ел он жадно, чавкал, горячее мясо глотал, почти не пережевывая. Чтобы не застревало в горле, запивал водкой, как морсом. Степанида стояла у плиты, скрестив руки на животе: чего изволите? Насытись, еще с набитым ртом, Никита прошамкал:

— Сядь, не изображай пугало.

Степанида послушно опустилась на табурет, но глаз не смела поднять.

— Хозяйскую новую кралю хорошо знаешь?

— Ой, — Степанида попыталась уменьшиться в размерах, но это ей не удалось: грузновата была. — Да мне зачем, Никита Павлович?

— Отвечай, когда спрашивают.

— Забегала раз-другой, видела ее.

— Ведьма она или нет?

Степанида истово перекрестилась, задышала тяжело, как под мужиком.

— Пожалейте, Никита Павлович, я простая женщина, на кухню приставлена милостью Господней...

— Простая — потому должна чутать. Какое про нее мнение, говори, не бойся.

— Да я же чего, да мне же...

Никита дотянулся, звучно хлопнул ее ложкой по лбу. Степанида враз опаматовалась, сказала твердо:

— По нашему разумению, гулящая она. Но очень пригожая. И не жадная. Давеча ни с того ни с сего колечком одарила.

— Все бабы гулящие, про другое спрашиваю.

— Про что другое нам неведомо. Помилуйте, Никита Павлович.

— Покажь подарок.

Метнулась к шкафчику, принесла колечко с бирюзовой нашлепкой — дешевка, копейка цена, но блестит, как настоящее.

— Чего говорит, когда заходит?

— Да так, женска болтанка... О чем ей говорить с деревенской бабкой. Где она, и где я. Чайку попила с творожником, вареньем ее угостила. Не побрезговала, скушала цельную вазочку. Хорошая дамочка, но несчастная.

— Почему несчастная?

— Это нам неизвестно. На ней печати негде ставить, какое тут счастье.

Никита вызнал все, что требовалось: во все углы сует нос парчушка, ладит мосты.

С кухни отправился к боссу. У двери дежурил этот валенок — Сема Гаревой, хозяйина соска, шут гороховый.

— Кто у него? — спросил Архангельский. Сема ощерился, как крыса на стрихнин. Не первый раз Никита подумал, что когда-нибудь придушит ублюдка прямо у двери, не миновать этого. Чересчур паскудная рожа!

— Важные гости, черные, прямо с гор.

— Меня не искал?

— Никак нет, Никита Павлович.

— Агата там?

— Пока нет, — скривился еще более мерзко. — Вот ведь, да, беда какая?!

— Какая беда? Говори толком.

— Да я так, к слову, Никита Павлович. Извините.

Никита заледенел глазами.

— Я на тебя, Сема, сегодня второй раз натыкаюсь.

Это непорядок. От этого недолго сплевать.

Поганец смутился, плаксиво заныл:

— Что же делать, посудите сами, разве я виноват?

Исидор Гурович велят дежурить, вы говорите: не попадайся, — как мне быть? Не своим же умом живу.

— Прячься, — посоветовал Никита. — Как меня почуешь, прыгай в чулан и ни звука. Иначе свиньям скормлю.

С этими словами миновал остолбенелого сосуна, без стука вошел в кабинет. Самарин вел беседу с двумя джигитами, поил их вином за стойкой бара. Джигиты пожилые, грозные, в папахах. Одного Никита признал — Ваха из Махачкалы, маковая тропка.

— Ты чего, Никиток? — ласково окликнул босс. — Присоединяйся. Видишь, гости уважаемые.

Никита издавна презирал всех кавказцев вместе взятых, сколько их ни будь на свете, и неважно, из каких краев, и те всегда платили ему лютой, откровенной ненавистью.

— Ничего, мне не к спеху, — вот, значит, кому приготовил босс сауну и закуску.

Развернулся и вышел, не прощаясь. Он заглянул к Сидору без определенной цели. Потянуло — и все. Может, хотел хребтом проверить,

откуда подуло. В Сидоре никаких перемен — доступный, любезный, а в кармане шила не углядишь. Неужто пора, подумал Никита.

Смурной вернулся к себе в кабинет, в каморку под антресолями, и только вошел — телефон. Он удивился, услыша незнакомый мужской голос. По этому номеру могли звонить только свои.

— Никита Павлович?

— Допустим... Что надо?

— Мне ничего, может, думаю, вам чего понадобится?

Голос незнакомый, но задиристый.

— Ты кто? — спросил Архангельский. — Где телефон взял?

— Извините, не представился, — на том конце провода Никита Павлович явственно ощутил хамскую ухмылку. — Вам мое имя ничего не даст. Дело в другом. У меня есть товар, у вас деньги.

— Какой товар?

— Товар хороший, выдержанный. Надо бы повидаться.

У Никиты коренной зуб загудел, заныл, как всегда бывало, если дразнили издалека.

— Ты вот что, парень, — сказал проникновенно. — Загадки загадывай девочкам. Со мной шутить не стоит.

Тебя как зовут? , — Иваном кличут... Не сердись, Никита Павлович, конспирация превыше всего. Товар секретный, штучный. Вам понравится. Но дешево не отдам.

Архангельский опустил трубку на рычаг, с тоской подергал зуб. Может, вырвать? Чего так мучиться уж который год? Телефон заново заверещал.

— Послушай, Вань, — предупредил Никита. — Я ведь установлю, кто тебе дал номер и что ты за Ваня.

После этого сам знаешь, что произойдет.

— Мы понимаем, — уважительно отозвался оборзевший собеседник. — Но, в натуре, по телефону нельзя. Кто же нынче телефонам доверяет... Намекнуть могу.

Горьковскую пересылку не забыли?

У Никиты сердце бухнуло в ладонь. Вот оно! Что же это такое — беда за бедой, и все в одно место. По мозгам.

— Где? Когда? — с трудом выдохнул.

— Надо подумать, — солидно покашлял подонок. — Ваши повадки известные, а мне пожить охота. У меня, Никита Павлович, престарелые родители на иждивении и брат инвалид. Хотелось бы так встретиться, чтобы голова уцелела.

Никита сдерживался из последних сил.

— Твои предложения?

— Что если завтра в Александровском саду? Ты один, без охраны, и я один тоже подойду. Там народу днем полно, посидим на лавочке, никто не помешает.

Обзор хороший.

— Согласен. Во сколько?

— Часиков в двенадцать, вас устроит?

— Да, устроит. Сам подойдешь?

— Это как получится.

Никита скрипнул зубами.

— Что значит, как получится? В игрушки играешь?

— Я к тому, коли вы один явитесь, безусловно подойду. И кассету захвачу. А вы уж, пожалуйста, некую сумму прихватите. Скажем, тысчонок десять на всякий случай. Это дешево, поверьте... В другом месте за тот же товар...

— У тебя и кассета есть?

— А как же — и кассета, и фотки. Говорю же — хороший товар. В умелых руках ему цены нет.

У Никиты Павловича боль из коренного зуба перекинулась под ложечку, в башке поплыл какой-то подозрительный гул. Он уже и не помнил, когда над ним так издевались, как этот полоумный Ваня — или кто он там? По разговору — пенек, урка, но себе на уме, под умного косит. Скорее всего, каким-то боком связан с ментовкой. Это все, конечно, не имело никакого значения. Важно одно: вытащить говнюка из норы, поглядеть, какой у него материал — а там уж...

— Бабки будут, — буркнул он. — Но как я узнаю, что у тебя там на кассете?

— По фоткам поймете. Не сомневайтесь, останетесь довольны. Товар первый сорт. Только приходите один, Никита Павлович. Иначе сделка не состоится... У меня родители престарелые...

— Заткнись! — сорвался наконец Архангельский. — Завтра в двенадцать. Александровский сад... Гляди, Ваня, не обмани. Под землей достану.

Тот что-то загундел в свое оправдание, опять вроде про брата инвалида, Никита не стал слушать. Ушел со связи.

Сидел за столом, как в туманном облаке. Да, вот оно! Агатиная монетка, вчерашний дурной сон, Хорек попросился ни с того ни с его в отпуск, чечены в кабинете у Сидора — все вязалось в один узелок, хотя сразу не

поймешь, откуда угроза. Предчувствие — не более того. Теперь она сбылась. Никита Павлович всегда ждал, то прошлое поманит, оно никуда не делось, и готов был к встрече с ним.

Глава 4

ЛЮБОВЬ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Душевная апатия овладела майором. Такое бывало с ним прежде, но редко. Он засиделся в "Русском транзите", занимался не своим, чуждым делом, и постепенно начал чувствовать себя так, будто забыл умыться утром. Вдобавок запутался в отношениях с Лизой Корольковой.

После того, как провалила задание, она уже больше недели отсиживалась у него на главной (транзитной) квартире, вместе с двумя пострелятами — Наташей и Сенечкой. Сергей Петрович не знал, как с этим сообразоваться. Допустим, пострелят действительно некуда деть: сиротки, куда их ни сунь, везде будет нехорошо, опасно — маленькие, но свидетели. Это ладно, это одно.

Второе — с самой Лизаветой. С ней еще непонятнее. Она до того возгордилась учиненным в больнице самоуправством, что стала практически невменяемой. Почему-то решила, что своим диким, а в ее женском представлении героическим поступком дала урок и ему, майору, и всем остальным служакам, которые то ли по глупости, то ли от робости, но никак не противостоят наступающему со всех сторон бандиту. Втолковать ей что либо разумное было невозможно, она не внимала, но тут отчасти была вина и Сергея Петровича: в разговоре с ней он не находил прямых и честных слов, коими всегда добивался взаимопонимания у женщин. Его сбивало с толку серо-зеленое ровное свечение, исходившее из глаз молодой женщины, словно внутри у нее тлел хрупкий дождевой костерок. Многие озадачивало его в Лизавете, и костерок в том числе.

Однажды под покровом ночи к ним в гости пожаловал Олег Гурко, которому перед тем Сергей Петрович, смалодушничав, пожаловался, что у него нет управы на Лизу. Гурко покрутился по квартире, приласкал детишек, помог Лизе уложить их в кровати, потом они за полночь чаевничали на кухне, усидев бутылку коньяка, причем пил в основном один впавший в апатию майор. Ну и что? Сергей Петрович ждал, когда Гурко начнет увещевания и разъяснит возмнившей о себе девчужке, в чем она права, а в чем заблуждается, свято веря в дар убеждения, коим владел Олег, но не дождался. Очарованный светской болтовней проказницы (о, задурить голову она умела кому угодно), Гурко впал в ребячество, рассказывал анекдоты, вспоминал забавные случаи из своей жизни, и наконец они с Лизой завели спор о том, как бы вел себя Александр Пушкин, очутись он в

Москве в наше время. Слушая, как эта парочка всерьез обсуждает, кто страшнее для России — Наполеон, Гитлер или Чубайс, Сергей Петрович, естественно, налил коньяком до ушей. Покидая дом, Гурко, блудливо кося глазом, шепнул ему:

— Береги ее, старче, она хорошая, хорошая!

Майор не был силен в математике, но легко просчитал, что Лиза, скорее всего, собирается женить его на себе, а чтобы им не было скучно вдвоем, заранее пригрела под боком двух малюток. Он чувствовал, что еще немного, и ей не понадобится его ни в чем убеждать: он впишется в новую реальность, как погружаются в легкомысленный сон.

В постели она была так неутомима, изысканна и вездесуща, что вытеснила из него все воспоминания о прежних женщинах.

За завтраком (дети еще спали) Сергей Петрович, как бы отвечая сам себе, обратился к Лизе:

— Есть одна заминка, дорогая. Я ведь не уверен, что развелся.

Лиза сделала вид, что сообщение ее заинтересовало:

— Почему ты об этом вдруг вспомнил?

— Я же вижу, к чему ты клонишь.

— Сережа, я не собираюсь за тебя замуж.

— Вот как?

Глупый насупленный мальчик, с нежностью подумала Лиза. Подлила ему чаю. Она правда не собиралась за него замуж, хотя жизни без него не представляла.

Всю неделю была счастлива с ним. Но что-то в ней сломалось. Свадьба, подвенечное платье, здравицы за молодых, смотреть на "чайке" на поклон к вечному огню — бред какой-то. Это все из прежней жизни, которая канула, миновала навсегда.

Неделя вдвоем, после долгой разлуки, после "Тихого омута", — уже бесценный, незаслуженный дар судьбы.

— Почему не собираешься, — переспросил Сергей Петрович, не дождавшись ответа. — Староват, что ли, для тебя?

Ей не хотелось шутить на эту тему.

— Разве нам плохо так, как сейчас? Лишь бы подольше длилось. Чего еще желать.

Что-то его обожгло. Не смысл слов, их звучание — сокровенное, горькое.

— Нет.

— Что нет?

— Ты не права. Женщина не должна так думать.

— Ты о чем?

— Не тебе одной тяжело. Если хочешь, тебе вполнину так не тяжело, как мне. Гурко тяжело, генералу, всем, кто родился воином. Ты знаешь ли, что такое воин? Это защитник справедливости. Но сейчас разрушили извечный порядок жизни. Больше нет ни закона, ни справедливости. Волчья стая установила свои волчьи правила. Скажи, что делать воину? Теперь каждый из нас и закон, и высшая справедливость. Это слишком тяжелая ноша. Многие уже рухнули... Чтобы не сойти с ума, надо иметь что-то надежное, что не меняется ни при каких обстоятельствах. Ну, к примеру, женщину, семью, домашний очаг... И вдруг ты говоришь, не хочу замуж. А чего же ты хочешь? Еще одну больницу взорвать?

Он умолк, отпил чаю. Не решался поднять глаза.

Ему было стыдно, что так долго молот языком. Вроде не пил, а понесло. Наткнулся на зеленоватое свечение.

Лиза странно улыбалась.

— Сережа, знаешь, что ты сейчас сделал?

— Чаю попил?

— Признался мне в любви.

— Ну-у, — засомневался Сергей Петрович, — что же тут особенного...

Да и...

Договорить ему не дал телефонный звонок. Это был Гурко. Без обычных приветствий он сухо поинтересовался:

— Ты на работу?

— Можно и так сказать.

— Лиза где?

— Завтракает.

— Давайте оба ко мне. Времени в обрез, поторопись, пожалуйста.

— Двадцать восемь минут, — сказал майор.

— Жду.

Сергей Петрович повесил трубку.

— Собирайся, — сказал Лизе. — Поедем к Олегу.

Три минуты на сборы.

Лиза начала было прибирать со стола, но поглядела на Сергея Петровича, повернулась и пошла в спальню.

Уже в машине спросила:

— Что-то важное, да?

— Похоже.

— Дети проснутся, как же...

Майор по мобильному телефону связался с Тамарой Юрьевной, своим

задом по "Русскому транзиту", давней наперсницей многих тайн. Оторвал ее от заревого похмельного сна. Женщина пробурчала что-то неразборчивое, но узнав Сергея Петровича, произнесла четко:

— У кого совести нет, того и могила не исправит.

— Ты права, Томуша, но у меня к тебе ответственная просьба.

— Пришить кого-нибудь?

Остроумная от природы, с похмелья Тамара Юрьевна часто дерзила.

— Садись в машину — и ко мне. На квартиру, я имею в виду.

— У меня месячные, — гордо сообщила заместитель.

— Тома, сосредоточься, пожалуйста. Ключ не потеряла?

— Нет.

— Там два ангелочка, мальчик и девочка. Побудь с ними до моего возвращения.

— Ты что, совсем охренел, начальник?

— Тома, это очень важно. Это личное... Только приведи себя в порядок. Причешись немного. У детей хрупкая психика.

Ее брань он не дослушал, Лиза спросила:

— Она же старая, как тебе не стыдно?

— Чисто деловые отношения, — объяснил майор, Гурко был дома один, и вид у него такой, будто недавно вернулся с луны. Сергей Петрович знал, что означает эта отстраненность.

Пожали друг другу руки, Гурко по-братски чмокнул Лизу в щеку.

— Как себя чувствуешь?

— Спасибо, — сказала Лиза. — Чувствую себя хорошо.

— Отошла от потрясений?

— Даже не понимаю, о чем вы, Олег Андреевич.

Жену Олег отправил к ее матушке в деревню. Ему самому это было чудно. Ирина уехала вынашивать на природе будущего Гурко. Разумное решение: понятно, что беременность в Москве может закончиться рождением уродца.

Олег провел гостей в комнату, быстро растолковал ситуацию. Санкция генерала получена, тормозим главного зверюгу. Первый этап операции такой: Лиза снимает из Александровского сада одного человечка и доставляет на конспиративную квартиру. Задача майора — прикрытие. Этот человечек — палач, телохранитель Самарина — злобен, подозрителен, чрезвычайно опасен. Маньяк. В крови привык нежиться, как вот Лиза по утрам в ванне. При этих словах Лиза порозовела: откуда, интересно, Гурко знает о ее маленькой слабости — по часу, по два, сколько позволяло время, она не вылезала по утрам из ванной. Хотя сознавала, ту грязь, которая в ней

накопилась, водой уже не смоешь.

По договоренности, сказал Гурко, палач приедет один, но эту договоренность он, разумеется, нарушит.

Сверхзадача майора — отсечь хвост по дороге на конспиративную квартиру. Это трудно. Скорее всего, Архангельский повезет Лизу на своей машине, оборудованной средствами спецсвязи. Они обсудили еще некоторые детали. Гурко беспрестанно поглядывал на часы.

— Вроде все, — сказал он. — Квартира под присмотром. Дотянешь объект до подъезда — и смываешься.

Еще раз, кто ты?

— Шлюшка на побегушках, — потупилась Лиза.

— Правильно. Никакой клоунады, интеллект нулевой. Что у тебя с собой? В сумочке что?

— Пукалка, — сказала Лиза.

— Ну и хватит... Главное, работаем вместе — это же великое дело.

Около двенадцати Лиза уже прогуливалась по промозглым аллеям Александровского Сада — сто шагов туда, сто шагов обратно. Место святое. Сбоку древний Кремль тужился сбросить с себя невидимые оковы, и где-то совсем рядом, под ногами, под землей дышало, копошилось торговое чудище, воплощенная мечта демократической России, возможно, новое чудо света. В самом саду было морозно и скучно. Редкие гуляки, несколько переодетых в штатское ментов, полоумные стайки голубей — никакого промысла, так себе, один из невзрачных столичных тупиков.

Лиза была одета в вельветовые брюки и просторную кожаную куртку, подбитую мехом. На душе у нее было спокойно, с умилением она вспоминала утреннего озабоченного, хмурого, неожиданно красноречивого Сергея Петровича, собравшегося на ней жениться. Помимо воли покурачки улыбалась.

В начале первого нарисовался ее контрагент. Она увидела, как из подземного перехода выступил в сад высокий барин, облаченный в лисью шубу до пят, и оттого казавшийся неуклюжим и громадным — по описанию Гурко она его сразу узнала. Оглядевшись, барин закурил, поежился и неспешно зашагал в сторону мавзолея. Не прошел и двадцати метров, как Лиза его догнала, пристроилась рядом.

— Извините, пожалуйста, вы Никита Павлович?

Барин угрюмо на нее покосился — что, дескать, за козявка? — и, не ответив, продолжал мерное движение.

Лиза не отставала, молча семенила рядом, будто так и надо, будто и не надеялась на ответ. Когда дошли до ворот, Архангельский наконец

остановился.

— Тебе чего надо, девушка?

Темный, тяжелый взгляд заставил ее внутренне вздрогнуть. Перед ней стоял, конечно, заурядный человек, вззирающий на мир с абсолютным презрением.

— Я от Ивана, — пробормотала она. — Меня Иван послал.

— Почему сам не пришел?

— Наверное, боится. Точно не знаю. Он вообще редко выходит из дома.

— Почему?

— Ну ему же нельзя, вы же понимаете...

— Та-ак, — протянул Никита Павлович, — а ты, значит, смелая, тебе можно?

От черной улыбки, возникшей на его лице, Лизу натурально бросило в дрожь. Ей не пришлось притворяться.

— Да я что, кому я нужна...

— Кем ему приходишься?

— Как кем? Вроде сожительница... Ублажаю его.

Никита Павлович развернулся и побрел в обратную сторону. По пути аккуратно бросил сигарету в урну. Лиза опять потянулась сбоку. На аллее никого лишнего вроде не прибавилось.

— Чего велел передать? — промычал Никита себе под нос.

— Приказал отвезти на хату. Тут рядышком, на Красной Пресне.

У подземного перехода Никита Павлович словно наткнулся на стену, замер, нагнув башку в песцовом треухе, задышал с хрипом. Левую щеку у него схватил нервный тик.

— Он кто такой? Кем себя воображает?!

— Ваня мне платит, — Лиза ответно тряслась вся целиком, — я вот и бегаю. Поручения разные.

— Вы с кем затеяли ваньку валять? Вы хоть понимаете, сученята?

— Не моего ума дело. Мне сказано, я выполняю. Почему вы сердитесь?

— Я сержусь?.. Ишь ты! Не дай тебе Бог, девушка, оказаться рядом, когда рассержусь. А ну выкладывай, кто вы такие?

— Никита Павлович, я честная девушка. На что вы думаете, за мной не водится. Зарабатываю, как умею. Иван сказал, поехай, привези этого..., ну, вас, то есть, — тридцать баксов обещал.

— Тридцать баксов, говоришь? Круто. А вообще сколько он тебе платит?

Лиза потупилась.

— Смотри за что... Когда как... У него все по настроению.

— А если не привезешь меня?

Лиза испуганно вскинулась.

— Отметелиг, конечно... Он вроде сказал, вы заинтересованы...

Никита Павлович мягко взял ее под руку, повел вниз в переход. Кисть замкнуло, как в капкане. На пяточке возле Боровицких ворот, запрещенном для стоянки машин, одиноко красовалась ярко-красная "аудюха".

Никита впихнул Лизу в салон на заднее сидение, сам, кряхтя, опустился рядом. За баранкой — кривая какая-то рожа с большими ушами, как у резиновой куклы.

— Во, Петро, гляди, какую рыбину отловил. Счас потолкуем немного, потом тебе отдам. Хочешь такую?

Водила обернулся, хмыкнул:

— Спасибо, не нуждаюсь.

— Чего так? Погляди получше, погляди какие сиськи, — Никита Павлович распахнул на ней куртку, потискал груди, заодно прошелся ладонями по бокам. Но сумочку не тронул. Лиза жеманно попискивала.

— Ну что, девушка, запоешь? Или отвезти в другое место?

— О чем, Никита Павлович?

— Все о том же. Чем промышляете со своим Иванушкой-дурачком? Откуда взялись?

— Я-то приезжая, всего год в Москве. Хотела учиться поступить, какое уж теперь учение, сами знаете. Ванечка подобрал, и то спасибо. Хоть не бедствую. Но про его дела я ничегошеньки не ведаю. Будет он со мной делиться, как же! Ему проще меня пристукнуть. Он, когда напьется, очень злой бывает.

— Как тебя зовут?

— Лиза, — сказала она. — Лизавета Демьяновна.

— Значит так, Лиза. Поедем на Пресню, ладно. Но пойми одну вещь своим куриным умишкой. Если какую пакость придумали, жизнь твоя сегодня и оборвется. Но не сразу. Сдохнешь в ужасных мучениях. Будешь умолять, чтобы добились. Улавливаешь смысл моих справедливых слов?

У Лизы из глаз пролились два ручейка.

— Никогда пакостей никому не делала, — пролепетала сквозь всхлипы. — Не водится за мной такое. За Ивана я не ответчица. Он чего хочет учудить, мне не докладывает...

— На что намекаешь? Что он может учудить?

— Ох, он бывает такой шалун. Третьего дня обиделся, чего-то борщ

ему не понравился, так всю кастрюлю на меня и обрушил. Хорошо хоть не кипяток. А борщ нормальный, по матушкиному рецепту. И свеколка в нем, и чесночок, все, как надо...

Петя Хмырь за баранкой сдавленно хрюкнул.

— Поехали, — распорядился Никита.

* * *

...На улице Герцена, в узком месте, где ее из года в год ремонтировали, Сергей Петрович вырубил "хвост".

Действовал не мудрствуя, некогда мудрствовать. Он видел, как за красной "ауди", куда боров усадил Лизу, потянулся зеленый "опель" — пикап, набитый под завязку боевиками. На своей "шестерке" быстро его дожал, пристроился в затылок. Немного понаблюдал: ошибки нет, свита палача. Двигался пикап уверенно, отставая от хозяйской красной строго на три машины. Напротив продмага, где с одной стороны за деревянной оградкой рабочие в оранжевых куртках третий год долбили асфальт, а с другой проезжая полоса изгибалась верблюжьим горбом, Сергей Петрович аккуратно "подрезал" пикап и ткнулся носом в тротуар, заклинив дорогу.

Движок, естественно, заглох.

Включив аварийный сигнал, Сергей Петрович вылез из машины задумчивый. Уже к нему ринулись из попавшего в ловушку пикапа двое братанов, изрыгая несусветную брань. Оба искрились от праведного возмущения, но бить его сразу не стали.

— Убирай, падла, тачку, убирай немедленно! — услышал он наконец членораздельную речь.

— Она почему-то сломалась, — ответил Сергей Петрович беспомощно.

— Чини, сука, отодвигай! — завопили братаны в один голос. К ним на подмогу примчался третий братан, какого-то совсем уж звероподобного обличья.

Этот не стал разбираться, с разгону ткнул майору мослом в брюхо, тот еле успел сгруппироваться. Для видимости Сергей Петрович присел на корточки, жалобно прогудел:

— За что, братцы?! Я разве виноват?

Бандюга ринулся его добить, но товарищи удержали, ухватили с двух сторон за бока.

— погоди, Гарик. Пусть сперва тачку отодвинет.

На улице образовался солидный затор. Рабочие в оранжевых куртках побросали инструмент, воспользовавшись забавным происшествием для перекура.

Сергей Петрович не торопился вставать, но звероподобный братан, ухватя за ворот, рывком поднял его на ноги. Дыхнул перегаром.

— Две минуты даю! Или ляжешь под свою телегу.

Сергей Петрович сказал:

— Может быть, на руках перетащим? Вон туда, на тротуарчик. Для таких парней — это же раз плюнуть.

Братаны загалдели, обсуждая предложение. Звероподобный, могучим усилием переборов желание врезать Сергею Петровичу в ухо, первый нагнулся над бампером. Братаны помогали, а Сергей Петрович бежал вокруг и давал советы.

— Пожалуйста, поаккуратней, мужики. Второй день как из ремонта.

Вокруг собралось с десяток зевак, в основном, водилы из затора. Некоторые взялись за работу вместе с братанами. Общими усилиями "жигуленка" притиснула к деревянной оградке. Но пространство освободилось недостаточное для проезда.

— Надо все же на тротуар ставить, — глубокомысленно заметил Сергей Петрович. — Там попросторнее.

— Все, достал, — багровый от натуги горилла-братан распрямился. — Начинаю гаденьша мочить.

— погоди, — попросил майор. — Вдруг заведется.

Он сел в машину, включил зажигание, движок ровно запел, — и рванул с места на второй передаче.

Под зеленую улицу вырулил на Калининский проспект, свернул направо и дворами выскочил на Садовое кольцо.

Конечно, он отсек "хвост" ненадолго: у бычар радиосвязь с шефом, но все же это лучше, чем ничего.

Подъезжая к конспиративной квартире, издали заметил припаркованную красную "ауди", нырнул в соседний двор и удачно устроился между двух мусорных баков.

* * *

Лиза осталась в машине с Петей Хмырем. Никита Павлович велел:

— Пригляди за ней, Петро, чтобы не шебуршилась.

Такого поворота сюжета ни Гурко, ни она самане предусмотрели. Архангельский, уточнив квартиру, пошел в подъезд один. Лиза незаметно поторкалась в дверцу — пустой номер. Дверной пульт на передней панели, без водителя не выйдешь.

— Молодой человек, — обратилась к нему Лиза. — Позвольте закурить?

Петя Хмырь развернулся боком, близоруко щурясь.

Его давно не называли "молодым человеком", в этом обращении ему почудилась издевка.

— Может, тебе выпить дать? На халявку, а?

— У вас разве есть?

— У нас, девочка, все есть.

— Я выпила бы глоточек, — призналась Лиза, — Чего-то боязно.

— Раньше надо было бояться, — дал ей банку пива, любезно скovyрнув крышку. — На, освежись. Может, в последний разок.

— Почему? — ужаснулась Лиза.

Петя Хмырь к ней уже пригляделся, ничего телочка, в самом ажуре. Неплохо будет с ней оттянуться. Никита Павлович частенько подбрасывал ему красотулек, приготовленных на списание. Баловал преданного водилу. Петя это ценил, хотя до бабьего мяса был не слишком большой охотник. Но важен сам факт господского внимания.

— Как можно на папаню ногу задирать, — мягко пожурил.

— Да вы что, молодой человек! — Лиза чуть пивом не поперхнулась. — Ни на кого я не задирала. Я ведь посыльная. Просто адрес указала, — Папаня строгий, но справедливый, — утешил Хмырь. — Разберется, что за адрес... А ты ничего из себя. Небось, меньше стольника не берешь?

— Ошибаетесь, молодой человек. У меня парень есть. Я ему почти как жена... А что мне твой папаня теперь сделает?

— Как вести себя будешь. Могут тюкнуть, а могут помиловать. Учти, папаня к моему слову прислушивается. Как скажу, так и выйдет.

— Ой! — пискнула Лиза. — Писать хочу. Миленький, выпусти пописать! Ну пожалуйста!

— Может, сперва отсосешь?

Лиза нервно открыла сумочку, достала сигареты и заодно изящную "пукалку" пятимиллиметрового калибра. Сигарету сунула в рот, пушку наставила на Хмыря.

— Покажь-ка, — заинтересовался Хмырь. — Чье производство?

— Это не зажигалка, — сказала Лиза. — Похоже, да?

— А что же это?

— Открой дверцу, юноша.

Ухмыляясь, Хмырь потянул к ней руку. Лиза сдвинула предохранительную кнопку и спустила курок. Раскаленный кусочек свинца отрикошетил от пуленепробиваемого стекла, прожужжал по салону и обжег Петину холку. От изумления у него отвалилась челюсть.

— А-а? — протянул он, глядя затылок.

— Хрен на! — посочувствовала Лиза. — Следующая прямо в глаз.

Открывай!

Петя Хмырь прошел большую школу жизни и, хотя был человеком строптивым, давно разобрался, когда можно выкобениваться, а когда не нужно. Машинально щелкнул тумблером. Из дверцы с приятным шорохом выполз черный штырек. Лиза выскользнула из машины на проезжую часть. Увидела приближающегося Сергея Петровича. Она еще из салона заметила, как его "жигуленок" свернул во двор. Теперь он шел к ней навстречу спотыкающейся походкой, изображая забулдыгу. На глаза надвинута допотопная вельветовая кепка, где только ее взял. Рукой сделал незаметную отмашку, чтобы проходила мимо.

Сзади из "ауди" вывалился обескураженный Петя Хмырь, дурным голосом завопил:

— Стой, падла, хуже будет!

Старушка с болонкой испуганно юркнула за коммерческий ларек, Лиза не оглянулась. Ее стройная спина покачивалась перед Петей Хмырем, будто мираж. Тряхнув головой, он помчался за ней, но наткнулся на неожиданное препятствие в виде бредущего бомжа. Петя Хмырь хотел спихнуть его с тротуара, махнул рукой с зажатым в ней "Макаровым", но получил в ответ две чудовищные плюхи, сбившие его с ног. Падая, он выронил пистолет, чего впоследствии не простил себе до конца жизни (еще около трех месяцев). Сергей Петрович поднял пистолет и со словами: "Чего же ты толкаешься, сынок!" — обрушил рукоятку на Петин чугунный череп.

Бегом догнал Лизу.

— Поторопись, девушка, не на прогулке все же.

— Поспесишь — людей насмешишь, — ответила Лиза.

Из подъезда противоположного дома за происходящим с сочувствием наблюдали двое молодых оперативников.

— За такой девахой я бы тоже не отказался побегать, — с завистью сказал один.

— Прямо как в кино, — согласился второй, старший по званию.

* * *

...Беседа между Никитой Павловичем и Гурко тянулась уже с полчаса, но к согласию они пока не пришли.

Никита Павлович уяснил только одно: этот белобрысый, невесть откуда взявшийся ферт с ледяными веселыми глазами владеет его сокровенной тайной. Сомневаться не приходилось, гаденыш, называющий себя Иваном, предъявил три пожелтевших, будто из архива, снимка, на которых четверо дюжих мужиков в разных позах потушили молодого, беспомощного Никиту.

Снимков, в принципе, не должно было быть. В камере, где все это происходило, никто фотоаппаратом не щелкал. Вдобавок в роковую ночь стояла такая темень, как в проруби. Оправившись от потрясения, Никита Павлович спросил:

— Туфта, верно? Подделка, да?

Гурко смерил его недобрым взглядом.

— Какая разница? Снимки хорошего качества, и есть кассета. Вопрос в том, сколько ты готов заплатить.

Аванс принес?

— Какая кассета?

— Богатая кассета, не сомневайся. Показания этих гавриков, следственный эксперимент — и все прочее.

Но кассета не у меня.

— У кого же?

Гурко поудобнее откинулся в жестком кресле.

— Сперва аванс, потом толковище.

Никита туго соображал. Эту рвань, которая на снимках, на другой день раскидали по разным пристанищам. У него больше года ушло на то, чтобы до них добраться. Жалобу он не подавал, свидетелей не было. Это дело конченное. Но тогда что значит весь этот сон?

Гурко догадался о его мыслях.

— Не ломай голову, Никита. В органах это обычный номер. Вспомни, ты в тот год шибко чумился. Вот поставили на колышек. Чтобы чересчур не рыпался. Впоследствии ты этих бандюков разбомбил, за что тебе от ментов особая благодарность. Вас и стравливают, чтобы самим не возиться. Неужто не понимаешь? А говорили, законник.

— Ты сам кто?

— Дед Пихто. К нашей сделке это отношения не имеет. Бабки привез?

Никита Павлович глядел на него с жалостью: молодой, горячий, наглый, а жить осталось с гулькин нос.

И все же какие-то концы не вязались. Белобрысый ферт не так прост, как прикидывается. Во всяком случае, прежде чем замахиваться на такую добычу, этот малый, конечно, сведения о нем собрал, о Никите. На что же он тогда надеется, затевая глупейший торг?

— Проясни, — сказал Никита, — за что я должен платить? За эти фотки? Зачем они мне? Тебе интересно, ты и покупай. Меня это не касается.

— И за фотки, — Гурко начал загибать пальцы, — и за кассету. А главное, за информацию.

— За какую информацию?

— За полную, господин телохранитель. Об том человеке, который из тебя кусок дерьма лепит.

Под слоем дубленой кожи Никита Павлович побледнел до синевы. Он ух не помнил, когда в последний раз кто-либо посмел так с ним разговаривать. Но точно знал, того человека давно на свете нет. От решительного действия его останавливало смутное подозрение, что несмотря на бычью силу и ярость, ему не справиться с наглецом в одиночку. И второе — рано.

Пусть все допоеет, что знает.

— Говори, — выдохнул с натугой.

— Сперва бабки, потом толковище, — укоризненно повторил Гурко.

— Сколько?

— Десять штук, как условились.

— Не помню, чтобы уславливались... Да ладно, принеси чего-нибудь выпить. В глотке пересохло.

— Это мигом.

Гурко сбегал на кухню и вернулся с бутылкой водки и чашками. Также прихватил тарелочку с нарезанным соленым огурцом. На столе перед Архангельским уже лежала пухлая пачка стодолларовых банкнот.

— Не трогай, — предупредил Никита Павлович. — Сначала хочу товар пощупать. Вдруг тухлый, как эти фотки?

— Не-е, — обиженно протянул Гурко, разлил водку. — Так не пойдет. Это же аванс. За все махом с тебя причитается полтинник.

Никита Павлович выцедил чашку единым духом.

Хрустнул огурцом. Прикрыл глаза, наслаждаясь водочным жаром, расслабился немного. Спешить теперь некуда, приехали.

По всему выходило, скользкий Иван каким-то боком все же причастен к ментовке, иначе откуда у него материалы, да и держался он с глупой заносчивостью, которая отличает милиционеров и фраеров; но с другой стороны, когда происходили события, запечатленные на снимках, он еще пешком под стол ходил. Значит, что же? Значит, кто-то за ним стоит покрупнее, постарше. Кому-то ведь понадобилось вытащить гнилое белье на белый свет. Впрочем, догадаться кому — нетрудно. Врагов у Никиты Павловича нету, если появляются на горизонте, то быстро исчезают, зато есть человек, которому он служит и о ком знает больше, чем тому хотелось бы. Есть только двое, кто согласится выложить деньги за это старье — он сам и Самарин, больше некому. Но коли так...

— Значит, пашешь на дяденьку Сидора? — уточнил без особого

интереса. Белобрысый Иван жуликовато дернулся, отвел бесстыжие зенки. Заторопился, налил по второй. Но не ответил.

— Мало что пашешь, — благодушно продолжал Никита Павлович, — так еще меня решил заодно постричь.

Так? Нацелился с двух кувшинов сливки снять? Это ничего, это бывает. Одного не пойму, как у тебя духу на такое хватило. Ты хоть представляешь, на кого залупился?

Гурко опрокинул стопу, не закусывая, закурил. Вид у него был бесшабашный.

— Допустим, угадал, — кивнул уважительно. — Но почему залупился? На кого? Обыкновенный бизнес, процент с оборота. Все так делают. Что касася угрозы...

Риск, конечно, есть, а где его нету? Но я подстраховался, не беспокойся. Может, уцелею.

— За кордон, что ли, рванешь? С полтинником?

— Пусть это останется тайной следствия, — глубокомысленно изрек Гурко.

— Бери, — Никита Павлович указал на деньги. — Бери аванс, тешся. Выкладывай информацию.

То ли после водки, то ли от того, что история прояснилась, Никита Павлович почувствовал странную симпатию к ушлomu постреленку. Вот они слабые, неразумные дети больной страны. Все-то их тянет на халявку. Их уж раздели догола, а им все кажется, что пируют.

В прежние времена, в лагерях и на воле обитали люди покруче — Смага, Слепой, Иваненко, Петряк — всех не пересчитаешь. Богатыри — не чета нынешним. Тоже своего не упускали, но не теряли меру. А эти... Измельчал народец на Руси, совершенно измельчал. Потому и владеет им нынче иноземец...

Он слушал Гурко вполуха. И так все более-менее ясно. Ну да, Самарин через своих выкормышей заполучил из органов досье на начальника охраны, то есть на него, на Никиту. Цену ему старый пенек, конечно, сразу понял. А уж как радовался, как глумился — можно только представить. Еще бы, неодолимый Никита, бугор всем буграм, от которого трепет вокруг, как от Божьей грозы, на самом деле — опущенный тихарек, и место ему не там, где парят орлы, а внизу у парашаи. Как еще со смеху родимчик не хватил старичка. Но теперь он спокоен. Теперь Никита навеки у него в горсти, как птенчик с отломанным клювиком.

Никита мечтательно улыбался, в мертвый оскал превратилось его темное лицо, и Гурко прервал рассказ.

— Тебе не худо ли, Никита Павлович, — посочувствовал с гаденькой ухмылкой. — Прими еще беленькой. Чистая, со слезой. Кореш прямо с конвейера доставляет.

Никита не погнушался, выпил. Опять захрустел огурчиком. Надо было продолжить допрос, но клонило в дрему. Видения прежних лет кружили голову. Давно, кажется, не вспоминал, нахлынуло, как дождь с неба.

Случаи разные, лица, кликухи, бараки.., все нечетко, в обрывках, как в дурном сне. Горой над прошлым вздымалась та ночь, переломившая его судьбу. Лютое унижение, невыносимая обида указали путь возмездия, а позже открылось ему, кем родился на свет: не червяком двуногим, бичом Господним. Великий Саламат утвердил его в этом, помог укрепиться в вере. Только вера, учил он, возвышает человека над судьбой, не дает превратиться в скотину. Только вера, не деньги. Во что вера, спрашивал молодой, несмышленный, озлобленный Никита, в Иисуса, что ли, Христа? Или в начальника лагеря? Неважно, разъяснял Саламат. Неважно в кого, важно — зачем. Только вера помогает человеку понять свое предназначение, которое не в том, чтобы жрать, пить и совокупляться. Вера и предназначение — это духовные категории, они дают человеку крылья для полета. "А мое предназначение в чем?" — поинтересовался Никита. — "Твое, — ответил ему Саламат, — в том, чтобы карать. Такие люди, как ты, являются на землю редко, но всегда вовремя. Они приходят, когда в человеческом стаде накапливается избыток непотребства, и оно нуждается в повальной дезинфекции". — "Разве мало других убийц, кроме меня?" — спросил Никита. — "Убийц много, — согласился Саламат, — но такой, как ты, один. Разница в том, что от тебя нельзя спастись".

Саламата Никита Павлович тоже, разумеется, замочил, но с сожалением, как очевидца позора, не как врага. Дал ему яду в вине.

— На полтинник ты зря пасть разинул, — сказал он Гурко. — Полтинник тебе никто не даст. Червонец могу добавить, если перестанешь горбатого лепить. Плюс поживешь еще чуток. Не так уж плохо, а, Вань?

— Смотря для кого.

— Объясни, как вышел на Сидора? Ты ведь против него слишком мал. Вошик — не больше.

— Не могу сказать.

— Теперь кассета. Где она?

— Кассета против следующей проплаты.

— Не смейся, парень. Сам же сказал, что кассета у Сидора. Выходит, ты к нему сходишь, заберешь кассету и передашь мне? Или у тебя их несколько?

— Будут доказательства, что одна. Мы по-честному играем.
— Как же ты ее получишь?
— Важен факт, да? Кассета у вас, остальное — мои проблемы. Но — против денег.

Смазливый, шустрый, хамоватый, подумал Никита Павлович. Таких девки любят. Если Агата в доле, тогда все сходится. Удобно — всю кучку одним разом скрыть.

— Сроки?
— Через три дня. Отдельно сообщу.
— Родители у тебя есть, Вань?
Гурко усмехнулся.
— У кого их нет. Чай, не от дерева уродился. Но тебе их не достать.
— Неужто померли?
— Считаю, что так.
— Чин у тебя какой? До старлея хоть дослужился?
— Умный Вы человек, Никита Павлович, даже слишком. А со мной, сколь ни тыкай, все пальцем в небо.

— Почему так?
— Из разных мы поколений.
— Что ж, понимаю... — Никита плеснул себе в чашку. Пора двигать, но что-то его держало.

— А эта, которую за мной посылал, кем тебе приходится?
— Потаскуха, — сказал Гурко. — Честная давалка.
Приглянулась, а?
— Пожалуй, побудет пока у меня. До выяснения всех обстоятельств.
— За сколько?
— Что за сколько?
— Сколько дашь за нее? Учти, девка вышколенная, справная. И для удовольствия, и так. Всему обучена...

Пару тысконок, не много будет?
— Нравишься ты мне, — неожиданно признался Никита Павлович. — Вижу, пустой, ломаный, а нравишься. Лихо на проволоке танцуешь. Убивать-то доводилось?

— Где уж нам.
— Если все сполнишь, как сулишь, возьму тебя в штат. Со временем, даст Бог, человеком станешь. Пойдешь ко мне служить?
— Зависит от суммы вознаграждения, — застеснялся Гурко.

Глава 5

АККОРД В СТИЛЕ РЕТРО

Во субботу, по обряду — светлая банька. Омовение тела и души. Почти священнодействие. К банному процессу старик относился очень серьезно, это свидетельствовало о том, что богатый Запад с его иллюзорными соблазнами не переломил натуру, и он остался желудевым руссиянином, как и господин Президент. В бане с ним нередко происходили чудеса. Лет тридцать назад в бане (не в этой, конечно, с пластиковыми стенами, а в Тамбовском центре) он впервые изведal клиническую смерть, и в такой же точно парилке, пусть победнее, зато пожарче, ему однажды открылась ошеломительная истина: весь подлунный мир с его четырьмя миллиардами говорящих обезьянок — не более чем галактическая погремушка, выброшенная в космос неизвестно для какой цели. И кем — тоже неведомо. Наверное, тем, для кого мириады небесных планет все равно что надувные разноцветные шарики для земного дитяти. Масштаб разный, суть едина — череда бессмысленных превращений, тишина и взрыв в одном флаконе.

Кругляшок Земли так же легко уместить в кармане, как проткнуть иглой резиновый пузырь. Судьба улыбнулась ему, открыв чудесное знание.

Клиническая смерть в тамбовской парилке (по медицинской практике случай редчайший) произошла с ним не от сердечного спазма, и не по какой-либо другой пустяковой причине, а оттого, что верный товарищ, побратим и кунак, некто Савва Горбыль обрушил ему на затылок медную шайку, обидевшись на какую-то ерунду. Савве Горбылю, впоследствии искренне раскаявшемуся в нелепом поступке, старик был благодарен до сих пор. Та область, куда он погрузился после смерти, вовсе не напоминала описанный американцем Моуди длинный тоннель, коридор с яркой точкой в конце — надо понимать, сияющей дверцей в потусторонний мир. Ничего подобного. Он очутился в гнилом болоте, прыгал с кочки на кочку, а из тины, из-под зеленой ряски выныривали гнусные чудища с фарфоровыми челюстями и электрическими фонариками вместо глаз. Он пробыл там недолго, но едва уцелел. Зато прознал, что смерть ничем не лучше жизни, и в царстве мертвых так же скучно, как на собрании одураченных пайщиков "МММ". И там, и здесь — единственной реальностью можно считать лишь унылый писк неостерегшихся жертв и удовлетворенное утробное похрюкивание победителей. Все остальное — мираж. За последние годы

вся Россия сравнялась с тем давним, послесмертным видением. С той лишь разницей, что по кочкам теперь прыгали другие, а он лениво подплывал из тины, угадывая, кем посытнее закусить.

В баню он взял с собой Агату, чтобы сделала массаж.

Также за ним увязался Иудушка Шерстобитов, который привык, что хозяин на полке добрее, и надеялся выторговать у него какую-то льготу. Когда Иудушка застенчиво растелешился, старик от отвращения срыгнул.

Ткнул пальцем в раздутое пузо Иуды.

— Ты в кого превратился, засранец? Ведь я велел тебе бегать по утрам... Посчитай, скоко мне лет, и скоко тебе — и сравни... Что скажешь, Агата?

Агата помяла его упругий животик, восхищенно поцокала языком:

— Как арбузяка! — потянулась к Шерстобитову, но тот жеманно отшатнулся:

— Меня не трогай, пожалуйста. Не люблю я этого.

— Герасим Юдович, — удивилась девушка, — вы меня за кого-то не за того принимаете. Я здесь не для озорства. Исидор Гурович пригласили меня в качестве врача и массажистки.

Ее пышное тело действительно плотно облегал белоснежный накрахмаленный медицинский халат, волосы аккуратно подобраны под скромную голубую шапочку.

— Все равно не надо, — сказал Шерстобитов. — Знаю, как ты щиплешься. От прошлого раза синяки не сошли.

— Это потому, что у вас кожа дряблая. Вы же никогда не слушаетесь. Думаете, самый умный.

— Охлони, коза, — благодушно остановил ее Самарин. — Видишь, Иудушка тебя страшится.

Агата обиженно заморгала огромными невинными глазищами.

От греха Шерстобитов утянулся в парилку, Исидор Гурович отправился за ним, наказав девушке заварить чаю с травками. В парилке — чисто, сухо, блаженно. Карельская береза, мореный дуб, булыжная каменка — и ничего лишнего. По первому заходу веников не брали, привыкали к неге. Шерстобитов развалился на скамье, растекся жирными телесами от края до края. В принципе баня была ему не показана, вредна — повышенное давление, сосуды ни к черту, — но он не мог отказать себе в этом маленьком удовольствии.

Ради чего? Осталось так мало желаний, грех поступаться хотя бы одним из них — даже из соображений долгожительства. Баня заменяла многое из того, что он утратил, поднимаясь со ступеньки на ступеньку к

вершинам богатства и власти...

Исидор Гурович привалился спиной к теплому дереву, подогнув худые коленки к груди.

— Ну? — рассеянно взглянул на соратника. — О чем сегодня будешь нудить?

— Ни о чем, Сидор. Ей-Богу, ни о чем. Все хорошо, нормально. Все под контролем... Пожалуй, только политика. Надвигаются некие события, готовы ли мы к ним?

— Имеешь в виду Бориску?

— Его держат на препаратах. За бугром пока никак не подберут замену. Но скovyрнуть могут в любой момент. Не прозевать бы.

Это было что-то новенькое. Шерстобитов занимался текущими проблемами, следил, как добросовестный каменщик, чтобы в фундаменте возводимого здания не осыпался ни один кирпичик, не перекосились опорные скрепы, и никогда не лез в генеральную стратегию. Да у него и времени на это не оставалось.

— Чего это ты вдруг? — с любопытством спросил Самарин. — Сон худой приснился?

— Может и сон, — Шерстобитов красной пятерней размазал по груди жирный пот. — Старею, наверное. Не всем же, Сидор, две жизни отпущены. Смерти боюсь. Ну не смерти, это, конечно, пустое. Трудов наших жалко.

Как представлю, что явится этакий кудрявый субчик на готовенькое, аж дух захватывает. Погляди, Сидор, сколько их развелось, молодых, шустрых, азартных, голодных. Разве за всеми уследишь.

— Понимаю, — Исидор Гурович кивнул, круче подтянул к груди коленки, будто озяб. — Хорошо, что об этом заговорил. Хорошо, что размышляешь. Мы частенько за деревьями леса не видим... Но причин для беспокойства нет. Ни малейших. Своего мы давно раскрутили, его рожа с экрана не слезает. Денег не жалко, из говна свернули конфетку. Народ его полюбил, принял.

Какого рожна еще надо? Гонимый, с русской мордой, полудикий, голос, как иерихонская труба, вдобавок генеральские эполеты — Спаситель и есть. Фитиль промаслен, осталось спичку поднести. Насчет момента ты прав. Момент надо выбрать точно, по-Ленински. Или по-Ельцински. Как тебе приятнее. Прозевать нельзя.

— Если рыжий силовиков поменяет, что станем делать?

Самарин снисходительно усмехнулся: умен Иудушка, хваток, но все по-мелкому, по-коммерчески. Тоже хорошо. Больше с него и не требуется.

— Отстал ты немного, брат Му-Му, выбился из колеи. Кто теперь силовик, кто бытовик — уже неважно.

Армии нет, и милиции нет. Лубянки тоже нет. Остались толпы вооруженных мужиков в форме. Они страшны только самим себе. Их даже чеченец не боится, смеется над ними. Но переворот действительно будет силовой, со всеми атрибутами. Для этого понадобится сотня опытных, решительных профессионалов. Они у нас есть. Не волнуйся, Иудушка, я слежу по часам за каждой уходящей минутой. Кстати, хочешь Агатушку попользовать?

Переход был резкий, но в разговорах с хозяином Шерстобитов давно к такому привык.

— Уволь, Сидор. Ты же знаешь, я не по этой части.

— Разве?.. А вообще она тебе как?

— Нестандартная, штучная, — осторожно ответил Шерстобитов. — Но ведь опасна. Полный зоб яда. Удержу не знает. По-хорошему таких бы надо давить в материнской утробе.

Самарин слез со скамьи, зачерпнул серебряным туюском из бочки водицы с плавающими поверху розовыми лепестками, плеснул на каменку. Пыхнул, взвился в воздух густой травяной аромат. Старик легко вспрыгнул обратно на скамью. Откуда это? — в который раз позавидовал Шерстобитов. — За семьдесят мужику, а кожа гладкая, как у пацана, нигде ничего не висит.

Дал же Господь вечной молодости пауку.

— Давить, говоришь? — вернулся к теме Иссидор Гурович. — За что же. Иудушка? За то, что необузданная? Что утроба ненасытная? Дак это пламя жизни в ней горит.. Беспокоит меня твое настроение. Рановато ты отказался от усад. Без женской ласки мужчина хиреет. Как же я могу на тебя надеяться в важных делах, коли ты бабу не способен уестествить. Мужик без кола, что корова без вымени. Это же такая отдушина.

Шерстобитов слушал назидание, покорно склоняясь.

Ни одной бани не обходилось без того, чтобы владыка не заводил речь о женщинах и не подчеркнул свое превосходство. Иногда начинал делиться своими подвигами с такими гнусными подробностями, что у брезгливого Герасима Юдовича нутро переворачивало. Он сочувствовал хозяину. Великий человек, гений, а тоже не без слабостей. Послушать со стороны, дороже всего ему, когда палка стоит.

— Да я сызмалу небольшой охотник до ихнего пола, — пробурчал мрачно.

— Сызмалу?!

— Как на Руси говорят: мы не бабники, мы алкоголики.

— Одно другому не помеха. Выходит, ты сильно закладывал?

— Бывало дело, — повинился Шерстобитов.

— Никогда не поверю... Зачем врешь благодетелю, нехорошо. Я что придумал, Иудушка. Агата, которую ты недолюбливаешь, хоть мертвого поставит в раскоряку.

Давай прямо сейчас опробуем?

Легка на помине, в парилку сунулась Агата.

— Мальчики, вы тут не упрели? Чай готов.

Мальчики, послушные зову, потянулись к двери.

В комнате отдыха, уставленной изысканной мягкой мебелью швейцарской фирмы "Корум", укутались в прохладные, ароматизированные махровые халаты, уселись за стол, ломившийся от закусок, фруктов, всевозможных соков, мучных лакомств, конфет — единственное, чего здесь не было, так это спиртного. За многое презирал Иссидор Гурович "новых русских", в частности и за то, что те переняли все самое худшее у партийных бонз, и баню обязательно сопровождали возлияниями и пьяным куражом. Причем их фантазии не шли дальше того, чтобы обвешаться в парилке платиновыми "ролексами" или обклеить мокрых потаскушек долларовыми ассигнациями. Верхом банного шика считалось — набуровить в бассейн шампанского и выкупать в нем своих девок. Шерстобитов, распластав на дольки сочное авокадо, неспешно пережевывал ломтик за ломтиком, стараясь не поднимать глаз на Агату. Пока они принимали первый пар, девушка переделалась. Вместо медицинского халата облачилась в розовую рубашку с кружевным жабо и в черную курточку с широкими, элегантными лацканами. На шее — строгая черная бабочка. Ни дать ни взять вышколенная официантка из шикарного ресторана, но сходство относительное, — ниже талии Агата была голая. Как ни прятал глаза Шерстобитов, озорница поворачивалась так, что ее светло-желтый пушистый лобок нависал ему на нос. Шерстобитов чувствовал, что его банные мучения только начинаются. Ждать пришлось недолго.

Иссидор Гурович, отхлебнув янтарного чая из блюдца, обратился к девушке — проникновенной речью:

— У меня к тебе, деточка, большая человеческая просьба. Надеюсь, не откажешь.

— Слушаю, папочка!

— У нашего уважаемого друга Иудушки случилось небольшое повреждение по мужественной части. Мы оба с ним очень обеспокоены. По

деликатности природы к врачам обращаться он не хочет. Вся надежда только на тебя. Так тоже жить нельзя. Погляди, на кого он стал похож. Молодой, шестидесятилетний, а как замороженный куренок. По ночам не спит, мается. Советоваться ни с кем не хочет, уж больно горд. Понимаешь, на что намекаю, Агатушка?

— Уж не знаю, — засомневалась девушка, опустясь на краешек кресла и широко разведя ноги. — Попробовать, конечно, можно, дело святое, но ведь при такой запущенности, как у господина Шерстобитова, требуется взаимное волевое усилие. Согласен ли он на эксперимент?

— Он согласен, согласен, только не признается.

— Я ваши глупости вообще не слушаю, — отозвался Герасим Юдович.

— Видишь, согласен. Он же у нас, как большой ребенок. И хочется, и страшновато... Как думаешь, Агатушка, где лучше его распластать — здесь или в массажной?

— Начать в массажной, — без тени улыбки молвила Агата. — Там оборудование. А дальше как пойдет. В таких случаях трудно угадать заранее. Может, по всему дому за ним придется гоняться. Некоторые люди не понимают своего счастья, уваливают.

— Абсолютно ты права, — обрадовался Самарин. — Именно, не понимает. Но ничего, в крайнем разе свяжем счастливого. Слышь, Иудушка, щеки-то не надувай. Мы ведь о тебе печемся. Нам-то с Агатой ничего не нужно. У нас все в порядке.

Агата ненатурально хихикнула.

— Да уж, дяденька Сидор. У вас-то да!

— Может, мы с тобой начнем, Агатушка, для раскочки? Чтобы его, горемыку, психологически зацепило.

— Ну уж нет, — твердо возразила Агата. — Лечение с баловством смешивать никак нельзя.

Весь этот бред Шерстобитов слушал спокойно: надеялся, за разговором они остынут и дальше намерений не пойдут. Спасение явилось в лице Никиты Архангельского. Начальник безопасности имел право входить без разрешения в любое помещение, где находился хозяин, что он сейчас и сделал. Надо заметить. Шерстобитов впервые обрадовался этому замогильному человеку. Никита Павлович прикрыл за собой дверь и топтался у порога, хмуро изучая обстановку.

— Никитушка, — позвал Иссидор Гурович, — тебя-то нам как раз и не хватало. Ты нас и рассудишь... Налей ему чаю, Агата. Ты какой любишь, Никита, покрепче, послаще — я чего-то забыл?

Никита Павлович уселся напротив хозяина. На нем был толстый

шерстяной свитер с высокой горловиной и шелковые штаны, какие носят "быки", — довольно легкомысленный наряд для солидного человека. Штаны ядовито-жемчужного цвета. Агата, зарумянясь, подала ему фарфоровую чашку.

— Вопрос серьезный, — продолжал Самарин, переждав суету. — Можно сказать, судьбоносный. Хотим вылечить нашего многоуважаемого Иудушку от импотенции. По его собственной просьбе, обрати внимание.

Хотим из него мужика сделать наивысшей пробы. Агатушка любезно согласилась помочь. Но тут выходит заковыка. Иудушка хотя и тянется к радостям жизни, но немного тушует. Надобно ему подмогнуть и советом, и делом. Ты как, Никитушка?

— Если надо, подмотаем, — Никита Павлович не притронулся ни к чаю, ни к угощению. Его темное лицо не выражало ни волнения, ни радости.

— У меня тоже просьбишка, хозяин.

Самарин заулыбался, откинулся на диванный валик.

— Неужто тоже хочешь подлечиться?.. Но токо во вторую очередь, не обессудь. Стрелку Иудушка забил. Да и Агатушка на него душевно настроилась.

— Верни кассету, Сидор!

— Какую кассету, сынок?

Никита Павлович полез в карман шелковых штанов, глубокий, как колодец, вынул пачку "Кента", щелкнул зажигалкой, затянулся; дым, не бережась, пустил Самарину в лицо. То, что он перешел вдруг на "ты" и закурил без разрешения, убедило Иссидора Гуровича, что верный телохранитель, по всей видимости, окончательно спятил. К этому давно было много признаков, и вот свершилось — что поделаешь!

— У тебя головка не болит, Никитушка? — озаботился Самарин, не дождавшись объяснения, о какой кассете речь. Агата, почуя неладное, чресла целомудренно закутала полотенцем. Шерстобитов отодвинулся от стола, стараясь уменьшиться в размерах.

— Верни кассету и разойдемся миром, — пробасил Никита Павлович. Самарин привычным жестом поправил черные слипшиеся кудельки на черепе, улыбка сползла с его лица. Взгляд налился тусклым, мертвым светом. Двумя пальцами поднял с тарелки черную виноградину, положил себе в рот. Он уже оценил происходящее. Кто-то сумел науськать на него собственного палача. В сущности, это было нетрудно, но додуматься до этого мог только сильный, умный противник. Интересно, кто? Впрочем, что-то подобное рано или поздно должно было случиться. Таких людей,

как Никита, свирепых, с помраченным сознанием, нельзя держать при себе долго. Они не приручаются. Собственно, тем и привлекательны. Киборги, биороботы, произведенные не в лаборатории, а натуральным способом. Пока они управляемы, их услугам цены нет, но сбой в больных мозгах может произойти в любую минуту. Исидор Гурович вынужден был признаться себе, что, вероятно, упустил момент, не слил вовремя израсходованный материал. Оплошность объяснялась просто: его завораживала черная сила, которой обладал Никита. Точно так же, как будоражила кровь ненасытная, грубая, неистовая похоть Агаты. Что ж, у каждого свои слабости, теперь надо как-то выпутываться. Аккуратно, не возбуждая подозрений. Самарин не сомневался, что справится. Проблема лишь в том, чтобы вовремя кликнуть своих людей (не опричников Никиты), или добраться до ящичка в предбаннике, где в кожаном чехле хранился надежный "стечкин" с полным боекомплектом.

— Никитушка, голубчик, конечно, я верну тебе кассету. Но почему такая спешка? Никто ведь нас не подгоняет. Попаримся, Иудушку подлечим. А там уж...

— Чего меня лечить? — Шерстобитов угадал замысел владыки. — Я здоровый.

— Вот и докажешь. Ты как, Агатушка? Гляди, Никитушка, сомлела девушка. Напугал ты ее, голубчик.

Не жмись, детонька. Никитушка только с виду неприступный, сердце у него мягонькое, доброе, как у козленочка.

Никита Павлович не поддался на хозяйские увертки.

— Где ее прячешь, Сидор? В кабинете, небось?

— Где же еще? Все кассеты там. Выберешь любую.

Никита Павлович, не обращая внимания на толстопузого хозяйского холуя и на растелешенную наводчицу Агату, неотрывно зрел в тусклые очи Самарина.

— Как тебе это в голову пришло, Сидор? Или я плохо служил?

— Не совсем пойму, о чем ты, голубчик. Как же плохо? Отлично служишь. Сегодня хотел тебе премию выдать, как раз после баньки собирался наградить за твои невероятные подвиги.

Ему не терпелось выяснить, что за кассета померещилась чудовищу, но спрашивать напрямую глупо.

Можно еще пуще разозлить.

— Не верти хвостом, Сидор. Поздно... Ну что, шибко радовался, когда кассету глядел?

— Да нет, не шибко. Чего там особенно радоваться.

Кассета как кассета.

Он с трудом сдерживался. Первые минуты было забавно, теперь стало грустно. Как же так. Ему, великому стратегу, ответчику за всю Россию, приходится откалывать коленца перед умственным недомерком.

Перед собственным рабом. От печени к глазам поднялся тугой жар. В трудной, долгой жизни ему много приходилось маневрировать, прикидываться овечкой и волком, судя по обстоятельствам, но всему есть предел. Он не в тех годах, чтобы ломать петрушку, смиряя гордыню. Пусть это игра, пусть забава, но роль клоуна не для него. В груди закололо. Чтобы поглубже вдохнуть, он выпрямился.

— Ишь как тебя корежит, — усмехнулся Никита. — В каком она сейфе? Который справа, что ли?

— Неужто сам за ней пойдешь?

— Придется. Ты уж, видно, свое отходил.

— Ты о чем, Никитушка? Никак угрожаешь?

И началось кино. Шерстобитов, уловивший, к чему клонится разговор, успел натянуть на себя брюки и поднялся на ноги с явным намерением улизнуть.

— Ты куда? — холодно поинтересовался Никита Павлович.

— Отлить надо. Пузырь прихватило.

— Не надо. На том свете отольешь. Потерпи немного.

Он достал из кармана костяной милицейский свисток и дунул в него. На переливчатый сигнал отозвался, возник в комнате как Конек-Горбунок, главный подручный Никиты — Гиля Станиславович Хорьков. Его пустое, как тарелка, лицо, радостно светилось, одет он был в холщовый передник, в руках держал топор в брезентовом чехле. Из чехла наполовину, как меч из ножен, высывалась длинная полированная рукоять.

Одновременно Иссидор Гурович с мальчишеской грацией сорвался с дивана и устремился в предбанник к заветному ящичку. Никому в голову не пришло его остановить.

— Эй, — лишь шумнул вдогонку Никита Павлович, — не споткнись, Сидор!

Самарин быстро вернулся и начал палить из "стечкина" прямо от притолки. Он успел выпустить шесть пуль, и результаты оказались впечатляющими. Когда-то он был хорошим стрелком, его натаскивал отменный мастер-особист, но сейчас, то ли от волнения, то ли с отвычки, пули пошли причудливой россыпью. Первая вонзилась в шею Шерстобитова и разворотила ее, словно фугасом. В разные стороны рассыпались клочья кожи, пена и кровь, а сам Герасим Юдович, жалобно

скуля, повалился на пировальный стол. Вторая пуля разнесла вдребезги мраморную фигурку купидона, стоящую на шкафу. Две других впились рядышком в плечо Никиты Павловича.

— Надо же, — пробормотал он озадаченно. — Меткий какой чудило!

Две последних пули отправились за молоком, никому не причинив вреда. На этом стрельба закончилась, потому что Хорек, подскочив сборку, выбил из старческой руки пистолет. Вдобавок хряснул Самарина по уху, и тот осел на пол, скрипнув коленями, как протезами.

— Не балуй, барин, — пожурил Хорек. — С пистолетиком разве можно баловать.

Подошел Никита Павлович, морщась от боли, поглаживая, баюкая левое плечо.

— Ну что, оприходуем батюшку? — спросил Хорек, и глаза его жарко полыхнули.

— Волоки в массажную, — распорядился Никита Павлович. — Там удобней.

Агата, воспользовавшись суматохой, кинулась к двери, открыла, нарвалась на чей-то кулак и долетела обратно аж до дивана. Шерстобитов все еще дергался в конвульсиях, пытался зажать дыру в горле, откуда истончившейся струйкой вытекали остатки жизни.

— Помогите, пожалуйста, — прошелестел неразборчиво.

— Заткнись, дурак! Не до тебя сейчас, — Агата брезгливо отодвинулась.

Иссидора Гуровича разложили на массажной кушетке, Никита Павлович уселся ему на живот, а под голову Хорек подставил табуретку. Придирчиво оглядел приготовленного для казни клиента. Засомневался:

— Чего-то не так, Никита Павлович. Смаку не будет.

Может, сбегать за чурбачком?

— Некогда. Приладься как-нибудь.

— Не осрамиться бы.

Самарин изловчился и чуть не впился зубами в ляжку Хорька. Тот со смехом отпрянул.

— Юркий папаня. А с виду дохляк.

— На его месте и ты станешь юрким.

— Давай поговорим, — попросил Иссидор Гурович, целя раскаленным взглядом в переносицу Никиты.

— Об чем говорить?

— Ты же не будешь в самом деле меня убивать. Говори, чего тебе надо?

— Мне ничего не надо, — спокойно ответил Никита Павлович. — Все, что надо, у меня есть. Потому и совесть не мучит. Тебе, Сидор, хочу сказать напоследок.

Сам себя ты перехитрил.

— Да чем перехитрил-то, чем?

— А тем! Всех людишек за дерьмо держал, за вошиков, и тут ошибся. У некоторых самолюбие есть. Их обижать нельзя понапрасну.

Самарин уже понял, что все серьезно, и вряд ли ему удастся уцелеть, бес сорвался с цепи, но страха не испытывал, одно глубокое удивление. Как неожиданно и странно обрывался путь.

— Это ты, что ли, человек, Никитушка? Или вот этот недоумок?

— Допустим, что и так.

— Не смейся старика, — выговорил с натугой. — Может, где и остались люди, но это не вы. Вы с Хорьком просто грязи комок. Прореха человеческая.

Но это неважно. Я-то вас таких и люблю. Из грязи нового человека можно вылепить. Жаль, коли не успею, не погляжу, какой он будет. Слышь, Никитушка, скажи, чем тебя задобрить? Хочешь много денег? Или еще чего?

Никита не ответил, потому что от кровавого головокружения, от пылкой боли в плече на секунду выпал из сознания. Зато отозвался Хорек, который к тому моменту подогнал к табуретке пластиковый тазик.

Надулся, как бычок, укорил:

— Зачем лаешься, папаня? Какая же мы с Палычем грязь? Нам твои деньги тьфу насрать. Ради идеи стараемся.

— Ради чего?!

— Мы санитары общественного прогресса. Всю гниль выскребаем, где достанем. А ты говоришь — деньги. Нехорошо, папаня.

Очухавшийся Никита Павлович солидно добавил:

— Работа трудная, но кому-то надо ее делать.

Услыша такое, Самарин окончательно утвердился: выжить не удастся. С маньяками не договоришься. Но все-таки попробовал еще разок.

— По миллиону каждому на рыло, — сказал твердо. — Отпусти, Никитушка. Я ведь не хотел тебя обидеть. Не ведаю, чем и задел.

— Ага, обидеть не хотел, а плечо продырявил. И компромат накопал.

— Так это же в горячке, не по злобе. Слезь, по-хорошему обсудим. Миллион, Никитушка! Это же сколько деньжищ, представляешь?!

Подавал голос Хорек:

— Новый инструмент не худо бы купить, Никита Павлович. Да и

форменку вы обещали.

— Давай! — приказал Никита. — Приступай! Он со своим змеиным языком любого заговорит.

Хорька не надо было просить дважды, топор давно приготовлен к работе, но на сей раз коронный удар получился кривым. Говорящая голова Исидора Гуровича не отделилась от туловища, нелепо зависла на табурете, кровь брызнула Никите в лоб. Никита Павлович утерся рукавом, бросил презрительно:

— Халтуришь, морда хорьковая!

Самарин, совершенно живой, ухитрился развернуться на подрубленных позвонках, как на подшипниках, страшно скалясь, прогудел:

— Все прощу, сынки! По два лимона каждому. Искушаетесь в зелени.

Никита Павлович, давя массой голое, худенькое, пульсирующее стариково тельце, ответил:

— Забыл, где живешь, Сидор. Против топора зелень не играет. Говорю же, сам себя перехитрил.

Вторым ударом Гиля Хорек подтвердил свое высокое мастерство рубильщика. На алой струе голова владыки спрыгнула в тазик. Но и оттуда пыталась торговаться, хотя слова трудно было разобрать. Зато туловище выпростало растопыренную пятерню, и Никита Павлович догадался, хозяин поднял цену своей жизни до пяти миллионов. С брюзжанием Никита слез с массажного столика. Вся левая сторона, от шеи до пупка, горела адским пламенем.

— Как бы не пришлось в больницу ехать, — пожаловался Хорьку. Но тот, видно, плохо понял, потому что был еще под впечатлением своей неудачи.

— Без чурбака толком не приладишься, — стыдливо оправдался. — У табуретки центр неустойчивый. Я предупреждал.

От двери донеслось робкое покашливание. Агата примостилась у стены, закутанная в простыню. Она сейчас была похожа на монашку, вышедшую к людям с печальной вестью. Руки сложила на животе, волосы стянула темной косынкой. Она все видела, зрелище ее возбудило.

— Тебе чего? — спросил Никита Павлович.

— Да так зашла.., узнать...

— Чего узнать?

— Меня тоже, наверное, обкорнаете?

Гиля Хорек, не выпуская из рук топор, направился к ней с какими-то неясными намерениями.

— Стой, — остановил его Никита.

— Чего в самом деле, — удивился Хорек. — Оприходуем до кучи. Такая же тварь, как и все. Заодно потренируюсь. Думаю, ежели табуретку развернуть боком...

Агата покосилась на тазик с головой старого любовника. Надо же как бывает, мышь гору валит.

— Я готова, — сказала она.

— И не боишься? — спросил Никита.

— Чего бояться. Смерть — высшее проявление любви. Погуляла — и хватит. Чем я лучше других. Твой Хорек прав.

— Ишь как запела, — усмехнулся Никита Павлович в бесстыжие, полные затаенного ужаса глаза. — Тебе бы токо Золушку в театре играть. Поживешь пока, не трясись.

— За что такая милость?

— За монетку твою... Хорошая цена, а?

— Монетка дороже, — сказала Агата.

ЭПИЛОГ

— Власть в стране захватили простейшие, — объяснил Гурко. — Этакие человекообразные эмбрионы.

Это уже случалось в истории, и не раз. Все псевдодемократические режимы таковы. Ничего удивительного или страшного. Как сон разума порождает чудовищ, так любая нация, истощив свои силы, погружается в темные периоды бытования. Как бы засыпает целиком — на огромных территориях. И вот из тьмы выходят на свет человекоподобные существа и провозглашают единственно доступный им принцип бытия — хватать и иметь. Мы с вами, друзья, как раз угадали в такую историческую прогалину. С чем вас и поздравляю.

— Люблю Олега, когда он пьян, — благодушно заметил Сергей Петрович. — Ничего не поймешь, но видно, что очень умный.

— А я понимаю, — застенчиво пискнула Лиза.

Втроем они с комфортом расположились в оранжевой гостиной на квартире у майора (бывшие апартаменты Подгребельского, бывшего директора "Русского транзита"). На столе красное вино, водка, закуски, в камине потрескивают полешки, из-под плешивых штор стекают на пушистый ковер призрачно-чернильные тени. В стереоколонках приглушенная музыка Брамса. Лепота. Гурко приехал прямо из Конторы и привез благодарность от генерала за удачно проведенную операцию, а также просьбу забыть о ней как можно скорее.

В сущности, обмывали лейтенантские звездочки Лизы Корольковой.

— Рано тебе понимать, — одернул суженую Сергей Петрович. — Какие существа? Какие прогалины? Воры они и есть воры — во все времена. Сейчас они в законе, в этом весь фокус... С Самариным, признаю, ты ловко устроил. Вор вора угробил — это славно. Большая экономия сил и средств.

Он уже начал привыкать к тому, что ревнует Лизу Королькову, а также к тому, что иногда испытывает перед ней робость, неведомую ему доселе, поэтому держался покровительственно, чтобы никто не заметил, какая на душе у него смута. Чем глубже он погружался в мир Лизиных ощущений, тем яснее понимал: она для него непостижима, и такой пребудет навеки.

Непостижимая жена — это что-то чересчур пряное для его природы. А что поделаешь? Надо ехать, коли запрягся.

— — Олег Андреевич, — Лиза смотрела на Гурко так, как смотрит

первая ученица в классе на обожаемого учителя. — Вы сказали — человекообразные существа.

Но если они одолели, то как же с ними управиться?

— Очень просто, — Олег подмигнул майору и добавил в Лизин бокал вина. — Очень просто, девушка.

Проблема в том, чтобы их точно классифицировать.

Определить, к какой группе приматов они относятся.

— И вы определили?

— Безусловно. Наши подопечные, которых остроумно прозвали "новыми русскими", относятся к племени бандерлогов. Царствовали в каменном веке. Отличительные признаки — стайность, одержимость, жестокость, крошечные мозги, маниакальное стремление тащить все в берлогу.

— И что дальше?

— В формулировке проблемы заключается ее решение. Во-первых, бандерлоги, как подвид, недолговечны, рано или поздно они взаимоистребляются. Десять лет для них уже слишком большой срок. И второе, главное: они легко поддаются гипнозу, как массовому, так и индивидуальному. Власть бандерлогов продлится ровно до тех пор, пока кто-то не отберет у них игрушку, называемую телевидением.

— Допустим, — согласился майор. — Но телевизор они не отдадут. Добровольно не отдадут.

В эту минуту позвонили в дверь. Друзья переглянулись.

— Ты кого-нибудь ждешь? — спросил Гурко.

— Не думаю, — загадочно ответил Сергей Петрович, поддавшись философскому настроению друга. Пошел открывать. Неожиданный вечерний звонок в городе, превращенном в огромный притон, всегда волнителен. Дверь, разумеется, снабжена современными запорами, но "глазок" обыкновенный, панорамный. Майор заглянул в него и увидел переминающегося с ноги на ногу мальчугана лет двенадцати, в джинсовой куртке и меховой кепке, низко опущенной на лоб. Больше на лестничной площадке никого.

Сергей Петрович распахнул дверь. У мальчика светлое лицо, веселые глаза.

— Тебе чего?

— Записку просили передать, — протянул на ладони компактно сложенный листок из школьной тетради.

— От кого записка?

— Не знаю. Там все сказано.

— Кем сказано?

Но мальчуган развернулся и, миновав лифт, с шумом покатился по лестнице. Сергей Петрович защелкнул пару замков, навесил цепочку и, недоумевающая, вернулся в гостиную.

Записку Лиза прочитала вслух. Там было сказано следующее: "Дорогой Сережа. Я опять в Москве проездом. Живу в гостинице "Россия". Номер пятьдесят шестой. О плохом не думай. Я тебя уважаю. Есть хорошее предложение на 200 тысяч баксов. Хочешь, обсудим.

Каха".

— Каха Эквадор? — уточнил Гурко.

— Он самый.

— Знаменитый абрек, — пояснил Гурко девушке. — Киллер. Защитник демократии и шарриата. За ним как минимум сто покойников. Лет десять объявлен в розыск, еще раньше Радуева. Видишь, какие у Сережи солидные друзья. Бизнесмен!.. Сережа, а почему записка?

Почему просто не позвонить? Или у вас с ним так заведено?

— Наверное, намекнул, что знает квартиру. У него контракт на меня еще с лета. Аванс он уже получил.

— Излагает складно, — сказал Гурко. — "В Москве проездом... О плохом не думай"... Сразу видно, что образованный человек.

— Это не записка, — поддержала Лиза. — Прямо целый роман. Сереженька, и ты к нему пойдешь?

Майор взглянул на нее покровительственно.

— Ты даешь, лейтенант! Как же иначе? Двести тысяч на дороге не валяются.

Лиза покосилась на Гурко. Тот скорчил сочувственную гримасу: дескать, ничего не поделаешь. Большому кораблю большое плавание. Девушка перевела взгляд на майора, который важно кивнул, как император с трона. Лиза хихикнула. Сергей Петрович ответил снисходительной улыбкой. Гурко неожиданно тоже прыснул, будто косточкой подавился. Внезапно всех троих обуял приступ неудержимого смеха, налетел, как ком с горы. Их трясло, словно в падучей. Качалась хрустальная люстра. Летела посуда со стола. У Лизы из глаз потекли ручьи. Гурко опустился на ковер и скорчился, обхватив колени руками. Майора, дольше всех сопротивлявшегося смеховой истерике, скрючило над столом в дугу. Он руками судорожно загребал воздух, будто пытался вынырнуть из океана. Это было как освобождение, как бегство из тяжкого плена, Увы, все кончается когда-нибудь, и смех, и слезы, и любовь, и война, и разруха. Наконец наступила тишина.

— Еще по маленькой, ребята? — робко предложил с пола Гурко.

— Почему бы и нет, — с достоинством отозвался майор.

Содержание

Анатолий АФАНАСЬЕВ МОНСТР СДОХ

Часть первая

Глава 1 КАХА ЭКВАДОР — СНАЙПЕР ВЕКА

Глава 2 ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ В КАБИНЕТЕ ГЕНЕРАЛА САМУИЛОВА

Глава 3 ПРЕУСПЕВАЮЩИЙ БАРИН

Глава 4 НУЛЕВОЙ ЦИКЛ

Глава 5 ГУРКО В ЗАМЕШАТЕЛЬСТВЕ

Глава 6 СИПЛОЕ ДЫХАНИЕ МОНСТРА

Глава 7 В КЛИНИКЕ ПОЮРОВСКОГО

Глава 8 СМЕРТЬ БИЗНЕСМЕНА

Глава 9 БОГИНЯ СПЕЦНАЗА

Глава 10 НАЧАЛО ОХОТЫ

Глава 11 БАНКИР СЕРДИТСЯ

Часть вторая

Глава 1 ЖИВОЕ ДЫХАНИЕ ЛЮБВИ

Глава 2 ШАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

Глава 3 АГАТА ЛЮБИТ, КАК УМЕЕТ

Глава 4 В МОРГЕ КАК В РАЙСКОМ САДУ

Глава 5 МОНСТР СЕРДИТСЯ

Часть третья

Глава 1 ОДНИМ МАНЬЯКОМ МЕНЬШЕ

Глава 2 ОБСТАНОВКА НАКАЛИЛАСЬ

Глава 3 НИКИТА АРХАНГЕЛЬСКИЙ — БИЧ БОЖИЙ

Глава 4 ЛЮБОВЬ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Глава 5 АККОРД В СТИЛЕ РЕТРО

ЭПИЛОГ